Мариам Ибрагимова

ДИАЛОГ

с тайным советником Сталина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В годы репрессий лучшие люди страны, отстаивая правду, честь, человеческое достоинство, гибли в застенках ГУЛАГа. Мариам полемизирует с автором нашумевшей книги о Сталине В. Устиновым. В книге использованы редкие фотодокументы. Многие фото публикуются впервые.

- Мариам Ибрагимова
  -
  - От автора
  - В роли советника, военспеца и учителя
  - Тёмное прошлое Сталина
  - Приход Антихриста
  - У кремлёвской «кормушки»
  - Партийный делёж
  - Смерть в потайных хоромах
  - Триумвират закавказских разбойников
  - И суд, и помилование — всё в руках Сталина
  - Роковой выстрел
  - Убийство Кирова — очередной спектакль
  - Не оставлять в живых даже свергнутого соперника
  - «Спустить вино в Неву иначе пропьют революцию!»
  - Быть покорным тем, кто сильнее
  - Палач утолил жажду мщения
  - Революция пожирает своих детей
  - Шарлатан Сосо правит Россией
  - Спецпоезд международного класса
  - Ценил его ум, но… расстрелял
  - «От сталинизма мы не лечим»
  - Как Гитлер обошёл Сталина
  - Сталин разглядывал своих жертв сквозь прищур глаз
  - Война не кончается, когда армии расходятся по домам
  - «Революцию в белых перчатках не делают — только террором»
  - «Головная боль» Сталина — евреи
  - Кардиналы коммунистического папы
  - Миром должен править разум
  - Иллюстрации
- notes
  - 1

Мариам Ибрагимова
Диалог с тайным советником Сталина

Казалось, мчусь я, оседлав коня,
За правду в бой с бумажною рапирой,
А ложь стреляла пулями в меня…

Мариам Ибрагимова

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 7

Авторский проект Рустама ИБРАГИМОВА

Мы не должны забыть все ужасы сталинизма, связанные с концлагерями и уничтожением миллионов своих соотечественников.

…Репрессии крушили людей, не разбирая национальностей, убеждений, религий.

Их жертвами становились целые сословия у нас в стране. Среди них казачество и священники, простые крестьяне, профессора и офицеры, учителя и рабочие.

Логика была одна — посеять страх, пробудить в человеке самые низменные инстинкты, натравить людей друг на друга, заставить слепо и бездумно повиноваться.

…Этим преступлениям не может быть никаких оправданий.

В нашей стране дана ясная политическая, правовая, нравственная оценка злодеяниям тоталитарного режима. И такая оценка не подлежит никаким ревизиям.

…Перед этими могилами, перед людьми, которые приходят сюда почтить память своих близких, было бы лицемерно сказать: «Давайте всё забудем».

В. Путин

От автора

В журнале «Огонёк» вышел в свет роман Владимира Успенского «Тайный советник вождя». Повествование ведётся от лица Николая Алексеевича Лукашова — вымышленного имени реального человека, приближённого Сталина.

Позволю себе не согласиться с точкой зрения автора и привести факты, опровергающие мысли, высказанные в тексте.

Буду писать, несмотря на угрозы старого юриста из Харькова Ивана Шаховского, бросившего всенародно грозное предупреждение: «Пусть попробует написать что-либо ещё на товарища Сталина» — и подавшего в суд на писателя Алеся Адамовича за то, что тот осмелился сказать правду о Сталине.

Я же буду писать то, что знаю, в чём убеждена, невзирая на жалкие потуги преподавательницы химии Нины Андреевой из Петербурга, пытающейся действовать то ли по убеждению, то ли по настоянию авторитетных лиц, оставшихся не у дел, страдающих ностальгией по временам минувшим, которые никак не хотят осознать и смириться с фактом, что сталинизм — пройденный этап XX века. Колесо истории никто не в силах повернуть вспять!

Неподкупный суд потомков ещё не окончен.

В роли советника, военспеца и учителя

Итак, Николай Алексеевич, вы были на Царицынском фронте рядом с Ворошиловым и Сталиным.

Вы, конечно же, объясняли Сталину, что боевые действия на фронте ведутся «полупартизанскими способами на самой примитивной основе» и что сведения о противнике скудны потому, что нет организованной разведки.

Первые успехи вы считали временными, ибо командование не

имело плана действий с конкретной целью на тот случай, что противник мог собраться с силами и нанести удар.

Сталин согласился с вами и предложил принять участие в организации штаба новой армии.

Таким образом, в сентябре 1918 года из разрозненных частей и соединений была создана 10-я армия. Ею стал командовать Ворошилов. Вы благополучно устроились в доме, где располагался штаб и проживал Ворошилов с женой.

Любопытный факт — в середине августа передовые части белых прорвались к Волге и начали выходить на подступы к городу И вдруг во всех штабах, дислоцированных в Царицыне, вспыхнули аресты бывших офицеров царской службы, перешедших на сторону красных, прибывших на фронт по направлению Троцкого.

Кто же приказал делать это, если они были устроены в штабах с ведома и по распоряжению центра?

На основании чего их обвинили в саботаже и принадлежности к контрреволюционной организации?

Какие чекисты могли решать судьбы штабистов в условиях фронта?

Кто распорядился потопить баржу, превращённую в тюрьму для обвиняемых?

Не от центра же это шло, если вскоре из Москвы последовала телеграмма с требованием немедленно освободить арестованных.

Кем и почему в сумятице боёв большинство из этих офицеров были уничтожены?

Вопросы, вопросы…

Их-то как раз вы, господин советник, и обходите, хотя походя и замечаете: «Готовился ли в Царицыне мятеж бывших офицеров? А может, это самый первый из тех многочисленных «заговоров», которые потом многократно виделись Сталину в течение всей его жизни, а то и специально фабриковались в угоду ему услужливыми приспешниками».

Не кривите душой, господин Лукашов, вы были самым близким к нему человеком, и никто лучше вас на эти вопросы ответить не мог.

Тем более что там же, в Царицыне, вы познакомились с обвинительными заключениями и убедились, что дела были состряпаны задним числом, обвинения наивны и бездоказательны. Бумаги эти впоследствии уничтожил второй после вас советник Сталина — ординарец Власик.

А ваши «акции» росли. Вот вы пишете: «Последнее время повелось так, что я не только знакомился со всеми важнейшими документами, но и находился при Сталине на всех совещаниях, встречах, касающихся военных дел. Было очевидно, что он приобщает меня к своим заботам, и такое доверие было небезразлично мне».

Это значит, что вы были довольны и рады служить тому, кто с первых дней прихода даже к небольшой власти позволял себе без суда и следствия, по нелепому, бездоказательному подозрению расстреливать военспецов, перешедших на сторону бывших противников ради любви к родине, отданной на растерзание отечественным и иностранным авантюристам от политики всех мастей, в том числе и вашему покровителю.

В ходе изложения своих воспоминаний вы, где-то преувеличивая достоинство и роль Сталина на Царицынском фронте, в то же время подчёркиваете его полное невежество как члена Реввоенсовета фронта. Невольно задумываешься, что бы он делал там, не имей рядом вас, советника-военспеца и учителя. Согласно вашему утверждению, Сталин «…на всю жизнь усвоил тогда одно из правил военного искусства, понял, как важно сосредоточить на решающем участке силы и средства, чтобы нанести противнику неожиданный, массированный удар».

Эта усвоенная вами во время учёбы в Академии Генерального штаба премудрость тактики была известна полководцу Древнего Карфагена — Ганнибалу.

Если вы хорошо знакомы с военной историей древних времён, вы должны знать, что во время Второй Пунической войны (218 год до нашей эры) Ганнибал перешёл Альпы и нанёс римлянам сокрушительное поражение при Каннах.

Каким образом? Римский полководец сосредоточил в центре строя все силы и средства, чтобы нанести карфагенянам массированный удар.

Ганнибал в ходе сражения попятился назад, давая возможность противнику, прорвав оборону, углубиться в свои тылы. А затем неожиданно для увлёкшихся «успехом» римлян обошёл противника с флангов, взял в клещи и разбил наголову. Кстати сказать, этот тактический приём прекрасно использовало командование вооруженных сил фашистской Германии по всей линии наших западных и юго-западных границ в начале войны.

Бедой наших малограмотных, свежеиспечённых красных командиров было невежество, незнание военной науки и пренебрежительное отношение к военной истории, в особенности древней.

А знатоки военного искусства, сражавшиеся на стороне мятежных сил националистов и в рядах Белой добровольческой армии в горах Кавказа, одним эскадроном уничтожили — и почти без потерь! — целый полк пехоты, устроив «скифский мешок» в горном ущелье Араканы в Дагестане в 1920 году.

Повторяю — этот блестящий тактический манёвр был придуман ещё древними скифами, перекочевавшими с берегов Ледовитого океана к берегам Каспия, в горы Кавказа и на побережье Чёрного моря в I веке нашей эры.

И можно себе представить, какие победы принесли бы большевикам такие герои Гражданской войны, как луганский слесарь Ворошилов с членом Реввоенсовета фронта Сталиным, если бы на сторону красных не перешли прославленные полководцы — Брусилов, Тухачевский, Егоров, Уборевич, Якир, Блюхер, Гамарник, многие другие.

Начало октября 1918 года… Сталина вызвали в Москву. И, словно воспользовавшись его отсутствием, белые начали второе наступление на Царицын. Под их натиском оборонительная линия прогнулась в сторону железнодорожной станции Воропоново.

«Слава богу, пишете вы, — к тому времени вернулся Сталин и оборона обрела надёжное руководство». Не покидая своего вагона, он «координировал действия военных сил, решая вопросы снабжения, резервов». А что делало командование, если комиссар, не разбиравшийся в военном деле, координировал их действия?

В те напряжённые дни Сталин, обратившись к вам, сказал: «Сейчас отправляем на Воропоново броне-летучку. Поезжайте, выясните, что с Ворошиловым. Разберитесь в обстановке и сообщите свои предложения».

Вы ответили: «Будет выполнено» — и поехали. Разыскивая штабной вагон Ворошилова, вы обратили внимание на беспорядочную пальбу заглушаемую сильной артиллерийской канонадой. Горели хутора, а на самой станции ни одного разрыва. Вы пришли к выводу, что белоказаки, зная, что здесь скопились эшелоны, хотят взять их целыми. А потому, отвлекая внимание красных, бьют по фронту, намереваясь нанести удар с флангов.

Вы отыскали штабной вагон. На ваш вопрос, как он оценивает положение, Ворошилов ответил: «Очень трудно, долго не устоим»…

Вы посоветовали создать на дорогах заслоны, чтобы останавливать дезертирующих новобранцев из крестьянских парней и возвращать их на передовую. «У них одна думка: не помереть ни за белых, ни за красных».

В это время на станции раздались крики: «Казаки! Тикайте!» Начался хаос, люди на станции стали метаться, лезть под вагоны, выли бабы, слышался плач детей. Ворошилов, схватившись за кобуру, выбежал из вагона, вы за ним.

На станции паника. Бойцы станционной охраны, когда затрещали близко выстрелы, бросив винтовки, разбежались. Вы, схватив валявшуюся винтовку, побежали в сторону неглубоких окопов, где сидели молодые испуганные красноармейцы.

— Лежать! Огонь по моей команде! — воскликнули вы.

Рядом с «максимом» упал молодой парнишка в кубанке и никак не мог заправить трясущимися руками ленту. Вы оттолкнули его, вставили ленту и огляделись.

В вашу сторону наступала пехота. Конные казаки неслись лавиной левее по пологому склону. Короче говоря, пулемёт застрочил и те, кто бежал в центре цепи, вырываясь вперёд, полегли, не успев осознать опасность.

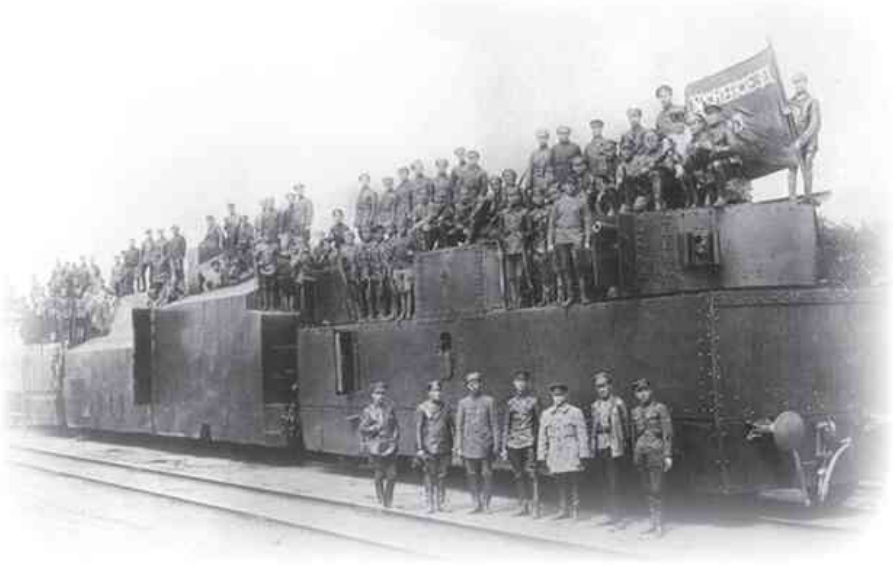
Вы засмеялись: «Это была отличная очередь. Ведь стрелял не какой-то фабричный вахлак, только что надевший шинель, а кадровый военный. Даже унтеры, прослужившие при пулемётах два-три года, не могли похвалиться, что сразили одной очередью полдюжины наступающих».

Вы встали и зашагали к станции, где смолк бабий визг и прекратилась бессмысленная суета.

Так произошёл второй перелом под Царицыном, надолго остудивший наступательный пыл белых. Я рада, что вы не кланялись пулям. Вы рисковали жизнью, а на войне вообще без риска не обойдёшься.

К концу 1918 года с наступлением холодов и появлением Красной армии в казачьих станицах на берегах Дона начал устанавливаться мир и утверждаться советская власть.

И здесь судьба свела вас с председателем Реввоенсовета республики Троцким.



«Он прибыл в поезде из специально оборудованных бронированных вагонов — поезд был настолько тяжёл, что его тянули два паровоза.

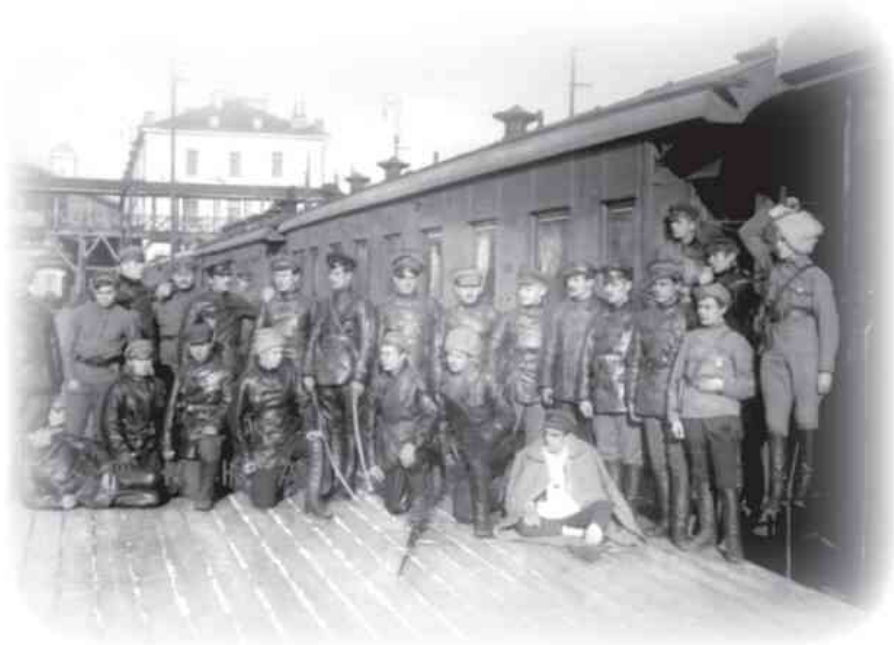
Пожалуй, это был целый город на колёсах с «населением» в 235 человек, со всевозможными удобствами, даже с горячей ванной. О благополучии путников заботились два десятка проводников, дюжина слесарей и электромонтёров. О здоровье — четыре медика. О питании — десять работников кухни, занимавшей целый вагон. Там хозяйничали три повара, причём один был грузин, другой армянин, а третий специалист по европейским блюдам — на все вкусы.

Имелась телеграфная станция и радиостанция, способная принимать передачи с Эйфелевой башни — Троцкий желал знать, что происходило в мире. Был вагон-гараж с автомобилями и цистерна с бензином. Ну и так далее…

Запомнилась Лариса Рейснер, преданно делившая с высшим военным руководством «тяготы» походной жизни (уж не это ли послужило причиной того, что В.И. Ленин охарактеризовал 17 июня 1919 года положение в Ставке Троцкого точным словом — «вертеп»)».

Охрана поезда состояла из специально подобранных людей, преданных Троцкому, в основном латышей и евреев.

«Девяносто человек в кожаных брюках и куртках, на левом рукаве у каждого металлический знак, отлитый по спецзаказу на Монетном двое с надписью: «Поедоеввоенсовета Л. Тоонкий».



Лев Давидович гордился своей «кожаной сотней», дал охранникам полную свободу действий: «во имя революции» они позволяли себе всё, что хотели…

Наглые молодчики обшарили царицынские склады, загружая в вагоны всё лучшее, от продуктов до мебели. Туда же перекочевали различные ценности, реквизированные у богачей.

Делалось это безо всякой отчётности, и никто не знает, в чьих карманах осело золото и бриллианты, чьим семьям надолго обеспечили безбедное (мягко говоря) существование. Хватали всё

по принципу: после нас хоть потоп!..

«На красноармейцев, шеренгами вытянувшихся вдоль перрона для встречи, Троцкий не обращал никакого внимания, не останавливался перед ними, не здоровался. Просто не замечал их, и я сказал бы, что такого не позволял себе даже царь: мне доводилось бывать на смотрах… Занимаясь войной, он очень далёк от неё, от наших мук, наших болей, вызванных взаимным кровопролитием».

И далее: «…услышал фразу, выражавшую его кредо: «Конечная цель — ничто, движение — всё!»

Сама по себе, на мой взгляд, концепция эта бесспорна. Всё движется, борется, развивается. Остановка — смерть. Но громогласно проповедовать эту истину в тогдашней обстановке было бессмысленно и даже вредно».

Я добавлю: Лев Давидович Троцкий — истеричный горлопан, позёр и демагог, обуреваемый безумными идеями, пожалуй, был одним из самых активных участников Октябрьского переворота.

Как видим, разъезжал в спецпоезде, доставшемся ему от бывшего правителя империи, распоряжался и диктовал командующим фронтами, кому, где и как действовать.

Кроме того, в одном из вагонов его шикарного поезда была оборудована типография, в которой печатались постановления, приказы, решения, агитлистовки и даже жалкая газетёнка «В пути». Вся печатная продукция рассылалась в штабы фронтов и армейским структурам для сведения, ознакомления и исполнения.

Вас, товарищ Лукашов, очень покоробила статья в одном из

номеров этой газеты, подписанная Троцким, — «Восстание в тылу».

В ней говорилось, что «восстание на Дону надо прижечь калёным железом», дальше следовало требование — «безжалостно уничтожать не только мятежников, но и жителей казачьих хуторов и станиц».

Троцкий писал: «Каины должны быть истреблены, никакой пощады!» Вы стали свидетелем оскорблений, унижений казаков. Казакам спарывали лампасы с шаровар, провоцировали на скандалы, противодействия.

Свирепствующие в станицах и хуторах эмиссары Троцкого упраздняли само слово «станица».

Более того, вы были потрясены, узнав, что по предложению и настоянию Троцкого ЦК РКП (б) принял резолюцию о полном уничтожении донского казачества, подписанную Янкелем Мовшовичем Гаухманом-Свердловым.

Согласна с вами — это самое настоящее проявление диктатуры фашизма. В считаные месяцы прибавилось на степных просторах более миллиона могил, по хуторам и станицам выкашивались все подряд: мужчины и женщины, дети и старики.

От вас узнала, что Троцкий был вообще против создания в Красной армии кавалерийских соединений, считая, что конница — «аристократический род войск, что в ней, прежде всего,

служили князья и графы», пролетариату она не нужна.

Неужели Троцкий не знал, что испокон веков во всех странах мира конница была в числе основных родов войск, обеспечивая маневренность армий. Или из-за того, что когда-то Троцкий пережил в каком-то местечке погром черносотенцев с участием казаков, он воспылал лютой ненавистью ко всему казачеству России и мог поставить на карту судьбу вооружённых сил страны?

«Ставленники Троцкого не только свирепствовали на Дону. Они готовы были уничтожить и кубанских, и терских, и уральских казаков».

Надо было назвать имена ставленников. «В войсках имя Троцкого вызывало неприязнь и страх». Еще бы! Вы пишете: «Если в частях, в подразделениях были отказы от выступления на фронт, Троцкий приказывал строить полк и расстреливал каждого десятого, а то и пятого. А если в подразделении был перебежчик, Троцкий расстреливал комиссара».

А где были полководцы — Егоров и Будённый, военно-политические руководители Сталин и Ворошилов и другие?

Не от Троцкого ли научился Сталин жестокости и зверству, с которыми в Великую Отечественную войну расстреливал сотни тысяч солдат и офицеров, попавших в окружение и взятых в плен фашистами?

После зверств Троцкого на Дону вас не удивила жестокая расправа Сталина с участниками Кронштадтского мятежа, когда он залил крепость кровью и правых, и виноватых?

Карали кронштадтцев с звериной жестокостью. В первый день взятия крепости было расстреляно около 300 «мятежников», не

считая убитых в бою. Сколько казнено, сколько погибло заложников, точно не известно. К расстрелу было приговорено более 2100 человек.

И не только из-за зверств Троцкого и Сталина, но и из-за переоценивавших свои достоинства длинноусых бывших унтеров пролетарского происхождения, наделённых правом командовать войсками и действующих по своей прихоти и произволу, красные порой терпели сокрушительные поражения.

Ведь тот же Будённый, участник боев на Дону, Кубани, Маныче, примкнувший со своим кавалерийским отрядом к Борису Мокеевичу Думенко, первому организатору красной конницы на юге, ненавидел его и противодействовал его приказам.

А за что?

Да за то, что хлопцы эскадрона Будённого, прикрываясь правом самообеспечения, больше всех мародёрствовали. Народ жаловался на их грабежи и дебоширство.

Но когда к Думенко явилась, громко рыдая, женщина в изодранном платье, изнасилованная красными кавалеристами Будённого, Думенко грубо говорил с ним и не раз предупреждал, что поступки его распущенных молодчиков могут дорого обойтись Красной армии.

Но, видимо, для некоторых вояк, привыкших сносить головы и расстреливать без суда и следствия, мародёрство расценивалось как экспроприация экспроприированного, и потому тот же Будённый вскоре оказался командующим, а Думенко — подчинённым. Вот уж где Будённый поиздевался над лучшим кавалеристом Красной конницы.

Вы, Николай Алексеевич, характеризуя Будённого, отмечаете: «Семён Михайлович ни знаний не имел, ни с логикой не считался, поступал против правил».

Благодаря невежеству, упрямству и личной неприязни Будённого к командиру коннострелкового корпуса Б. Думенко и другим военспецам, белые мощным ударом опрокинули Кавказскую кавалерийскую дивизию Г. Гая (Гайка Бжишкяна), который позднее стал командиром стрелковой дивизии Восточного фронта и штурмом взял Симбирск.

Расправившись с Гаем (на помощь которому должен был прийти Будённый и не пришёл) близ станицы Мечётинской, белые обрушились двадцатью четырьмя полками против 28-й стрелковой дивизии Азина.

Дивизия была окружена и почти полностью истреблена. Орденоносец начдив Владимир Азин был взят в плен и казнён.

Ростов пал, корпус Думенко был опрокинут, две дивизии разгромлены. И всё из-за самовольства Будённого и невыполнения им приказа — преступлений, за которые любой командир должен отвечать перед военным трибуналом.

«Стояли друг против друга: заматеревший, налитый силой, усатый вояка, пятнадцать лет не покидавший седла, смекалистый и беспощадный, пропахший махоркой и конским потом, — и стройный красивый юноша, очень чистенький, аккуратный, я бы сказал даже барственный, с брезгливо-ироническим разрезом рта (Тухачевский выглядел моложе своих двадцати семи).

Сколько подобных юнцов перевидал за свою жизнь Семён Михайлович, сколько их было, молоденьких офицеров, помыкавших им! Потом не одному такому вот чистенькому красавчику располосовал он голову тяжёлой шашкой с большой медной рукояткой. А этого не то что клинком — соплёй в талии перешибёшь. Но за его спиной власть, сам Ленин направил его сюда».

Да уж, если начинал Семён Михайлович ненавидеть, то навсегда — в этом отношении Михаилу Николаевичу не повезло.

«Будённый всей своей сутью, образом мышления соответствовал условиям именно той гражданской междоусобной войны, которая и породила его».

И при этом Будённый до конца своих дней оставался «на коне», так же как и Ворошилов, несмотря на то что и в период Великой Отечественной войны как полководцы лишний раз подтвердили свою полную бездарность.

С неприязнью и лютой ненавистью относился Будённый не только к Думенко, Азину, но и к Тухачевскому, который, будучи брошен на Южный фронт, вначале командовал 13-й армией на Дону под Батайском, а затем был назначен командующим всем Кавказским фронтом. Здесь началась большая дружба члена Реввоенсовета фронта Серго Орджоникидзе и Михаила Тухачевского.

Забегая вперёд, скажу, что, к великому позору наших неблагодарных правителей, пришедших к власти во главе со Сталиным, многие из истинных героев, формировавших и водивших по донским просторам, по горам Кавказа, в Крыму и

Поволжье, по Уралу и Сибири полки, состоявшие из голодных, разутых, раздетых, порой без винтовок (не говоря о пушках и пулемётах), с одними шашками и штыками прорывавшихся сквозь вражеские цепи и фактически утвердивших власть Советов, к сожалению, были не просто забыты и вычеркнуты из истории, а оклеветаны и уничтожены.

Сталин искал опору, пишете вы. И те, кто примыкал к нему, безусловно признавали за ним лидерство, становились его сторонниками на всю жизнь. В этом отношении особая роль выпала на долю Ворошилова и Будённого.

Но обратимся к третьему походу Антанты. 1920 год. Обстановка в молодой Советской республике ещё больше осложнилась.

На юге, в Крыму, развернул действия генерал Врангель. На западе панская Польша двинула свои вооружённые силы на Украину и Белоруссию. Соответственно направлениям наступления врага, командование нашими вооружёнными силами развернуло два фронта: Западный и Юго-Западный. Для командования Западным фронтом с предгорий Северного Кавказа был переброшен Н.М. Тухачевский, командующим Юго-Западным фронтом назначен А.И. Егоров, переброшенный с Донского и Волжского театров боевых действий. Членами Реввоенсовета Юго-Западного фронта были назначены И.В. Сталин и Р.Л. Березин, а Западного — И.С. Уншлихт.

6 мая 1920 года польская армия заняла Киев. Вместе с белополяками в город вступили отряды атамана Петлюры. Но расположились они отдельно и в контакт между собой не вступали. Поляки относились к петлюровцам с нескрываемым пренебрежением. Первыми наступление начали части Западного фронта, 15 мая со стороны Смоленских ворот. Главный удар по врагу, согласно плану, планировалось нанести 15-й армии, которой командовал Август Иванович Корк.

В начале мая к Умани была переброшена с Северного Кавказа

1-я Конная армия, она оказалась в тылу польского фронта. 26 мая 1-я Конная перешла в наступление в направлении Каватина.

Но до того части 25-й и 58-й стрелковых дивизий 12-й армии Егорова взяли Киев. Начатое в первых числах июля Западным фронтом генеральное сражение в Белоруссии завершилось полным разгромом польской армии. Минск был освобождён.

Конный корпус Г.Д. Гая, действовавший севернее, вышел в тыл белополяков, занял Светянцы, а затем с помощью 164-й бригады покорил и Вильно. Штаб Западного фронта приступил к разработке плана наступления на Варшаву М.Н. Тухачевский подписал директиву о форсировании Вислы, с глубоким обходом Варшавы.

Ознакомившись по телефону с планом и директивой Тухачевского, главнокомандующий приказал двинуть 12-ю и 1-ю Конную армии с Юго-Западного на Западный фронт для поддержки Тухачевского. В начале сражения на Висле и наступления на Варшаву Красная армия имела успех, но вскоре перешедшие в контрнаступление поляки оттеснили войска Западного фронта на Восток. Директива, данная командующему Юго-Западным фронтом, — направить 1-ю Конную и 12-ю армии для усиления левого фланга армии Тухачевского — не была выполнена. 1 — я Конная, подчинённая Егорову, наступала на Львов, хотя эта её цель считалась второстепенной.

Член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Иосиф Сталин скрыл от Александра Егорова полученную директиву. Своевольный комиссар, не разбиравшийся в обстановке, не раз перечил и не давал опытному полководцу А.И. Егорову принимать правильные решения. Как член Реввоенсовета, член ЦК, без которого командующий фронтом не имел права самостоятельно действовать, Сталин фактически сковывал и дезориентировал полководца.

А вы, Николай Алексеевич, будучи его ближайшим советником, не соизволили остепенить зарвавшегося вчерашнего бездельника, в жизни не нюхавшего пороха.

1-я Конная оставалась в резерве Юго-Западного фронта. Будучи в курсе дел Западного фронта и следуя настоятельной просьбе Тухачевского усилить его левый фланг перед наступлением на Варшаву за счёт 12-й и 1-й Конной, Егоров

отдаёт приказ о передаче 1-й Конной, 12-й и 13-й армий Западному фронту.

Сталин демонстративно отказывается подписать приказ и сообщает об этом главнокомандующему.

Чем бы вы объяснили, уважаемый Николай Алексеевич, как военный советник Сталина, такое его поведение?

Говорят, что ваш патрон со свойственным ему эгоизмом хотел сорвать лавры победителя за взятие Львова. Но, к его великому сожалению, бои подо Львовом, куда была брошена 1 — я Конная, закончились поражением.

Когда же конница Будённого начала отход на север, было уже поздно. Командующий Западным фронтом отдал приказ об отступлении.

Вот здесь вы пишете, что «поверни Будённый на Варшаву, и события потекли бы по более удачному для нас руслу…». Но приказу командарм не подчинился, забыв, что приказы командующего выполнять надо безусловно: без этого нет армии, нет победы.

И уж совсем с вами согласна, когда вы показываете ту пропасть, которая со временем рассечёт весь командный состав наших вооружённых сил. На одной стороне окажется Сталин с теми людьми, с которыми воевал, которым полностью верил, а на другой — все или почти все остальные. В том числе, разумеется, Тухачевский и Гай.

Пройдёт время, и отольётся им это тяжёлым свинцом. Мстительный, злопамятный, никому ничего не прощающий, шеф ваш отомстит за собственные промашки и за то, что пренебрёг «основным правилом военного искусства», как это он умел мастерски делать в течение всех лет своей безраздельной власти в стране.

А ведь не Сталина — Тухачевского посылал Ленин на самые опасные участки Гражданской войны. Командуя армиями и фронтом, Михаил Николаевич громил белых под Воронежем, белоказаков генерала Краснова на Дону, Добровольческую армию Деникина на Северном Кавказе. Громил белополяков на Западном фронте, подавил мятежников Кронштадта и бунтовщиков антоновщины.

Самочинство Иосифа Сталина, послужившее причиной поражения на западном направлении, стало известно Ленину.

Решением политбюро Сталин был отстранён от должности члена Реввоенсовета.

За это, как вам, господин Лукашов, известно, он позднее отомстит Тухачевскому и другим основателям вооружённых сил страны, приведших к победе в боях с Белой армией и

интервентами.

Но как бы то ни было, измученный длительной борьбой с чужеземцами и всякого рода монархистами, анархистами, националистами и прочими «истами», народ победил, жертвуя собой во имя светлого будущего Отчизны и счастья грядущих поколений.

Тёмное прошлое Сталина

Биографию Сталина, его жизнь и деятельность до 1917 года вы отражаете без логической связи, путано, с обилием восхваляющих и превозносящих вымыслов.

Что же касается его родословной, то здесь всё покрыто непроницаемым мраком, пожалуй, большим, чем у любого другого владыки мира, начиная с глубокой древности до наших дней.

Сам Сталин никогда никому не рассказывал о своём детстве, отрочестве и юности, разве только что-то отрывочное, сказанное на ходу своей дочери Светлане. Вождь пролетариев гневно пресекал любопытствующих, пытавшихся покопаться в архивах, спецхранах, ездивших в Гори, чтобы встретиться со старожилами. За это некоторые, не в меру старательные, поплатились жизнью.

Так что для «счастливых детей» сталинской эпохи и грядущих поколений, которым предписывалось свершение мировой революции, не было написано произведения, открывающего глаза на Сталина. В этом отношении феномен вождя неоспорим, как и его психическая неустойчивость.

Только тогда, когда Её Величество смерть вынесла свой приговор тому, кто надеялся на бессмертие, и осанна была сменена на анафему, любопытствующие вновь кинулись к спецхранам, архивам и музеям, к церковным книгам с записью венчаний, рождений и смертей.

Но если в нашей стране до самой смерти вождя был наложен запрет на изучение и отражение в печати детства и отрочества Джугашвили, то воля «отца народов» не могла воздействовать на тех, кто пользовался полной свободой мнений и действий за рубежом.

Так, например, в 1931 году в Нюрнберге издательством «Стрела» была выпущена книга «Сталин». Её автор С.К. Дмитриевский, состоявший на службе в дипломатической миссии в Стокгольме, в двадцатых годах отказался вернуться в СССР.

В своей книге Дмитриевский в основном отражает становление Сталина как государственного деятеля. О личной жизни генсека, судя по содержимому, в особенности до Октябрьского переворота, ему почти ничего не известно. А потому изложение расплывчато, неубедительно.

Заслуга автора в том, что он предвидел и предсказал многое из того, что принесла диктатура Сталина России.

А. Антонов-Овсеенко, несмотря на близость и дружбу с вождём в течение второй половины его жизни, и Рой Медведев, пожалуй, правдивее других отразили прошлое и родословную Джугашвили.

Вы тоже, Николай Алексеевич, ничего не знали, а если и знали, то недостоверно отразили его биографию до 1917 года.

Вы начинаете свой рассказ с характеристики и описания внешности Сталина: «Иосиф Джугашвили был никуда не годным солдатом», «низкорослый, рябой, длиннорукий».

К портрету вы забыли добавить, что был он ещё кривоногим, конопатым, с низким узким лбом, над которым щетинилась грива волос цвета меди, с жёлтыми, словно окрашенными желчью, проницательными глазами и мясистым носом, с подвижными, как у хищника, ноздрями.

Он, конечно, выделялся «среди молодых, крепких сибиряков», но не в лучшую сторону.

А что касается его «нерусского очарования»… Неужели, Николай Алексеевич, вам не приходилось встречать среди нерусских народов богатырского сложения красавцев?

И дальше вы подчёркиваете: «Этот грузин доставлял фельдфебелю много забот и хлопот, начиная с обмундирования, — на два размера больше рукава, а подол до колен. А вот куда определить Джугашвили — эта задача оказалась не под силу фельдфебелю. К тому же ещё и политический, прямо из ссылки».

Вы, Николай Алексеевич, кадровый офицер царской службы, должны знать и, наверное, знаете, что стрелковые полки в те времена не комплектовались из уголовников, тем более из политических ссыльных.

Даже если возраст тридцать семь лет в условиях военного времени считался нормальным для призывника, то калеку с недействующей рукой никакая врачебно-отборочная комиссия не признала бы годным к строевой.

В те дореволюционные времена, в отличие от советских, мобилизации не подлежали не только инвалиды, но и здоровые мужчины, если они были единственными кормильцами немощных родителей.

Что касается искалеченной руки Сталина, то у биографов вождя много разных домыслов, откуда взялось увечье. Вы, Николай Алексеевич, пишете, что рука была повреждена, когда Иосиф случайно попал под колёса фаэтона.

Другие утверждают, что Сталин покалечил её, упав с горы.

Третьи в своём рвении приукрасить вождя ореолом доблести, подвига и героики изощряются в выдумках: мол, рука вождя была повреждена, когда тюремное начальство в наказание за побег решило пропустить его через строй. Били палками, но Джугашвили мужественно перенёс тяжкое испытание с гордо поднятой головой. Видевшие всё это из окон заключённые якобы кричали:

— Крепок, как сталь! Стальной революционер!

Эта совершенно не имеющая отношения к реальности легенда объясняла не только травму руки, но и происхождение псевдонима Сталин.

На самом деле, уважаемый тайный советник вождя, левая рука Иосифа Джугашвили была покалечена в годы отрочества, когда его заключили в каталажку за воровство. Когда Сосо, сопротивляясь, укусил жандарма, поймавшего его на Тифлисском рынке, блюститель порядка повредил ему руку.

На основе изложенного, уважаемый Николай Алексеевич, можно прийти к выводу, что при тех обстоятельствах, которые вы описываете, встретиться и оказать какую-то помощь Джугашвили в Красноярске вы не могли. Тем более что, согласно официальным источникам, Иосифа Сталина из Туруханской ссылки освободила Февральская буржуазно-демократическая революция, и 12 марта 1917 года он прибыл в Петроград, где вошёл в состав редакции газеты «Правда».

Работа журналиста специфична и сложна. А потому настоящий журналист должен быть человеком мыслящим и высокообразованным.

Хотя в канун переворота, да и после установления советской власти к участию в периодической печати привлекались и малограмотные «ударники» — победители соревнований и прочий простой люд (в качестве авторов «из народа»). Статьи, зарисовки, очерки за них на самом деле чаще писали литературные сотрудники печатных органов.

Я хочу подчеркнуть: Сталин слабо разбирался в публицистике, но, прельщённый ролью трибуна, сразу уяснил себе, что для успеха он должен сначала найти человека, который будет грамотно отражать на бумаге его идеи, а также планы, призывы и поручения руководства партии большевиков.

Такой человек был найден. Людмила Николаевна Сталь была не просто исполнителем, но и спутницей жизни, связанной со Сталиным узами дружбы и любви.

Сталь была дочерью известного фабриканта из Екатеринославля. Состояние семьи позволило дать ей неплохое образование — общее и музыкальное. Людмила знала языки и, как многие молодые люди того периода, увлеклась идеями народовольцев, а затем вплотную занялась подпольной революционной деятельностью, вступив в партию большевиков в 1899 году.

С Джугашвили, к тому времени примкнувшему к революционерам-подпольщикам, Сталь познакомилась в ссылке, где политические смутьяны, находясь на вольном поселении, имели возможность встречаться и сближаться.

Простота нравов свободолюбивых, увлечённых идеями Маркса революционерок позволяла им беззастенчиво вступать в

любовные отношения с единомышленниками, преследуемыми законом.

Несмотря на то что Людмила Сталь была на шесть лет старше Иосифа Джугашвили, он основательно увлёкся этой привлекательной, остроумной и темпераментной женщиной.

По стечению обстоятельств они многократно расставались и снова встречались. Затем какое-то время Сталь была вынуждена скрываться за границей, но переписку они не прекращали.

После Февральской революции оба поспешили в Северную столицу, где снова были вместе, правда, не афишируя своих интимных отношений. Но об этом никто из биографов вождя не упоминает.

В Петрограде после Февральской революции Иосиф Сталин вошёл в состав Политбюро ЦК ВКП(б) и ведал партийной печатью, а Людмила Сталь с помощью Иосифа Виссарионовича стала агитатором Петроградского городского комитета партии.

Работали они рядом, что устраивало Сталина, ибо она фактически проводила смысловую и стилистическую правку всех его газетных публикаций, партийных докладов, протоколов, решений и всего прочего.

Их многолетняя любовь и деловая связь продолжалась до тех пор, пока Сталин не польстился на молодость и красоту Надежды Аллилуевой, которая была на два десятка лет моложе.

Но, критически мыслящая, умная женщина, Сталь не узрела в молодой девушке соперницы и вовсе не собиралась порывать длительную связь с человеком, достигшим с её помощью высокого положения в партийной иерархии.

Сталин, в свою очередь, тоже не порывал деловых отношений со своей возлюбленной. Именно к ней отвозил секретные пакеты личный телохранитель вождя генерал Власик и, дожидаясь, доставлял их обратно.

Людмила Сталь была на ответственной работе в Госиздате, затем перешла на научную работу в Музей революции. Она обеспечивала Сталина материалом для его «научных работ», обогащая их цитатами из трудов Маркса, Энгельса, Ленина, делая выписки из сочинений классиков, не только кропотливо редактируя, но и вставляя целые главы в «труды» «корифея всех наук» Сталина.

Конечно, всё это делали без огласки, с помощью

единственного курьера — Власика.

К этой женщине, столь преданной, много сделавшей для прославления его как теоретика и практика марксизма-ленинизма, Сталин сохранял чувство уважения и благодарности до конца её дней, он даже отметил её высокой наградой — орденом Ленина.

Думаю, что псевдоним Сталин был «рождён» в этих отношениях с преданной и незаменимой женщиной, носившей иноземную фамилию Сталь.

Немного об Иосифе Сталине до 1917 года. То, о чём вы умолчали.

Итак, в Диди-Мало у Вано родился сын — Виссарион. Тот самый Виссарион, ставший исторической личностью, давший отчество будущему вождю. Фамилия его была не Джугашвили, а Джугаев, как обозначено в вольной прадеда вождя — Зазы.

Скажу сразу, Виссариону тяжёлый земледельческий труд

пришёлся не по душе. Видимо, от природы склонный к лени, он, как и его будущий сын, был лишён благородного чувства привязанности к земле, родному краю.

Пристрастился к спиртному, порождающему любовь к застольям, а потому, бросив небогатое наследство отца, переехал в Тифлис и поступил учеником на кожевенную фабрику.

Сапожник-мастер из него не вышел, ибо это ремесло требует не только умелых рук, но и смекалки, вкуса, понимания красивого, изящного. В чувячном цехе ему не доверяли даже раскрой, держали на прошивке подошвы.

В конце концов хозяин вынужден был уволить непутёвого работника. Виссариону Джугаеву в большом городе делать было нечего, и он перекочевал в Гори, где поселился в лачуге в одном из бедных кварталов — там жили в основном греки-ремесленники.

Знакомый грек-чувячник принял его в компаньоны на зависимых началах, давая возможность заработать на кусок хлеба и кружку кислого вина.

А дальше произошло вот что.

Однажды летом к Виссариону явилась известная горийская сватья. Хитроумная, пронырливая бабёнка начала с того, что он одинок, жалок, неухожен, не пользуется уважением людей потому, что не имеет жены, семьи, как подобает настоящему мужчине…

После лирического вступления сватья намекнула, что ему, полунищему, уважающий себя человек не отдаст дочь, а вот она, мол, по доброте душевной, жалея его, решила осчастливить, предложив девицу из приезжих, дочь её близких кунаков.

Эта девица, Кетован, хоть и сельская, но работящая, мастерица на все руки, желает выйти замуж только за городского мастерового человека, одинокого и бедного, как она сама.

Состоялись смотрины. Тётушка невесты со сватьей велели Виссариону постричься, помыться, переодеться, прибрать в комнатушке, дабы произвести впечатление на невесту.

Девчонка хоть и была рыжая, конопатая, но производила впечатление проворной, бойкой.

Сватовство состоялось. Молодых без свадебного шума обвенчали, посидели с соседями и дружками Виссариона за скромным столом, как положено — с поздравлениями, песнями, и

разошлись, оставив новобрачных одних.

Шли дни. Молодая хозяйка привела в порядок лачугу, убрав небогатым приданым. Преобразился и ухоженный Виссарион, пить стал меньше, работать больше.

Но при виде быстро округлившегося живота жены появились первые сомнения. И конечно же, он всё понял, когда на свет появился ребёнок, которого волей-неволей пришлось окрестить, наречь Иосифом Виссарионовичем Джугашвили.

Судьба была беспощадна к нему с момента зачатия — в годы его младенчества, юности… Учитывая врождённые, унаследованные и благоприобретённые психоневрологические факторы, формирующие сознание людей в течение всей жизни, неудивительно, что для Сталина его происхождение, прошлое и его близкие были «больной» темой.

Безродный чувячник, страдающий хроническим алкоголизмом, Виссарион Джугаев, учуяв подвох со стороны сватьи и новобрачной красотки, окончательно разочаровался в жизни и стал пропивать всё, что зарабатывал.

Несчастная Кето была вынуждена, бросив мальца на произвол судьбы, добывать ломоть хлеба сначала у мелкопоместного князя, священника Кобы Егнатошвили.

Греховный плод случайной связи, как только встал на ноги, вынужден был сам добывать себе пропитание. С детьми горийских бедняков лазал по садам, виноградникам, но имел особое пристрастие к домашней птице.

Падкие на сенсационные новости горийские сплетницы, живущие по соседству, оживлённо шушукались, когда Виссарион или Кетован проходили мимо, строили догадки, злословили.

Удручённый Виссарион запил и того пуще, работал плохо, сына не признавал.

Иосиф-Сосо жил в условиях нищеты, постоянной брани и драк матери с отцом, презирающим и нещадно лупившим озорного, привередливого первенца.

Любопытство горийцев в отношении Кето не ослабевало. Особо интересующиеся земляки побывали в селе, откуда она была родом, и выяснили, что её будто бы соблазнил участковый жандарм. Когда Кето почувствовала, что беременна, и призналась тётке, все всполошились.

В те времена даже отдельный случай внебрачной связи считался грехопадением, несмываемым позором. Это теперь всякие пьяницы, наркоманки, народившие инвалидов, пользуются как матери-одиночки повышенным вниманием государства, обеспечиваются квартирами, пенсионной помощью. Тётушка была вынуждена спешно вывезти племянницу из села и с помощью знакомой горийской сватьи пристроить у одного безродного, бедного, безвольного бедолаги — Виссариона Джугаева.

Когда преданный сам себе, живущий безнадзорно, драчливый, лживый, вороватый, укравший немало кур Сосо подрос, священник, у которого работала Кето, пожалел его. Он определил отбившегося от родительских рук отрока Иосифа в духовное училище.

Склонностью к учёбе и прилежанием Иосиф не отличался. По характеру был замкнут, груб, упрям, насмешлив, завистлив и жесток к физически более слабым. Был непочтителен и к преподавателям духовного училища.

Гори — городок маленький, люди друг друга знают с детства и, не сомневаясь в проделках Сосо, шли с жалобами к Виссариону.

Отец, ненавидя шкодливого, изворотливого и злого мальчишку, приписанного ему в сынки, сёк его нещадно верёвкой из сыромятной кожи, специально нарезанной для порки.

Боясь отца, тот по несколько дней не появлялся в доме после

очередного разбоя.

Обстановка в семье была ужасной: пьяный глава семьи, раздражённая утомительной подённой работой от зари до зари мать, ругань, драки, вспыхивающие в грязной, запущенной лачуге, презрительное, насмешливое отношение соседей, оскорбительная брань и побои.

Неудивительно, что Сосо слонялся по базарам, духанам, притонам воров и проституток. Кражи и разбой, каталажки и тюрьмы — всё это при крайнем напряжении нервов, постоянном страхе, не считая болезней, изматывало отрока.

Каким может вырасти человек, от рождения не знавший родительской ласки, тепла и уюта, пусть бедного, но родного домашнего очага, без привязанности к отцу, матери, родным, без близких, друзей?

В четвёртом классе перед началом занятия учитель Закона Божьего опустился перед учениками на треножник, обтянутый кожей, и вдруг резко вскочил с места. Глянув на сиденье, увидел торчащее остриё иглы.

— Кто? Кто это сделал? — строгим голосом спросил священник и стал обходить ряды учеников.

Подростки, вскакивая с мест, крестясь, смотрели в глаза учителя. Только один Сосо остался сидеть на своём месте, не поднимая головы.

Тогда учитель схватил его за шиворот, поволок к двери и вышвырнул вон.

Домой Сосо не пошёл, заночевал в кустах, а на рассвете палкой выбил стёкла в окнах училища и исчез.

С тех пор в Гори сын Кето не появлялся. Но до Виссариона доходили слухи, что пасынок шныряет среди мелких воришек на Тифлисском базаре.

Позднее поговаривали, что «шарлатан Сосо во главе шаек выходит с кистенём на большую дорогу», чтобы подстеречь впотьмах запоздалых купцов, возвращавшихся домой из Тифлиса. Занимался Сосо и конокрадством, за что не раз сиживал в местной каталажке.

Батумский и бакинский периоды «революционной деятельности» Сосо тесно связаны с пиратством в потайных морских бухтах, куда под покровом ночи приплывали контрабандисты из Турции и Персии. Иначе откуда ещё было взять деньги для подпольной деятельности ленинско-искровских организаций в Закавказье?

Здесь Сталин был схвачен и сослан в Восточную Сибирь. «Неблагодарные» блюстители имперских законов не посчитались с тем, что Иосиф Джугашвили числился агентом царской охранки.

Но через год Сталин бежал из Балаганского уезда Иркутской области и скрывался то в Батуми, то в Кутаиси, то в Баку. И не было ему иного пути, как примкнуть к смутьянам и бунтарям.

И каким же надо быть разбойником с большой дороги, чтобы с 1902 по 1913 год семь раз быть судимым и шесть раз бежать из ссылок.

Конечно же, там, в Сибири, этот изворотливый юноша представлялся политкаторжанам как революционер-подпольщик, борющийся за свержение царского строя.

В феврале 1913-го уже в роли «профессионального революционера Кобы» Джугашвили был схвачен и выслан в Туруханский край.

Весной семнадцатого, когда в России бушевал ураган войны и надвигался смерч революции, Сталин решил найти себе место в гуще тех, кто готовил переворот в России, хотя от начала и до конца придерживался позиции стороннего наблюдателя.

С помощью Серго Орджоникидзе и рабочего Тифлисского железнодорожного депо революционера Сергея Аллилуева, перебравшегося в Питер, ловкачу Сосо удалось попасть в число ближайшего окружения Ленина. Владимир Ильич даже поручил ему труд «Марксизм и национальный вопрос» и помог его написать.

После победы Октябрьской революции Коба, засучив рукава, появился на правительственной арене в роли члена ВЦИКа и народного комиссара по делам национальностей.

Вы, господин Лукашов, судя по характеристике, даваемой вами вождю, не сомневаетесь в образованности и необычных способностях вождя, хотя, копируя его речь, часто повторяете «ми». И не только вы. Все, кто интересовался родословной

Сталина, ссылаясь на сохранившиеся документы, пишут, что Сталин провёл в стенах Горийского духовного училища шесть лет вместо четырёх потому, что оставался на второй год, как неспособный, неприлежный ученик.

Каким же образом он мог окончить училище, да ещё с отличием, и поступить в Тифлисскую духовную семинарию?

В начале повествования вы соглашаетесь с выводами Матильды Васильевны, которая рассуждает: «Судите сами: разве поступил бы сын сапожника и крепостной крестьянки в духовное училище, а затем в духовную семинарию? Конечно же, князь Егнатошвили позаботился о развитии своего сына».

На этот счёт помимо Матильды Васильевны изощряются в выдумках и некоторые биографы Сталина.

Оказывается, в семинарии у новоявленного ученика — замкнутого, неконтактного, капризного, резкого, дерзкого — якобы возникают конфликты с воспитателями. Возникают из-за протеста против издевательского режима и иезуитских методов воспитания.

Потому Джугашвили в пятнадцать лет становится на «революционный путь», почти не владея русским языком и не имея понятия, что такое революция.

Как утверждают очевидцы, в духовном училище у него не было друзей. Сам он был презираем. Одноклассники били его за стукачество.

Однако, согласно заказным сочинениям официальных биографов, советскому народу была представлена блестящая героика юности и молодости Джугашвили.

Конечно же, в 1894 году Джугашвили якобы с похвальной грамотой оканчивает духовное училище и поступает в Тифлисскую духовную семинарию.

Новоиспечённый семинарист, пятнадцатилетний недоросль, с трудом говорящий по-русски, сразу начинает изучать труды Маркса, Плеханова, Ленина.

Невольно возникает вопрос, что он мог понять, например, в таких работах, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» или «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», если в них толком не разбирались некоторые наши крупные партийные деятели?

Более того, семинарист-недоучка якобы связывается с подпольными группами русских марксистов, проживавших в Закавказье, и тут же приступает к работе над философскими трудами, впоследствии опубликованными во втором томе своих сочинений.

Это «Предисловие к грузинскому изданию брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции». С июня 1907-го (бакинский период) трудится над сочинениями «Партийный кризис и наши задачи», «Резолюции, принятые партийным комитетом 22 января 1910 года», «Письма с Кавказа», «Что говорят наши забастовки последнего времени?», «Нефтепромышленники об экономическом терроре», «Совещание и рабочие», «Лондонский съезд РСДРП». Со второй половины 1911 года (петербургский период) пишутся: «За партию» (листовка), «Избирательная борьба в Петербурге и меньшевики», «Новая полоса», «Они хорошо работают», «Тронулись», «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», «Воля уполномоченных», «Выборы в Петрограде».

Интересно, когда и где он успел за этот период столько написать?

Если обратимся к данным Советской энциклопедии (1953 г., с. 309), то видно, что с 1902 по 1913 год Сталин подвергся арестам семь раз, был сослан шесть раз, бежал из ссылки пять раз.

Это же не просто его хватали и ссылали! Была ведь и процессуальная сторона — арест, следствие, суд, не говоря об этапах к местам ссылок.

Мало того, в 1905 году Сталин успевает побывать в Таммерфорсе (Финляндия) на I конференции РСДРП. В 1906 году на партийном съезде в Стокгольме, а в январе 1912-го (будучи в

Туруханской ссылке) успел совершить вояж в Чехословакию — на VI Всероссийскую партийную конференцию, которая проходила в Праге.

Надо отдать должное великому деятелю, который не терял зря времени, даже находясь в ссылке. В частности, в Туруханске им была написана важная статья «О культурно-национальной автономии», которая, к великому сожалению, была «утеряна».

Вы, товарищ Лукашов, касаясь особенностей Февральской революции, констатируете, что, когда в армии появилось много скороспелых офицеров (в том числе из евреев), положение значительно изменилось. Порядочность, достоинство всё больше отходили на задний план, уступая нахрапу, обману, карьеризму.

Когда вы, Николай Алексеевич, рисуете образы и описываете отдельные действия таких известных полководцев царской службы, как генерал Алексей Алексеевич Брусилов, армия которого в 1916 году блестяще прорвала австро-германский фронт, подчёркивая свои отношения с ним, в это ещё можно поверить. Но вот рассказывая о малограмотном луганском слесаре Клименте Ворошилове, на мой взгляд, вы многое придумываете об организации его встречи со Сталиным в Стокгольме, куда они приехали на партийный съезд.

Во-первых, оба они были не столь уж известными партийными деятелями-марксистами, чтобы разъезжать по заграницам, а во-вторых, если верить советским энциклопедистам, они в это время находились под арестом, за которым следовала ссылка.

Вы, Николай Алексеевич, от начала до конца в своём повествовании как-то двойственно, противоречиво характеризуете Джугашвили.

То он у вас неуклюжий уродец, которого, не зная, куда девать, фельдфебель держит при ротной канцелярии. Хотя и здесь этот солдат, «окончивший семинарию», не оправдал надежды — «почерк у него был неважный, и казённую бумагу по всем правилам составить не мог».

Насколько мне известно, до революции во всех учебных заведениях, начиная с церковно-приходских школ, а тем более в семинариях и гимназиях каллиграфии и грамматике придавали большое значение, поскольку пишущие машинки ещё не имели большого распространения. А сказанное вами лишний раз подтверждает, что Джугашвили был человеком малограмотным.

И буквально на следующей странице вдруг приводите слова Людмилы Николаевны, высказанные Матильде Васильевне: «О бунтаре, об умном грузине, авторе революционных статей, который безвестно пропадает в сибирских дебрях».

При первом знакомстве с Джугашвили ещё в Красноярске вы, Николай Алексеевич, обратили внимание на его пристально-пронизывающий взгляд.

И вам показалось, что он просветил вас (разумеется, как рентгеном).

Более того, неуклюжий рядовой начал говорить с вами, подполковником царской службы, с чувством собственного достоинства и даже превосходства, как с учеником.

А ведь говорил Джугашвили-Сталин по-русски плохо, с резким грузинским акцентом, коверкая слова.

Косноязычная речь Кобы оставалась при нём всю жизнь, даже когда — много позже, будучи генсеком — он мнил себя выдающимся оратором.

11 декабря 1937 года, выступая на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы в Большом театре, Иосиф Виссарионович «блистал» красноречием:

«…Требуются, говорят, разъяснения по некоторым вопросам избирательной кампании. Какие разъяснения, по каким вопросам? Все, что нужно было разъяснить, уже разъяснено и переразъяснено…

…при таких условиях хорошей речи не скажешь. И всё же, коль скоро я вышел на трибуну, конечно, приходится так или иначе сказать хотя бы кое-что.

…Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы… они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин.

Чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин.

Чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин.

Чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин.

Чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин.

Чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин.

…Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа.

…о таких людях неопределенного типа, о людях, которые напоминают скорее политических обывателей, чем политических деятелей, о людях такого неопределенного, неоформленного типа довольно метко сказал великий русский писатель Гегель… Гоголь… Великий русский писатель Гоголь: люди, говорит, неопределенные, ни то, ни се, не поймешь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. О таких неопределенных людях и деятелях также довольно метко говорится у нас в народе: так себе человек — ни рыба, ни мясо, ни богу свечка, ни черту кочерга.

…Я не могу сказать с полной уверенностью, что среди кандидатов в депутаты (я очень извиняюсь перед ними, конечно) и среди наших деятелей не имеется людей, которые напоминают скорее всего политических обывателей, которые напоминают по своему характеру, по своей физиономии людей такого типа, о которых говорится в народе: «ни богу свечка, ни черту кочерга».

…Я бы хотел, товарищи, чтобы вы влияли систематически на своих депутатов, чтобы им внушали, что они должны иметь перед собой великий образ великого Ленина и подражать Ленину во всём.

…Стало быть, обязанность и право избирателей состоят том, чтобы они всё время держали под контролем своих депутатов и чтобы они внушали им — ни в коем случае не спускаться до уровня политических обывателей, чтобы они — избиратели, внушали своим депутатам — быть такими, каким был великий Ленин».

Приведённый текст речи вождя для официальных публикаций тщательно ретушировался специалистами, которые сглаживали все косноязычные несуразности Сталина, за что получали ордена — чтобы скрыть от народа ограниченность и невежество «корифея

всех наук».

Но оказывается, собеседник явно не уступал вам в эрудиции, в умении вести дискуссию.

И это с вами, человеком образованным, привыкшим обращаться с солдатами как с пешками на шахматной доске, на «ты».

Грош вам цена как офицеру высшего чина, раз вы «терялись» перед недоучившимся семинаристом, которым в канцелярии пренебрегали даже низшие чины и упрятали подальше от глаз.

Однако Сталину не откажешь в умении производить впечатление и даже блистать чужими словечками, выдаваемыми за свои, особенно когда он дорвался до власти.

Вам, господин Лукашов, конечно же, известны проделки вождя, благодаря которым оболваненные поклонники присвоили ему звание «корифея всех наук».

Но вы об этом говорите лишь намёком.

А делал он это просто. Например, какой-нибудь учёный — философ-марксист, экономист, историк, социолог, специалист военного дела — создавал научный труд государственной важности теоретического (либо практического) направления и после одобрения учёных коллег, на своё несчастье, отсылал для ознакомления и решения «великому вождю».

Сталин после соответствующей оценки прятал работу в сейф, а автор и те, кто давал высокую оценку труду, через некоторое время бесследно исчезали.

По истечении определённого времени чужой труд извлекался из личного сейфа, подвергался стилистической правке техническим секретарём, выносился на обсуждение членов политбюро.

Они, замирая от удивления и восторга, взахлёб утверждали гениальность вождя. И «праведный» труд тут же приобщался к перечню философских сочинений, или к перспективному плану практических начинаний, или к усовершенствованию научных разработок в какой-нибудь области промышленности, предлагаемых «корифеем всех наук» — Сталиным.

Приход Антихриста

Сталин как личность, конечно же, сыграл огромную роль в истории Советского государства в первой половине XX века. Роль страшную, сатанинскую. Его явление можно сравнить с приходом Антихриста.

Конечно, в бедах, обрушившихся на народы, повинен не только Сталин. Он лишь один из злых гениев, которому удалось дольше всех правителей удержаться у власти — и всё благодаря своей дикой воле, не знающей пощады.

Сознание отверженности, отчуждённости от мира окружающих его людей, даже самых близких, породило в душе юноши с ущербным самолюбием, с нездоровой психикой жестокие чувства, неверие ни во что святое.

Никого в своей жизни Сосо не любил и сам не был любим.

А во всенародную любовь вообще не верил, знал, что порождена она больше страхом, замешенным на алчности и

первобытных инстинктах, что она сегодня вознесёт его, а завтра с таким же пылом низвергнет.

Но чувство страха, тревожно-мнительное состояние осело в его душе на всю жизнь и с годами обострилось.

Теперь уже не ожидание прихода жандармов (как в пору его «абречества»), а параноидальный страх, порождённый постоянной угрозой потери власти, ожидаемых измен, покушений.

Тревожный сон, кошмарные сновидения, вскакивание с постели при каждом шорохе и бессонница привели его к крайней раздражительности, вспыльчивости и грубости ко всем подряд, невзирая на лица, на родство.

Собственная жизнь для него была дороже всего на свете, и потому, узурпировав власть, наслаждаясь своей диктатурой, он прежде всего обеспечил собственную персону армией телохранителей, каких не имел ни один тиран мира.

Сталин не рисковал пройтись свободно даже по

кремлёвскому двору. И когда покидал рабочий кабинет, десятки охранников в штатском торопили обитателей Кремля и их слуг разойтись по своим рабочим местам, невзирая на чины и звания.

Его подмосковные и причерноморские дворцы и дачи денно и нощно охранялись сотрудниками НКВД, дежурившими в три смены.

По размеру манекена, скопированного с его неуклюжей фигуры, в Берлине изготовили пуленепробиваемый жилет, который он постоянно надевал. «Его величество» являлось на официальные торжества, проводимые на Красной площади, в сопровождении не только телохранителей, но и отборных частей войск специального назначения.

На трибуне мавзолея, чтобы «возвеличить» Сталина над соратниками, под его ноги ставили табурет, а её мраморные стены и пол имели специальный подогрев.

Чтобы обеспечить личную безопасность во время частых поездок на ближние и дальние загородные дачи, Сталин приказал соответствующим органам переселить жителей близлежащих сёл и разместить в них части НКВД, осуществляющих охрану.

Стража исчислялась сотнями вооружённых «опричников», шнырявших днём и ночью по малым и большим дорогам вокруг резиденций кремлёвской элиты.

В Москве на запасном пути стоял персональный поезд генсека с хорошо оборудованными спальными вагонами, кабинетом, салоном, рестораном, соединённым с вагоном поваров и официантов, прочей обслуги.

В городе Горьком на причале покачивался на волнах персональный теплоход.

Но ни спецпоезд, ни спецтеплоход не снимались с места, если по пути следования вождя не шёл впереди охранный поезд или пароход-лоцман.

Такой же транспорт замыкал торжественную процессию.

Задолго до этого очищались многокилометровые водные пространства и железнодорожные пути от любых курсирующих пароходов и поездов.

Трудно сказать, насколько были освоены вождём философские труды Маркса и Энгельса, но что касается основ, на которых зиждется международный терроризм и учения дореволюционных террористов, совершивших убийства доверчивых русских самодержцев, то их Сталин изучил основательно и сам участвовал в организации терактов.

Просто диву даёшься проявлению трусости «героя» Гражданской и Отечественной войн, любимого отца народов и боготворимого даже теми соратниками, которые, обвинённые в несовершённом, после диких пыток инквизиторов Лубянки, словно обезумевшие шли на смерть с именем Сталина, быть может, в последние минуты надеясь на прощение того, кому от роду было чуждо великое чувство прощения, основанное на милосердии христианства.

Охрану Сталина составляли полковники, генералы, в

основном вышедшие из денщиков, конюхов, спившейся солдатни, составившей Красную гвардию — такие как Власик, — неожиданно осыпанные званиями, наградами, бытовыми благами.

Эти типы с оловянными лбами готовы были не только служить верой и правдой вождю и учителю, но и не щадить ради него родную мать и отца.

Историю момента, когда судьба впервые свела Сталина с Надеждой Аллилуевой, вы, господин Лукашов, описываете примерно так.

…Берег моря. Женщина с рельефными формами кокетничает с усатым франтом. А в это время набежавшая волна смывает двухлетнюю дочь отвлёкшейся кокетки.

Гибель ребёнка казалась неизбежной.

Но тут оказавшийся рядом молодой грузин бросается в кипящий вал, ныряет, а затем, всплыв, выносит на берег прекрасное дитя.

Великолепная сценка, но только неубедительная и даже

смешная для тех, кто знал героя — Джугашвили.

Вы, Николай Алексеевич, уже в самом начале повествования позволили себе допустить вымысел, сделав из непутёвого, неуклюжего новобранца Джугашвили солдата формирующегося в Сибири полка. Это зная, что левая рука его не действовала, а значит, он был не годен и не подлежал мобилизации.

По этой же причине Сталин не умел плавать и боялся воды. При дворцах генсека на черноморском побережье, предназначенных для отдыха и приёма морских ванн, к нижним этажам апартаментов пристраивали специальные закрытые бассейны с проточной водой, где он купался под наблюдением медиков и спасателей.

К великому удивлению, и ваш герой, прослушав этот отрывок вашего сочинения, с многозначительной улыбкой заметил: «Было нечто подобное», только не добавил, что «кипящий вал» — воробью по колено, а я добавлю — если этот факт вообще имел место.

В 1917 году в Петрограде, будучи впервые введён в дом революционера-подпольщика Сергея Аллилуева своим земляком, революционером Серго Орджоникидзе, Сталин увидел «спасённую» им когда-то, теперь шестнадцатилетнюю красавицу-гимназистку Наденьку Аллилуеву.

Конечно же, девушка, увидев тридцативосьмилетнего кавказца, только что освободившегося из Туруханской ссылки, ничем не примечательной внешности, не могла оторвать восхищённых глаз.

Когда волею неотвратимых судеб герой грузинских сказок, рядом с которым блекнет образ Автандила из «Витязя в тигровой шкуре», встал у кормила бывшей Российской империи, юная гимназистка была привезена в Москву и поселена в личных апартаментах генсека. А сорокавосьмилетняя мадам Сталь, связанная со Сталиным тайной многолетней дружбой и любовью, отошла в тень, однако продолжала исполнять роль писаря и главного редактора сочинений Иосифа.

Вскоре в Москву перебрались и родители Надежды Аллилуевой.

На самом деле, по рассказам очевидцев, чудом переживших преследования, летом 1918-го Сталин отправился в Царицын для реквизиции зерна у крестьян Поволжья.

В группе с ним ехал Сергей Аллилуев с семнадцатилетней дочерью Надеждой, работавшей секретарём у Сталина.

Однажды ночью Аллилуев услышал плач в соседнем купе и бросился туда с револьвером. Надежда, рыдая, сказала, что Сталин её изнасиловал.

Сталин уговорил Аллилуева не устраивать скандала и обещал жениться на его дочери. Из-за её несовершеннолетия регистрация брака состоялась через полтора года, незадолго до рождения сына.

Вначале, когда в мятежной душе Сталина ещё бурлили любовные страсти, их жизнь складывалась счастливо.

Но вот родился сын Василий. Инстинкт материнства у Надежды Аллилуевой возобладал над иными чувствами, и супруги поостыли друг к другу.

К тому же был сложный период внутрипартийной борьбы, страшной послевоенной разрухи, мора, охвативших всю страну.

Люди, поверившие в обещанное народовластие, увидели, что вместо рабочих и крестьян в органы власти прорываются ловкачи, проходимцы, уголовники.

Утверждался военный коммунизм — с продразвёрсткой и

продналогом, сопровождавшимися насилием, грабежом крестьянских хозяйств, вплоть до физического истребления лучших хлебопашцев страны.

Начались ропот и возмущение, вылившиеся в бунты.

Восстали крестьяне Тамбовской губернии, донские и кубанские казаки, астраханские рыбаки. Они уже не хотели обещанного коммунистического рая, земли и воли. Они требовали одного — хлеба!

В свою очередь, воцарившийся голод и рост преступности требовали крайних мер. Разоряли всех имущих в городах, отбирали церковное имущество, монастырские земли.

Голод косил всех. Толпы разорённых сельчан российских губерний стекались в города в поисках хлеба и работы. Смерть царила на железнодорожных вокзалах, пристанях, базарах, в подворотнях, просто под заборами.

В некоторых регионах съели всех собак, кошек и крыс…

Дошли до людоедства.

Человек в крайней степени истощения, с отёками, в том числе и мозговой ткани, теряет рассудок.

Характеризуя Сталина как человека, автор романа-исповеди «Тайный советник вождя» постоянно акцентирует внимание читателей на его странностях, не свойственных человеку нормальному. Пишет: «В этой усилившейся борьбе Сталину мешала замкнутость, неумение быстро сходиться с людьми».

На партийных съездах он встречался со многими сторонниками и единомышленниками, но ни с кем не сближался.

Давно знакомые Калинин, Фрунзе, Артём оставались для него партийными товарищами.

Даже на Кавказе, где Сталин вёл работу до революции, у него не было верных друзей. Кстати сказать, верных друзей не бывает у тех, кто не умеет быть верным сам.

Далее автор пишет, что, когда Сталин стал генсеком, пошли разговоры о его грубости, резкости, непредсказуемости.

А вы, господин тайный советник вождя, считаете, что «по натуре своей Сталин не был груб, невнимателен к людям»?

Вы сами описываете встречу генсека с крестьянами, с трудом пробившимися на приём к нему. И вот разговор.

Сталин: «Какая у вас жалоба или просьба ко мне?»

Крестьянин: «Видишь, мил-человек, деревня у нас хоть и небольшая, и покрупней есть в уезде, да три корня в ней. От трёх семей она зачалась, и три фамилии…»

Сталин: «У меня нет времени выслушивать родословную вашей деревни. Конкретно, что привело вас сюда?» Он (разумеется, Сталин) уже клокотал внутри.

Мужик: «Это самое, значит, привело. Потому как три корня и каждый за себя», и дальше в таком духе.

Сталин: «Вон!» — и указал на дверь.

Скажите, разве это не есть ничем не прикрытое хамство дорвавшегося до власти?

У кремлёвской «кормушки»

А теперь посмотрим, как жили в это время проповедники свободы, братства и равенства во главе с Лениным, Сталиным, другими вождями партии.

Может, они разделили с любимым народом холод, голод, нужду в жалких лачугах, как подобает святым праведникам?

Нет! Они, всю жизнь зарившиеся на чужое добро, жаждущие власти и славы, не замедлили изолироваться за неприступными стенами Кремля, оградами дворцов, вилл, дач, утверждая свои права железной логикой: «Они пожили, теперь мы поживём».

И стали жить. Только не так, как их предшественники, придерживающиеся веры и милосердия, а как истинные безбожники, твердящие: «День мой — век мой, пусть неудачник плачет».

В 1922 году, когда — голод убивал каждого второго жителя Центральной России, а людоедство стало носить распространённый характер, новоявленные правители, заботясь о себе и своих близких, не просто довольствовались хлебом насущным, но и могли придерживаться диетического питания.

Так, например, генсеку Сталину помимо всего прочего спецпайком было предусмотрено пятнадцать тушек кур на месяц

— для соблюдения диеты.

Но и их оказалось мало, хозчасть добавила еще пять. В состав меню генсека входили и лучшие сорта вин.

Надо сказать, что, несмотря на не отменённый Лениным сухой закон, утверждённый в стране последним монархом, вина, коньяки и водка в обилии находились в складских помещениях закрытых правительственных распределителей.

А что касается диетического мяса домашней птицы, то любовь к этому продукту Джугашвили испытывал с детства, когда, безнадзорный, с такими же, как сам, дружками, нанизав на суровую нитку несколько кукурузин, выходил на «охоту» на

окраину Гори, где куры, гуси, индюки и утки паслись на приусадебных участках, а то и просто на воле.

Пойманную на наживку птицу уносили подальше от глаз людских, разделывали и, поджарив на костре, с жадностью съедали.

За такое своеволие шарлатану Сосо (уже тогда прилепилось к нему это прозвище) от отца Виссариона влетало больше всех.

С того времени сохранил он любовь к шашлыку из мяса птицы.

Многочисленные мастера кавказской кухни знали о вкусовых пристрастиях хозяина. На ближних и дальних дачах, при подсобных хозяйствах специально для вождя разводили кур, индеек, фазанов, куропаток, рябчиков. Правда, это было позже, когда страна оправилась от голодного мора, хотя народ долго ещё не знал, что такое сытая жизнь.

Простых смертных кремлёвский властелин держал впроголодь, чтобы «не гас революционный дух», «стремление к действиям» в условиях «обостряющейся классовой борьбы».

Его забота о кадрах не только кремлёвских, но и на периферии была воистину всеобъемлющей.

Изолированные от народа, партийные чиновники получали роскошные квартиры репрессированных в правительственных домах со спецстоловыми, откуда трижды в день за несколько кварталов тянуло ароматом жареного мяса, дразня нищих и голодных.

Так было даже на моей родине — в Махачкале, когда в 1933–1935 годах голод гнал в Дагестан людей с Кубани и Дона.

Толпы оборванных, чумазых, истощённых детей и подростков умирали под заборами у вокзалов и пристаней. На рассвете их тела подбирали, укладывали на подводы штабелями, как брёвна, покрывали брезентом, везли за город и сбрасывали в глубокие ямы.

Заботился «отец народов» не только о благоустройстве, быте, полноценном питании партийных работников, но и об их драгоценном здоровье.

Нарком здравоохранения даже издал указ: «Ввиду крайнего переутомления ответственных работников ЦК ВКП(б), предлагается ввести порядок предоставления возможности использовать отпуск для отдыха и поправления здоровья».

Поправлять здоровье было где. Все курорты страны были предназначены для лечения трудящихся, но фактически — для правящей элиты. Лучшие здравницы Кавказа и Черноморского побережья, Подмосковья были открыты только для «слуг народа».

Кое у кого из правителей, возвысившихся из пролетарских слоёв, не замедлили проявиться «барские» замашки. Не довольствуясь отечественными здравницами, они потянулись на фешенебельные курорты Европы.

Тратили валюту, предназначенную для закупки зерна голодающим.

И этот элитарный сброд ехал отдыхать в Карлсбад, Висбаден, в Австрию, к подножию Альп, на другие всемирно известные курорты. Воистину, эгоизм и себялюбие у большевиков превышали груз навеянных марксистами передовых идей!

В период НЭПа страна немного воспрянула после экономического кризиса, но начавшаяся коллективизация опять ввергла молодую республику в водоворот крестьянских бунтов, насилий и террора.

Новая волна голода захлестнула регионы, производившие зерно, которым кормилась не только вся Россия, но и заграница.

Повинный во всём этом Сталин, со свойственной ему способностью и умением сваливать собственную вину на других, стал выискивать «козлов отпущения», обвинив активно действовавших по его же заданию партократов в «головокружении от успехов».

В аппарате ЦК ещё были люди мыслящие, образованные, которые критически оценивали диктат и сумасбродство генсека и открыто высказывали своё мнение, критикуя его необдуманные и не согласованные с членами ЦК действия. И не только высказывали, но и публиковали на страницах печати свои соображения и предложения.

Возьмём, например, Бухарина. Как известно, Николай Иванович — коренной москвич, член РСДРП с 1906 года, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член Президиума Академии наук, главный редактор газеты «Известия», соратник Ленина. Я хорошо помню газетные публикации, в которых обвиняли Бухарина за его теорию «врастания кулака в социализм». На самом же деле, как я с трудом разобралась позже, эта теория называлась «Теория устойчивости мелкотоварного производства».

Глубоко не вникая в политику, но хорошо зная жизнь села, я не сомневалась в правоте теории Бухарина, который, как я понимаю сегодня, был против того, чтобы у крестьян отбирали всю землю.

Что ж в том плохого, что Николай Иванович настаивал на том, чтобы людям были оставлены приусадебные участки наряду с создаваемыми колхозами. Что также нужно оставить крестьянину хотя бы минимальное количество крупного и мелкого скота. Что крестьянин привык кормиться и кормить семью за счёт собственного хозяйства — эту привычку он вобрал в себя с молоком матери.

Коллективные хозяйства можно создавать на добровольных началах и даже где-то в принудительном порядке.

Крестьяне будут отдавать часть своего труда коллективным хозяйствам.

Они сами и члены их семей найдут время для обработки своих участков, для ухода за скотом и будут кормиться за счёт собственного хозяйства.

Но если мы отберём у крестьян всё, они превратятся в

иждивенцев колхоза, то есть государства. Общественное — значит, ничьё, а раз ничьё, значит, его можно брать, нарушая законы.

А брать будут те, кто станет во главе хозяйства. Глядя на них, станут воровать и рядовые.

В конце концов, лишившись заинтересованности собственников, часть крестьян предастся лени, безделью.

И ещё надо учесть, что, если крестьянам будет оставлена часть земли и скота, у него могут образоваться излишки, которые он будет реализовывать на рынках или сдавать в приёмные пункты при колхозах.

Вот так я поняла «Теорию устойчивости мелкотоварного производства», созданную Бухариным.

Но «корифей всех наук» обвинил Николая Ивановича в связи с Троцким, шпионаже в пользу иностранных государств и подготовке покушения на его бесценную жизнь. Хотя известна странная привязанность Сталина к Бухарину, к Бухарчику, как он его называл. Возможно, это была та самая ситуация привязанности палача к жертве.

Известный в семидесятых годах писатель и журналист Леонид Лиходеев, отдыхая в Кисловодске, поделился на встрече с местными литераторами замыслом написания романа о Николае Бухарине. Он говорил, что вероломный Сталин предложил ничего не подозревающему Бухарину написать проект Конституции и командировал его в Париж — как раз накануне процессов по Каменеву и Зиновьеву, обвиняемых в убийстве Кирова.

Сталин не хотел возвращения Бухарина в страну, чтобы громогласно объявить: «Бежал, спасая свою шкуру от гнева народа, к своему хозяину Троцкому». Сталин хотел оказаться в роли доверчивого и обманутого благородного вождя, что давало ему возможность ещё раз подчеркнуть свою прозорливую настороженность к Бухарину. Но Бухарин вернулся, и, как мы знаем, вернулся на верную смерть.

Было сфабриковано дело «антисоветского правотроцкистского блока» — обвинялись два десятка человек.

Все они под воздействием невыносимых пыток признались не только в означенном выше, но и в убийстве Кирова, умерщвлении Горького, Менжинского, Куйбышева и подготовке террористического акта в отношении Ежова.

Восемнадцать обвиняемых во главе с Бухариным были расстреляны, остальные получили сроки.

Расстрел — высшая кульминация, развязка в «игре жизни», с мистической точностью разыгранная режиссёром Сталиным. А новую Конституцию, написанную Бухариным, приняли без

изменений, назвав «сталинской».

Что можно было ожидать от правителей, если сельскохозяйственный отдел ЦК возглавлял сапожник — Лазарь Каганович.

Благословляемые Сталиным «сапожники», неспособные отличить лопух от подорожника, ликвидировали кулачество как класс, вместе с подкулачниками.

Часть из них, наиболее сопротивляющиеся, были расстреляны, а большинство выселены на Север, в голодные, безводные степи и обречены на вымирание.

Но те, кто выжил, унаследовав от предков завидную смекалку и трудолюбие, зарылись, спасаясь от стужи, в землянки, вырыли колодцы, куда собирали снеговые и дождевые воды, построили избы и заставили землю родить такие урожаи, каких не давали колхозы плодородного Черноземья.

Партийный делёж

Вот вы сами, товарищ Лукашов, не могли взять в толк, почему такие деятели, как Сталин, руководствуются не простыми человеческими понятиями порядочности, добра и зла, а обязательно подводят «классовую платформу». Ну, расстреляли врага, это закономерно и понятно каждому: борьба идёт. Элементарную вежливость большевики забыли в пылу борьбы — вот тут и надо искать разгадку.

Имя Сталина до революции и в годы переворота никем и нигде не упоминалось. Даже в Закавказье он как политический деятель до 1910 года заметной роли не играл. В предоктябрьский период и после переворота он искусно лавировал между Троцким и Лениным.

В личных побуждениях Сталин не останавливался ни перед какими моральными и нравственными устоями. Его отличало внешнее спокойствие, немногословие, исполнительность перед теми, кто стоял выше его, и высокомерие, грубость и пренебрежение по отношению к подчинённым.

В дискуссии, возникавшие между сторонниками Ленина и Троцкого, он не вмешивался, но внимательно следил за их ходом и становился на сторону большинства.

Одно время, перед Октябрьским переворотом, когда Троцкий проявлял более активную и решительную деятельность, Сталин постоянно увивался возле Троцкого.

Позднее, когда убедился в том, что ведущая роль в революции семнадцатого года и после неё принадлежит Ленину,

стал сторонником Ильича.

До 1922 года, то есть до случайного, необдуманного назначения Сталина генсеком, среди окружения Ленина и старых революционеров-подпольщиков его имя не котировалось, и многие с ним просто не считались.

В свою очередь, Сталин терпеть не мог смелых, принципиальных, прямых ветеранов партии.

В те первые годы становления советской власти тяжёлая обстановка сложилась не только в стране, но и внутри большевистской партии.

Видя, что её ряды засорили всякого рода перерожденцы, карьеристы, двурушники и морально разложившийся сброд от люмпенов, компрометирующие советскую власть, Ленин решил провести чистку партии в 1921 году.

Для этого при городских и районных организациях были созданы специальные комиссии. «Комиссары», заручившись биографическими данными стоящих на учёте партийцев, в присутствии коллективов, где работали большевики, занимались разбором их деятельности в прошлом и настоящем.

Таким образом правящая партия в какой-то степени очистилась от людей, недостойных в ней состоять.

В непогрешимости своих соратников Ленин не сомневался. Их заблуждения прощал — после того как они сами, осознав свои ошибки, соглашались с его доводами.

Надо сказать, многие из них были людьми, увлечёнными благими идеями Маркса, где-то идеалистами. Но большинство тех большевиков — соратников Ильича, как и он сам, были люди образованные, культурные и по-своему оценивали проявления «красного террора» в ответ на «белый террор».

В отношении Сталина, к которому он вначале относился с некоторым доверием, у Ленина появилась настороженность и беспокойство, в особенности когда Ильич заболел, а близкие люди стали говорить ему о высокомерном, грубом, пренебрежительном отношении новоиспечённого генсека к деятелям Советского государства, перед которыми он ещё недавно лебезил.

И Ленин понял, что совершил ошибку, выбрав на пост генерального секретаря партии Сталина.

Не желая обидеть соперничавших между собой достойных претендентов на этот пост, он остановил свой выбор на личности, занимавшей индифферентную позицию, в надежде, что продержится Сталин недолго.

Но, как изволите видеть, индифферентный оказался бестией.

Он не только перестал считаться с теми, кто ещё недавно

превосходил его во всех отношениях, но и, воспользовавшись болезнью Ильича, позволял себе разговаривать грубым тоном с женой Ленина Крупской и оскорблять её.

А после смерти Владимира Ильича генсек, начавший постепенно прибирать власть к рукам, окончательно обнаглел.

Тогда Надежда Константиновна Крупская извлекла пакет-завещание Ленина, в котором Ильич предлагал освободить Сталина от должности генсека, как человека, по своему характеру, низкому уровню культуры и знаний не соответствующего занимаемой должности. Пакет Крупская отправила в секретариат ЦК.

Пронырливый служака — технический секретарь Мехлис, схватив пакет, содержавший последнюю волю Ленина, бросился к хозяину.

Сталин, ознакомившись с завещанием, разволновался и, не скрывая негодования, поспешил к Крупской.

Обложив площадной бранью верную жену, друга и ближайшего помощника Ленина, прошедшую с ним по этапам ссылки, Сталин пригрозил ей: «Если будешь заниматься болтовней и подрывом моего авторитета, я «назначу» Стасову официальной женой Ленина, а ты останешься на задворках партии». Это произошло накануне XIII съезда партии.

В мае 1924-го состоялся пленум ЦК.

Заседание открыл Каменев и сразу приступил к чтению ленинского завещания.

После окончания чтения в тишине застывшего зала слово попросил Зиновьев.

Свою речь он начал с заверения, что предсмертная воля вождя для него и остальных ленинцев свята. «Мы останемся верными клятве, данной у гроба Ильича, — заверил он и добавил: — Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались. Я говорю о нашем генеральном секретаре».

Брови Сталина, сдвинутые в суровом напряжении, взметнулись, он поднял голову и обвёл сидящих в зале сковывающим взглядом.

А надо сказать, что Сталин после смерти Ленина осознал опасность Троцкого как претендента на лидерство в партии. И, конечно же, не сидел сложа руки, а со свойственной ему хитростью и коварством умножал своих сторонников.

Ему удалось противопоставить Троцкому Каменева, несмотря на родство между ними (Каменев был женат на сестре Троцкого), и Зиновьева — людей более интеллигентных и степенных, чем истероидный Лейба Давидович.

После выступления Зиновьева председательствующий Каменев, который вместе со Сталиным и другими подготовил весь этот сценарий, рассчитанный на раскол партии, в свою очередь стал убеждать участников пленума в целесообразности оставления Сталина генсеком ЦК.

Троцкий, прекрасно понимая ход этой игры, сидел молча, спокойно взирая из-под полуприкрытых век на говорящих. Конечно же, он был уверен, что Сталин по сравнению с ним, Каменевым и Зиновьевым — пешка, которая будет со временем сброшена с «шахматной доски»!

Но и Троцкий, и Каменев, и Зиновьев ошиблись. «Пешка» неожиданным образом превратилась в «королеву» и объявила «мат» всем троим игрокам в политику.

Сначала Сталин с помощью Каменева и Зиновьева расправился с Троцким. Он был бит, лишился власти, которой когда-то обладал.

Последнее выступление Троцкого состоялось на пленуме в октябре 1927-го. Расстроенный, он говорил невнятно бессвязные слова, направленные в основном против главного врага — Сталина.

Сорвалась и попытка Троцкого провести демонстрацию в день десятой годовщины Октября вместе со своими сторонниками. По приказу Сталина демонстранты были разогнаны.

Троцкому предъявлено обвинение в попытке покушения на Сталина. Однако взять Троцкого и уничтожить внутри страны Сталин не осмелился. Имя Троцкого было слишком известно не только среди старых большевиков, но и среди многих деятелей страны и командования Красной армии.

Вот яркая характеристика, которую дал автор романа-исповеди одному из вождей революции: «Скрывать свои цели, врать, изворачиваться Лев Давидович был великий мастер. Безудержное многословие, беспринципность и ложь — вот свойства его натуры, и они же — его оружие в политической борьбе. Он мог произносить речи по восемь-девять часов, затапливая, изнуряя слушателей словесами».

Исключённому из рядов большевистской партии, снятому с руководящего поста Троцкому предложили покинуть Советский Союз.

Казалось бы, сионисты западноевропейских стран должны были встретить соплеменника с распростёртыми объятиями. Но многие государства отказали ему в приюте.

В Стамбуле существовала еврейская диаспора, которая наравне с представителями других народностей пользовалась какими-то правами, она и позаботилась об изгнаннике. С разрешения президента Турции Мустафы-Кемаль-паши (Ататюрка) Троцкий поселился в Стамбуле.

Не знаю, насколько это правда, но один из старых коммунистов уверял меня, что Троцкий даже был членом турецкого парламента.

Позже, когда Сталин сосредоточил в своих руках всю власть в стране, он очень пожалел, что выпустил своего непримиримого врага, который там, за рубежом, на свободе выплёскивал наружу всю его подноготную, характеризуя как матёрого преступника, убийцу, зверя, бесчеловечного тирана, в котором не было и нет ничего коммунистического и интернационального.

Агентура Сталина сумела пустить глубокие корни в Испании, компартия которой была на полном обеспечении Советского Союза и вела широкую антитроцкистскую пропаганду. В своих рядах она готовила террористов, которые не раз пытались покончить с Троцким. В конце концов тайный агент сумел добраться до него и уничтожить.

Каменев и Зиновьев недолго торжествовали под крылом «горного орла». Многоопытный хищник не доверял своим союзникам по борьбе с Троцким, тем более что внутри руководимой им партии продолжался раскол, одна за другой возникали оппозиции, во главе которых становились коммунисты ленинской гвардии.

В лице Каменева и Зиновьева Иосиф Сталин со свойственной ему подозрительностью узрел претендентов на власть, заподозрил их в создании оппозиционных групп и, решив избавиться от них, отстранил от занимаемых должностей.

На пленуме, где решалась судьба обоих, Зиновьев, обескураженный, напомнил генсеку о том, как он и Каменев на внеочередном пленуме, перед XIII съездом партии, фактически

спасли его от сокрушительного приговора, вынесенного Лениным в своём завещании.

На вопрос Зиновьева, а знает ли Сталин, что такое благодарность, узурпатор, гордо откинув голову, глядя свысока, медленно вынул трубку изо рта, с саркастической улыбкой и с подчёркнутым акцентом протянул: «Ну как же, очень хорошо знаю, это такая собачья болезнь».

Каменев и Зиновьев были исключены из партии, осуждены за антипартийную троцкистскую деятельность и сосланы.

После убийства Кирова оба были возвращены из ссылки под конвоем и водворены в следственный изолятор. Им было инкриминировано участие в покушении и убийстве Кирова, а также в руководстве замаскированной белогвардейской террористической организацией.

И это в период их нахождения в ссылке!

Обоих расстреляли.

Много неприятных хлопот стремившемуся к безраздельной власти генсеку доставляли неугомонные, строптивые старые большевики, никак не желавшие признать его «неоценимый вклад в революционную борьбу в Закавказье и героические подвиги в годы Гражданской войны». В их лице Сталин узрел оппозиционеров, много знающих и непоколебимых в убеждениях.

Желая избавиться от них, Сталин в 1934–1935 годах возобновил чистку партии. Причём на сей раз на каждого ветерана партии был собран компромат.

Многие из бывших членов РСДРП, профессиональные революционеры, прошедшие через тюрьмы и каторги, были исключены из партии. Вслед за этим последовал запрет всяких объединений старых большевиков, а существовавшие общества партийных ветеранов, которых Ленин называл «золотым фондом партии», были распущены.

Также были ликвидированы издательство и типография, где публиковались и печатались марксистско-ленинские труды, воспоминания, очерки, зарисовки из жизни тех, кто боролся и подготавливал народ к борьбе за свободу.

Старые большевики возмущались безрассудными деяниями Сталина и его окружения, искажением исторических событий и фактов, преувеличением несуществующих заслуг «отца народов», который к тому же стал чинить расправы над соратниками Ильича.

Ветераны стали открыто высказываться и письменно выражать своё недовольство.

Тогда Сталин приказал убрать возмутителей спокойствия, и многие старики стали один за другим бесследно исчезать.

Оставшиеся, уединившись, надолго умолкли.

Угрозу своему правлению генсек видел и со стороны средневозрастных работников аппарата ЦК.

Чтобы придавить их силой большинства молодых, непокорных, легковерных, он объявил массовый приём в партию и стал назначать на руководящие посты молодых коммунистов как в центре, так и на периферии.

Знал, что честолюбивая молодёжь, вкусив блага, дарованные властью, будет цепляться за неё и пойдёт на всё ради того, кто наделил ею их.

В опору своего крепнущего с каждым годом могущества Сталин превратил ЧК, а затем и ГПУ — в густую сеть тайной агентуры, следящей за каждым, начиная с членов политбюро и кончая дворником.

Если омоложением партийных кадров Сталин занимался с целью умножения голосов своих сторонников, то в отношении ближайшего окружения он был консерватором и людей, не испытанных временем и преданной службой, к себе не допускал.

Из множества технических секретарей и помощников Сталина двое были евреями: Каннер и Мехлис. Они были антитроцкистскими оппозиционерами и работали с ним начиная с 1922 года — года его назначения генсеком.

Сталин вначале доверял Каннеру больше, чем остальным. Последний много знал о неблаговидных делишках патрона. Обеспокоенный этим, генсек решил, что Каннер сыграл свою роль до конца, и приказал Ежову убрать его. Каннера расстреляли.

Но ещё задолго до того, когда в аппарате ЦК появилась возможность для возникновения всяких дискуссий, а противоречащие Сталину стороны не расценивались как оппозиционные, на одном из партийных собраний возник спор по организационному вопросу.

Большинство присутствующих коммунистов во главе с секретарём партячейки проголосовали против предложения Сталина. А на учёте той самой ячейки состояло полторы сотни человек, и все они были сотрудниками аппарата ЦК.

Такое поведение подчинённых Сталину не понравилось.

Он во всём обвинил секретаря партячейки и велел Каннеру и Мехлису подобрать на эту выборную должность простого рабочего — человека от станка или лопаты, — заметив при этом, что в полуторатысячном аппарате ЦК нет ни одного рабочего.

Несколько дней Каннер и Мехлис подбирали кандидатуры, разумеется, из работяг, являвшихся членами партии. Думали-гадали и остановили свой выбор на смиренном трудяге — Александре Поскрёбышеве, рабочем типографии журнала

«Известия ЦК», который занимался паковкой тюков журналов и рассылал их по партбиблиотекам краёв и областей.

Такой неожиданный гигантский скачок в карьере приземлил покорного судьбе и начальству работягу, которого хитроумные Каннер и Мехлис подыскали чуть ли не ради потехи.

В 1928 году, когда Кассиора выдвинули четвёртым секретарём ЦК РКП (б), Каннер и Мехлис предложили в помощники ему Поскрёбышева, из соображений внешней схожести, хотя они и различались по темпераменту, что делало их комической парой на сцене «государственного театра юмора и сатиры».

В 1928 году немногословного, смиренного, исполнительного Сашу Поскрёбышева взял себе в помощники И.П. Товстуха — один из пяти ближайших личных секретарей генсека — человек суровый, мрачный, больной чахоткой, с лихорадочным блеском пронзительных глаз, довольно грамотный, с которым Сталин считался больше, чем со всеми остальными. Когда в 1935 году И.П. Товстуха неожиданно скончался, Иосиф Виссарионович сделал Поскрёбышева своим помощником.

Как говорят, он обладал феноменальной памятью и поразительной работоспособностью.

С 1952-го Поскрёбышев — секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС. Генерал-лейтенант. Был женат на Брониславе Соломоновне Металликовой, сестре жены сына

Троцкого — Льва Львовича.

В 1937-м, по указанию Сталина, её арестовали — только за то, что она пришла к Берии похлопотать за арестованного брата (замнаркома здравоохранения) и его жену.

При этом рабски покорный Поскрёбышев поначалу ни словом, ни взглядом не выразил своего недовольства или переживаний.

Потом, говорят, он умолял Сталина спасти жену, но тот ему отказал.

Три года провела она в тюрьме, затем её расстреляли по обвинению в шпионаже.

Остались сиротами две дочери.

А Поскрёбышев, словно робот, автоматически и бессловесно продолжал исполнять свои обязанности, проводя бессонные ночи в ожидании прихода опричников Берии.

Они его и взяли. В ноябре 1952-го Берии удалось убедить Сталина освободить Поскрёбышева от должности по подозрению в причастности к «делу врачей».

Хрущёв на XX съезде назвал Поскрёбышева «верным оруженосцем Сталина».

Смерть в потайных хоромах

Я считаю проявлением высшей степени неделикатности и бестактности акцентировать внимание на личной жизни человека и интимных проявлениях любви, чувств и привязанностей.

Но когда это касается удовлетворения животных похотливых инстинктов и желаний, связанных с принуждением и насилием, особенно если речь идёт о представителях власти, государства — личная жизнь которых на виду и должна служить примером во всём и для всех, — низменные пороки властей предержащих становятся достоянием общества, и по меньшей мере вызывают презрение и отвращение.

После жены Сталина вы, Николай Алексеевич Лукашов, были самым близким человеком вождя (может быть, были даже ближе, чем она) и знали то, чего не знала даже Надежда Сергеевна и жёны других обитателей Кремля.

Почему же умолчали об оргиях, устраиваемых по ночам в Кремле и на дачах?

Быть может, и вы были участником тех попоек, которые генсек, уже пользовавшийся неограниченной властью, устраивал с дружками в потайных хоромах? Ведь это были не просто весёлые застолья с приятными зрелищами, а нечто более пикантное.

Для увеселения вождя и его приближённых под прикрытием ночи доставлялись не просто звёзды столичных театров, а самые юные красавицы-танцовщицы и певуньи театров и ансамблей. И, конечно же, всех их потом осыпали градом орденов, медалей, званиями лауреатов Сталинской премии.

Все они становились приближёнными к правящей элите, прикреплялись к закрытым правительственным кормушкам, где лучшие товары, меха, ювелирные изделия отпускались почти за бесценок по сравнению с тем ширпотребом, который предназначался для широких масс трудящихся.

Среди балерин, которым Сталин оказывал внимание, называли Марину Семёнову и Ольгу Лепешинскую. Из певиц говорили о Валерии Барсовой и Наталии Шпиллер. В постели вождя побывали красавица Бронка Металликова, жена Поскрёбышева, Валя Истомина, в обязанности которой входило накрывать стол самому вождю и стелить ему постель, Женя Аллилуева и много других, тайны которых мы уже никогда не узнаем.

Молва связывала его с Верой Давыдовой.

Однажды Вера Александровна нашла после спектакля у себя в кармане шубы записку: «Около Манежа Вас будет ожидать машина. Шофёр доставит Вас на место. Записку сохраните».

Со смешанными чувствами певица проследовала в назначенное место. Она была замужем, мужа любила и отлично понимала, что произойдёт.

Страх мешался с ощущением избранности. Её отвезли на дачу Сталина. Он сидел уже за накрытым столом.

«После крепкого горячего кофе, вкуснейшего грога стало совсем хорошо. Боязнь и растерянность улетучились. Я пошла за ним. Оказалось, что И.В. ростом ниже меня. Мы вошли в комнату, где стояла большая низкая кушетка. Сталин попросил разрешения снять френч.

На плечи он накинул восточный халат, сел рядом, спросил: «Можно потушить свет? В темноте легче разговаривать». Не дождавшись ответа, он погасил свет.

И.В. меня обнял, умело расстегнул кофточку. Сердце мое затрепетало. «Товарищ Сталин! Иосиф Виссарионович, родненький, не надо, я боюсь! Пустите меня домой!..» На мой жалкий лепет он не обращал никакого внимания, только в темноте загорелись ярким пламенем его звериные глаза. Я ещё раз попыталась вырваться, но всё было напрасно» (из книги Гендлина «Исповедь любовницы Сталина»).

Примеру новоявленной столичной аристократии следовали советские партийные функционеры на периферии.

Княжившие на местах, они пользовались теми же правами и привилегиями, что и вождь со товарищи в Москве.

Не все, но многие из них вели себя как эмиры, ханы, только, в отличие от последних, делали это тихо, уединённо, подальше от глаз людских — для этого и строились спецдачи, охотничьи домики с саунами. Лишь ограниченный круг обслуги знал обо всех интимных сторонах жизни новоявленных господ.

Мне думается, господин Лукашов, что Надежда Сергеевна Аллилуева испытывала к вам, как и к Берии, неприязнь, как к человеку с тёмным прошлым, если так можно выразиться. То же самое испытывали и вы к ней.

Иначе чем объяснить ваши несправедливые, унижающие её женское достоинство обвинения. Ведь вы писали социально-биографический роман, зачем же смешивать нездоровый быт с циничной бульварщиной?

В расчёте на дешёвую сенсацию? Вот вы же сами пишете, что редко бывали в квартире Сталина, тогда как Серго Орджоникидзе и Николай Бухарин были друзьями семьи, очень уважаемыми Надеждой Сергеевной.

Однако вы в курсе всех семейных неурядиц, интимных отношений Сталина с Аллилуевой. Откуда вы можете знать о сокровенных проявлениях физических начал молодой жены вождя и её безудержных желаниях?

И то, что неспособность Иосифа Виссарионовича удовлетворить жену раздражала его? За этим следует гнусная ложь: «А рядом оказался молодой мужчина-пасынок, обожествлявший молодую мачеху».

И вы утверждаете, что она стала демонстрировать свои интимные отношения? Вы не знаете психологию кавказских мужчин, тем более сыновей, для которых отец — бог в доме.

А Надежда Сергеевна, как женщина высокопорядочная, мать, не с плотской страстью, а с материнским сочувствием относилась к Якову — парню скромному, не лишённому благородных черт, не знавшему отцовской ласки, досыта хлебнувшему из чаши нужды и лишений.

Сталин не только не любил, он терпеть не мог собственного сына, как не терпел всех, кто знал его позорное прошлое. А Яков знал, кем был его отец в молодые годы и как его несчастная мать носила узелки с передачами, и заметьте, не политзаключенному, а профессиональному уголовнику с социального дна.

Кощунственную неприязнь вы проявляете и к Ольге Федоренко — матери Надежды Сергеевны. «Оля Федоренко — натура чрезвычайно сексуальная, в свои молодые годы уже сходила с ума от сладострастия и готова была броситься на первого попавшегося мужчину».

Откуда это вам знать? С ней вы познакомились, когда она была в летах, бабушкой. С чувством отвращения читала я красочно описанную вами сцену, отображающую дикую страсть «чёрной розы», сутками предававшейся разврату.

«Яма» Куприна с продажными обитательницами притона блекнет по сравнению с действиями вашей героини. Как вы могли такое придумать и так очернить женщину, преданную жену, мать троих благовоспитанных детей?

Рассказать вам такое, если она вменяема, Ольга Евгеньевна не могла. Двойственность характеристик героинь романа говорит не в вашу пользу.

Вы же сами пишете, что Ольга Евгеньевна, как хорошая жена, помогала мужу в годы его подпольной деятельности. Было ли у хорошей хозяйки, обслуживающей семью из пяти человек — которых она обстирывала, обшивала, которым трижды в день готовила пищу, доставала продукты в те трудные годы, — время и желание предаваться разврату, если к концу дня она валилась с ног?

Нет, вы, Николай Алексеевич, всё-таки фантазёр и выдумщик, в чём я не раз убедилась, читая вашу исповедь…

Интимная жизнь и «копание в грязном белье» вас интересовали так же остро, как и военная наука и политика.

Вы знали о существовании «флюидов», даже не обозначенных в словаре русского языка. Оказывается, «в массе женщин, в основном добропорядочных, встречаются порой особы, у которых половое влечение затмевает всё прочее.

На первый взгляд они не выделяются, не отличаются красотой, блещут далеко не все, но они вроде бы проникнуты сексом, словно бы источают какие-то флюиды, возбуждающие мужчин». Это вроде сучек, вокруг которых вьются кобели. Так надо понимать?

Может, где-то вы и правы, существуют женщины, но чаще всего мужчины, у которых желание обострено вплоть до болезненного состояния.

А что касается «флюидов», источаемых некоторыми женщинами, жертвами которых становятся наивные парни, эту особенность следует учесть криминалистам и судмедэкспертам.

С рождением дочери семейные отношения Сталина с женой на некоторое время улучшились, но потом обострились вновь.

А вы, Николай Алексеевич, во всех неурядицах в семье «человека, отмеченного большой властью» обвинили жену.

И тем не менее вы сами пишете — когда при очередной ссоре вождь обложил её «фразами, среди которых были грязные, услышанные им в ссылке», Надежда Сергеевна, забрав детей, уехала в Ленинград. Николай Алексеевич, неужели вы

сомневались, что «грязные фразы» составляют лексику обычной разговорной речи генсека и членов политбюро?

Сталин переживал, конечно, не столько за жену, сколько за собственный «моральный облик» коммуниста. Но помощь и тут явилась — вы. Сталин позвонил, жена вернулась, и он вроде бы успокоился, депрессии стали проявляться реже, но нервозность, бессонница, чувство необъяснимого страха с явлениями галлюцинаций участились.

И тут у вас, Николай Алексеевич, возникла мысль показать мудрого вождя невропатологу. Надежда Сергеевна же посчитала целесообразным проконсультироваться у психиатра.

Секретно, со всеми подобающими предосторожностями, из Ленинграда был приглашён всемирно известный психиатр Бехтерев.

Диагноз — паранойя.

Это хроническая болезнь, сопровождающаяся бредовыми идеями, проявляется у людей, достигших зрелого возраста. До наступления явных симптомов могут появиться отдельные признаки: при вспышках гнева, граничащих с агрессией.

Такие больные замкнуты, высокомерны, надменны. Очень реактивны, если чувствуют пренебрежение к себе. При этом они могут броситься в драку, если почувствуют, что противник слабее. После нанесения побоев, увечий и даже убийства параноик испытывает чувство приятного удовлетворения.

Особенно страшен параноик у власти. Подозрения в измене, заговорах, покушениях постоянно одолевают больной рассудок.

Объектами этих подозрений становятся не только недруги, но и самые близкие из родни и окружения. Больные постоянно находятся в тревожно-мнительном состоянии, страдают бессонницей и очень подавляюще действуют на окружающих своей замкнутостью, угрюмостью. Они изменчивы по натуре, лживы, причём верят в собственную ложь, тогда как не верят говорящим правду.

Выдать, предать человека для параноика ничего не стоит. Болезненная подозрительность влечёт их к подслушиванию, подглядыванию, а если им удаётся достичь власти, они окружают себя тайными осведомителями, информаторами из числа беспринципных, безнравственных людей, противопоставляя их коллективу и тем самым внося раздор и раскол.

Человек несведущий и не подумает, что перед ним душевнобольной. В его понимании — раз не лезет на стенку, не буйствует, вылупив безумные глаза, значит, нормальный. Если он и заметит какие-то отклонения в поведении, скажет — как, например, Власик: «Странный какой-то».

Обострение болезни может происходить и в юношеском возрасте, в период полового созревания, а также с наступлением климакса, который наблюдается как у женщин, так и у мужчин.

Кроме того, состояние подавленности, тревоги с взрывными реакциями на всякие пустяки отмечается у параноиков при резких перепадах погоды в осенние и весенние периоды, да и в любое время года при внезапных наступлениях атмосферных фронтов, а также в связи с электромагнитными возмущениями, связанными с активацией процессов, происходящих на Солнце.

Итак, для обследования «великого вождя» был приглашён директор Ленинградского психоневрологического института профессор Владимир Михайлович Бехтерев.

В тот день Бехтерев собирался в Москву на съезд психиатров и невропатологов. Получив телеграмму из медико-санитарного

управления Кремля накануне, он связался с врачами, обслуживающими правительство.

Ему сообщили, что сейчас за ним будет выслана машина. Бехтерева доставили в кремлёвскую квартиру Сталина. Хозяин ждал его в своём рабочем кабинете.

Внимательный осмотр затянулся так, что Бехтерев опоздал к началу заседания, на котором он был избран почётным председателем. Когда он появился, к нему подошли несколько коллег с приветствиями.

Один из них шёпотом спросил о причине задержки. В ответ Владимир Михайлович буркнул: «Смотрел одного сухорукого параноика». Слова оказались роковыми.

Вечером первого дня заседания многие делегаты съезда, в том числе и Бехтерев, пошли в театр. Во время антракта, когда Бехтерев вышел в фойе, к нему обратились неизвестные, хорошо одетые, представительного вида кавказцы. Они любезно пригласили Владимира Михайловича в кабинет директора, где был накрыт стол. На блюдах и тарелках были разложены бутерброды с холодной закуской, стояли вазы с фруктами, батареи бутылок с марочными винами.

Словоохотливые, сладкоязычные южане, конечно же, предложили провозгласить первый тост за большого учёного, которым гордится вся страна, а затем за русский народ и, конечно же, за товарища Сталина.

Крепкий и энергичный в свои семьдесят лет Бехтерев, вернувшись из театра, почувствовал слабость, недомогание и тошноту.

Силы покидали его, появилась дрожь в пальцах, лицо побледнело, на лбу выступил холодный пот. К заболевшему Бехтереву пригласили профессора Бурмина, которого коллеги старались обходить, зная, что он подвизается у Ягоды (в ГПУ).

Диагноз Бурмина — явление острого желудочного заболевания. С этим ни о чём не говорящим диагнозом Бехтерев промучился ночь, день, а к полуночи следующего дня скончался.

Элементарные меры, предусмотренные на случай скоропостижной смерти, приняты не были — вскрытие не проводилось.

Более того, не посчитавшись с просьбой близких — похоронить Бехтерева в Ленинграде, покойного спешно кремировали, чтобы замести следы на случай возможной эксгумации. В общем, следы замели тщательно.

Триумвират закавказских разбойников

Некоторые сталинисты — политические деятели и историки — в своём стремлении вознести Сталина до небес, описывая его бурную революционную деятельность в Закавказье начиная с 1905 года, называют его «вторым Лениным», за которым шли не только революционеры-подпольщики, но и трудовой народ.

Но почему-то Сталин ни разу не появлялся ни в Закавказье, ни на Кавказе за все годы борьбы народов с местными представителями царской администрации, националистами, Добровольческой армией и интервентами за установление советской власти.

Казалось бы, кому, как не «второму Ленину», знавшему народ и революционеров — бывших борцов-подпольщиков, возглавить освободительное движение на Кавказе и в Закавказье.

Но нет, он предпочёл Петроград, близость к ЦК, к Ленину и роль военного комиссара в армейских тылах.

Однако, как только революционным силам Грузии удалось свергнуть власть меньшевиков, «второй Ленин» поспешил, с благословения Владимира Ильича, в Тифлис, в сопровождении Кирова и Орджоникидзе, чтобы засвидетельствовать свою роль в деле борьбы за свободу народа и установить власть во всём Закавказье. Но делать это надо было вроде бы от имени народа. Устраивались сборища, митинги.

Решив блеснуть перед рабочими-железнодорожниками в новом амплуа, Сталин самоуверенно поднялся на трибуну. Но как только начал произносить зазубренные наизусть революционные фразы, в толпе раздался ропот, перешедший в волнение, шум, крики. Путейцы узнали в ораторе шарлатана Сосо, путавшегося когда-то под ногами агитаторов, использовавших шустрого бездельника на побегушках.

Кричащая, свистящая, улюлюкающая толпа ринулась к трибуне валом. Представившийся Сталиным Джугашвили, физиономию которого трудно было спутать с какой-нибудь другой, сопровождаемый двумя вооружёнными охранниками из ЧК, вынужден был ретироваться.

Больше на митингах, собраниях, проводимых в Тифлисе представителями центра и местного партийного актива, он не показывался.

Несколько дней Сталин не мог прийти в себя и тот день запомнил навсегда. Но за событиями в Закавказье, где

продолжали бурлить политические страсти, следил зорко.

Его угнетало, что многие из его соплеменников, стоящих у власти в Грузии, в отличие от россиян не признали его как генсека и по всем делам обращались прямо к Ленину.

Неожиданным образом оказавшись во главе ВЦИКа Страны Советов, верховного органа советской государственной власти в период между съездами, Сталин больше всего думал о делах государственных.

Ленин из-за болезни постепенно отошёл от управления страной. Как известно, в августе 1922-го входивший в роль хозяина страны генсек Сталин предложил политбюро ЦК проект так называемого «плана автономизации», созданный с целью объединения всех республик в единое государство и составленный, кстати сказать, с помощью всё той же Людмилы Николаевны Сталь.

Для разработки и практического осуществления этого плана была создана комиссия, в которую входили представители всех союзных и автономных республик.

Ознакомившись с планом автономизации, большинство из представителей местной власти его одобрило. Некоторые, колеблющиеся, от голосования воздержались. А грузинские представители во главе с секретарём ЦК компартии Грузии П. Мдивани признали план несостоятельным, требующим обсуждения.

Вы, дорогой автор романа, считаете, что грузины противостояли осуществлению этого плана из-за националистических побуждений.

Неправда, скорее из-за недоверия к не уважаемому грузинскими коммунистами Сталину. Ведь большинство из них были люди образованные, интеллигентные и хорошо знали настоящую цену Сталину и то, на что он способен.

Но вы считаете фразу «отказали в доверии Сталину» не соответствующей истине, утверждая, что в ту пору подавляющее большинство грузин ещё ничего о нём не знало.

В отношении простых людей, которым безразлично, кто стоит у власти и чем занимается, и которые хотят, чтобы им дали возможность спокойно жить и трудиться, это отчасти верно. А что касается грузинских профессиональных революционеров, заражённых философскими идеями, проповедующими свержение феодального, монархического и буржуазного строя и утверждение свобод и демократических начал, то они, как, впрочем, и революционеры других закавказских республик, боровшиеся за власть Советов с оружием в руках, очень хорошо знали Сосо-Кобу-Сталина и его «вклад» в дело борьбы за утверждение власти

Советов в грузинской губернии.

Так что «воинственный национализм» Мдивани тут ни при чём. Ибо он слишком хорошо осознавал, что древнейшие народы Армении и Азербайджана, веками боровшиеся с шахами Ирана и султанами Турции за свою свободу и независимость, не позволят кучке националистов сопредельной Грузии поставить себя на колени.

Чтобы каким-то образом оказать воздействие на ершистого Мдивани, Сталин уговорил Серго Орджоникидзе срочно выехать в Тифлис и уломать его со всеми его сторонниками согласиться с идеей вождя.

Орджоникидзе выехал.

На второй день приезда состоялось внеочередное заседание членов бюро компартии Грузии.

Посланник Сталина — Серго, выступая, пытался всячески убедить Мдивани и его сторонников, входивших в состав бюро, в целесообразности и даже выгоде вхождения Грузии в единый Союз республик, которые составят Советское государство, руководимое партией большевиков.

Но Мдивани был непоколебим. Его единогласно поддержали члены бюро.

Горячие споры приняли характер конфликта. Дело дошло до оскорблений. Один из ярых приверженцев Мдивани А. Кабахидзе в порыве гнева назвал Григория Константиновича (Серго) «сталинским ишаком».

Эмоции перешли в аффект. Орджоникидзе поднялся, подошёл к Кабахидзе и дал ему пощёчину.

Да, Николай Алексеевич, дал пощёчину тот самый Серго, которого вы справедливо характеризуете как человека выдержанного, терпеливого, корректного, прекрасно знающего, сколь велико преимущество разума над силой физической.

Конечно же, вы, Николай Алексеевич, «переродившийся» дворянин, не оправдывали поступка С. Орджоникидзе, который, став коммунистом, не растерял в сложной суете правительственных кругов страны достоинства настоящего мужчины.

Разгневанный Сталин затаил злобу против большевиков Грузии и начал строить планы расправы.

Старые чекисты школы Дзержинского, работавшие в ГПУ Грузии и в какой-то мере придерживавшиеся законности, не устраивали генсека.

Ему нужен был человек пристрастный, не останавливающийся ни перед кем и ни перед чем, понимающий повелителя с полуслова и слепо действующий в его интересах. К тому же с подмоченной репутацией, а лучше — с уголовным прошлым, которого можно всегда держать «на крючке».

Свой выбор Сталин остановил на Берии — он соответствовал перечисленным условиям, как никто другой. Берия, используя все возможные средства и методы, сумеет очистить Грузию от своих и от его противников, способных создать противодействующую оппозицию.

Прежде чем претворить в жизнь свой план назначения Берии на новую должность, Сталин вызвал его к себе и, уединившись на конспиративной квартире, за накрытым столом, под хмельком долго беседовал с ним на грузинском языке, тонкими намёками давая установки на «толстые обстоятельства».

Лаврентий всё понял. К тому времени власть Сталина в стране укрепилась настолько, что он мог позволить себе и своим приближённым материальные излишества, недоступные даже царствующим особам дома Романовых. Кремлёвский дворец, великолепные усадьбы, виллы и дачи богатых российских промышленников, сказочные дворцы царя, великих князей и именитой русской знати на побережье Чёрного моря перешли в его полное распоряжение и пользование.

Зная это, Берия осознал, какая блестящая перспектива откроется перед ним в Закавказском крае, когда он возглавит второй по значимости орган после ЦК компартии Грузии.

Дел у хитрого Берии теперь было невпроворот. Конечно же, он так же, как его всемогущий патрон, начал с экспроприации, разумеется, после того, как обновил весь штат ГПУ.

Карательные действия начались с арестов именитых представителей княжеских династий, не успевших эмигрировать либо не захотевших добровольно расстаться с малой родиной. Многие из них были арестованы, а их имения — реквизированы.

Хороший «капиталл» был вырван из рук «зарождающейся советской буржуазии». Подверглись аресту духовные лидеры, а из церквей, синагог и мечетей были вынесены все драгоценности.

Немало хлопот доставляли «папе малому» и переданные ГПУ дворцы, виллы и курортные дачи, находившиеся в Грузии. В них нужно было разместить ответственных лиц, обслуживающий персонал, охрану — внутреннюю и зональную. Создать подсобные хозяйства с садами, парниками, животноводческими и птицеводческими фермами, чтобы при появлении «его величества» генсека кулинары — мастера кавказской кухни — имели возможность подавать к столу деликатесы первой свежести.

И это при условии, что администрация этих дворцов, вилл и дач, находящихся круглый год на полном государственном обеспечении и в мобилизационной готовности, не ведала, когда и куда заблагорассудится Сталину и его друзьям-соратникам явиться на отдых. Причём члены семьи вождя, дети,

родственники проводили в этих здравницах целое лето вместе с нянями, обслугой и кремлёвскими охранниками.

Естественно, всеми этими райскими благами пользовался и сам Берия, который умел позаботиться о себе и создать роскошную обстановку для собственной персоны.

Персональные машины в каждом из курортов были к его услугам. С первых дней восхождения на пост хозяина ГПУ Лаврентий Берия обеспечил себя спецпоездом с вагоном-салоном, кабинетом, спальным отделением, дорожной кухней и отдельными купейными вагонами — для охраны, обслуги и поваров.

На этом поезде он вояжировал по курортам, заезжая и в родные края, чтобы произвести «приятное» впечатление на соотечественников в Гульрипши (мингрельском селении

Мерхеули, где родился и провёл раннее детство Лаврико Кукуберия).

На полустанке Гульрипши он нашёл свою любовь, если так можно назвать любовью чувства человека, не гнушавшегося первой встречной «специалисткой» древнейшей профессии с отроческих лет.

Здесь, у места стоянки спецпоезда, к грозному начальнику осмелилась обратиться с просьбой освободить арестованного брата юная красотка Нино.

Берия, который редко соглашался принимать любых просителей, выглянув в окно, похотливо залюбовался свежестью и красотой юной особы. Телохранителю было велено доставить девушку в апартаменты на колёсах.

Очарованный свежестью и молодостью девушки, Лаврентий не выпустил просительницу из салона.

Всё остальное уладили его люди, убедив родителей Нино, что им оказана великая честь, их дочь стала женой человека, с которым не может сравниться ни один из грузинских князей.

Но увлечённость Лаврентия молодой женой продлилась лишь до появления первенца.

Пресыщенный любовью, он удовлетворял свою похоть в бывших барских усадьбах, а ныне правительственных санаториях и дачах, где молоденькие, а главное, благонадёжные сёстры-хозяйки и официантки могли в любое время дня и ночи ублажить чувственного «папу малого».

Но самые большие заботы и хлопоты доставлял Берии «папа большой» во время своего долгосрочного отдыха. В такие дни ставили на уши охрану, отобранную из рослых, молчаливых мингрельских «витязей в тигровой шкуре», готовых в любую минуту ринуться исполнять сложные и ответственные поручения своего батоно (господина).

Хотя кортеж Сталина во время прогулок сопровождали личные охранники вождя, «витязи» Берии незримо охраняли весь путь его следования.

Берия знал, что к нему Сталин относится доверительно, как ни к кому другому, и не сомневается в его личной преданности. Но Лаврентий знал чрезмерную настороженность «хозяина», его склонность к инсценировкам и хотел лишний раз подчеркнуть свою верность вождю.

С этой целью он не раз умело разыгрывал сценарии готовящихся на Иосифа Виссарионовича покушений и «героически» их предотвращал.

Так, например, в дни отдыха вождя в Пицунде Берия спланировал очередной спектакль. Пригласил к себе одного из

охранников, сопровождавших вождя из Москвы, и конфиденциально сообщил:

— Я располагаю сведениями о готовящемся покушении на товарища Сталина. Приняты все меры пресечения. Но необходимо взять врага внезапно, с поличным. Диверсия намечается на завтра, где-то около одиннадцати часов, когда Иосиф Виссарионович будет совершать морскую прогулку. — Лаврентий Павлович перевёл дух, продолжил: — Тебе поручается затаиться в зарослях кустарника, под старой чинарой, что в прибрежном парке. Рядом с товарищем Сталиным буду я. С берега наши люди подадут сигнал. Я пригнусь к борту, чтобы зачерпнуть воду. Тут ты и выстрелишь, это будет сигналом к действиям наших. При успешном завершении операции сам знаешь, что тебя ожидает — награды, повышение по службе. Кроме тебя, никто не должен ни о чём знать.

Отпустив доверчивого службиста, Берия вызвал черноусого, преданного ему как пёс костолома и доверительно прошептал:

— Нашему батоно угрожают террористы, прибывшие из центра. Мы не должны допустить провокации. Твоя задача — завтра в десять утра устроить засаду в кустах прибрежного парка. Место укажу вечером. После завтрака мы с батоно совершим морскую прогулку. Согласно данным чекистов, тут враги и начнут действовать. Ты зорко наблюдай за берегом. Несмотря на то что вся территория прочёсана, именно с берега ожидается угроза. А потому, если где-то из-за кустов раздастся выстрел, беги в ту сторону и уничтожь на месте предателя. Батоно вознаградит по достоинству, я знаю… И ещё, — кроме тебя и меня, об этом никто не должен знать!

Спектакль с двумя служаками-актёрами и наркомом-режиссёром разыграли блестяще. Верный Берия спасёт потрясённого главу государства. «Отец народов», несомненно, оценит, а со временем и приблизит к себе преданного, как генерал Власик, но более бдительного и широкомасштабного предводителя карателей и тайной агентуры.

«Папа малый» — Берия, как и «папа большой» — Сталин, в годы отрочества провёл жизнь с подонками общества, позволившими ему выступать в роли «пахана». Обучение в реальном училище в Мухусе, где из всех предметов предпочтение отдавали математике, породило в нём склонность к делам коммерческим. Посредник базарных мелких торговцев не брезговал и контрабандой.

Мингрел по национальности, из семьи, исповедовавшей иудаизм, он был оберегаем матерью, уповавшей на Бога Яхве.

Каждое утро, когда юный «коммерсант» покидал дом, она с

крылечка благословляла его. Лаврентий обязан был трижды пройти туда и обратно под главной книгой иудейской религии и только после этого отправляться по своим делам.

К революционным идеям, которая в те времена увлекла молодёжь, многоликий ловкач подходил с позиций расчёта — кто платил, тому и служил. Причём сразу нескольким нанимателям — мусаватистам, дашнакам, большевикам.

Последними он и был уличён в предательстве и приговорён к высшей мере наказания — расстрелу.

Но пока бакинские большевики обращались через Кирова к Ленину с просьбой утвердить приговор ревтрибунала, обстановка в Азербайджане изменилась. К власти пришли мусаватисты и интервенты.

Под этот шумок известному уголовнику и авантюристу Мирджафару Багирову удалось вырвать своего дружка Берию из камеры смертников.

Был ли Берия английским шпионом? Некоторые политические деятели и маститые писатели Закавказья расценивают это обвинение как глупость. Однако узкому кругу старых большевиков-революционеров, действовавших в Закавказье, было известно, что брат Берии, завербованный

английской разведкой, покинул Грузию вместе с разведслужбой оккупационных сил Великобритании в 1920 году.

В годы Второй мировой войны этот таинственный братец явится домой через Польшу, встретится с Лаврентием, наверное, не ради выражения своего восторга и восхищения преуспевающему в делах государственных братцу, который выпроводил его обратно за кордон через Китай.

Но вернусь к первым годам становления советской власти в стране.

Некоторые историки склонны утверждать, что знакомство Берии со Сталиным произошло в середине тридцатых. Это неправда. «Триумвират закавказских разбойников» — Сталин-Берия-Багиров — сложился ещё до революции в бакинский период деятельности Сосо.

Эту версию подтверждаете и вы, уважаемый тайный советник вождя, говоря, что, когда в 1922 году Сталин был избран генсеком ВЦИКа, он не замедлил обзавестись конспиративной квартирой неподалёку от Кремля.

Вам он выделил две комнаты, себе взял остальные, разделённые капитальной стеной, в которой была звуконепроницаемая дверь, скрытая портьерами, через которую только и можно было попасть в аппартаменты вождя.

Другой вход в конспиративную квартиру вёл со двора.

Появлялся в этой квартире Сталин один-два раза в неделю, только сам или с неизвестными приезжими людьми с Кавказа, с которыми подолгу вёл беседы, попивая вино или коньяк.

В те уже далёкие от нас двадцатые годы вы впервые увидели моложавого Лаврентия Берию. Держался гость скромно, разговаривал тихо, по-кошачьи бесшумно ходил по комнатам, заглядывая в ванную, на кухню. «И вроде бы обнюхивал углы. После его посещения на всех дверях сменялись запоры и замки», — пишете вы.

Надо полагать, что тогда ещё молодой Лаврентий являлся из Закавказья не к Власику, чтобы засвидетельствовать своё почтение. Уж если заменялись замки конспиративной квартиры, значит, Сталин знал, кто такой Берия, и не доверял ему.

Но Берия, как было сказано, был нужен Иосифу. В то время он являлся заместителем председателя Азербайджанского ЧК Мирджафара Багирова — того самого, который спас приговорённого к расстрелу Берию.

Кто же такой М. Багиров, долгие годы метавший «громы и молнии» — с первых дней установления советской власти, сначала в роли главы ГПУ-НКВД, а затем — самовластного первого секретаря ЦК компартии Азербайджана?

Багиров — такой же, как и Сталин, уголовник. До революции верховодил воровскими шайками в Баку, затем подолгу скрывался от правосудия в Астрахани.

Здесь и попался при ограблении табаханы (мастерской кожевенно-шорных изделий).

Был судим, водворён в каталажку, откуда сбежал в Гянджу. Когда началась предреволюционная смута, вернулся в Баку.

Здесь у него оставались дружки — повзрослевшие недоросли. Не находя места для достойного приложения сил, они прибились к контрреволюционной националистической партии «Мусават» («Равенство»).

Проявив себя в роли шустрого рассыльного, Багиров был включён в состав агентуры мусаватистской разведки в буржуазно-националистическом правительстве Баку, о чём свидетельствовала случайно сохранившаяся характеристика помощника уездного комиссара, гласящая: «Багиров является ревностным мусаватистом, исполнительным служакой».

В этой роли Багиров сколотил из бывших дружков-уголовников новую банду головорезов, которая зверски расправлялась с революционно настроенными людьми Азербайджана.

Прямой пример — физическое уничтожение взбунтовавшихся крестьян Кубинского уезда.

Как продажный тип, которому безразлично, кому служить за плату, Багиров, не задумываясь, переметнулся в отряд дашнаков Амазаспы — армянской буржуазно-националистической, контрреволюционной партии «Дашнакцютюн» («Союз»).

И в этом отряде Багиров преуспевал, громя русских и азербайджанских рабочих и крестьян, причастных к волнениям.

Во время одного из погромов был схвачен командиром красногвардейского отряда Г. Стуруа и арестован. Однако матёрому уголовнику и на сей раз удалось избежать заслуженной кары — помогли всё те же дружки.

Когда под натиском революционных сил местное буржуазно-националистическое правительство вместе с союзной российской контрреволюционной силой и интервентами вынуждено было бежать, Багиров и его друг Берия не покинули страну вместе со своими хозяевами.

Оба продажных оборотня-провокатора под шумок неразберихи поспешили примкнуть к большевикам — по собственной воле, а может быть, по заданию «хозяев», не терявших надежды на возврат к прошлому.

Не ограничиваясь фиктивными справками и удостоверениями, Багиров даже решился на убийство родственника, болыиевика-революционера, чтобы завладеть его документами и назваться его именем.

Итак, Мирджафар вместе со своим приятелем Берией оказался в авангардном отряде большевиков, установивших власть Советов в Азербайджане. Но для этого ему нужно было быть членом партии. Он изготовил фальшивые документы и стал «членом РСДРП с 1917 года», якобы по рекомендации старой большевички Н. Абрамовой (которая впоследствии была немало удивлена и категорически опровергала сие утверждение Мирджафара).

Документы, разумеется, партийные, составленные Багировым в разное время, как выяснилось, носили противоречивый характер, вызывая сомнение в том, состоял ли он когда-нибудь вообще в партии большевиков.

Вся беда советского строя с первых дней установления народовластия до утверждения в органах НКВД ежовщины и бериевщины — в том, что никто не занимался выяснением истинной биографии и деятельности некоторых вождей в дореволюционный период.

Видимо, это было невыгодно самому Сталину и людям с уголовным прошлым, таким как Берия.

Тот же Багиров был нужен ему для установления в республике единовластия и жандармского режима, чтобы окончательно утвердить бесправие народа.

Главным в анкетах при оформлении на руководящую работу или вступлении в партию было пролетарское происхождение.

Преступное, контрреволюционное и уголовное прошлое «триумвирата закавказских разбойников» было известно многим большевикам Закавказья. Именно работа Багирова в карательных органах Азербайджана, а позднее работа Берии в Грузии была необходима всем троим, но прежде всего Сталину. Теперь они могли легко собрать и уничтожить документы, изобличающие их преступное прошлое. И после этого приступить к постепенному поочередному уничтожению своевольных старых большевиков — азербайджанцев, грузин, русских, скупых на аплодисменты и громкие возгласы «ура» и «да здравствует».

У Сталина, Берии, Багирова почерк преступлений, преисполненный коварства и звериной беспощадности, был один: все трое прошли школу в чудовищном заведении — тюрьме,

обучавшей беззаконию, наглости, предательству, дьявольской лжи, бесчестью и мести — только за то, что жертвы знали, кто они, дорвавшиеся до власти вожди.

Мирджафар с первых же дней руководства Азербайджанским ЧК приступил к разработке планов уничтожения семей и целых селений в районах Али-Байрамлы, Исмаили, Шемахи.

Для того чтобы обвинить жителей сёл в подготовке восстания против советской власти, устроили несколько схронов с огнестрельным и холодным оружием.

Винтовки, пистолеты, гранаты подбрасывали на чердаки, сеновалы. Ничего не подозревающих крестьян, ни в чём не виновных жителей хватали, предъявляли обвинения.

Шиитов обвиняли в шпионаже в пользу Ирана, суннитов — в пользу Турции и приговаривали — одних к смертной казни, других к ссылке в Сибирь.

Ненавистны были Багирову, как, впрочем, Сталину и Берии, не только старые большевики. Эти жестокосердные недоучки люто ненавидели образованных, высококультурных интеллигентов, снисходительно относившихся к ним даже тогда, когда они оказались у власти.

Дабы на фоне просвещённых людей не выглядеть жалко, их истребляли.

Так, Багиров беспощадным и подлым образом расправился с Мусабековым, Д. Буниат-Заде, М. Гусейновым, А. Караевым, Г. Султановым. Опустилась разящая рука оборотня и на голову секретаря ЦК КП Азербайджана Р. Ахундова, председателя СНК С. Эфендиева, многих других, число которых составило 1700, в том числе 20 наркомов, 52 секретаря райкома, 34 председателя райисполкома, руководителей молодёжных организаций и простых граждан.

По сравнению с советским «шахом» народов Азербайджана Багировым иранский шах Мухаммед-Риза Пехлеви, высокообразованный самодержец, казался агнцем. Не крыл он матерными словами своих слуг, как это делал Мирджафар в обращении с подчинёнными.

Наверное, не одаривал шах-ин-шах старейшин магалов (городских и сельских районов) пощёчинами, как это делал большевистский вождь Багиров.

И это чудовище в человечьем обличье, находясь у последней черты своего кровавого пути, не осознало, что он и есть истинный враг своего народа.

Пытаясь дать Берии типологическую характеристику, некоторые борзописцы, привыкшие лавировать, когда речь идёт

не о простом смертном, а о вожде нации, стараются представить его человеком мыслящим и даже талантливым — видите ли, он разбирается в зодчестве, любит музыку.

Конечно, идиотом Берию не назовёшь. Напротив, в практической жизни он обладал незаурядными способностями и дьявольской энергией настолько, что сам Сталин пасовал перед ним.

При этом, к великому сожалению, Господь наделил его многими низкими инстинктами, поскупясь на совесть, милосердие, великодушие, справедливость, что отличает человека от зверя.

Берия ценил Сталина и многому учился у него — особенно терпению и умению ждать своего часа. И коварство его тоже было сталинское.

Что касается заверения приспособившихся к новой власти историков и писателей, будто Берию испортила система, но такие, как Лаврентий Павлович, дорвавшись до власти, разрушат любую благоразумную форму общественного устройства.

Прежде чем расправиться с непокорными грузинскими

большевиками, Берия очистил край от тех советских и партийных руководителей, которые были хорошо осведомлены о его уголовном прошлом. Среди них — первый секретарь ЦК компартии Армении Агаси Ханджян.

Человек скромный, немногословный, к тому же больной туберкулёзом, он порой с раздражением реагировал на высокомерие и надменность изменника и предателя, оказавшегося под надёжным крылом Сталина.

Без всякого к тому повода Берия добился снятия с работы Ханджяна.

Чтобы выяснить причину и объясниться, Ханджян прибыл в крайком к концу рабочего дня и без приглашения вошёл в кабинет Берии.

Кроме хозяина, там никого не было, а потому никто не может рассказать, о чём и в каком тоне шёл их разговор.

Но грянул выстрел!

Один из сотрудников кинулся к двери кабинета Берии из соседнего кабинета, распахнул её и застыл в ужасе, увидев, как Берия швырнул на стол пистолет.

На полу в луже крови лежал Ханджян.

Тишину в здании никто не нарушил. Никто не осмелился сорвать с собственных уст печать молчания, зная, чем это может кончиться.

Тело Ханджяна в потёмках перенесли в номер гостиницы. Его телохранителя заставили произвести в номере выстрел, свидетельствующий о самоубийстве.

И, конечно же, последовало извещение в газете об акте самоубийства Ханджяна, который «за последнее время допустил ряд политических ошибок, заключающихся в недостаточной бдительности в деле разоблачения националистических и контрреволюционных троцкистских элементов».

Осознав свои ошибки, Ханджян, дескать, не нашёл в себе мужества исправить их и решился на самоубийство.

Лишь в 1956 году труп Ханджяна эксгумировали и установили, что выстрел произведён в левый висок, а то, что Ханджян не был левшой, подтвердили близкие.

Укрепив свои позиции, Берия с удвоенной энергией взялся за уничтожение старых грузинских партийцев, писателей, учёных, многих представителей интеллигенции, «предавая анафеме» даже тех, кто задолго до революции отдал Богу душу, но оставил след, компрометирующий Сталина.

Всё это проводилось под лозунгом разоблачения грузинского троцкистского центра террористов и вредителей и бывших национал-уклонистов.

Затем последовали обвинения в причастности «вредителей и врагов народа» к антисоветскому правотроцкистскому блоку Бухарина, Рыкова, Розенгольца.

Берия лютует, вскрывая мифические заговоры в Грузии. На площадях он даже демонстрирует документы, свидетельствующие о том, будто грузинские националисты были связаны с Троцким ещё до октября семнадцатого. Обвиняет Тбилисский горком и райкомы партии, где якобы пригрелись враги советской власти и творят чёрные дела. Грозит: «Пусть никто не думает, что мы разоблачили и уничтожили всех врагов. Товарищ Сталин учит нас, что борьба предстоит острая, а дальше будет ещё острей».

Особое внимание Берия обращает на литераторов Грузии. Конечно же, не без определённой цели.

По его предписаниям устраивались заседания, собрания творческого союза, на которых идеологические работники аппарата учиняли разносы под девизом: «До конца вскрыть

подрывную работу врагов народа в литературе!»

Так оказались заклятыми врагами народа председатель правления Союза писателей Грузии Малакия Торошелидзе, писатели Платон Кикодзе, Феодосишвили, Нароушвили, Важа Пшавела, Б. Буачидзе.

Из талантливых поэтов, имена которых были известны всей стране, жертвами репрессий оказались Егише Чаренц, Паола Яшвили, Тициан Табидзе, многие другие, ни в чём не повинные литераторы.

Истребив представителей просвещённой грузинской интеллигенции, Берия создал новую, скороспелую советскую, состоящую из бывших пролетариев, малограмотных рабочих, тунеядствующих крестьян, готовых бездумно, в одиночку и хором, кричать «да здравствует» и «ура» Сталину и ему.

За время самоуправной деятельности Берии в ГПУ Грузии, помимо всего сказанного, через его руки были пропущены все материалы архивов полицейских управлений, жандармских участков, судебно-следственных органов и тюремных ведомств Грузии.

Вся эта многообразная и многочисленная документация, касающаяся уголовника Иосифа Джугашвили, была изъята и доставлена самому герою тёмных делишек в Москву и им же уничтожена.

Предусмотрительный Берия на всякий случай изъял из Госархива все документально-исторические материалы, составлявшие архив наместников Кавказа, и передал архиву НКВД.

Главное, что среди обнаруженных в хранилище фискального

органа власти документов дореволюционного периода и в найденных досье уголовника и агента царской охранки Иосифа Джугашвили до октября 1917 года не было ни одного свидетельства, отражающего его хотя бы кратковременную трудовую деятельность.

И всё это происходило с ведома и благословения Сталина.

Берия в своём старании и предусмотрительности превзошёл все ожидания «папы большого». Сталин счёл необходимым поднять его на высшую ступень власти в крае.

Уже в 1931 году на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), где слушался доклад секретаря Закавказского крайкома партии Квартвелишвили, Сталин в своём выступлении внёс предложение избрать Берию вторым секретарём Закавказского крайкома.

Квартвелишвили, хорошо знавший преступное прошлое и настоящее Берии, поднявшись, заявил, что его кандидатура выдвигается необдуманно, из субъективных соображений и что он категорически отказывается работать с ним.

Многие из присутствовавших на заседании, поддержав Квартвелишвили, проголосовали против Берии, — разумеется, работники грузинского правительства и представители Закавказской Федерации.

Сталин был раздражён, сдерживая гнев, коротко бросил: «Решать вопрос будем в рабочем порядке».

И решил — Квартвелишвили был освобождён от занимаемой должности. Первым секретарём Заккрайкома назначен Берия.

Оборотень ликовал. Более того, ещё через несколько месяцев Закавказская Федерация вообще была ликвидирована. Вскоре по его приказу энкавэдэшники Грузии начали расправу с уволенными работниками аппарата крайкома партии, горкомов, райкомов, близкими и друзьями Квартвелишвили.

И знаете, кто стал первыми секретарями райкомов? Начальники районных отделов НКВД!

Всё это делалось постепенно, бесшумно, уверенно и целеустремлённо. Обо всём этом приезжие земляки, хорошо знавшие и доверявшие Серго Орджоникидзе, рассказывали ему, прося помощи и защиты от произвола Берии.

Серго и сам не раз предупреждал Сталина, что Берию допускать к власти нельзя — он не только нечистоплотен, но и опасен. Но Сталин спокойно взирал на то, как «его Берия» очищает грузинскую землю от тех, кого народ считал лучшими сынами и дочерьми Отечества.

Большевики Грузии, да и народ, окружавший их, роптали, но роптали смиренно, с оглядкой, боясь за собственные судьбы. Страна была охвачена репрессионным мором, как эпидемией чумы.

Но ещё оставались люди, в горячих сердцах которых клокотала ненависть и злоба к бесчинствующим лжекоммунистам, правление которых основывалось на произволе

и убийствах.

В состоянии крайнего отчаяния некоторые из них не выдерживали и открыто, в дерзкой форме выражали свою неприязнь к тому же Берии.

Так, например, на одном из пленумов ЦК Грузии Берия, со свойственными ему бестактностью и хамством, устроил разнос одному из солидных и весьма уважаемых сотрудников аппарата ЦК. Товарищ этот по независимой от него причине не успел выполнить в срок какое-то поручение, данное ему секретарём. Берия отчитывал его, как провинившегося мальчишку.

Присутствовавшая на этом пленуме нарком просвещения Грузии Мария Орахилошвили не выдержала и воскликнула с места:

— Послушайте, Берия! Здесь вам не ЧК, а ЦК!

Ей тоже, думается, было известно, из каких низов всплыл Берия. Те честные, идейные коммунисты первых лет, утверждавшие народовластие вместе со старыми большевиками, ещё не знали страха, насаждаемого карательными органами сталинщины, ещё пытались проявлять принципиальность, утверждая пошатнувшиеся демократические начала, не сознавая, что совершают роковую ошибку, которая будет стоить им жизни, и не только им, а всем их родным и близким.

Мария Орахилошвили вскоре была схвачена и брошена в застенки ГПУ.

Каждый раз при допросах несчастную женщину подвергали пыткам, после которых она долго не приходила в сознание. Палачи кидали её, бесчувственную, на пол камеры-одиночки.

Некогда цветущую женщину, превратившуюся в беззубую, седую, истерзанную старуху палачи пристрелили у порога камеры, когда она, порлежав сутки, так и не пришла в себя.

Не избежали жестокой расправы дочь и зять Марии, которых, оторвав от двух малолетних детей, провели через ад изощрённых пыток сталинской инквизиции.

Преступный почерк «закавказских разбойников» прослеживался в Грузии и далее.

Революционеры-подпольщики, ещё до революции повидавшие тюремные камеры российской жандармерии и сибирские ссылки с полицейскими управлениями, урядниками и надзирателями, приходили в ужас.

Некоторые лишались рассудка после пыток, перед зверством которых блекли преданные анафеме испанские инквизиторы Средневековья, или от одного только вида последствий этих пыток на телах других заключённых, приволакиваемых после допросов палачей, порождённых советским строем. Тем строем, за

который они готовы были отдать свою жизнь.

За период бурной деятельности Берии на посту первого секретаря ЦК компартии Грузии были жестоко и беспощадно уничтожены сотни коммунистов с дореволюционным партийным стажем, социалистов, деятелей науки, культуры, которые составляли цвет истинной грузинской интеллигенции.

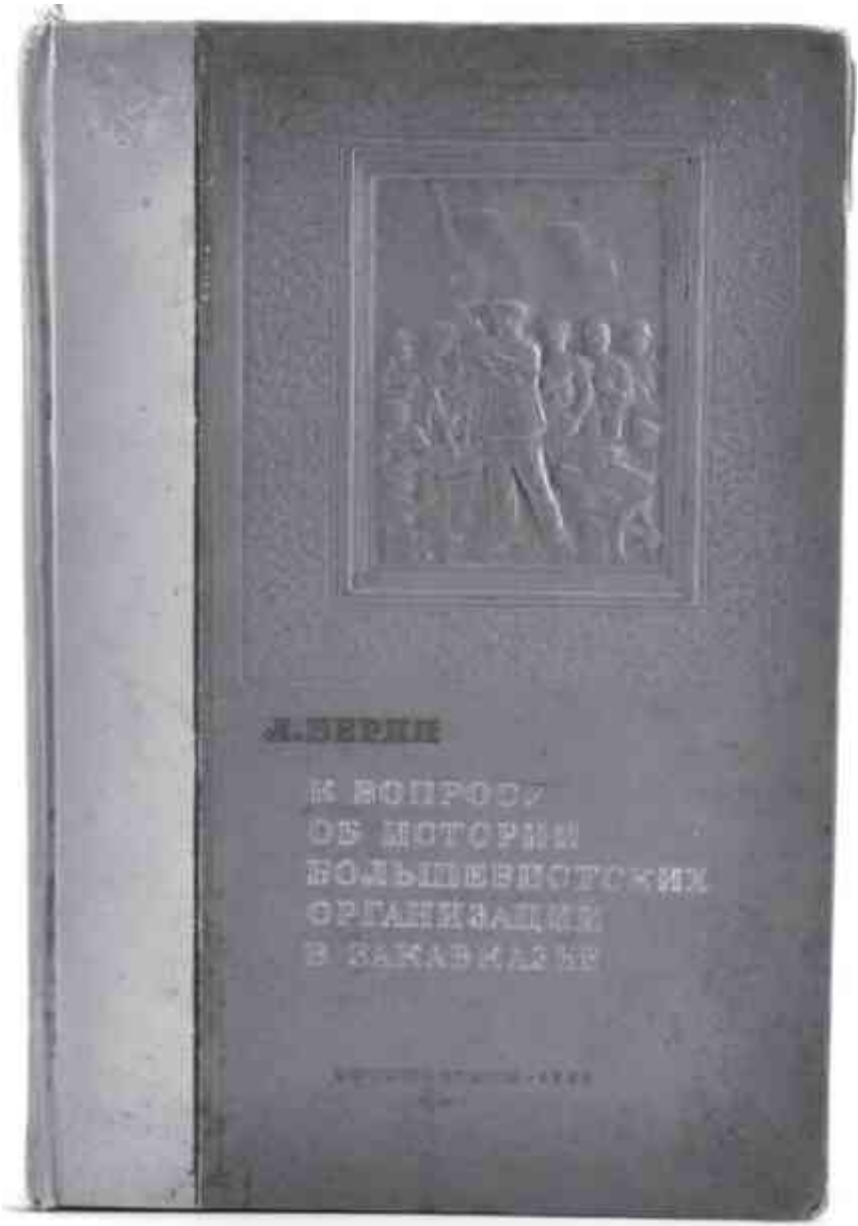
Расчистив путь к прославлению Сталина, Берия вызвал к себе ректора Тифлисского университета известного филолога Малакию Торошелидзе и предложил ему отразить в историческом произведении дореволюционную деятельность большевистских организаций Закавказья под руководством Иосифа Виссарионовича.

Инициатором этой авантюры был, конечно же, сам Сталин, честолюбие которого не знало границ. Тем более что теперь он был уверен: в Грузии не найдётся человека, который бы осмелился подвергнуть критике это сочинение.

Когда Берия поставил Сталина в известность, что работа над книгой началась, генсек отправился на отдых в Гагры. Туда пригласили и профессора Торошелидзе, которого подробно проинструктировали, с чего начать, о ком писать, на чём акцентировать внимание, что обойти.

Поскольку архивных материалов, касающихся революционной деятельности грузинских коммунистов до семнадцатого года, почти не осталось, его труд основывался на «воспоминаниях», сохранившихся у очевидцев, которые в угоду «великому вождю и учителю», а большей частью — из страха соглашались с вымыслами и даже подписывались под текстами, написанными за «участников» и «свидетелей» целым отрядом расторопных, научившихся ловчить молодых «учёных», выделенных в помощь автору.

За труды этим лжеисторикам, помимо зарплаты, от имени вождя вручались денежные вознаграждения, и, конечно же, они из кожи вон лезли, изощряясь в выдумках.



Когда «великий труд» был вчерне готов, Сталин ознакомился с ним, внёс поправки — разумеется, изменения превозносили деятельность вождя и роль в истории большевистских организаций Закавказья. Потом вновь вызвал к себе профессора Торошелидзе, ещё раз прошёлся по страницам с карандашом в руке и, обратившись к нему, спросил:

— Слушай, а как быть с автором? Знаешь что, пусть автором будет Лаврентий Берия. Он молодой, растущий. Ты, Малакия, не

обидишься?

Говоря это, Сталин дружески похлопал профессора по плечу. Вот так исторический шедевр «К истории большевистских организаций Закавказья», под авторством Лаврентия Павловича Берии, увидел свет.

Главное же, что вскоре после этого истинных авторов, составивших эту фальшивку, одного за другим арестовали и, обвинив в террористическом заговоре против товарища Сталина, судом «троек» приговорили к расстрелу.

Книгу ежегодно переиздавали массовым тиражом, чтобы обошла всю страну — с южных гор до северных морей, обожествляя «отца народов».

И суд, и помилование — всё в руках Сталина

У наивного читателя может сложиться мнение, да и вы, любезный тайный советник, где-то пытаетесь убедить молодое поколение россиян, что многое в стране делалось без ведома «доверчивого» вождя, которому вы служили верой и правдой до конца его дней.

Этим вы вводите в заблуждение доверчивых читателей. Ни одна казнь, ни одно убийство политических или государственных деятелей не совершались без санкции Сталина.

Возьмём, например, дело грузинских оппозиционеров, якобы «готовивших покушение на Сталина». Когда Маленков подал составленный Берией список тифлисских «бандитов-террористов» Сталину, матёрый генсек, чтобы не оставить отпечатков своих пальцев на листе, не притрагиваясь к бумаге, поставил галочки карандашом перед фамилиями Орахилошвили, Элиавы, другими обвиняемыми. Против фамилии Кавтарадзе поставил чёрточку. Вот эти-то чёрточки и галочки воплощали в себе и следствие, и суд, и помилование!

Сергей Ноевич Кавтарадзе — старый большевик, видный политический деятель Грузии, которого Иосиф Сталин хорошо знал, — был помилован.

Во Вторую мировую войну по требованию Сталина Кавтарадзе вернули из Сибири в Москву. Сначала его поселили на Лубянке, потом в гостинице. Накормили, одели и отвезли в Кунцево, где его дожидался Верховный главнокомандующий.

СТРОГО СЕКРЕТНО ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС. 185

Снятие копий воспрещается (Постановление от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)

Кому послана Сталину

Инст. П. Б. № 54 п. 487

25.X.37г.

ШИФРОВКА

Из КИРОВА отправлена 17-20 21.X. 193 7г. Поступила в ЦК ВКП

на расшифрование 21.X. 193 7г. 4 ч. 40 м. 50

Вх. № 2820/Ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов.СТАЛИНУ.

В результате операции по первой, второй категориям в области вскрыто свыше 70 различных активно действовавших кулацких, белогвардейских, уголовно-сектантских организаций, групп. В частности выявлена значительная засоренность на железнодорожном транспорте, где подлежит изъятию свыше 500 человек белогвардейско-кулацкого элемента.

Прошу об увеличении лимита по первой категории дополнительно на 300 человек, второй категории дополнительно на 1000 человек.

Секретарь обкома РОДИН.

Расшифровано 22... 193 7г. в 4 ч. 10 м. 00 Напечатано 4 экз. Чечулин

нк

Когда Кавтарадзе вошёл в кабинет, Сталин поднялся во весь рост и с наигранной улыбкой, протягивая руку, воскликнул:

— Здравствуй, генацвале Серго! Ты где был до сих пор?

Смущённый Кавтарадзе тихо ответил:

— Сидел.

— Нашёл время сидеть! Или ты не знаешь, что идёт война и такие, как ты, нужны. Мы хотим, чтобы ты поработал в Министерстве иностранных дел, понимаешь?

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
(Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 2)
тов. Ежову
28.IV.38 г.

ШИФРОВКА

Из ИРКУТСКА отправлена 15-54 26.IУ 1938 г. Поступила в ЦК ВКП
Начало расшифрование 26.IУ 1938 г. ч. 19 м. –
Вх. № 472/Ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов.СТАЛИНУ.
Н К В Д тов.ЕЖОВУ.

Ввиду значительной засоренности области право-троцкистскими пан-монгольскими и кулацко-белогвардейскими элементами, подлежащими под первую категорию, просим ЦК ВКП(б) разрешить дополнительный лимит по первой категории для Иркутской области 4 тысячи.

И.О.СЕКРЕТАРЯ ИРКУТСКОГО ОБКОМА ВКП(б) ФИЛИППОВ.

НАЧАЛЬНИК УНКВД ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ МАЛЫШЕВ.

тт. Миколаз-за
и Губарь-за.

Начало расшифрование 26.IУ 1938 г. ч. 19 м. 20 Окончание 4 ч. Паршин.

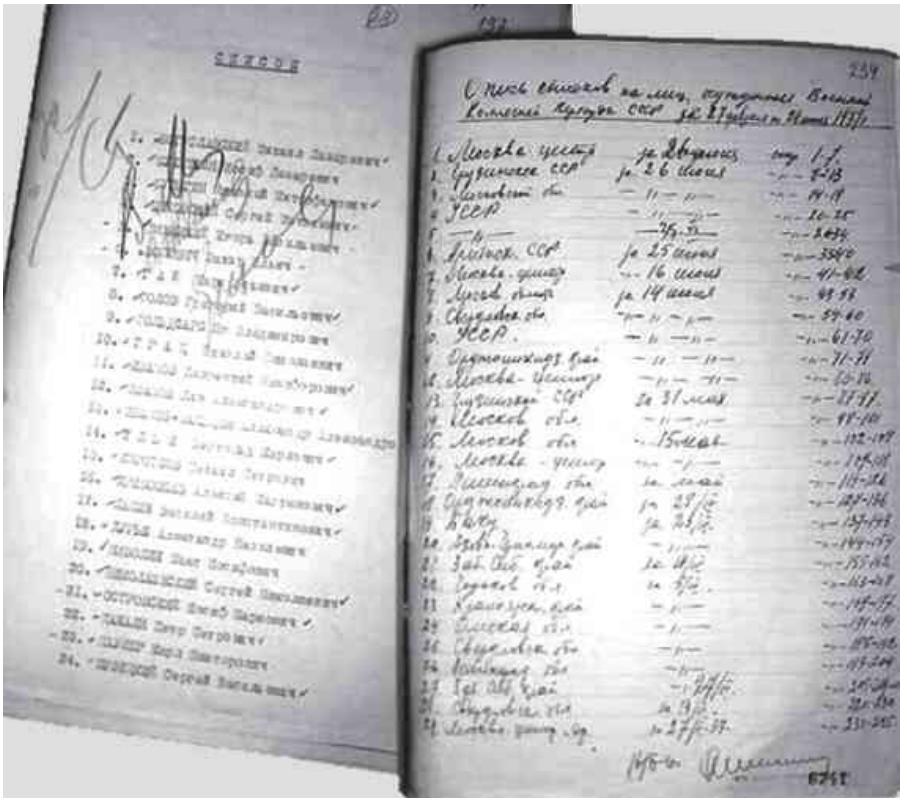
Потом, как гостеприимный хозяин, истинный кавказец, велел подать обед с вином. Разговорились о том о сём.

Затем Сталин поднялся из-за стола, за ним последовал Кавтарадзе. Раскуривая трубку у открытого окна, Сталин некоторое время молчал. Вдруг, резко повернувшись к гостю, пронзил его тяжёлым взглядом:

— А всё-таки ты хотел убить меня!

И, резко отвернувшись от оцепеневшего кунака, быстро покинул комнату.

Гость, придя в себя, ждал, прислушиваясь, что сейчас явятся люди и его вновь доставят на Лубянку. Но никто не появлялся. Постояв ещё минуту-две, Сергей Ноевич решительно направился к двери и, выйдя в прихожую, спустился по лестнице во двор. Огляделся — нигде никого.



Он направился к проходной, не сомневаясь в том, что уж здесь его точно возьмут. Охранника на месте не оказалось, но машина стояла.

Кавтарадзе решительно распахнул дверцу салона, сел и приказал шофёру: «Вези!»

В гостинице он некоторое время ждал. Но, не дождавшись людей в штатском, прилёг на диван и крепко уснул.

Утром явились те самые люди в штатском, вежливо пригласили в машину.

Кавтарадзе не выразил ни удивления, ни беспокойства, ни волнения. Он был готов ко всему и молча последовал за ними.

Сидя в салоне автомобиля, в окно не глядел. Голова его была низко опущена, и только Бог знает, какие гнетущие думы одолевали его, что проплывало перед его глазами. Может, мрачные застенки камер НКВД, а может, арестантские вагоны, трюмы речных пароходиков, скученность, грязь и вонь холодных бараков, забитых трёхъярусными кроватями, и лесоповал на пятидесятиградусном морозе.

Когда машина остановилась у парадного подъезда Министерства иностранных дел, он глазам своим не поверил, потом облегчённо вздохнул.

Со Сталиным Кавтарадзе больше не виделся. Сознавал, что он — всего лишь винтик, который понадобился в тяжёлые годы испытаний гигантского государственного механизма, и в любую минуту этот винтик, как бывший в употреблении, поистёртый, вышвырнут в груду утильсырья гулаговских бараков. Этого часа Сергей Ноевич ждал, самоотверженно отдаваясь работе в советском МИДе, до марта 1953-го.

Так уничтожался генофонд нации, мыслящая элита не только русских, грузин, украинцев, белорусов, азербайджанцев, но и других народов — в большинстве своём одарённые и умудрённые жизненным опытом старики. Их уничтожали как живую историческую память и как свидетелей, знавших прошлое авантюристов от политики, которые ради достижения власти шагали по трупам.

Достигнув власти, Берия уже не стеснялся в выборе средств и избавлялся от неугодных, физически их истребляя.

Он и другие дорвавшиеся до власти в своей политической игре делали ставку на молодёжь. Расчёт не лишён смысла. Молодые, даже здравомыслящие, во многом подобны пластилину в ловких руках политиков. Посредством идеологической обработки и демагогии, похвал, подкупа, повышения в должности властвующий авантюрист может вылепить из честолюбивого молодого человека послушного, бездумного, причём искреннего исполнителя своей воли, что не всегда удаётся с умудрённым жизненным опытом, самостоятельно мыслящим человеком.

Беда в том, что авантюризм дорвавшегося до ничем не ограниченной власти правителя, уверенного в собственной божественной непогрешимости, опирающегося на механически мыслящее, раболепствующее окружение, в конце концов приводит страну к разорению, а народ — к бедствиям и смуте.

Молодые дилетанты, увлекающиеся политическими играми, в диспутах на вечную тему «отцов и детей» прибегают к примеру полководческого таланта Александра Македонского. Но короля делает свита.

Слышали молодцы о покорителе миров, но не ведали о том, что у юного воинственного царя многие полководцы греческих и македонских отрядов были старики-генералы, закалённые в походах и боях при Филиппе — отце Александра. А в состав военного совета входили философы-мудрецы во главе с Аристотелем.

Однако опьянённый военными успехами и громкой славой молодой завоеватель возомнил себя богом. И не только возомнил, но и послал в Грецию повеление — причислить себя к олимпийским богам, а лик свой изображать на монетах.

Традиционно на греческих монетах помещались образы богов — покровителей городов-государств. Устраивая торжественные парады, Искандер (под этим именем Александр вошёл в героический эпос Востока) стал появляться в роскошных восточных нарядах и требовать, чтобы воинство, во главе с седыми генералами, отбивало ему земные поклоны.

Отступление от привычной суровой простоты возмущало и полководцев, и советников-философов. Всех, кто открыто выражал недовольство, Александр предавал казни с бездумной кичливостью. Ропщущих, разжаловав, изгонял.

Охваченный воинственным пылом, уверенный в непревзойдённости своих достоинств, молодой царь строил планы новых походов. И когда его стали манить сказочные богатства Индии, он двинул войска в сторону «золотых» городов долины Инда.

Да, видно, иссяк воинственный дух легионеров-завоевателей в утомительных походах. Сковал тяжёлый недуг и самого царя в пути. И только когда смерть, не щадящая ни великих, ни униженных, стала у изголовья венценосца, он выразил последнюю волю: везти его бренные останки на родину в бочке мёда с оголённой рукой, чтобы видели люди, что ничего на тот свет он не унёс.

К сорока-пятидесяти годам к одарённому человеку приходит мудрость и истинное понимание жизненных ценностей, его разум начинает различать необходимое, возможное и абсолютное, что не всегда доступно в молодости. Даже в глубокой старости он сохраняет ясность ума и логику мышления.

Слабоумные с возрастом тупеют, и дело у них доходит до старческого психоза и даже маразма.

Последних во все времена умели отличать от здравомыслящих, почтительно относились к их сединам, но в совет старейшин не вводили, племенными вождями не избирали.

О феномене Александра Македонского стали говорить люди молодые и среднего возраста, рвущиеся к власти с начала перестройки, когда старикам объявили «холодную войну» и, невзирая на лица, заслуги и знания, в буквальном смысле стали изгонять с руководящих постов.

Популярный в советское время лозунг гласил: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт». Жаль, что молодые не всегда хотят идти по дороге, а старикам уже нельзя. Но, к сожалению, всё приходит слишком поздно: мудрость — к живым, слава — к мёртвым.

Сталинисты, страдающие ностальгией по временам, когда любимый вождь создавал им условия жизни близкие к райским,

тоже на каждом шагу твердят о недооценке великих заслуг вождя и его феноменальности.

О тех, кто создавал славу Александру Македонскому, я уже сказала.

В отличие от Сталина Александр — баловень судьбы. Ещё с колыбели, ослеплённый жаждой военной славы, привыкший и к суровому военному быту, и к блеску и роскоши царской жизни, он считал себя потомком Ахиллеса и всю жизнь мечтал превзойти его.

Александр не успел познать себя, но прозрел перед смертью.

А сущность сознания и личности Сталина, кажущаяся непознаваемой для некомпетентного в медицинском отношении покорного окружения, таилась в хроническом душевном заболевании — паранойе.

Такие правители — предшественники Сталина по складу характера и психики, — известны с древних времён. В Иудее — царь Ирод, в Риме — император Нерон, в России — Иван Грозный, в Турции — кровавый султан Абдул-Гамид, в Германии — Адольф Гитлер.

Роковой выстрел

Семейная жизнь Надежды Аллилуевой не складывалась. И вовсе не потому что, потеряв интерес к мужу, она стала отдавать детям всё тепло своей души. И даже не оттого, что психически неуравновешенный муж был с ней невнимателен и груб. Ко всему этому она привыкла и давно смирилась.

Дело в том, что с глаз молодой женщины, по уровню мышления, образования и культуре стоящей много выше Сталина, спала розовая пелена обманчивого благополучия.

Способная критически оценивать всё происходящее в Кремле и в стране в целом, она не могла не реагировать и не высказывать ему своего мнения, порой в самой дерзкой форме, какую не смел позволить себе никто больше.

Надежда Сергеевна люто ненавидела Берию, Ежова, других пресмыкающихся чудовищ в человечьем обличье. И в лице самого близкого человека, мужа, она видела беспощадного, мстительного, обуреваемого дикой злобой тирана и презирала его.

Ведь Надежда Сергеевна давно и близко знала многих, против кого Сталин и его приспешники строили козни. Знала как людей честных, преданных партии и советской власти, не щадивших собственной жизни ради утверждения свободы, равенства, демократии. Как людей несгибаемой воли, не склонных к раболепству, лжи и лицемерию.

Конфликты в их доме стали явлением постоянным. Сталин, как вы пишете, Николай Алексеевич, «психовал». Да не просто психовал, в его болезненном сознании зарождалась подозрительность и недоверие по отношению к молодой жене.

Надежда Сергеевна не раз хотела бежать подальше от мужа, в Среднюю Азию, где жила её сестра Анна.

Самые близкие друзья дома — Серго Орджоникидзе, Николай Бухарин, Авель Енукидзе и бывавший наездами Сергей Киров отговаривали её, призывали к смирению, терпимости ради детей, учитывая положение Сталина как главы государства.

Кульминацией семейной жизни Сталина стал день пятнадцатой годовщины Октябрьской революции. Традиционный банкет давался в кремлёвских апартаментах генсека.

Пригласили самых близких и верных, покорных членов правительства.

Хозяин, не уступавший никому роль тамады, поднялся и на сей раз, предложив выпить за победу Великого Октября во главе с величайшим гением человечества, основателем коммунистической партии, организатором и вдохновителем победы — Владимиром Ильичом Лениным.

Все поднявшиеся вслед за вождём стоя опустошили бокалы. Осталась сидеть и не подняла свой фужер одна лишь Надежда Сергеевна.

Минутное напряжение гостей рассеял Вячеслав Молотов. Обратившись к сидящему рядом Иосифу Виссарионовичу сказал:

— Дорогие друзья, а теперь давайте нальём и поднимем бокалы за вдохновителя и организатора всех наших побед, за верного соратника и продолжателя дел Ильича, за нашего любимого друга, ведущего всех нас и народы нашей страны к светлому коммунистическому будущему! Долгих вам лет жизни и крепко держать руль величайшего из флагманских кораблей — Страны Советов.

Раздались возгласы: «Ура-а-а!» И вновь все залпом осушили бокалы.

Надежда Сергеевна по-прежнему продолжала сидеть, склонив голову, с грустью глядя на свой бокал. Кто-то из сидевших рядом шепнул: «Надюша, за Иосифа Виссарионовича не выпить нельзя».

Аллилуева подняла голову и невольно глянула на мужа. На каменном лице Сталина дрогнули и чуть сдвинулись брови, на лбу пролегла глубокая складка напряжения, отчего лоб стал ещё уже. Жёлтые от табачного дыма зубы разомкнулись.

Уставившись на жену холодным, пронизывающим взглядом, он грубо крикнул:

— Эй, ты, пей!

— Я тебе не «эй ты!» — дерзко бросила вызов Надежда Сергеевна и, порывисто поднявшись из-за стола, уверенно направилась к двери. За ней поспешила Полина Семёновна Жемчужина, жена Молотова.

После минутного замешательства в зале воцарилась тягостная тишина. Сталин, ничем не проявив своего волнения, по

крайней мере внешне, отставил пустой бокал в сторону, взял лежавшую на пепельнице погасшую трубку и, направившись к кухонной двери, спокойно сказал:

— Прикурю, забыл спички.

Гости сели на свои места, с минуту молчали, словно на похоронах, затем одни заговорили тихо, другие вышли на балкон, чтобы покурить, третьи стали медленно прохаживаться по залу в ожидании возвращения хозяина.

Сталин вернулся с дымящейся трубкой и важно уселся на своё место, гости тоже поспешили занять свои кресла. Когда кремлёвский кёльнер поставил перед вождём пустой фужер и склонился, чтобы наполнить его хванчкарой из бутылки, завёрнутой в белоснежную салфетку, Сталин неловким движением искалеченной левой руки отстранил его, взял бутылку коньяка, наполнил бокал и залпом выпил.

Примеру хозяина последовали и гости.

Обстановку разрядил весёлый, добродушный Серго Орджоникидзе, предложив очередной тост — за детей.

Так что, уважаемый тайный советник вождя, Надежда Сергеевна в тот час не была взвинчена и не восклицала гневно: «Пир во время чумы!», «Сборище демагогов!», «Вы тут болтаете о своих успехах, изощряетесь в похвалах, превознося друг друга, а по стране стон катится от ваших мудрых решений, половина земли не возделывается, мужики в город бегут, тюрьмы забиты до отказа!».

Аллилуева для таких публичных сцен была слишком воспитана, и не на тифлисском майдане, а в среде дореволюционной петербургской гимназии.

Однако претензии по поводу того, что творится в стране, того, к чему уже привёл и к чему может ещё привести народ её «царственный» супруг в неизменном френче, она ему высказывала, и в не менее резкой форме, только наедине.

В ту студёную ноябрьскую ночь долго прогуливалась Аллилуева с Жемчужиной по освещённому кремлёвскому двору И один Бог знает, о чём говорили две неглупые женщины, жёны вершителей судеб России. Но нет сомнения в том, что Надежда Сергеевна, привыкшая к хамству, нецензурным эпитетам, ехидным колкостям «избранника фортуны, на котором лежит отпечаток истории», успела поостыть и успокоиться.

А потому, придя домой, она устало улеглась в постель.

Где-то далеко за полночь вернулся Сталин. Надежда Сергеевна не спала. Быть может, какое-то предчувствие томило её. Не спала и прислуга, притаившись на своей половине и навострив уши.

Конечно, и экономка Каролина Тиль, и няня Саша Бычкова слышали неторопливые, тихие шаги и какой-то безгласный шум в спальне хозяйки и звук глухого выстрела.

Обезумевший от выпитого коньяка, сделав своё чёрное дело с присущим ему чудовищным коварством, он достал из тумбочки дамский пистолет, вложил его в ещё не остывшую руку жертвы и так же тихо, по-кошачьи, ступая как насытившийся хищник, удалился в свой кабинет и свалился на диван.

Когда шум в доме стих, а из кабинета хозяина донёсся храп, мадам Тиль на цыпочках подошла к спальне хозяйки, осторожно приоткрыла дверь и, в ужасе отпрянув, оцепенела.

Придя в себя, Каролина бросилась в детскую, шепнула няне и поспешила к тому, под чьим бдительным оком текла жизнь в кремлёвской квартире вождя.

Словно тени появились в спальне жены Сталина два человека и безмолвно уничтожили следы схватки.

С мёртвого тела смывалась кровь, смазывались и припудривались царапины, была сменена ночная рубашка, расчёсаны волосы, заправлена постель, на которую уложили покойницу, придерживая дамский пистолет, зажатый в её окоченевшей руке.

Когда был наведён порядок, молчаливые тени исчезли.

Утром смертельно бледная Каролина, проведшая остаток страшной ночи без сна, громко зашаркала чувяками, идя поднимать детей к завтраку. Но ещё до того в квартиру Сталина явились Енукидзе и Власик.

Убедившись, что в комнате Надежды Сергеевны всё осталось так, как они оставили, и сама покойная застыла с пистолетом, зажатым в руке, Енукидзе тихо шепнул утиравшей слёзы няне Саше: «Приведи детей».

Пожилая женщина торопливо удалилась и через несколько минут появилась вновь, ведя за руки детей — сына Василия и дочь Светлану.

Склонившись к ним, Енукидзе дрожащим голосом зашептал:

— Вот видите, мама ваша застрелилась.

О таинственной кончине жены Сталина первые дни шептались только обитатели Кремля. Но, как говорится, «земля слухами полнится». Слух стал разрастаться по всей Москве. Одни заверяли, что жена Сталина скоропостижно скончалась от разрыва сердца. Другие говорили, что Надежда Сергеевна покончила жизнь самоубийством, третьи доверительно нашёптывали самым близким:

— Это Сталин застрелил жену.

Около двух недель в средства массовой информации не поступило официального сообщения о кончине Н.С. Аллилуевой.

Обеспокоенные недостоверными слухами, С. Орджоникидзе и Н. Бухарин пытались не раз поговорить с уединившимся и впавшим в состояние одеревенелости Сталиным о необходимости хоть в какой-то форме сообщить народу о случившемся. На что Сталин никак не реагировал.

В конце концов они решились сами.

Сообщение о скоропостижной смерти Надежды Сергеевны Аллилуевой появилось в прессе, и только тогда приступили к похоронам.

Заключение судебно-медицинской экспертизы если и было составлено (на всякий случай), — причиной смерти, бесспорно, называлось самоубийство, в чём вы, уважаемый тайный советник вождя, тоже сомневались, но даже по прошествии десятилетий после смерти Сталина сочли необходимым умолчать.

Убийство Кирова — очередной спектакль

Сергея Мироновича Кирова (Кострикова) большевики Кавказа и Закавказья, пожалуй, знали больше и лучше, нежели вятичи на его родине.

Активный участник трёх революций, не раз подвергавшийся арестам, преследуемый властями, Киров вынужден был покинуть родные края и уехать на Кавказ.

Во Владикавказе работал в типографии, потом редактировал местную газету, возглавлял партийную организацию большевиков Северного Кавказа.

И в годы борьбы горских народов за утверждение власти Советов, и в Гражданскую войну Киров, будучи председателем Ревкома, руководил красноармейскими и повстанческими силами Северного Кавказа, подавившими движение националистических сил Дагестана и контрреволюционный мятеж в Астрахани.

С его участием разрабатывались планы разгрома мятежников-бичераховцев, казачьих отрядов Шкуро, частей Добровольческой армии Деникина, наводнивших Кавказ от Черноморья до ущелий Дагестана.

Кирову и его соратникам, как и горцам, пришлось испытать немало трудностей, когда эта обширная территория была захвачена оккупационными войсками англо-американцев, турецкими вооружёнными силами, союзниками Германии.

Здесь ещё действовали части регулярной армии развалившейся Российской империи, отступающие от иранской границы, а также формирования мусаватистов Азербайджана, дашнаков Армении, меньшевиков Грузии.

Тесная дружба связывала Кирова с революционерами-коммунистами, возглавлявшими созданные на местах органы власти Советов, с боевыми командирами повстанческих партизанских отрядов, но в особенности — с Серго Орджоникидзе и Михаилом Тухачевским.

Умный, мужественный, красноречивый, легко вступавший в контакт с людьми, Сергей Миронович не только пользовался уважением кавказских коммунистов, но и водил дружбу с либерально настроенной владикавказской интеллигенцией. А столица Осетии, надо сказать, в те времена была средоточием прогрессивной и образованной элиты народов Кавказа.

Был Киров в дружеских отношениях и со многими грузинскими революционерами, хорошо знал и бакинцев — ещё

до своего назначения секретарём ЦК компартии Азербайджана. Был в курсе дел националистической партии «Мусават», возникшей в 1912 году и в двадцатых годах ставшей опорой англо-американцам и германо-туркам.

Был не только осведомлён о двурушничестве предателя Кукуберии (Берии), но и сам требовал утверждения вынесенного ему смертного приговора, который, к сожалению, не удалось привести в исполнение.

В годы разгула и вакханалии, когда в смертельной схватке сошлись народы и всплыли с общественного дна авантюристы от политики всех социальных слоев, Мирджафару Багирову, коренному азербайджанцу, в условиях родной стихии ловчить было легче. А вот его дружку-приятелю Кукуберии пришлось обзавестись удостоверением личности, где он значился уже Берией, и скрыться на время разгрома, учинённого Азербайджанской контрреволюцией и интервенцией.

Кирову всё-таки стало известно, кто такой Берия, к тому моменту уже прорвавшийся на должность заместителя начальника Азербайджанской чрезвычайной комиссии (ЧК). Зная, что и председатель, и его заместитель утверждены с ведома Сталина, Сергей Миронович не стал разбираться с их прошлым, да и не до того было ему накануне перевода на должность первого секретаря Ленинградского губкома партии и Северо-Западного бюро ЦКВКП(б).

После шумного XVII съезда партии Кирова считали первым претендентом на пост генсека партии большевиков. Сталин переживал эту ситуацию, но отыскать компромат на Кирова не мог — слишком был высок и незыблем его авторитет среди коммунистов и беспартийных Ленинграда и всей страны.

Снова обращаюсь к вам, уважаемый тайный советник вождя. Даже через много лет после трагической развязки противостояния Кирова и Сталина с Берией, длившегося с начала 1919-го и до конца 1934 года, вы неуклюже пытаетесь свалить вину с больной головы на здоровую.

Вот вы обвиняете Сергея Мироновича в жестокости по отношению к «недобитой в дни Октябрьского переворота» питерской интеллигенции.

Как известно, после утверждения народовластия в России страну охватил голод.

В бывшую богатую столицу империи в поисках куска хлеба хлынули из обнищавших провинций, разорённых войной, толпы голодных крестьян и рабочих закрывшихся мелких предприятий.

Всей этой обезумевшей массе требовалась не только работа, но и жильё.

Началось уплотнение коренного населения города на Неве. Со временем дело дошло до того, что коренных жителей, выражавших протест, выбросили из квартир, а после потока жалоб на имя Сталина и вовсе вышвырнули из города на пустынные земли Севера — не жалея ни старого, ни малого.

И в этом вы, Николай Алексеевич, вините Кирова, хорошо зная, что ни один из партийных руководителей края или области не мог без ведома и без благословения, а то и прямого распоряжения вождя предпринять репрессивные меры против народа.

Сталин не спеша обдумывал каждый свой шаг. И вскоре приступил к постановке этой страшной политической драмы.

Актёров-исполнителей в резерве режиссёра было достаточно. Тот же Берия, не сомневающийся в том, что помехой на пути его восхождения к вершине власти может быть только Киров. Не зря Сталин во время своего отдыха на побережье Чёрного моря, к удивлению личной охраны, отпускал Берию в Москву, откуда тот, остановившись в кремлёвской гостинице, успел съездить несколько раз в Северную столицу.

Помимо вас, Николай Алексеевич, рядом со Сталиным постоянно находился человек, освободившийся из тюрьмы в первые дни революции, который лютовал в ЧК, а затем в ОГПУ Украины и со звериной жестокостью подавил восстание крестьян, назвав его саботажем кулаков. Этого угрюмого, молчаливого, сковывающего взглядом уголовника Сталин тоже осыпал наградами, он приблизил его к себе в непонятной роли — то ли охранника, то ли советника. Это — Ефим Евдокимов.

На него была сделана ставка в подготовке покушения на Кирова.

Поскольку все свои террористические акты Сталин осуществлял через подвластные ему репрессивные органы, он назначил Евдокимова начальником Ленинградского областного управления НКВД вместо Филиппа Медведя.

Узнав об этом, Киров возмутился и тут же связался с Ягодой, а затем и со Сталиным. Ему удалось отстоять Медведя.

Ненависть к Петрограду и его обитателям, представлявшим цвет и гордость России, у Сталина возникла давно — со времён, когда его преследовали за нарушения установленных и охраняемых государственной властью правовых норм. А потому ещё в 1917 году, когда Советам стал грозить генерал Корнилов, на защиту Петрограда в помощь Зиновьеву Ленин послал Сталина. Тут и было положено начало его «боевому» крещению.

Как известно, в состав вооружённых сил Корнилова входила Дикая дивизия, сформированная из добровольческих

кавалерийских полков народов Кавказа — горцев, преданных России, присягнувших в верности короне империи герои Русско-японской войны, награждённых орденами и медалями. Командовал дивизией потомок крымских ханов генерал Султан-Гирей-Клыч. В ходе Первой мировой войны Дикая дивизия не раз отличалась в боях. Её бросали на самые трудные участки фронта.

Назначенный Временным правительством Верховный главнокомандующий генерал Лавр Корнилов, пытаясь установить военную диктатуру, сдал Ригу немцам и двинулся на Питер, чтобы низвергнуть власть большевиков. В его войсках и находилась та самая Дикая дивизия. На неё генерал возлагал главную надежду на успех.

Обеспокоен был и Ленин, ему удалось быстро организовать вызов в Москву представителей революционно настроенных горцев Кавказа. Удалось и начать переговоры с командующим дивизией Султан-Гирей-Клычем и убедить, что те, кому он присягал, сброшены, а класть головы за рвущихся к власти военным — бессмысленно.

На другой день дивизия снялась с места и направилась в сторону родных гор, оставив Корнилова в состоянии полной растерянности. А геройство закавказского горца — Сталина, отправленного на спасение «колыбели революции», — ограничилось тем, что он отдал команду расстрелять две тысячи арестованных накануне по приказу Зиновьева престарелых генералов, офицеров царской службы, представителей дворянства, буржуазии, купечества, учёных, придерживавшихся нейтральной позиции и не имевших никакого отношения к политическим межусобицам.

Но вернусь к подготовке убийства С.М. Кирова. Сталин, не

желая идти на конфликт с Кировым по поводу назначения Евдокимова начальником областного НКВД, уступил ему, оставив Филиппа Медведя — решил сделать ставку на Гершеля Гришевича Ягоду.

Генрих Ягода, выдававший себя за фармацевта, по сути был человеком малограмотным. В годы юности, не зная, куда приткнуться, устроился к Мовше Свердлову учеником.

Отец Якова Свердлова жил в Нижнем Новгороде. Ремесленник, имел гравёрную мастерскую и тоже был революционно настроенным подпольщиком. Его мастерская была местом явки, где происходили конспиративные встречи нижегородских, казанских и прочих смутьянов.

Со временем шустрый подмастерье, решив открыть своё дело, умыкнул у старика набор инструментов, прихватив ещё кое-что из оснастки, и скрылся.

Старик не стал заявлять на ученика, боясь навлечь на себя гнев полиции, кроме того, боялся, что пойманный лоботряс, знавший о тайных его связях с неблагонадёжными, выдаст их.

Однако наглый прохвост, не имея достаточных средств на открытие мастерской, явился к старому мастеру с повинной.

Старик простил его и принял на работу. Но через какое-то время склонный к авантюрам неблагодарный ученик вновь обокрал мастера и сбежал. Это было в предреволюционный год.

После переворота и установления советской власти имя Якова Свердлова наряду с именами Ленина, Троцкого и других большевиков стало часто мелькать на страницах газет, а старик Мовша, подняв голову, стал хвалиться, что сын его Яков достиг высот государственной власти — избран председателем ВЦИКа.

Тут Генрих (Гершель) Ягода и объявился в Нижнем Новгороде, пал на колени перед старым учителем, заверил его в преданной любви ко всем Свердловым и вновь предложил свои услуги. И стал вхож не только в мастерскую, но и в дом старика.

Но и на этот раз раскаяние было неискренним. Пройдоха притирался к старику и всей его многочисленной родне с дальним прицелом.

У старика подросла внучка, отец которой был богатым, влиятельным человеком. Генрих стал увиваться вокруг неё ужом и увлёк девчонку.

Родители благословили их союз.

Тут-то и началась головокружительная карьера пройдохи, проникшего в правящие круги обитателей Кремля.

Конечно же, влиятельный дядя Яков позаботился о муже племянницы. Со временем Гершель Ягода стал руководить органами ГПУ молодой Советской республики. И держал в цепких

руках «языки, уши и глаза» всех начальников — краевых, областных, городских и районных отделов ГПУ.

У Сталина с ним состоялся доверительный разговор на конспиративной квартире. Вождь поставил ответственную задачу — убрать Кирова.

Ягода немедля позвонил в Ленинград и приказал заместителю начальника областного управления НКВД Ивану Запорожцу срочно прибыть в Москву.

Состоялась их встреча с генсеком, после которой Запорожец вернулся домой и стал активно готовиться к гнусной акции. Подобрал группу лиц — самых надёжных, из личной агентуры. Отыскал и жертву — из числа освобождённых от партийной работы, исключённого из рядов партии, неврастеника, который

годами строчил жалобы во все инстанции, тщетно пытаясь добиться правды.

Это был Николаев.

Ему обещали поддержку. Он и решился на страшную месть, обвинив во всех своих мучениях Кирова.

Осведомитель Запорожца обучил Николаева стрелять, снабдил револьвером и пропуском в Смольный.

Как известно, первая попытка покушения сорвалась по вине

жертвы. Слабовольному Николаеву сунули пистолет в портфель. С ним он явился в бюро пропусков Смольного, предъявил пропуск и направился к зданию. Скрыть волнения не смог, бдительный охранник заподозрил что-то неладное.

Не успел Николаев сделать и нескольких шагов, как охранник потребовал вернуться и открыть портфель. Обнаружив пистолет, задержал Николаева и отправил в комендатуру Смольного. Каково же было его удивление, когда через несколько минут он узнал, что заподозренный им посетитель, не внушающий доверия, вооружённый, отпущен, да ещё с пистолетом! И это в то время, когда строго соблюдался закон, предусматривающий три года лишения свободы за незаконное ношение оружия.

Замначальника областного управления НКВД Запорожец был взвинчен происшедшей «осечкой». В этот день в Наркомате внутренних дел страны и в Кремле от него ждали нужной информации.

Заговорщики тоже были вне себя от досадной промашки, но надежды на успех не теряли. Приободрился и Николаев, почувствовав чью-то властную руку, оградившую его от беды.

Недели через две после провала акции заговорщики вновь благословили Николаева на удачу.

С наступлением ранних сумерек легковерный глупец с тем же портфелем и тем же пистолетом явился к воротам Смольного.

На сей раз Запорожец и его сообщники предусмотрели всё до мелочей. Николаеву был выдан пропуск, с которым он беспрепятственно поднялся по ступеням парадного подъезда и вошёл в пустой коридор.

Там его ждал сотрудник обкома Борисов, числившийся помощником Кирова.

Шло заседание бюро обкома. Борисов велел Николаеву подождать в коридоре, осторожно открыл дверь и на цыпочках вошёл в зал заседаний. Обратившись к Кирову, шепнул: «Вас просит Кремль по прямому».

Киров поднялся, не спеша направился к выходу. Выйдя в коридор, прикрыл за собой дверь.

В этот момент и раздался выстрел — стрелял Николаев, в упор. А затем выстрелил себе в голову, пытаясь покончить с собой, но пуля лишь слегка его ранила, и он упал рядом с телом Кирова.

Генсек счёл необходимым довести дело до конца и выехал на место преступления. Кроме того, своим оперативным отъездом в город на Неве он хотел показать народу свою озабоченность, переживание, желание найти и призвать к ответственности виновных в убийстве «друга и соратника».

Спецпоезд вождя усилили личной охраной, работниками НКВД, облачёнными в гражданскую форму, командным составом внутренних войск.

Путь, по которому двигался состав, от самой Москвы и до Ленинграда был оцеплен войсками.

В свою очередь, и вокзал за час до прихода правительственного поезда был окружён переодетыми в штатское работниками областного отдела внутренних дел, очищен от пассажиров, а железнодорожные пути освобождены на несколько километров ото всех видов транспорта.

Не успели правительственный состав и поезд сопровождения остановиться, как из них тёмной массой высыпали правительственные стражи и растворились в толпе встречающих работников ленинградского партийного руководства и органов внутренних дел.

Когда в дверях вагона-салона показалась фигура Сталина, в плотно сидящей шинели и надвинутой на глаза шапке, бесшумно колышущиеся толпы застыли, обратив жадные взоры на величайшего из великих мира сего. А вождь, сохраняя стальное спокойствие, окинул взглядом толпу, поприветствовал кивком, не спеша спустился со ступенек вагона и, поглядывая искоса на застывших навытяжку работников НКВД в яркой форме, направился к начальнику Ленинградского облотдела НКВД Филиппу Медведю.

Встав напротив, окинул его взглядом с ног до головы, затем поднял руку, в которой была зажата пара кожаных перчаток, хлестнул по одной щеке, затем по другой и медленно отошёл в сторону, где столпилось руководство Ленинградского обкома партии.

Медведь, окаменев, не мог и шагу сделать в сторону огромной толпы рабски покорных плебеев, имя которым — «счастливый советский народ». Его и всех работников аппарата НКВД, а также сотрудников обкома партии, встречавших Сталина, мгновенно разоружили те, кто сопровождал генсека.

За каждым движением Медведя бдительно следили опричники вождя. Но ведь у него была возможность нанести

ответный удар, будь он настоящим мужчиной, — плюнуть в лицо тирана. Видимо, чувство гордости, собственного достоинства чуждо рождённым ползать.

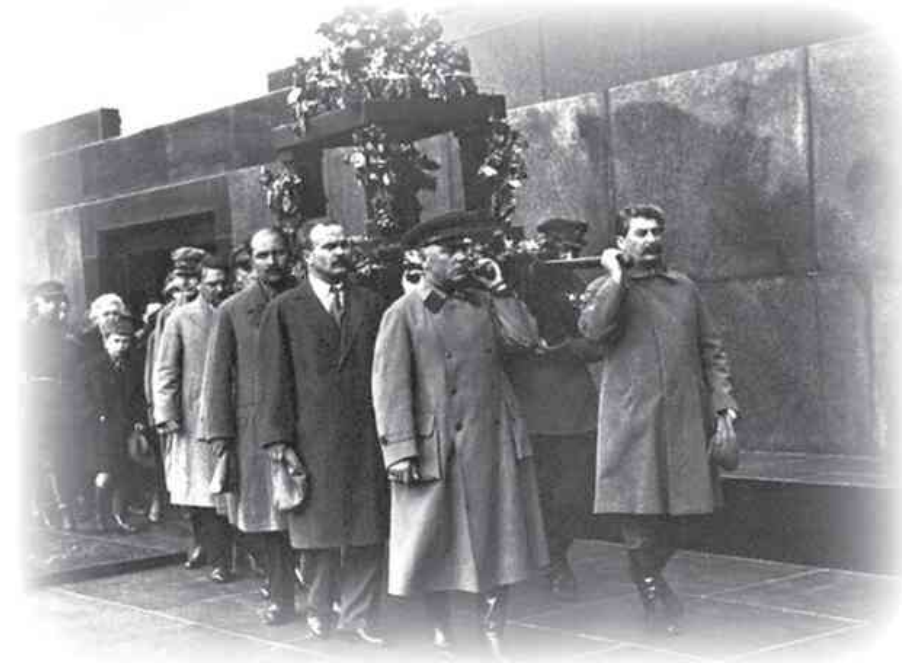
Сталин, уже находясь в кабинете первого секретаря обкома в Смольном, устроившись в мягком кресле, словно верховный жрец, любовался окончательно потерявшим волю, бьющимся в истерике на паркетном полу Николаевым. Стремительно поднялся, когда ему сообщили, что телохранитель Кирова Борисов, которого везли к нему, при загадочных обстоятельствах убит. (Как стало известно четверть века спустя, ему проломили череп ломом в чёрном «воронке» по дороге на допрос.)

Вождь не стал дольше задерживаться в граде Петра, не доверяя его обитателям, слишком смелым и склонным к возмущению.

Все участники заговора вместе с исполнителем в первый же день были схвачены и арестованы.

Оставив на месте своих людей, которые должны были довести дело до конца, Сталин укатил в Москву. За ним последовал траурный поезд.

Гроб с телом покойного был установлен в Колонном зале Дома союзов. Опечаленный генсек, постояв в почётном карауле, прощаясь с «другом», первым оставил на холодном лбу покойного поцелуй. Поцелуй Иуды. Публичная демонстрация любви к своему мёртвому врагу — проявление высочайшего лицемерия. Там, у гроба, Сталин сказал вслух: «Прощай, мой дорогой друг. Мы за тебя отомстим».



Опьянев, Сталин иногда говорил правду. Однажды, распивая вино с Дзержинским и Каменевым на правительственной даче в Зубалове, он завёл разговор о том, что доставляет ему самое большое наслаждение в жизни. Он сказал: «Выбрать жертву, подготовить тщательно удар, беспощадно отомстить, — потом пойти спать… Слаще этого нет ничего».

Проблема, конечно, была не в самом убийстве или отравлении, а в том, как скрыть следы преступления.

Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством Ульриха (обвинитель — Вышинский), при участии замнаркома Внутренних дел СССР Аграновского приговорила тринадцать человек, обвинённых в убийстве Кирова, к высшей мере — расстрелу. Сталин затягивал расстрел Николаева, планируя с помощью следователей выбить у него признания в том, что убийство ему заказала оппозиция.

Сталин разработал детальный план обвинения лидеров оппозиции в подлом убийстве Кирова. К тому времени он издал указ, гласящий: «Суд над террористами вершить тайно, допросы проводить без очных ставок, без свидетелей. Защиту к участию не привлекать. Приговор считать окончательным. Решение суда исполнять безотлагательно». Подписаться под этим указом Сталин заставил добрейшего старика, всесоюзного старосту — Михаила Ивановича Калинина.

А теперь предлагаю читателю вспомнить, какой была

судебно-правовая реформа, начатая в России Александром II. Вспомнить и сравнить.

Второстепенные организаторы покушения на Кирова — Филипп Медведь и Ефим Запорожец тоже не избегли наказания. Их осудили за непроявленную бдительность, необеспечение охраны и безопасности первого секретаря обкома партии.

На этом был окончен очередной спектакль. Оба они по распоряжению Сталина были назначены на руководящие посты в тресте «Лензолото», в состав которого входили и богатейшие золотодобывающие прииски Сибири. Жили вольготно, пользуясь всеми благами жизни, беспрепятственно контактируя с родными и близкими! Более того, один из начальников личной охраны Сталина — Паукер даже посылку послал Запорожцу — импортный радиоприёмник, чтобы не тосковал по Ленинграду.

Сталин на короткое время обрёл покой, Берия ликовал. Перед ним открывался беспрепятственный путь к вершине власти в Москве. Хотя оставались ещё Серго Орджоникидзе, Авель Енукидзе, знавшие его прошлое.

Но были и другие опасные свидетели. Один из них — нарком здравоохранения Каминский. Выступая на одном из пленумов ВЦИКа, он прямо заявил с трибуны о том, что весьма опасные для государства люди втерлись в доверие руководства ЦК партии, что они могут нанести непоправимый урон обществу и делу строительства социализма в нашей стране и что одним из них является Берия. Сразу после пленума Каминского арестовали, осудили и расстреляли.

Вы, дорогой автор романа-исповеди, лучше меня знаете, что одним расстрелом тринадцати человек, обвинённых в убийстве Кирова (большинство из которых были ни в чём не виноваты), дело не обошлось. Официальная партийная пресса в первые дни после убийства Кирова обвиняла «действовавших в стране белогвардейских террористов». Сталину также нужны были другие «убийцы» — лидеры оппозиции. Такие, как, например, уже осуждённые Каменев и Зиновьев, а также сочувствующие им.

Вскоре их доставили на Лубянку, обвинили в подготовке покушения на Кирова и подшили их дела к «Делу московского центра». Это обвинение они настойчиво отрицали, указывая на то,

что в течение двух лет до убийства Кирова находились в тюрьме.

Зиновьева осудили на десять лет, Каменева — на пять.

Тысячи людей постигла более страшная судьба. Сталин мстил за убийство Кирова массовыми расстрелами. Но об этом впереди.

Не оставлять в живых даже свергнутого соперника

Из — за обострившегося чувства страха и подозрительности, связанных с самоубийством Надежды Аллилуевой, расправой с Каменевым, Зиновьевым и другими, Сталин решил очистить Кремль от старых, много видевших и много знавших работников — охранников, дворников, уборщиц, сотрудников библиотеки Кремля, среди которых были знакомые, близкие и даже родственники репрессированных оппозиционеров.

Москву потрясли начавшиеся аресты бессловесных, как ягнята, не имевших отношения к политике, безграмотных либо малограмотных работников Кремля, большинство из которых были беспартийными.

По столице поползли слухи о бесчинствах в Кремле. Главным объяснением, разносимым определёнными кругами, была версия о якобы раскрытом доблестными чекистами чудовищном заговоре врагов советской власти, готовивших очередное злодейское убийство любимого вождя.

Арестовали более тысячи человек. Начались жестокие пытки, люди не выдерживали истязаний. И вскоре нити следственных экспериментов потянулись от простых людей к комендатуре, внутренней охране Кремля, личным телохранителям генсека.

От них — к работникам Коминтерна и даже разведывательного управления Красной армии.

Им предъявили обвинения в принадлежности к террористической организации, возглавляемой врагом народа Каменевым, который, кстати сказать, к тому времени был осужден и находился в ссылке.

Многих приговорили к расстрелу, остальным дали разные сроки тюремного заключения.

Вам ведь тоже, господин Лукашов, как ближайшему советнику вождя, хорошо известно суждение Иосифа Сталина о счастье. В редкие минуты благодушия он спрашивал близких и преданных людей о том, что такое счастье. Угодливые идейные дружки и приближённые соратники по партии отвечали: «борьба», «мировая революция», «жизнь при коммунизме» и далее из этого ряда. А мудрый вождь и учитель, обожествлённый пролетариями, выбившимися в люди, величаво откинув голову, затягивался дымком трубки и изрекал: «А для меня счастье — найти врага, уничтожить его, а потом насладиться бокалом хорошего вина». Вот так!

Правление, основанное на насилии, существовало со времён возникновения общественных структур. Деспотизм был свойствен многим правителям Древнего мира, Средневековья и Нового Времени. К тирании приводит неограниченная власть с

несменяемым правительством.

Склонность властолюбцев к деспотии наблюдалась и наблюдается в наше время в странах, где действия правителей не ограничены уложениями конституции.

В цивилизованных странах, где государственный строй основан на демократии и свободе, и сегодня находятся силы, стремящиеся к мировому господству Прямого, жестокого насилия они избегают из-за страха перед ответными действиями народа, зато стараются использовать достижения современной науки, позволяющей воздействовать на психику людей, — химические и физические средства: ультразвук, микроволновые излучения. Не пренебрегают и методами массового гипноза.

Воздействуя этим психотропным оружием, можно привести к отупению и эйфории, при которых народ становится равнодушным ко всему, в том числе к социальному неравенству и к своим гражданским правам. И добавлю — будет довольствоваться существующей системой.

Об этих научных достижениях середины и конца XX века Иосиф Сталин не знал. Но, вероятно, он мог слышать или изучать широко распространённый в те времена трактат Макиавелли «Государь».

Никколо Макиавелли — известный учёный, историк и политический деятель итальянского Средневековья — известен как автор трёх значительных произведений. Пройдя через казематы тайных судилищ, испытав на себе изощрённые пытки папских инквизиторов, историк и дипломат остался сторонником железной политики.

Великолепно зная психологию, Макиавелли в своём последнем сочинении пишет, что у людей существует три степени способностей. Одни понимают вещи собственным умом, другие только после данных им объяснений, третьи совершенно ничего не понимают.

Это значит, что люди по своим умственным способностям делятся на мыслящих логически, мыслящих механически и неспособных к мышлению.

В процентном отношении первых 25 процентов, вторых — 50, третьих — 25. Надо признать, что учёный недалёк от истины.

В своих наставлениях правителю Макиавелли рекомендует предпочесть воздействие на подвластных страху и не искать любви народа, ибо порождение страха в людях исходит от него, государя, а любовь — это неустойчивое чувство, зависящее от воли людей.

Также Макиавелли советует правящему помнить о элите своего государства, представители которой, наделённые

интеллектом и политическими амбициями, могут организовать заговор и свергнуть его.

И далее Макиавелли пишет: «Конечно, главным правилом каждого мудрого правительства до известной степени должно быть следующее: удовлетворять народ своим управлением и жить в дружбе с высшими классами.

Но так как ненависть поддерживается с одинаковым успехом хорошими и дурными действиями, то случайно может возникнуть необходимость быть злым, дабы обеспечить за собой власть.

И в таком случае всякие колебания должны быть отброшены в сторону, потому что хотя полезно идти по пути правды, пока этот путь не представляет никаких неудобств, но необходимо уклониться от него, как только обстоятельства потребуют этого.

Благоразумный государь не станет держать своё слово во вред себе — он должен помнить, что тот, кто в своих действиях сообразуется с долгом, обеспечивает собственную гибель».

Также мудрец заявляет, что щедрость в конце концов создаёт нам больше врагов, чем друзей.

Страшен и такой совет сторонника тирании: «Властитель не должен оставлять в живых не только своего свергнутого соперника, а по возможности истребить всех членов его семейства. Для достижения цели не гнушаться никакими, даже самыми подлыми, низкими средствами, вплоть до убийств».

Передовые мыслители мира, гуманисты осыпали Макиавелли проклятиями. Но они не учли, что всё это им не придумано, а только взято из практики правления народами государей Древнего мира и Средневековья.

«Спустить вино в Неву иначе пропьют революцию!»

К великому сожалению, сторонники учения Макиавелли нашлись и в XX веке — в лице коммуниста Иосифа Сталина и фашиста Адольфа Гитлера.

Но в отличие от бесноватого фюрера бесноватый генсек нашёл ещё один верный способ воздействия на психику подвластных, которым можно не просто оболванить народ, но и превратить его в безвольное стадо.

Средством, позволяющим использовать этот способ, является алкоголь.

В связи с этим позволю себе совершить краткий экскурс в историю.

Люди употребляли хмельные напитки в странах, где произрастают винные ягоды, с древнейших времён.

С некоторых пор наблюдательные учёные и представители духовенства стали убеждаться, что спиртные напитки пагубно влияют не только на пьющих, но и на их потомство. И ввели запреты.

Впервые борьбу с пьянством начала вести секта назареев в Палестине — запретила изготовление и употребление вина.

Запрет этот появился и в учении Будды, одна из пяти заповедей которого гласит: «Не пить вина». Людей, уличённых в пристрастии к алкоголю, буддисты казнили, влив в горло расплавленный свинец.

В учении Конфуция, наряду с нравственными нормами, предписываемыми его последователям, есть и запрет употребления спиртного.

В 1220 году до нашей эры китайский император Ву Венг издал вердикт, согласно которому все лица, схваченные во время попоек, подвергались смертной казни.

В Древней Спарте по распоряжению властей один из чиновников должен был напиться до одури и бродить, шатаясь и сквернословя, по улицам города, чтобы люди видели человека, дошедшего по собственной воле до сумасшествия, и испытывали к нему чувство отвращения.

В своё время Карлом Великим был издан указ: наказывать пьяного плетью в первый раз в закрытом помещении, во второй раз — публично, в третий раз — казнить.

В Аравии спирт впервые получил алхимик путём перегонки. Использовался он арабскими лекарями для настоя целебных трав,

а также как консервант органических целебных средств, растворитель химических веществ. Применялся спирт и как наркотическое, усыпляющее средство хирургами при операциях и костоправами.

Но со временем некоторые аравийцы пристрастились к этому зелью и во хмелю стали предаваться прегрешениям.

В стране распространилось воровство, грабежи, проституция, прочие антиобщественные деяния опустившихся соплеменников.

Видя последствия изобретённого им зелья, алхимик покончил с собой, бросившись в пропасть со скалы.

Ислам положил конец пагубному влиянию алкоголя на своих последователей, запретив употребление одурманивающих напитков.

Великий халиф Омар, основатель могущественного Багдадского халифата в VIII веке нашей эры, считавшийся строгим блюстителем духовных и светских уложений Священной книги мусульман — Корана и отличавшийся непритязательностью и аскетизмом, граничащей с простотой быта обычного бедуина, засёк до смерти собственного сына, осмелившегося переступить порог мечети пьяным.

Пьянство в России стали распространять в Средние века пришлые маркитанты, шинкари, лавочники, проникая в самые отдалённые княжества страны.

Некоторые из русских любят повторять, что мы, мол, похмеляемся, а вот наши предки пили по-настоящему. Неправда это.

В условиях Домостроя русские строго придерживались старых традиций. Даже брагу, изготавливаемую для свадебных торжеств, запрещали пить до тридцати лет — то есть в самый активный период жизни человека, связанный с продолжением рода.

В Самарской губернии ещё сто лет назад соблюдался древний обычай, не позволяющий хоронить человека, умершего от пьянства, на кладбище. Его закапывали в лесу или бросали в реку, считая грешником, из-за которого могут наступить засуха и неурожай.

Первое государственное предприятие по производству алкогольной продукции в России было открыто в Петрограде при Николае II в начале прошлого века. Рост производства и потребления алкогольных напитков достиг особенно высокого уровня в период с 1910 по 1914 год.

Начался рост преступности, проституции, терроризма. Обеспокоенная интеллигенция России — писатели, журналисты в целях антиалкогольной пропаганды стали издавать журналы «Пьянство — горе наше», «За трезвый быт».

Большую активность в этом деле проявлял Лев Толстой. Он писал: «Вино губит телесное здоровье людей, губит умственные способности, губит благосостояние семей и, что опаснее всего, губит души людей и их потомство».

В связи с этим в 1914 году последовал указ царя Николая II «О запрещении производства, ввоза и потребления всяких горячительных напитков».

Когда на второй день после штурма Зимнего у Ленина спросили, что делать с вином, обнаруженным в одном из погребов дворца, он ответил: «Спустить в Неву, иначе пропьют революцию!»

Среди первых декретов, изданных Лениным, был указ о сохранении сухого закона.

В 1920–1922 годах, когда в России едва теплилась жизнь и страна была измотана войнами, послевоенной разрухой, голодом, холодом, вдруг на партийной конференции Сталин, ковснувшись вопроса экономики страны, предложил отменить сухой закон. На что Владимир Ильич незамедлительно отреагировал: «Как бы ни были выгодны для торговли спиртные напитки, мы не можем допустить этого, ибо они поведут нас назад».

Коба, привыкший за годы бесприютных скитаний к пьянству, приносящему его душе радость и умиротворение, много не пил, но видел, как упившиеся до чёртиков люди теряют вместе с рассудком и волю, и честь, и совесть.

Знал он также, что человек, превращённый в поклонника Бахуса, томимый неукротимой жаждой вина или водки, может пойти на всё и стать рабом того, кто поит.

Такие рабы как раз и нужны были ему для осуществления преступных дел.

В 1926 году сухой закон в стране Сталин всё же отменил.

С первых дней вступления в силу сталинского указа об отмене сухого закона в верховные органы власти начали поступать письма, полные негодования, с вопросами: «Кто отменил сухой закон?», «Почему разрешили продажу водки?», «Расстрелять врагов народа, которые начали спаивать людей!». В то же время в Москве начал издаваться новый журнал «Трезвость и культура».

Нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко, к которому также обращались возмущённые сталинским указом врачи-психиатры, невропатологи, педагоги, социологи, писал в журнале «Трезвость и культура»:

«Наше государство — государство труда.

Можно ли говорить о культуре труда, если пьянство разлагает труд, подрывает работоспособность населения, плодит

прогулы, производственные травмы.

Алкоголик с трясущимися руками, плохо видящий помутневшими глазами, едва слышащий, — плохой работник.

Пьянство сеет преступления и болезни, разлагает общество.

Характерно, что расследование совершённых преступлений в Ленинграде в 1927 году (то есть ровно через год после отмены сухого закона) показало, что все без исключения были совершены в пьяном состоянии.

Пьянство тянет за собой кутёж и разврат, засасывает человека в трясину нечистоплотного добывания средств на выпивку, отсюда и взяточничество, и воровство, и прочие служебные преступления».

Но, к великому сожалению, среди учёных-медиков нашлись безразличные к судьбам русского народа.

Такие профессора, как Залевский, Гуревич, Левин, одобрили указ Сталина.

Вопреки мнению интеллигенции и старых русских большевиков генсек, со свойственным ему лицемерием, публично пообещал наркому Семашко запретить продажу спиртных напитков, как только изыщет другие средства для развития индустриализации страны.

И началось в стране повальное пьянство.

Сам великий вождь к стакану вина прикладывался трижды в день. Хмельные напитки не убирались со столов его кремлёвских и дачных гостиных. Я бы сказала, что Сталин планомерно спаивал всех членов политбюро и правительства. Следуя его примеру пили почти все партийные работники на местах.

Со временем попойки стали устраивать даже в рабочее время.

Для этого были предусмотрены комнаты отдыха при кабинетах крупных руководителей, где были установлены холодильники, наполненные бутылками со спиртным и изысканной холодной закуской.

Уборщицы, одновременно исполняющие обязанности горничных, по условному звонку быстро накрывали стол хозяина на указанное количество персон и исчезали.

В стоимость ежегодно предоставляемых правящей элите путёвок входило и спиртное. На столы гостиных в роскошных люксах правительственных санаториев ежедневно выставлялись бутылки вина, коньяка, водки — в зависимости от желания укрепляющего здоровье правителя. К крепким напиткам добавлялись кондитерские изделия, фрукты.

Для рядовых партийных работников, отдыхающих в тех же санаториях, излишества не предусматривались. Однако при санаториях существовали буфеты, где продавались в основном спиртные напитки. Так что рядовой отдыхающий перед завтраком, обедом, ужином мог пропустить рюмочку-другую. Но желающих выпить среди рядовых партработников было мало, потому что большинство из них жили на зарплату и едва сводили концы с концами.

Постепенно пьянство и алкоголизм приобрели в стране массовый характер. Запили женщины, дети. С 1926 по 1940 год годовое производство и потребление спиртных напитков подскочило до 19 литров на душу населения. А если исключить население кавказских и среднеазиатских республик, где большая часть народа традиционно придерживалась постулатов Корана, то эта цифра удвоится.

В начале Отечественной войны премудрый генсек позаботился и о фронтовиках. На «нос» рядового предусматривалось 100 граммов в сутки. Вместо продовольствия на фронт катили цистерны со спиртом.

В зимнюю стужу окоченевшим в окопах и траншеях бойцам перед атакой наливали горячительное, и бедные мальчишки, плеснув в рот пять-шесть глотков спиртного, шли на врага под возгласы политкомиссаров: «За Родину!», «За Сталина!», проклиная и тех, на кого идут, и тех, кто их гонит.

Охваченные ужасом происходящего, сражённые свинцом, корчась от боли, в предсмертных муках шептали слово «мама».

Оказалось, что и война множит ряды алкоголиков. Многие фронтовики — солдаты, партизаны, офицеры и генералы, — героические прекрасные люди, умирали в мирных условиях прежде времени от алкогольного цирроза печени, кровоизлияния в мозг, других тяжких осложнений.

После войны полки продовольственных магазинов ломились от батарей винных и водочных бутылок.

Доходило до абсурда: в летнюю жару в киосках и бочках на колёсах вместо прохладительных напитков продавали дешёвое креплёное вино — «Сливовое», «Яблочное», «Осенний сад».

Томимые жаждой люди, а среди них женщины и дети, утоляли жажду вином. А может, попав в нищенскую безысходность, заглушали обиду, боль и страх водкой.

Уже в хрущёвскую оттепель и брежневский застой пьянство приняло характер социального бедствия. Ведь сами-то правители ещё в сталинские времена превратились в хронических алкоголиков. Но при этом физически они оставались крепкими, потому что закусывали добротным харчем и ели, как говорится, от пуза. Гибли от алкоголя большей частью те, кто пил на ходу

(либо стоя), а вместо закуски довольствовался понюшкой табака.

В начале перестройки те из убеждённых трезвенников, которые оставались у власти, видя, как деградирует народ на почве пьянства, растет преступность, рождается всё больше неполноценных умственно и физически отсталых детей, пришли к выводу, что надо во имя спасения страны и народа начать борьбу с пьянством и алкоголизмом.

В связи с этим 16 мая 1985 года последовал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства, алкоголизма и искоренения самогоноварения».

Была усилена административная ответственность (вплоть до привлечения к уголовной) в отношении родителей и лиц, спаивающих несовершеннолетних.

Этот запоздалый указ ещё мог бы стать спасительным, если бы дело не закончилось кампанейщиной. Ведь ситуация с нарождающимся поколением стала, можно твёрдо сказать, катастрофической.

Обратимся к закрытым данным Академии педагогических наук. Статистика за 1982 год свидетельствует, что из числа детей, родившихся в означенном году, 3,5 процента имели тяжёлые отклонения в мышлении и физическом развитии. У 13 процентов были психические и физические пороки развития средней тяжести. Итого — 16,5 процента уродов, которыми расплачиваются пьяницы обоего пола за свои «невинные алкогольные утехи»[1].

Из числа обитателей детских домов почти 100 процентов — дети спившихся, лишённых родительских прав отцов и матерей.

В 1960 году в Октябрьском районе Ленинграда не было ни одной школы для умственно недоразвитых. Сегодня их четыре.

В Волгоградской области была одна школа для умственно отсталых, сегодня — восемнадцать.

В Донецкой области таких школ было четыре, а сегодня тридцать восемь.

Но ведь и в обычных школах имеется определённый процент учащихся с различной степенью врождённого слабоумия.

От заболеваний, связанных с пьянством, в нашей стране ежегодно умирает полтора миллиона человек. Если перечень существующих в нормальных условиях нервно-психических заболеваний составляет около двухсот нозологических форм, то можно себе представить, что происходит с этими больными, пристрастившимися к употреблению спиртного. Не потому ли психиатрические больницы переполнены?

Это не считая состоящих на учёте в психдиспансерах.

Академик Углов на вопрос, почему пьют люди, ответил: «Потому что во все века распространение алкоголизма держалось на лжи».

Проблемы пьянства всегда волновали и сегодня волнуют честных, гуманных мыслителей мира. Учёные Тюбингенского университета (Германия) — психиатры, радиологи, психологи, физики с помощью современных научных методов изучили воздействие алкоголя на человеческий мозг и установили, что регулярное употребление спиртных напитков постепенно разрушает мозговое вещество и в особенности кору, которая ведает мыслительной деятельностью человека. Не зря ведь народная поговорка гласит, что алкоголик в первую очередь пропивает мозг, а затем штаны.

Также научными исследованиями доказано, что мозг у хронического алкоголика заметно сокращается в объёме.

Доктор медицинских наук Коновалов, занимавшийся изучением влияния алкоголя на мозговое вещество, отмечает, что более 30 процентов выпитого алкоголя сохраняется надолго в

клетках мозга и выводится не за один-два дня, а в течение двух-трёх недель.

Установлено, что мозг женщин в значительно большей степени подвержен пагубному воздействию алкоголя.

О возрастающей с каждым годом смертности от алкогольного цирроза печени свидетельствует и статистика Всемирной организации здравоохранения.

И чем моложе организм, тем пагубнее влияние алкоголя.

Хотя пессимисты утверждают, что борьба с пьянством бессмысленна, что, мол, кто пил, тот всё равно будет пить, я считаю это необоснованным утверждением.

Свидетельство тому — факт, что даже за короткое время действия указа от 1985 года заметно сократилось количество уголовных преступлений, совершённых в пьяном состоянии, дорожно-транспортных происшествий, хулиганств, попоек в трудовых коллективах и прочих постыдных и унижающих достоинство человека проступков.

Но, к великому сожалению, как я уже сказала выше, борьба с алкоголизмом и пьянством скатилась до беспринципной кампанейщины.

Начались невиданные в истории существования государств бунты ведущих паразитический образ жизни алкоголиков. И бессильное, обеспокоенное экономическим кризисом и развалом государства правительство отступило.

К великому стыду, в стране нашлись учёные-академики, в печати утверждающие, что одной из главных причин удара по экономике страны явилась начатая антиалкогольная кампания. Этим учёным, видимо, наплевать на завтрашний день России, лишь бы им сегодня жилось как при коммунизме, увы, несбывшемся.

Зашевелились, засучили рукава и монополисты винодельческой промышленности — Герои Социалистического Труда, обеспокоенные не столько ущербом, нанесённым государству, сколько собственными миллионными потерями. Они начали оплакивать погубленные уникальные сорта винограда, вкуса которого не знают несчастные дети приютов, домов малюток, интернатов, домов престарелых (не уточняя, что речь идёт о винных, а не столовых сортах).

Баснословные цены столового винограда на рынках сделали его недоступным не только для пенсионеров, но и для живущих на зарплату. А ведь натуральная ягода содержит не только все виды сахара, но и витамины. Неспроста сахар, циркулирующий в организме человека, называется виноградным.

Поспешили на помощь учёным-пропагандистам пьянства и

промышленникам виноделия и борзописцы-верхогляды. Скрупулезно подсчитали статистические данные убытков, нанесённых экономике страны за короткий период действия указа. И, на радость армии выпивох, вывели на страницах периодических изданий цифры, доказывающие, «во что обходится трезвость».

Более того, отдельные писаки, пытаясь «научно обосновать» пользу от употребления спиртного, ссылаясь на сообщения «виртуозов-аналитиков» с невежеством дилетантов, утверждают, что спирт необходим организму человека, потому что он обнаруживается в крови людей, даже никогда не пробовавших алкоголя.

Вывод напрашивается сам собой — среди людей нет ни одного абсолютно трезвого.

Да, такие горе-аналитики правы. Спирт в организме человека и, наверное, у животных образуется в результате сгорания белков, углеводов, жиров, в так называемом цикле Кребса. Молекула спирта образуется перед тем, как произойдёт распад её на углекислоту и воду — то есть конечные продукты сгорания, выводимые из организма.

Беда заключается в том, что искусственно производимый алкоголь, часто либо постоянно употребляемый, нарушает естественный цикл клеточного обмена веществ. Клетки организма, и в первую очередь мозговые, а также клетки печени и других паренхиматозных органов и систем, начинают «предаваться лени», привыкая к готовому промежуточному клеточному продукту, то есть молекуле спирта, которую остаётся только расщепить на H2O и CO2 и вывести из организма.

Но не только лени предаётся клетка, привыкнув к «полуфабрикату». Она начинает настоятельно требовать спирт наряду с белками, жирами и углеводами.

Это требование выражается в непреодолимой жажде, толкающей безвольного, деградировавшего субъекта на любые проступки и преступления ради выпивки. Причём чем моложе организм, тем быстрее происходит процесс привыкания с последующей гибелью, не щадящей даже элитарные слои населения.

Примечательной особенностью алкоголя является и то, что, воздействуя на центры, заведующие координацией движения человека и на кору головного мозга, это одуряющее зелье может также оказывать избирательное действие на её отдельные участки, скажем, на центр речи, расположенный в левом полушарии головного мозга. И тогда пьяный становится неудержимо болтлив.

Некоторые люди, выпив, умиротворяются, их клонит ко сну, другие под воздействием спиртного возбуждаются, становятся злыми, агрессивными.

Любителями хмельного зелья, убеждёнными в его благотворном влиянии на человека, становятся те, кого алкоголь веселит, радует, вводит в состояние кайфа.

Не будем умалчивать и о воздействии алкоголя на половую потенцию — угнетающем на одних, возбуждающем на других. Последние в пьяном состоянии, потеряв рассудок, могут бросаться на первых встречных женщин, девушек, девочек и с жестокостью садистов глумиться над жертвами.

Феноменальным в этом отношении был император Нерон. Переодевшись простолюдином, загримировавшись, сопровождаемый гурьбой хмельных дружков, он мог ворваться в увеселительное заведение, упиться там до одури, учинить погром и ограбить владельца.

Вернувшись во дворец, он кидался на первую встречную и насиловал.

Не зря подвластные Риму мудрецы-иудеи, подавленные

страхом перед тираном, не называя его имени, обозначали таинственным знаком нечистой силы.

Алкоголизм — тяжёлый недуг, в возникновении которого наряду с алкоголем повинен и сам человек. Это заболевание, как и всякое психическое расстройство, обнажает самые низкие, самые пошлые, самые грязные пороки человеческого естества, генетически заложенные в каждом индивидууме и в норме подавляемые такой мощной силой, как разум. Однако у алкоголиков, даже у кажущихся вполне нормальными людьми, пороки выходят из-под контроля сознания.

Например, клептомания — тяга к воровству безо всякой нужды, когда безразлично, где, у кого и что украсть. Так она проявляется уже в малом возрасте, но, повзрослев, клептоман начинает действовать с расчётом.

Или, например, склонность ко лжи. В детском возрасте это невинные болтуны, выдумщики, фантазёры. Но, повзрослев, они могут стать опасными — как лгуны, клеветники или доносчики. Опасность их заключается в том, что они лгут в глаза, не моргая и не отводя взора, так что в зобу обвиняемого спирает дыхание, и он начинает заикаться. Беда ещё в том, что лгун такого рода сам верит в свою ложь.

Можно себе представить, во что могут превратиться такие типы при постоянном употреблении алкоголя.

Быть покорным тем, кто сильнее

Итак, Николай Алексеевич, за три десятка лет своего царствования ваш покровитель, именуемый «великим вождём», создал по своему образу и подобию хмельную империю лжи, разбоя, насилия и разврата. Не зря ведь испокон веков народная мудрость гласит: «Вождю уподобляется племя во всём».

Пьянство, охватив страну, приобрело катастрофический характер.

Ложь звучала и с высоких трибун, и со страниц печатных изданий, и в прочих средствах массовой информации.

Разбой, на заре советской власти называемый «экспроприацией экспроприированного», породил мафию, рэкет, озверевших «народных мстителей».

В потайных притонах, в номерах фешенебельных гостиниц, на пляжах и в тенистых парках, за столиками уютных ресторанов и кафе торжествуют валютные проститутки, на улицах, сопровождаемые сутенёрами, порхают «ночные бабочки» и трутся дешёвки, сообразив на двоих-троих.

А надо всем этим господствует коррупция, стяжательство и просто воровство, охватившее все сферы жизни и деятельности целой страны.

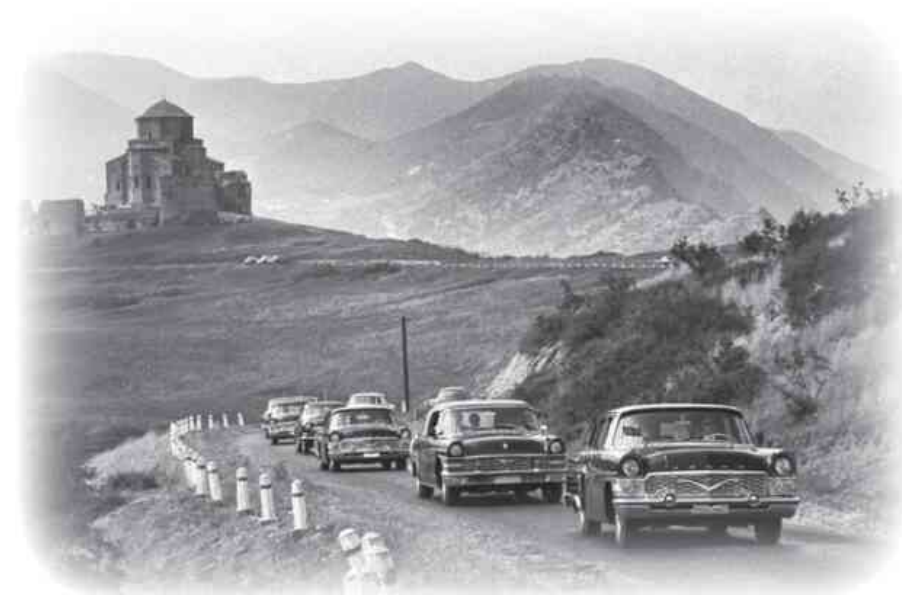
Начало этому положила сталинщина. Но тогда пороки

общественного строя носили скрытый характер, также как и действия вождя и его команды.

Пришедший к власти Хрущёв, глядя на Запад, потрясал кулаком и говорил: «Я догоню и перегоню Америку в течение трёх дней, обратившись к согражданам с просьбой прекратить на три дня воровство». Это, конечно, анекдот, но отнюдь не лишённый глубокого смысла.

Кстати сказать, за подобный анекдот при Сталине можно было схлопотать десять лет тюрьмы. Никита Сергеевич любил анекдоты, особенно о себе, и, слушая, от души смеялся, в отличие от «отца народов» — угрюмого, тупо глядящего воловьими глазами из-под низкого лба.

Массовые хищения государственного и общественного имущества не могли не возникнуть в стране строящегося социализма, где людям постоянно внушали, что они являются хозяевами средств производства. А потому начальники везли себе всё, что хотели, возами и машинами, не считая это воровством, а рядовая братия уносила на себе, сколько могла. Первых окрестили «везунами», вторых — «несунами».



О том, что советская торговля, общепит и разные отрасли лёгкой промышленности у нас превращены в монополию жуликов и мошенников, давно знают все. Об их «комбинациях», махинациях и «схемах» повседневно ведут разговоры окружающие и покупатели.

Об их делишках, приводящих в кабинеты следственных органов, повседневно информирует периодическая печать, радио, телевидение.

Сфера внутреннего товарного обращения Советского государства, пожалуй, самая порочная по сравнению с дореволюционной и зарубежными странами. Обвес, обмер, обсчёт, обман — факторы, кажущиеся неотъемлемыми в делах купли-продажи и обмена. Укоренились они в торговой сфере со времён, когда наши предки перешли к оседлой жизни и стали что-то производить.

Частная торговля имеет свои положительные стороны по сравнению с государственной. Частник вежлив. С ним можно сторговаться. Он позволит вам выбрать, а взвесив, не потребует копейки, если у вас не окажется мелочи. Он заинтересован в реализации товара. Через определённый срок скоропортящийся продукт реализует дешевле. Его подстёгивают конкуренты.

Продавцы же советской госторговли в своём большинстве грубы, хамоваты, мошенники, которые не просто обсчитают, обвесят, но прибавят половину гнили, подлежащей списанию.

Им наплевать на покупателей. Они могут сгноить тонны продуктов, зная, что всё спишут, а их собственные карманы не пострадают, причём и конкурентов у них нет.

В этом отношении можно провести аналогию между советской торговлей и дореволюционными казёнками. Пётр I, обратив внимание на их специфику, заметно отличающуюся от частной, вынужден был издать указ, который гласил: «Торговое

ведомство — исконно воровское, а потому сажать их на самое мизерное довольствие и в год по одному вешать — дабы неповадно было».

Казёнки в России были редкостью, разве что единицы в столицах. А в нашей стране — всюду одни казёнки. Частная торговля с ликвидацией НЭПа была искоренена, вернее, она стала носить подпольный характер, если не считать колхозных рынков и толкучек, где половина продуктов и товаров составляет ворованное или дефицитное, скупленное на базах или в магазинах.

Для наглядности приведу в пример овощной ларёк. Продавец здесь — бесконтрольный хозяин. Завезли, скажем, ему лук или картофель. Выгрузили. На это время, естественно, торговля прекращена. Следующий день «санитарный» или «учёт».

Тем временем в складском помещении идёт пересортица. Родственники или компаньоны с рынка перебирают товар. Лучшие, крупные клубни складываются в мешки и с наступлением темноты на собственных машинах или машинах «своих людей» увозятся в дома, чтобы утром в воскресный день вывезти на колхозный рынок и сбыть по тройной цене. Это мелкие дела ларёчников.

А теперь представьте, что делается на складах больших магазинов и на всяких торговых базах? Там система чётко отработана: от продавца — к бригадиру, от бригадира — к завмагу, от него — к горторгу и так далее.

Из объектов общественного питания самыми наглядными в смысле обсчёта являются рестораны.

Ни один честный труженик не имеет возможности не только провести, скажем, субботний вечер в ресторане с семьёй, но даже один раз в год отметить свой день рождения. Эти заведения являются местом сборищ и гулянок дельцов, бизнесменов и всякого рода преступных элементов высшего класса, которые ворочают миллионами и швыряют на стол тысячи.

Каждая из официанток и официантов имеет свою постоянную клиентуру. Но и залётных они узнают с одного взгляда. К их услугам всё, начиная с «заказанных накрытых столов», заканчивая изысканными блюдами, напитками и даже красотками ослепительной внешности.

Такие клиенты не просят посчитать после окончания пиршества, а поднимаются с шумом и откланиваются. А что касается оплаты, она произведена кем-то заранее, за кулисами. И это считается шиком, позволительным для порождённой нашей структурой «финансовой аристократии».

Навар от них кельнеры и кельнерши имеют приличный. Но и от «второсортных» не остаются внакладе. Обалдевший от поданного в розлив порции «ерша», да ещё при даме, приглашённой на ужин, уважающий себя джентльмен не станет сверять счёт с прейскурантом меню. Да и без того всё равно его в чём-нибудь да обманут. Это строго отработанная система «сбивания шабашек».

Каждый официант или официантка, за которой зорко наблюдает метрдотель, обязан отдать большую часть «шабашки» главному официанту, ведающему столами и кухней.

Он, в свою очередь, делится с завпроизводством.

Последний «отваливает» энную сумму директору ресторана, который ежемесячно относит дань директору треста.

Это не считая бесплатного питания и обеспечения продуктами своих семей.

Таким образом, обладатели больших состояний порождаются и из этой среды, причём не вкладывая ни во что своего рубля.

Большую поддержку им оказывали местные городские власти, снабжаемые в предпраздничные дни и дни семейных торжеств весомыми коробками дефицитного, а то и просто конвертами с ощутимым содержимым.

Аналогичную картину в смысле ступенчатых хищений и махинаций во всех отраслях пищевой и лёгкой промышленности с соответствующими характеру производства нюансами можно описать в самых ярких красках.

Такое же положение складывалось и во многих отраслях сельского хозяйства, где большинство руководителей колхозов и совхозов, не имея никакой собственности, не вкладывая в дело ни гроша, присваивая после госпоставок весомую долю урожая, реализованного на рынках, превращались в самовластных собственников, эксплуатировавших рядовых трудящихся хлеще, чем иные помещики крепостных крестьян.

И держались они крепко, вернее, их поддерживали со всех сторон местные партийные правители, начиная с райкомов и райисполкомов и кончая аппаратом обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик — за постоянное и бесплатное снабжение всеми видами продуктов.

У всех советских властителей, начиная с центра и до периферии, не имелось частной собственности. Так что при наличии больших накоплений и передать по наследству своим потомкам было нечего, кроме денежных накоплений, драгоценностей и движимого имущества. Думая о будущем своих малых домочадцев, они старались вывести их на престижную стезю перспективных отраслей наук и общественной деятельности.

Наученные отцами, как надо жить, пользуясь связями и куначеством, потомки элитарных слоёв нашего общества тоже во многом преуспевали во всех отраслях народного хозяйства, науки, предпринимательства, не брезгуя ничем. Например, жёнам правителей прямо с баз доставлялся дефицит на дом и в неограниченном количестве. Лишнее они сбывали с помощью родственников на «толкучках» или разносили по домам знакомых и приятелей, удвоив стоимость.

Спекуляцию идеологи коммунизма трактовали как неизбежное порождение капиталистического производства, связанное со скупкой и перепродажей с целью наживы. Но ведь и в социалистической стране существовала спекуляция двух видов.

Одна — государственная, когда организации Внешторга, скупающие в социалистических и капиталистических странах товары ширпотреба, продавали своим гражданам за двойную, а то и за тройную цену.

Вторая — подпольная, когда свои крупные спекулянты, связанные с базами на местах и в столичных городах, скупали импорт и отечественные товары высокого качества и устраивали в собственных домах и квартирах целые универмаги, развесив

дефицит в многостворчатых шифоньерах, разложив на полках и шкафчиках огромных «стенок».

Культура обслуживания в этих частных домашних магазинах превышала уровень самых внимательных к покупателям восточных купцов, которые, усадив клиента в удобное кресло, поставив перед ним прохладительные напитки, раскладывали товары так, чтобы ласкали взор.

В подпольных домашних магазинах советских спекулянтов были предусмотрены гостиные, где клиенту подавали кофе и усаживали перед экраном телевизора, дабы не скучал, пока пришедший ранее покупатель расхаживал по «супершопу», разглядывая товары и прицениваясь к ним.

Надо сказать, что круг покупателей у дельцов этого рода был строго ограничен представителями элиты, связь с которой подпольный спекулянт осуществлял с помощью телефона, приглашая ознакомиться с поступившим ассортиментом.

Ну а третий разряд спекулянтов составляли всем известные барышники вездесущих толкучек, доставлявших хлопоты сотрудникам ОБХСС и прочим правоохранительным органам.

Коррупция, характерная для западных стран с её продажными должностными лицами и политическими деятелями, как трактует Советская энциклопедия, словно какой-то вирус прорвалась через «железный занавес» и заразила все слои нашего общества.

Возьмём, например, представителей городской власти, ну, хотя бы горисполком, горкомхоз и взаимно связанное с ними бюро технической инвентаризации.

Обращаясь в эти организации, граждане могли лишь по знакомству решить за день-два самый пустяковый житейский вопрос. Обычно основная масса просителей вынуждена была ходить неделями, а то и месяцами, днями простаивая в очередях после заблаговременной записи на приём к начальникам, чтобы получить разрешение на постройку тёплого туалета вместо выгребной ямы, пристройку кухоньки, прихожей или ещё чего-нибудь в этом роде.

В деятельности этих учреждений коррупция занимала главное место. При этом существующие посредники могли предложить вам таксу с нормами оплаты, начиная с техника-проектировщика, инженера до начальника геобюро, горкоммунхоза и других чиновников, после платы которым посредник мог вручить вам готовую документацию.

В противном случае никакие ваши заслуги, ходатайства авторитетных инстанций не оказывали должного воздействия и честного, принципиального клиента могли довести до белого каления. И он начинал самовольно действовать в нарушение дурацких постановлений и законодательств.

Таким же образом ни в одном предприятии или учреждении, где у дверей приёмных начальников, словно церберы у врат ада, рычали секретарши, вы без презента не могли решить ни одного частного либо служебного вопроса, разумеется, если не являете собой инстанцию выше той, в которую обращаетесь. В этом случае перед вами расшаркивались, растянув рот до ушей, широко распахивая звуконепроницаемую дверь под искусственной кожей.

Не обошла коррупция и храмы наук. Посулы, подкупы начинались со школьных учителей и администраций — за аттестаты с отличием, за золотые медали. Но в данном случае дело касалось в какой-то мере успевающих учеников.

Хуже обстояли дела с недорослями состоятельных родителей, которых за большие взятки устраивали в высшие учебные заведения. Из-за них продажные члены экзаменационных комиссий и ректората оставляли за бортом способных, а порой и одарённых учеников — детей честных родителей, едва сводивших концы с концами, живя на нищенскую зарплату.

Предусмотрительные папаши и мамаши, не надеясь на успехи недорослей, в высшем учебном заведении нанимали покровителей-толкачей из числа вузовских преподавателей. На договорных началах, по принципу «ты мне, я тебе» они обеспечивали сдачу зачётов и экзаменов своих подопечных.

Проникали в высшие учебные заведения и тупицы категории элитарных, это так называемые «телефонные», то есть по звонкам высокопоставленных папаш, разумеется, из правительственных

верхов. Их деток, еле-еле на тройки одолевших среднюю школу, беспрепятственно зачисляли в институты. И таким же образом во время зачётов и экзаменов выставлялись проходные баллы.

Возмутительным было и то, что недорослей влиятельных родителей не просто оставляли в городе после окончания института, но и пристраивали при кафедрах, сначала в ординатуре, а затем, согласно плану подготовки научных работников, давали тему научной диссертации. Глядишь, через годика три-четыре вылупится, как глупый цыплёнок из яйца, на радость папаше и мамаше, кандидат наук.

Впрочем, учёными степенями и званиями, особенно в застойный период, стали увлекаться и партийные работники высших эшелонов власти, даже преклонного возраста.

Спрашивается, зачем?

Сначала выдвиженцы с начальным и средним образованием, пользуясь высоким положением, спешили обзавестись дипломом об окончании высших учебных заведений в республиках, где они стояли у власти.

Делалось это до банального просто — поступали на заочные отделения исторических факультетов институтов или университетов. По договорённости с заведующим кафедрой в определённый час подъезжали на персональных машинах и «сдавали» зачёты и экзамены в его кабинете.

«Жрецы» храмов наук если где-то в душе и осуждали свою беспринципность и непристойность власть имущих, то в общем-то считали за честь само посещение высокого лица.

Таким же образом, только в иной форме достигались и учёные звания в случае, если отстранят от руководства в партийной сфере.

Добивались научных степеней и для своих жён, близких, вплоть до званий профессоров и академиков. А научные работы писать им помогали, а то и полностью писали настоящие учёные.

Будущему «светилу науки» оставалось только поставить свою подпись, явиться с оппонентами на заседание Высшей аттестационной комиссии, зачитать и «обмыть» успешную защиту диссертации на пышном банкете.

Наряду с подобными были, конечно, стационарные аспиранты, которые по-настоящему грызли «гранит науки», честно годами работали над темой, и труды их представляли определённую ценность в соответствующей отрасли науки.

За представителей высших эшелонов власти писались и произведения исторические, художественные, поэтические, военные мемуары. Но это не было опасно для народа и государства. А вот новоиспечённые профессора и академики,

перебрасываемые с партийной работы на руководящую в какой-либо отрасли производства, конечно, «наломали дров».

Как наломал «корифей всех наук» Иосиф Сталин с их помощью в деле создания тяжёлой индустрии — люди и сегодня задыхаются, а молодое поколение с детства пополняет ряды инвалидов.

Ни для кого не секрет, что экономическая обстановка во многих регионах страны крайне напряжена, и не только экономическая. Учёные-генетики, медики, социологи, обществоведы, психологи обеспокоены состоянием генофонда. Проводятся медико-демографические исследования.

Однако отдельные социологи приходят к выводу, на основе непонятных «измерений», что всё в порядке и никакой дебилизации русского народа не происходит, также нет «алкоголизации», просто есть довольно сильное бытовое пьянство, «русский народ жив, он только изранен», спасти его можно межнациональным общением и межнациональными браками.

Хорошо, пусть общаются, пусть роднятся — Бог один. Консолидация с народами сопредельных стран есть естественная историческая неизбежность, но нельзя искусственно смешивать народности. И как будет называться эта не исторически, а искусственно сложившаяся общность людей на одной территории? На каком языке они будут говорить? Какую веру исповедовать? И улучшит ли селекция «породу русского народа», если, судя по измерениям некоторых социологов, сильное бытовое пьянство безвредно и следует продолжать спаивание голодных людей?

Вы, Николай Алексеевич, герой романа-исповеди, с удивительной безапелляционностью утверждаете: «К гонениям, которые обрушились на православную церковь сразу после Октябрьской революции, Сталин отношения не имел. Кому-то другому очень важно было уничтожить духовный источник, тысячу лет питавший народные массы, кому-то другому понадобилось перевести известное утверждение «Религия — опиум для народа».

Говорили бы прямо: Ульянову-Ленину. Это он издал декрет «Об отделении церкви от государства» в апреле 1918 года.

Далее вы пишете: «За осуществление декрета, засучив рукава, принялись сотрудники пятого отдела наркомата (?), среди которых не было ни одного православного». Этим сказано, что вера в Бога среди основного народа, исповедующего православие, была слишком глубока, чтобы кто-либо осмелился поднять руку на святая святых — церковь.

Это было самочинство со стороны Ленина, демократические игры с народом, «пускание пыли в глаза», а его слова «каждый свободен исповедовать любую религию» — фикция.

К тому времени Ленин был неизлечимо болен. И болезнь его бурно прогрессировала. А страдал он сифилисом, которым заразился в Париже от своей кухарки.

Болезнь эта имеет три стадии. Нелеченый или залеченный, он в первой и второй стадии существенных отклонений в физическом и психическом смысле не проявляет. Но третичный весьма опасен, если процесс локализуется в головном мозге.

В таких случаях появляются признаки и физических, и умственных сдвигов, широко известных медикам, как, например, мания величия, приступы резких головных болей с последующими парезами, параличами — в зависимости от того, в каких центрах головного мозга локализуются опухолеподобные узлы.

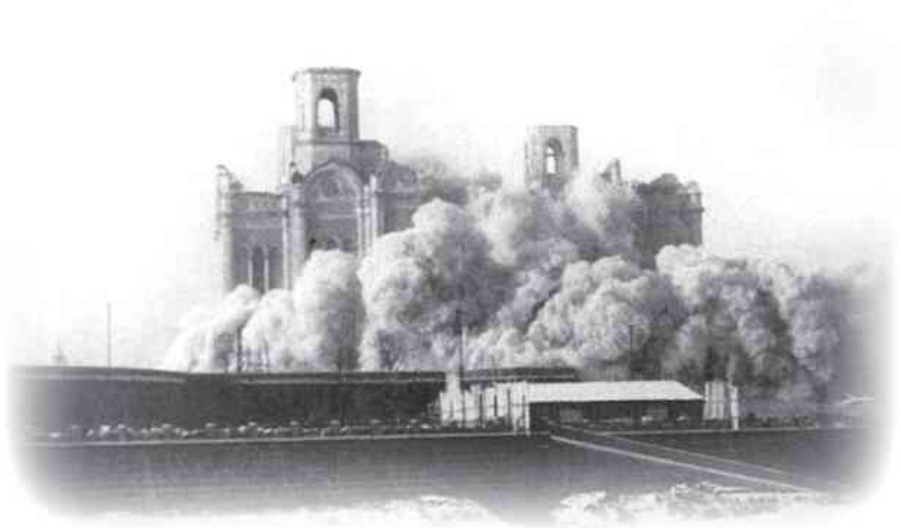
Сифилис — не позор, а несчастье, им можно заразиться не только половым путём, но и бытовым способом.

Далее вы, господин Лукашов, приводите цифры, констатирующие, что «только с 1918 по 1922 год по суду был расстрелян 2691 церковнослужитель, 1962 монаха, 3447 монахинь и послушниц. А без суда и следствия по меньшей мере 15 000 духовных лиц. Уничтожались монастыри, рушились храмы».

Но позвольте вас спросить, Николай Алексеевич, разве

гонения коммунистов обрушились только на православие? Разве оно не коснулось католиков, мусульман, иудеев?

Ведь и с восшествием Сталина на престол Русского государства убийства, гонения, аресты священнослужителей и разрушение церквей, молельных домов не были прекращены.



По крайней мере, у нас на Кавказе они продолжались до конца тридцатых годов.

И какие это головотяпы, без ведома вашего Сталина, который к концу тридцатых годов прибрал всю власть к рукам, могли позволить себе рушить старинные храмы — бесценные творения русских зодчих, сбрасывать золочёные купола с крестами, разбивать колокола?

Вы, Николай Алексеевич, утверждаете, что до революции и после неё Сталин был не только одним из верных последователей Ленина, но, что ещё важно, одним из самых деятельных и дисциплинированных его соратников.

Это неправда! Он, как и вы, всю жизнь вёл двойную игру и в начале своего пути был сторонником Троцкого.

Джугашвили к тому же умел приспосабливаться, быть покорным тем, кто сильнее его, и даже услужливым, когда это выгодно, но грубым и беспощадным по отношению к тем, кто слабее и от него зависит.

Палач утолил жажду мщения

О друзьях-товарищах. Григорий Константинович Орджоникидзе на тринадцать лет моложе Сталина. Генетический корень рода Орджоникидзе берёт начало от зажиточных независимых крестьян высокогорного селения Горейши. В те далёкие времена каждое из поколений рода горцев строго придерживалось патриархальных устоев, соблюдало высоконравственные устои Домостроя и свято блюло лучшие нравы и традиции своего народа.

Константин рано потерял жену. Сыну Серго тогда не исполнилось и двух месяцев. Детей на воспитание взяла к себе тётушка, сестра по матери.

Возделываемых земель у горейшинцев было мало. Урожая с полей едва хватало на полгода, и потому мужчины вынуждены были заниматься отхожим промыслом. Уходил на заработки на Чиатурский марганцевый рудник и овдовевший Константин.

Но недолгой была и его жизнь. На горной тропе его застиг ливневый паводок и унёс в пропасть.

Детей, оставшихся без отца и матери, окружили заботой и лаской многочисленные родственники. Когда ребята подросли, старшего, Папули, и младшего, Серго, отдали на обучение в местное духовное училище.

Отличавшийся послушанием и прилежностью Серго особенно преуспевал в учёбе. Мягкий по характеру, покладистый, простодушный, он имел много друзей и был очень внимателен и заботлив в отношении немощных стариков.

Засиживаясь над книгой при тусклом свете лампы, Серго часто задумывался над глубиной смысла Закона Божьего — о равенстве всех людей перед Богом, о милосердии Христа, призывах творить добро, прощать заблудших рабов Божьих.

Именно эти постулаты Священного Писания побудили Серго избрать для жизни самую гуманную из профессий — медицину.

Окончив учёбу в медицинском училище, Серго поступил в фельдшерскую школу при Михайловской больнице в Тифлисе.

В условиях большого города, сталкиваясь с нищетой обездоленных и страданиями немощных, видя рядом с роскошными дворцами богачей жалкие лачуги тех, кто создаёт эти богатства, он почувствовал неприязнь к тем, кто юродствует, становясь перед образами в роскошных одеяниях, не замечая тех,

кто в рубищах согбенно протягивает костлявые руки в их сторону за подаянием.

Молодой, полный сил и энергии, Серго становится на путь борьбы.

Преследуемый властями, он вынужденно перебирается в Баку. Здесь становится большевиком. Из Баку едет в Северную столицу искать счастья. Там и знакомится с Лениным.

Вскоре ему поручают организационную работу по созыву Пражской конференции, на которой он входит в состав ЦК РСДРП(б).

Вернувшись в Петербург, продолжает подпольную деятельность. Был схвачен и на три года помещён в Шлиссельбургскую крепость, затем сослан в Якутск.

Его тайная политическая деятельность не стала помехой для личной жизни. На холодном Севере вспыхнула у него горячая любовь к Зине, дочери священника. Её отец Гавриил был истинным христианином, для которого все люди, независимо от рода и племени, были созданы единым Богом. Он не противился замужеству дочери, но заявил, что не благословит, если они не обвенчаются в церкви.

Серго, воспитанный в религиозной семье и в духовном училище, не считал для себя обязательным отречение от Бога. Да и Ленин, улыбнувшись, подбодрил: «Венчайтесь, ничего плохого в этом нет, напротив, будете соблюдать обет верности».

Как революционер, участник вооружённого восстания в Петрограде, Серго прославился в годы Гражданской войны.

Я не согласна с теми, кто утверждает, будто Серго тоже принадлежал к числу ближайших сподвижников Сталина. Они слишком разные — и по характеру, и по мировоззрению. Сподвижник в прямом значении этого слова — соучастник. Не мог быть Серго соучастником злодеяний Кобы. Он — человеколюб, философ-мечтатель и, если хотите, идеалист.

Таких, как Серго, в партии большевиков было немало. Но слишком рано жизнь их оборвалась. Можно состоять в одной общественной или государственной организации, но внутренне не соглашаться с её политикой, оставаться при своём мнении. Особенно когда сознаёшь опасность выражения своего мнения.

Не согласна и с теми, кто утверждает, будто отношения Орджоникидзе и Сталина были дружескими.

У Иосифа дружеских отношений ни с кем не было, он боялся собственной тени.

В этом отношении исключением могла быть мадам Сталь. Многоликий лицемер придерживался строго рассчитанной дистанции даже в отношениях с членами собственной семьи.

Иосиф с раннего детства не знал, что такое настоящая семья — пусть бедная, но любящая, заботливая. Его отвергли как плод грешной любви, явившийся на свет незаконно, не только родной отец, но и отчим, который стал им путём обмана коварными женщинами, пожелавшими скрыть позор случайного зачатия.

Серго Орджоникидзе на Кавказе сошёлся с Сергеем Кировым и Саидом Габиевым.

Лакец по национальности, Саид родился в 1882 году в Опочке Псковской губернии в семье ссыльного, участника мятежа в Кази-Кумухе Ибрагима Габиева.

По амнистии отец вернулся на родину. После двух лет учёбы в школе при мечети Саида перевели в реальное училище Темир-Хан-Шуры, столицы Дагестана. Учился в Ставропольской

гимназии. Способного ученика рекомендовали в Петербургский университет на естественно-историческое отделение.

Ещё в Ставрополе Саид приобщился к свободоомыслящим. А уж после окончания университета вплотную занялся революционной деятельностью, выступал с докладами и лекциями в кругах молодёжи. Вскоре начал издавать газету «Заря Дагестана» на русском языке.

Преследуемый сыскной полицией, в 1915 году покинул Северную столицу и поселился во Владикавказе.

В том же году во Владикавказе скрывался и вёл организаторскую работу по созданию партии большевиков Сергей Киров. Меж ним и Габиевым завязалась дружба.

В период Февральской революции Габиев уезжает в Дагестан и встречается с революционно настроенными земляками. С друзьями по учёбе в Петербурге ведёт пропаганду революционных идей среди горцев, готовит сподвижников к перевороту, борясь с местными националистами.

Уже как член Ревкома, Габиев не раз бывал во Владикавказе, там и свёл его Киров с Серго Орджоникидзе, к которому Саид сразу привязался.

Саида Габиева избрали председателем Терской Народной Республики. Одновременно, по предложению Орджоникидзе, его оставили редактором газеты «Революционный горец».

При наступлении Добровольческой армии А.И. Деникина на Кавказ все трое — Орджоникидзе, Киров, Габиев — развернули партизанскую войну.

В 1919 году казачий атаман Шкуро и предводитель терского казачества Георгий Бичерахов после ожесточенных боёв овладели Владикавказом. Габиев и Орджоникидзе скрылись в горных аулах Ингушетии. С наступлением весны увели отряды в Грузию. Киров с частями 11-й армии отступил в Астрахань.

Но как только большевики возобновили борьбу с Белой гвардией и отрядами местных националистов, Саид вернулся в Дагестан и возглавил борьбу партизан в родных горах.

После отхода частей деникинской армии к Чёрному морю Габиев вернулся во Владикавказ и был избран членом Северо-Кавказского ревкома.

Когда окончательно утвердилась советская власть на Кавказе, Габиев прибыл в Темир-Хан-Шуру. Но общего языка с местными прорвавшимися к власти правителями, ведшими в мятежные годы двурушническую политику, бескомпромиссный Габиев не нашёл и отправился в Тифлис, где Серго Орджоникидзе возглавлял Закавказский крайком партии.

Кроме русского, лакского, тюркского языков Саид Габиев

свободно владел грузинским и очень любил эту страну с её темпераментным, весёлым и гостеприимным народом. Здесь и прожил до конца своих дней.

Работал вначале в Наркомфине, затем возглавлял Закавказский научно-исследовательский институт водного хозяйства, потом его назначили председателем комитета по делам печати.

Вторая жена Саида русская. Когда Серго работал в Грузии, они дружили семьями, но предпочитали по вечерам и воскресным дням коротать время наедине.

Саид Ибрагимович Габиев каждый год приезжал в Кисловодск, отдыхал в санатории «Красные партизаны». В послеобеденное время бывал у нас, жили мы тогда рядом. Любила его как отца. Благороднейший из моих соотечественников тоже относился ко мне как к дочери.

Он многое знал и обо всём доверительно рассказывал. В отношении еды был непритязательным, довольствовался сыром, фруктами, крепким чаем. Засиживались до полуночи — он рассказывал, я слушала.

Тяжело переживал смерть Серго и его старшего брата Папули, многое рассказал о днях, проведённых вместе с друзьями.

Запомнился один из его рассказов.

Однажды в воскресный день Серго пригласил Саида на обед. В означенное время Габиев явился. В столовой накрыт стол, а из кухни долетает приятный аромат жареного мяса.

Поздоровался с Зинаидой Гавриловной, не видя хозяина, забеспокоился. Хозяйка ответила, что прилёг отдохнуть и, видимо, уснул. Гость, недолго думая, повернулся к двери:

— Пусть поспит, не будите.

Не успел дойти до угла дома, как его догнал запыхавшийся и взлохмаченный Серго:

— Кацо, ты что?

— Да ничего, генацвале, будить тебя не хотел.

— Неужели думаешь, что я из тех, кто может позвать друга, а сам улечься спать? Не спал я, просто лежал с закрытыми глазами и думал. Пошли.

Серго взял под локоть друга и повернул обратно. Когда они вошли, Саид, глянув в столовую, обомлел: с сервированного стола скатерть была сдёрнута и вместе с разбитой посудой валялась на полу. Хозяйка в слезах покинула гостей и скрылась за дверью спальни.

— Серго, ты что наделал?

Это чёрт знает что!

— Ничего, ничего, пошли.

Серго провёл его на кухню, усадил за стол, налил в тарелки суп, поставил сковородку с мясом, раскупорил бутылку вина.

Короче говоря, в скованном состоянии гость с трудом проглатывал пищу и хмурился. А хозяин старался успокоить его и даже шутил. Пообедав, Серго поднялся и громко, чтобы слышала жена, сказал:

— Пошли, пройдёмся.

Выйдя из дома, некоторое время шли молча. Наконец Саид не выдержал:

— Слушай, ты несдержанный человек.

— А ты сдержанный?

— Но ты же поставил меня в неловкое положение перед супругой.

— Это Зина ставит меня в неловкое положение. Учил её, не раз предупреждал, что гость в доме — господин. Но если даже при накрытом столе зайдёт случайный человек, она обязана пригласить его к столу. Объяснял, что таков закон горцев. Раз вышла замуж за кавказца, живёшь с ним — соблюдай традиции и нравы его народа. Жена хорошая, люблю её, ценю, но командовать собою не позволю!

— Что ты говоришь, Серго! О каком командовании речь? Она каждый взгляд твой понимает, не то чтобы словом противоречить.

— Понимает, а делает всё по-своему. Вот сегодня утром пришли два крестьянина с просьбой, так она не хотела впускать в дом, ноги, мол, грязные. Сотни раз предупреждал, что по воскресным дням буду принимать ходоков на дому. У них только воскресный день свободный, когда приезжают на базар продать выращенный виноград, зерно, картошку, а заодно и обратиться к начальству с просьбой. Людей села надо уважать, быть им благодарным уже за то, что кормят нас. Они без горожан могут обойтись, сами соткут, сошьют, сколотят, а городские господа передохнут без них с голоду. Подумаешь, чувяки грязные, ну и что, наследят на полу, помоешь, ничего не случится, не велика барыня. Не хочешь сама убирать, найми, за рубль наведут блеск.

«В душе я с ним соглашался», — говорил Саид Ибрагимович, вспоминая.

Когда я этот эпизод описала в своей книге «Охотник Кереселидзе», принятой к изданию в Москве, рецензент наряду со многими другими выбросил и эти страницы. А на моё возражение ответил:

— Неужели не понимаете, что такой поступок расценивается как хулиганский?

В главе, посвящённой Серго Орджоникидзе, надзиратели от идеологии опустили и другой эпизод, рассказанный мне старым охотником.

В 1934 году, когда Серго Орджоникидзе приехал в Кисловодск проверить ход строительства санатория для Минтяжпрома, друзья предложили ему охоту в окрестностях Кабарды.

Воскресное утро. Прошёл дождь. Просёлочная дорога, ведущая в лес, раскисла, и машина застряла в грязи. Пятеро охотников пытались вытолкнуть её из глинистой колеи, но безуспешно. Усталые, забрызганные грязью люди в бессилии

опустились на траву.

И вдруг вдали показалась арба, едущая в сторону Нальчика. Охотники стали кричать, махать руками, звать на помощь. Арба, в которую были впряжены два быка, повернула в их сторону.

Быков впрягли в машину и после нескольких рывков выволокли из болота. Возница собрался ехать дальше. Охотники от души благодарили его за оказанную помощь. Серго не выдержал:

— Что же вы человека голодным отпускаете, дали бы покушать. Небось и сами проголодались. Выкладывайте, что есть.

Старик охотно уселся за расстеленную на траве клеёнку, ел с аппетитом, поглядывая на Серго, сидящего напротив. Довольно улыбаясь, спросил:

— Кунак, ты кто? — и, помолчав секунду, добавил: — Вижу, человек не из простых. Должно быть, из достойного рода.

— Почему на него обратил внимание? Мы что, тебе не нравимся? — спросил охотник Кереселидзе.

— Очень даже нравитесь, в каждом из вас видится мужчина. Но этот всё ж выделяется больше.

— Чем же? Дорогой одеждой, что ли? — не отступал охотник.

— Одежда тут ни при чём. Бывает, что под драным кожухом кроется душа настоящего мужчины, а не у того, кто под парчой. — И, обратясь к Серго, спросил: — Каким именем нарёк тебя отец?

Орджоникидзе улыбнулся:

— Григорием, а отца Константином звали.

— Жив старик? — не унимался возница.

— Нет, давно умер.

— Предающиеся грехам не способны воспитать достойных. Да будет мир над его прахом и вечное блаженство душе в небесных чертогах!

Аробщик поднялся и, пожав всем руки, тронулся в сторону большой дороги.

Мне самой посчастливилось видеть Серго только раз. Он пожал мою девичью руку своей большой и тёплой ладонью. И осветил доброй, лучезарной улыбкой. И никакие авторитеты не разубедят меня в его человечности, душевности.

Лгут те, кто говорит, что Григорий Константинович, принимая сотрудников наркомата в рабочем кабинете, клал на стол два пистолета — справа и слева. Характеризуя так даже самого непримиримого врага, нельзя стричь под одну гребёнку всех подряд. Надо, как говорится, воздать «кесарю — кесарево, а Богу — Богово».

Мужественный большевик Саид Ибрагимович Габиев был

близок и с братом Серго — Павлом Константиновичем.

В отличие от Серго Папули был более резок, менее сдержан. Видя и зная, что творит в Тифлисе Берия — палач, посаженный Кобой в кресло правителя, — не раз открыто выражал свою неприязнь к нему. Бывая в Москве, рассказывал Серго о произволе и жестокости, творимых Лаврентием.

Но брат к тому времени сам находился в трудном положении — отношения его со Сталиным после убийства Кирова испортились окончательно.

Он прямо заявил зарвавшемуся генсеку, что в убийстве Кирова виновны люди из его окружения, в частности чекисты. Говорил и о том, что творит Берия в Грузии.

Сталин молчал, и в этом молчании виделась угроза.

Берия в Тифлисе, в свою очередь, останавливал леденящий взгляд на Павле. Но взять его голыми руками так, как брал других, не мог. Слишком высок авторитет у Серго Орджоникидзе среди партийцев.

О напряжении, возникшем между Павлом Константиновичем и Лаврентием Павловичем, Сталин знал и решил перевести последнего в Москву — подальше от родни и земляков.

Берия возражал, искал повода, чтобы самому расправиться с непокорным Павлом.

Он мог оклеветать кого угодно, но Сталин настоял на переводе Павла в Москву, считаясь с мнением членов бюро. Но побаивался скандала, который может разразиться в руководящих кругах Грузии.

Вскоре последовал приказ о переводе Павла Константиновича Орджоникидзе в столицу на должность заместителя наркома (запамятовала, какой промышленности).

Возмущённый Берия сумел-таки состряпать дело и даже собрать свидетельские показания. Павел Константинович обвинялся в клевете на Сталина и подготовке покушения на Берию.

Сталин, после некоторых раздумий, уступил — последовало новое решение, изменившее приказ. Бумагу незамедлительно доставили в Тифлис и с нарочным переправили Павлу Орджоникидзе, который сидел на чемоданах.

Любопытная деталь: в конверт вместе с приказом были вложены три тысячи рублей — на покрытие расходов, связанных с несостоявшимся переездом. Распечатав пакет, Павел Константинович скользнул взглядом по приказу и, возмущённый, зная, чьих рук это дело, разорвал лист бумаги на мелкие части вместе с деньгами, вложил обрывки в пакет, протянул нарочному:

— Вот мой ответ Берии!

С этим «ответом» Лаврентий Павлович вылетел в столицу, передал Сталину, убедив его в «крайней опасности» Павла Орджоникидзе для них обоих.

— Забери его! — последовал короткий приказ.

Павла Константиновича арестовали. Его друзья и сторонники, надеявшиеся на мирный исход и на то, что Серго повлияет на Сталина, опустили руки, затаились в страхе.

Палач, пользовавшийся неограниченной властью в Закавказье, смог утолить жажду мщения. Павла подвергли жутким пыткам. Сильный, он кидался на палачей и отбивался.

Даже когда его крепко держали несколько костоломов, плевал им в лицо, осыпал бранью, а Берию и Сталина называл сутенёрами кремлёвского вертепа.

Лицо несчастного превратили в кровавое месиво, выбили зубы, свернули челюсть. Его превратили в мешок с костями. Не приходящего в сознание прикончили на полу камеры-одиночки.

Серго тяжело переживал арест брата. Самые тревожные слухи доходили до него. Но что он мог предпринять, если и над его головой повис дамоклов меч, а злодей, торжествующий на кровавом пиру, был неуязвим?

Сталин знал, что творили с несчастным. В его душу опять закрался страх, он стал бояться мести Серго.

И тут он подключил Ежова, совершив очередную подлость.

Ежов сообщил Орджоникидзе о том, что в Наркомате тяжёлой промышленности разоблачена вредительская группа. Нескольких руководящих работников арестовали.

Самому наркому предложили выступить на пленуме с обличительной речью против своих сотрудников.

Серго это подлое предложение потрясло, он знал, от кого исходит эта иезуитская идея. По сути, была устроена очередная дикая расправа над людьми, которых он ценил, считая отличными работниками. А накануне пленума сотрудники НКВД произвели обыск его кабинета.

Чашу терпения переполнил слух о том, что с братом покончили. И Серго решился на роковой шаг. Желая встретиться со Сталиным в его рабочем кабинете, позвонил. Трубку взял Поскрёбышев, он и доложил Сталину. Генсек ответил через Поскрёбышева, что занят важным вопросом и принять его не может.

Отказы повторялись несколько раз в течение всего месяца, при всякой попытке встретиться на работе или на дому.

Сталин нервничал, боялся, что Орджоникидзе может выступить с разоблачительной речью в его адрес. Не пощадит ни Берию, ни Ежова, обвинит их, как обвинил Ягоду в убийстве Кирова.

Обострённое чувство интуиции, болезненная подозрительность и страх за собственную жизнь не дали Сталину встретиться со старым товарищем по партии Серго, который в гневе мог потерять рассудок.

Предчувствия его были не напрасны. Да, Григорий Константинович хотел покончить с Кобой, а затем с собой.

В последний субботний вечер, после бесплодных попыток добраться до чудовища, Серго встретился с Микояном, и они долго прогуливались по кремлёвскому двору. Орджоникидзе в состоянии крайнего возбуждения говорил ему о том, что Коба обезумел, становится общественно опасным и что члены политбюро в конце концов должны принять какие-то меры, а не взирать спокойно на то, что творится. Анастас молчал.

Вернувшись домой, Серго набрал квартирный номер телефона Сталина, ему ответили, что хозяина нет дома. Измученный Григорий Константинович в ту ночь не сомкнул глаз.

В шесть часов утра он поднял трубку, набрал номер квартирного телефона и услышал голос няни — Саши Бычковой. Добрая старушка, единственная в доме, с кем считался хозяин, после вежливых приветствий сообщила, что Иосиф Виссарионович недавно уснул.

— Разбуди, он мне позарез нужен, пусть возьмёт трубку.

Через минуту Серго услышал хриплый голос:

— Ну, чего тебе?

— Слушай, неужели ты не можешь найти свободной минуты, чтобы принять меня, я же не человек с улицы.

— Не могу, кацо! Не могу! Дыхнуть некогда, даже поспать час не даёте.

— Но ведь и другие не спят! В конце концов, я имею право знать, где мой брат и что с ним сделали?

— Не волнуйся, органы разберутся с Павлом.

— Тогда ответь, на каком основании в моём кабинете произведён обыск?

— Органам НКВД такое право дано. Если завтра учинят обыск

в моём кабинете, препятствовать не буду. И никто не будет, если совесть чиста!

В трубке раздались короткие гудки. Серго понял, что матёрый хищник почувствовал, что не ради простого объяснения рвётся к нему последний из тех, кто ещё может поднять на него руку.

Но и силы самого Серго, доведённого до бешенства, иссякли. Он выдвинул ящик стола, нащупал браунинг и выстрелил себе в висок.

За выстрелом последовал отчаянный крик женщины. Телохранитель, распахнув дверь, кинулся поднимать с пола безжизненное тело хозяина. Зинаида Гавриловна потеряла сознание.

Сообщили начальнику охраны Кремля. Уже минут через десять в квартиру Серго быстро вошли Сталин, Микоян, Каганович, Енукидзе.

Зинаида Гавриловна с трудом поднялась с дивана и бросила сквозь слёзы в лицо Сталину:

— Это вы, вы виноваты! Вы довели его!

Сталин, скользнув по ней леденящим взглядом, процедил сквозь зубы:

— Держи язык за зубами. Иначе… — и ребром ладони провёл по горлу.

Зина всё поняла и до конца своих дней молчала.

Членам правительства объявили, что Орджоникидзе скончался от разрыва сердца. О том же информировала граждан и официальная пресса.

Похороны, как и Кирову, были устроены пышные.

Берия ликовал! Последний из тех, кого он опасался, был мёртв.

После похорон Лаврентий Берия поспешил на конспиративную квартиру, устроенную Ежовым для избранных работников НКВД, и предался веселью.

Революция пожирает своих детей

Аресты ведущих специалистов Наркомата тяжёлой промышленности продолжались.

Из центра они перекинулись на периферию.

Под этот шумок Сталин, питавший ненависть к старым грузинским коммунистам, много знавших о нём, распорядился всех ликвидировать.

Первым взяли давнего его друга Авеля Енукидзе, за ним — секретаря парткома Урал-вагонстроя Шалико Окуджаву, приятеля Серго.

Из большого рода Орджоникидзе расстреляли более двадцати человек.

Волна репрессий захлестнула страну, докатилась до партийных и советских органов областей, краёв, союзных

республик. Не миновала она и выдающихся деятелей науки и культуры.

Великому зодчему строящегося коммунизма, уничтожавшему мозг России, нужна была огромная, а главное, бесплатная рабочая сила — для поднятия отечественной индустрии. В регионы рассылались развёрстки от НКВД на граждан, подлежащих аресту. Хватали не только партийных руководителей, но и рядовых рабочих, колхозников, дворников.

Не миновала злая участь и Саида Габиева. Но поскольку вся его революционная деятельность была связана с Дагестаном, проще было приобщить его к врагам народа, шпионам и диверсантам пантюркистской ориентации, якобы действовавшим в интересах Турции.

Камеры предварительного заключения и тюрьмы Дагестана были переполнены. Сюда из Тбилиси и доставили Саида Габиева.

На допросах Саид Ибрагимович, человек всесторонне образованный, своими ответами ставил в тупик следователей. Тупые, невежественные работники фискальных органов и понятия

не имели, что такое юриспруденция. Зато хорошо уяснили главный аргумент главного законодателя страны — Андрея Вышинского, государственного обвинителя всех громких процессов в СССР. Он считал признание подследственного основным фактором для вынесения ему приговора. А каким путём добывались эти признания даже у людей железной воли, теперь известно всем.

Но где же принцип презумпции невиновности? А он гласит:

не человек доказывает свою невиновность, а государство, карательный аппарат должны доказать его вину. И это верно.

В Стране Советов, нашей с вами стране, к сожалению, законы гораздо чаще защищали власть, нежели справедливость. И чем власть сильнее, деспотичнее, тем заметнее перетягивает на свою сторону чашу весов правосудия.

Так вот, следователь Саида Габиева, заведённый подследственным в тупик, начал допрос с матерной брани.

Слово «мать» для Саида, как и для всякого кавказца, святое. Он и не выдержал — схватил тяжёлый табурет, на котором сидел, и запустил в изувера-следователя. Тот едва успел увернуться.

На шум из соседних кабинетов сбежались сотрудники. Костоломы «обработали» Саида и, окровавленного, кинули в камеру.

На третий день прибыла комиссия, стала расспрашивать о происшедшем инциденте. Возмущённый Габиев заявил, что даже под угрозой смерти не будет иметь дело со следователем-болваном и не желает отвечать ни на один его дурацкий вопрос.

Хорошо зная специфику судебной системы, он приготовился к самому худшему. Но, к великому его удивлению, следователя сменили и назначили другого — Наби Абдуллаева, земляка-лакца.

Несмотря на то что Саид Габиев жил и работал в Тбилиси, имя его было известно на всём Кавказе и, конечно же, знал его следователь Абдуллаев.

Надо сказать, что в те времена в органах НКВД встречались и здравомыслящие люди. На работу в органы добровольно никто не шёл. Ознакомившись в учреждениях, на предприятиях, в учебных заведениях с анкетными данными сотрудников, подходящих молодых людей мобилизовывали в органы, как на военную службу.

Огромную роль играло социальное происхождение. Те годы были в экономическом отношении трудные. Работники же НКВД находились на особом положении — и зарплата высокая, и жильём обеспечены, и в столовую доставляли дефицитные продукты, из которых повара готовили отменные блюда — такими не могли похвастаться в ресторанах высшего разряда.

Но не было в Союзе другого силового органа, который наряду с авторитетом внушал бы такой животный страх. Сам отказ от работы в НКВД мог расцениваться как преступление и иметь неприятные последствия.

Так вот, новый следователь Саида Габиева — Наби Абдуллаев — относился к той категории работников карательного органа, который служил, но не прислуживался, критически оценивал

происходящее в самом наркомате. Тая внутреннее своё несогласие с системой, старался не потерять человеческого облика.

Реальная обстановка внутри самого учреждения была крайне напряжённой. Сетью взаимных слежек, сексот-ством были опутаны все работники — никто никому не доверял, друг за другом следили. И, конечно же, никто из них и словечка не мог замолвить за кого-то, попросить сослуживца помочь родственнику, попавшему в лапы НКВД, даже кристально честному, но подвергнутому аресту.

Правда, одна возможность оставалась — провести следствие в пользу подследственного.

Так вот, Абдуллаев так и повёл дело Габиева. Более того, относился к арестованному не просто сочувственно, но и проводил часы в беседах, рассказывая обо всём, что творится в республике и стране в целом, сообщал, о чём пишут газеты. Проносил тайно в карманах бутерброды или что-нибудь съестное, приготовленное дома. С его помощью Саида Габиева освободили, и он вернулся в Тбилиси.

Уже дома прочитал речь Сталина, в которой вождь утверждал: «Классовая борьба обостряется, в такой обстановке нельзя жалеть и щадить врагов».

Вождя спросили:

— Но зачем такая жестокость? Пытки, допросы, снова пытки…

— Как змея должна быть змеёй, так и тюрьма должна быть тюрьмой. Иначе зачем нам тюрьмы?

Вот вы сами пишете, товарищ Лукашов, что Сталин, когда речь заходила о врагах, об обострении классовой борьбы, «становился страшным, в нём ничего не оставалось, кроме испепеляющей ненависти. Глаза, почти жёлтые, расширялись — в них сумасшедшая ярость, бешеная энергия, несгибаемая твёрдость: казалось, он готов собственными руками задушить, растерзать любого противника».

Нет слов… На такое способен лишь подонок с искалеченной, опасной психикой, его надо изолировать от общества.

Листая старые подшивки журналов, обратила внимание на репортаж американского журналиста, опубликованный в 1930 году в Нью-Йорке: «В частном разговоре с одним знавшим Сталина до и после революции человеком услышал одну историю о вожде. «Сталин, — вспоминал тот, — имеет одну слабость. Свою ахиллесову пяту. Это — тщеславие. Он может делать вид, что

раздражён хвалебными возгласами в свой адрес, но ничего не сделает, чтобы воспрепятствовать им. Он постоянно позволяет без труда убеждать себя, что коленопреклонение очень полезно в политике. Он так реагирует на малейшее пренебрежение своим достоинством, как если бы это был удар тока».

Профессор Принстонского университета Роберт Такер в своей книге «Сталин у власти. 1928–1941» приводит эпизод из домашней жизни вождя, подтверждающий только что приведённое наблюдение журналиста. «В одной из комнат его кремлёвской квартиры находилась клетка с попугаем. Сталин часто бывал в этой комнате, по привычке расхаживая взад-вперёд и покуривая трубку, когда что-либо обдумывал. Шагая по комнате, он часто в силу дурной привычки сплёвывал на пол. Как-то раз попугай изобразил этот грубый жест хозяина. Сталин в ответ не только не рассмеялся, но прямо-таки пришёл в ярость. Просунув трубку в клетку, он ударом по голове убил птицу».

Этот эпизод с попугаем говорит о страшной уязвимости болезненного сталинского самолюбия.

А вот о Саиде Габиеве, замечательном человеке, таком же идеалисте, как и Серго Орджоникидзе, можно многое ещё рассказать. Его мятежную душу не раз оплёвывали земляки, старательно искажавшие факты революционной борьбы. Но зато с почтением и до конца дней его относились к нему давние приятели.

А когда подошёл час смерти, он высказал последнее пожелание — предать его тело земле на родине предков.

И друзья повезли. Подъезжая к столице Дагестана, думали, что встретят покойного, заслуженного земляка, с почестями. Но столичное руководство и те, кто достиг высокого положения и благ, каких не ведали князья и ханы дореволюционного Дагестана, проявили равнодушие к одному из тех, кто в кровавых схватках добывал для них счастливую жизнь.

И тогда возмущённые грузины спросили:

— Что это значит? Если не знаете, кого мы привезли, повернём обратно, навеки приютим его на нашей земле.

Позже выяснилось, что многие из друзей и земляков Саида Габиева не были оповещены о его смерти. Вскоре народ собрался и достойно проводил в последний путь своего земляка.

Сегодня мне понятна психология стариков, посвятивших свою жизнь родине, народу, сражавшихся на фронтах Первой мировой, Великой Отечественной войн, бессребреников, ничего не наживавших и не достигших вершин власти, а главное — ни к чему не пришедших. Они разочарованы. Разочарованы недоверием власти.

Революционер Саид Габиев возмущался многим, творящимся в стране, обвинял и себя, и других, начиная с Ленина, повинных во всём сотворённом Сталиным и его преемниками. В сердцах говорил:

— Мы-то знали, что «всякая революция прежде всего пожирает своих детей». Но на борьбу поднимались. И действительно, лучших людей революция сожрала, покалечила, морально убила. А впрочем, так нам и надо!

Господин Лукашов, вы — советник и друг вождя, проживший с ним бок о бок три десятилетия, — знаете о нём больше, чем другие, но только то, что относится ко времени с 1919 по 1953 год.

А до того Сталин прожил сорок лет, мало кому известных, в том числе и вам.

Тех, кто знал первую половину жизни вождя, уничтожил он сам и его подручные — Берия и Багиров.

Но зря тешили себя надеждой разбойники, думая, что с уничтожением старых большевиков их личное уголовное прошлое навеки канет во мрак неизвестности. Забыли, что самым опасным свидетелем и хранителем злых деяний является народ — от его всевидящего ока и всеслышащих ушей никто и ничто не скроется.

Великие тайны проносит народ сквозь годы и передаёт из уст в уста потомкам.

Свидетельство тому — факт самоубийства Серго Орджоникидзе. Ведь даже многие члены политбюро до прихода к власти Хрущёва верили в версию сердечного приступа Орджоникидзе — настолько в высшем эшелоне власти всё было засекречено.

Н.С. Хрущёв с высокой трибуны XX съезда партии сказал всему миру: «Культ личности приобрёл такие чудовищные размеры главным образом потому что сам Сталин поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны».

Несмотря на то что Сталин потребовал от Зинаиды Гавриловны, жены Серго, молчания, а телохранители в первые же дни после похорон были уничтожены, истинная информация просочилась. Сначала в круг кремлёвской обслуги, а потом, вырвавшись из-за крепких стен Кремля, с быстротой молнии разнеслась по стране, долетев до гор Кавказа.

Так что зря старался палач очистить Грузию от тех, кто знал его преступное прошлое.

С особым пристрастием старался Берия ликвидировать старожилов Гори. Многие из обитателей нищенского района не без его помощи отдали Богу душу, а иные просто исчезли, словно и не было их на свете.

Но люди догадливы, в особенности инородцы — греки,

осетины, ассирийцы. Они, наскоро собрав пожитки, снимались с мест целыми селениями.

Шарлатан Сосо правит Россией

В конце тридцатых в нашем скрытом в горах Дагестана небольшом городишке Буйнакске появилось множество грузинских семей.

Когда некоторые из них поселились в нашем доме, мы узнали, что люди эти вовсе не грузины, а греки, издавна проживающие в Грузии и говорящие на грузинском языке.

Наш маленький городок, когда-то исполнявший роль столицы Дагестана, стоит на земле, где испокон веков обитают потомки половецких племён — кумыки.

Основан он завоевателем миров Тамерланом.

Когда императоры России продиктовали свою волю Кавказу, Темир-Хан-Шура стала городом, где наряду с русским офицерством проживали имущие представители всех народностей Дагестана, хотя основными жителями оставались всё те же кумыки, а язык их стал языком межнационального общения.

Кумыки по своей веротерпимости, культуре и дружелюбию в отношении к иноверцам и иноплеменным народам заметно отличались от других народностей, живущих обособленно в ущельях гор. Во все времена Буйнакск был интернационален. Так что и греки-беженцы обрели здесь приют.

Миролюбивые, добрые по натуре, они занимались в основном чувячным ремеслом и кулинарией, быстро прижились.

Мама моя, женщина требовательная, была очень довольна греками.

Одну из комнат нашего дома занял чувячник дядя Ваня с женой и сыном. Вскоре к нему перебрался отец, старик лет восьмидесяти, если не больше. Держался прямо и, несмотря на суровое выражение лица, классически греческое, был общительным и мягким по натуре человеком.

Моя мама с почтением относилась к его благородным сединам и быстро нашла с ним общий язык. За чашкой крепкого чая они просиживали часами, неспешно говорили о многом, причём в основном говорил старик.

Я не прислушивалась к их беседам, но обратила внимание на то, как старик вдруг вскакивал, возбуждённо ходил по комнате, возмущённо произносил:

— Вай ме! Шарлатан Сосо русским царём стал!

Призадумалась, кого из русских царей звали именем Сосо, да ещё шарлатаном. Перевернула страницы книги кратких очерков русский истории и, не найдя царя Сосо, спросила у матери:

— О каком царе говорит старик? Может, в Грузии был царь Сосо?

— Да, был и есть грузинский шарлатан. Но он теперь правит Россией!

Я в недоумении смотрела на неё.

— Что, не понимаешь? Он о Сталине говорит.

У меня перехватило дыхание, ведь годы-то страшные были, вторая половина тридцатых — шумные судебные процессы, расстрелы без суда и следствия.

— Ты что, с ума сошла, мама, часами слушаешь бредни старого склеротика! А если кто-то услышит ваши разговоры, обоих загонят туда, куда Макар телят не гонял.

И в ответ услышала:

— Сама ты склеротик! Таких, как ты, и дурят прихвостни этого проклятого антихриста, губящего народы.

Мать моя всю свою жизнь люто ненавидела Сталина — ещё до того, когда горийский старик открыл ей всю подноготную вождя.

Ненавидела за свою погубленную родную Кубань. Своими глазами видела целые семьи, умершие с голоду, их разлагающиеся тела в хатах. И некому было хоронить.

Мама плакала и последнее отдавала беженцам с Кубани, Дона, Украины, истощённым от голода, попрошайничающим на базаре, у хлебных лавок, на вокзале.

Старик-грек до переезда в Дагестан жил в доме рядом с жалкой халупой Виссариона Джугаева, приписанного Сталину в отцы. Безродный пропойца обманным путём был обвенчан с забеременевшей от кого-то девицей. Виссарион не признавал Иосифа сыном и слышать о нём не хотел.

Знал старик и родословную Джугаева, о крепостном осетине, купленном помещиком на невольничьем рынке. Знал о нищенском детстве его пасынка Сосо, его воровской юности и преступной молодости, проведённой в тюрьмах да на каторге.

Что слышала от старого грека, в конце пятидесятых рассказала Саиду Ибрагимовичу Габиеву. Спрашиваю:

— Это могло быть правдой?

В ответ услышала:

— К сожалению, да. Грек говорил правду!

С тех пор в каждый свой приезд он посвящал меня во многие тайны пережитого, которые ещё не стали преданиями «старины глубокой» и не обросли вымыслами.

Сталин по достоинству оценил выдающиеся заслуги Берии, решив, что такого человека надо иметь рядом. К тому же Николай Ежов износил свои «ежовые рукавицы» до дыр, наломал столько дров, что некуда девать, даже в бескрайних просторах Сибири, где днём и ночью полыхали костры, зажжённые ленинской «Искрой».

Просто разделаться с Ежовым, рабски покорно исполнявшим любую волю Сталина, было нельзя. Прежде всего необходимо было сделать так, чтобы инициатива смещения этого шакала исходила не от него, Сталина.

Берия в этом деле мог быть надёжным помощником. Но надо назначить его первым заместителем Ежова.

Так и сделал. Наконец наступил момент, чтобы покончить с Ежовым.

В 1937-м почти всё руководство партийно-советских органов страны было арестовано, заклеймено «врагами народа» и большая часть истреблена.

Не избежало этой участи и партийное руководство Вёшенского района Ростовской области.

С большинством из них был в близких, дружеских отношениях Михаил Александрович Шолохов, хорошо знал каждого.

Как истинный казак, верный товарищ и друг, он не просто возмутился, а тут же выехал в Москву, добился встречи со Сталиным и сумел убедить генсека, что все вёшенские товарищи — честные люди, преданные советской власти, и за них он может поручиться.

В заключение сказал с горячностью:

— Уж если они враги народа, то и меня тоже считайте врагом.

Сталин приказал Ежову лично разобраться с делом партийных работников. Выехать в станицу Вёшенскую, встретиться с арестованными в присутствии Шолохова и

доложить. В результате всех райкомовцев освободили и реабилитировали.

Ежов негодовал! В тщедушном тельце этого наркома, превращённого генсеком в слепое орудие, вместо сердца от природы была заложена твёрдая оболочка, в которой клокотала желчь, подогреваемая спиртным. Не мог он допустить, чтобы станичный писака заставил его, перед которым трепетали кремлёвские чины, секретари обкомов и крайкомов, маршалы и генералы, академики и профессора, прочий люд, извиниться перед какими-то мелкими сошками. И Ежов решил с гениальным автором «Тихого Дона» расправиться тихо.

Начальнику Ростовского областного управления НКВД было дано задание — составить дело, квалифицирующее антисоветскую подрывную работу М.А. Шолохова, сколачивающего повстанческие отряды из бывших контрреволюционно настроенных казаков.

С этой целью подверглись аресту некоторые старые казаки в Ростове и в Вёшенском райотделе НКВД. Из них выбивали показания против Шолохова.

Кроме того, был подготовлен и направлен в станицу специальный агент Погорелов, который и должен был собрать компромат на писателя и первого секретаря райкома партии Лугового. Но тайный агент оказался человеком с совестью и в своей миссии признался Михаилу Александровичу Шолохову, рассказал и Луговому о данном ему задании.

Было решено не медлить, тут же выехать в столицу. Под покровом ночи Шолохов, Луговой и Погорелов покинули станицу Вёшенскую.

В Москве Михаилу Александровичу вновь удалось добиться встречи с Иосифом Сталиным.

В декабре тридцать восьмого прошло внеочередное расширенное заседание политбюро ЦК с участием Ежова, работников Ростовского областного и районного отделов НКВД и, конечно же, Шолохова, Лугового и Погорелова. Заседание длилось долго, схватка разгорелась не на жизнь, а на смерть.

Дирижировал Иосиф Сталин, возмущённый своеволием зазнавшегося Ежова, который осмелился, не посчитавшись с его мнением, найти окольные пути для расправы с Шолоховым и остальными вёшенцами.

Тут Сталин и воспользовался удобным случаем свалить на

Ежова, растерянного и дрожащего от страха, собственную вину.

Его обвинительная речь прозвучала как грозный приговор:

— Вы практически обезглавили Ростовскую партийную организацию и другие наши организации.

Сталин тут же обратился к вам, Николай Алексеевич, как к тайному своему советнику, спросил, сколько генералов и офицеров арестовано за последний год.

Вы ответили:

— С мая прошлого года со дня процесса по делу группы Тухачевского — сорок тысяч.

Судьба Ежова, как и сотен других работников наркомата, была предрешена. Народный комиссариат внутренних дел СССР наутро возглавил Лаврентий Берия.

Перебравшись в Москву, коварный лицемер, наделённый врождённым даром перевоплощения, несмотря на то что у самого руки по локоть в крови, решил предстать перед членами политбюро ярым поборником справедливости и блюстителем социалистической законности.

В своём докладе он стал приводить статистические данные репрессий, явившихся следствием произвола ежовщины.

Приводил цифры, свидетельствующие о том, что в 1937 году число арестов по сравнению с 1936 годом возросло в десять раз, что людей хватали по доносам мстящих, враждующих чиновников, заинтересованных овладеть жилищной площадью, имуществом, должностью. Людей обвиняли в том, чего они не совершали, ловко подводя под статью 58, чем умножали нагрузку следственных отделов Наркомата внутренних дел. Тюрьмы забиты, лагеря перегружены, смертность в них достигла критического уровня.

— И всё это — следствие произвола ежовщины. Если так будет продолжаться и дальше, то скоро нам будет некого сажать, — сказал в заключение палач.

По залу заседаний волной пронёсся ропот. Только Сталин, важно откинувшись на спинку мягкого кресла, прикрыв тяжёлыми веками жёлтые рысьи глаза, спокойно потягивал трубку. Конечно же, содержание доклада Лаврентия Берии было согласовано и подсказано им.

С начала 1939-го в стране наступила короткая оттепель. Аресты по политическим мотивам заметно сократились. Оставшиеся в живых партийные работники, учёные, деятели культуры, военнослужащие были амнистированы — их места в зоне заняли следователи и костоломы НКВД.

Крупных милицейских начальников, много знавших, уничтожили судом «троек», уже в новом составе. Как до этого они

уничтожали свои жертвы.

Авторитет Иосифа Сталина, за спиной которого якобы чинились все злодеяния, ещё больше возрос.

Вскрывший злоупотребления, восстановивший справедливость Берия сменил «деревянного коня» на «белого скакуна» и гарцевал теперь перед доверчивыми москвичами в позе народного героя.

Но в глубине души подлый карьерист таил мечты, свойственные безумцам.

Фортуна сопутствовала ему. Глядя на Сосо, Лаврентий, не опускавшийся до карманных краж, умело работал на три разведки и потому был уверен в себе.

Окрылённый успехом, Берия обновил весь личный состав Наркомата внутренних дел, опыт у него имелся.

Знал, что чистка проводилась по личному указанию Сталина дважды — в расчёте на то, что умерщвлённые унесут с собой и тайны. Одновременно уничтожались архивы НКВД.

При третьей чистке на освободившиеся должности Берия сажал своих людей, которых знал по работе в Грузии и Азербайджане. Своими помощниками-распорядителями по административной и хозяйственной части, в комендатуре Кремля,

посредниками связи с тайной агентурой, внутренней и внешней, сделал набравшихся опыта земляков — «сванских витязей».

Лаврентий взялся за наведение порядка и в самом Кремле, и на госдачах. Ознакомившись с личными делами обслуживающего персонала, Берия всех зачислил на службу в органы, присвоил звания дворникам и садовникам, поварам и прачкам.

Люди строили насмешки по этому поводу, обращаясь друг к другу по воинскому званию: «Бу сделано, товарищ капитан!», «Есть, товарищ лейтенант!».

Особенно изощрялись, строя рожицы, няни и экономки, обслуживающие семью Сталина, козыряя на каждом шагу при обращении друг к другу и заливаясь смехом.

Но когда в Кремле появилась барышня-комендантша, надзирающая за квартирами кремлёвских небожителей, и в частности за жильём «великого вождя», весёлое настроение обслуживающего персонала поубавилось.

В этой роли выступила Александра Николаевна Накашидзе, которую за глаза называли «какашидзе». Эта строгая брюнетка в чине майора, в кожаном плаще, с браунингом на правом боку, недоучка с хамскими манерами тюремной надзирательницы, начала командовать не только обслуживающим персоналом, но и охранниками Кремля.

Всем было известно, кем и зачем Ася приставлена, а потому её побаивались не только технички, но и некоторые члены семей работников ЦК. Одни поговаривали, что Ася — любовница Лаврентия Павловича, другие утверждали, что майорша — племянница его жены Нины Теймуразовны.

Но как бы там ни было, а мадам в чине майора госбезопасности не только осуществляла надзор за обслугой кремлёвских квартир, но и, шныряя по жилым помещениям, высматривала и брала на учёт старинную мебель, дорогую утварь, сервизы, вазы, ковры, гобелены, портьеры, которые постепенно — за «изношенностью» — списывались и заменялись современными, новыми. Никто, конечно, не знал и не смел интересоваться, куда все эти уникальные вещи девались.

Мадам Накашидзе, в свою очередь, выписала из Грузии и поселила в Москве многих своих родственников. Видимо, всеми этими вещами обставлялись их квартиры.

Берия, в свою очередь, занялся обитателями Кремля из представителей высшего эшелона, и в первую очередь родственниками Иосифа Виссарионовича и его близкими.

Конечно же, этого желал и сам Сталин, о чем намекал в уединённых беседах с Берией.

После убийства Надежды Аллилуевой во взаимоотношениях с

многочисленной роднёй Иосиф Виссарионович испытывал чувство настороженности и недоверия.

Сначала арестовали Александра Сванидзе — брата первой жены Сталина, революционера, а позже ответственного работника аппарата Кремля.

От многочисленной родни Аллилуевых Сталин перебрался в специально возведённую для него дачу в Подмосковье. Причин тому несколько, первая — самоубийство жены. Хотя в него не верили. Дело в том, что Сергей Павлович Аллилуев, отец, задолго до войны написал книгу «О старых большевиках». Его примеру последовала старшая дочь Анна.

Если книга отца отражала объективно, с прямотой очевидца дела и поступки старых большевиков, боровшихся за установление народовластия, то дочь Анна со свойственной ей простотой и излишней чувствительностью рисовала

сентиментальные сценки, в центре которых были Ленин и Сталин. И позволяла необдуманные вольности, характеризуя юного Сосо. Так, например, вожди революции Ленин и Сталин, поселившись в квартире Аллилуевых и скрываясь от полиции, «ежедневно совещаются» — обсуждают и обдумывают пути борьбы. И трогательно, с истинно братской заботой относятся друг к другу. Вот один из таких опусов.

Побеседовав с Лениным, Сталин заглянул на кухню и спросил Ольгу Евгеньевну Аллилуеву:

— А как у вас с продуктами? Как Ильич питается? Смотри, Ольга, корми его как своего.

Ленин то же самое спрашивал о Джугашвили:

— Вы, хозяюшка, как Сталина кормите? Позаботьтесь уж о нём, Ольга Евгеньевна, он что-то осунулся.

Это неправдоподобно. Не мог ни тот ни другой, проживая нелегально в доме многодетного питерского рабочего, хотя и в вежливой форме требовать особого питания от хозяйки дома в то

трудное время. И далее Анна Сергеевна продолжает: «В этот приезд в Питер, в 1911 году, после очередного побега из тюрьмы он уже не в первый раз заходил к нам. Мы теперь знали Сосо ближе».

Сталина бросало в дрожь, когда кто-либо называл его по первой кличке, ибо к этому прозвищу в отрочестве и юности прибавлялось презренное «шарлатан».

Обе книги не в меру старательными поклонниками вождя были опубликованы как шедевры. О них писалось: «Есть книги блестящие, но эфемерные, словно мотыльки-однодневки, но есть и другие книги, иного облика, иной судьбы. Авторы этих книг далеко не все писатели в профессиональном смысле этого слова. Их оружие — искренность и правда. Их сила — в неистощимой революционной бодрости».

Сталину эти воспоминания не понравились, в особенности творчество Анны, в отличие от лжебериевской классики «К истории большевистских организаций Закавказья». Там его могущественной персоне отведена второстепенная роль.

Конечно же, многое из написанного отцом и дочерью было изменено, переделано редакторами в угоду главного действующего лица — Джугашвили. «Пройденный путь» С. Аллилуева был издан в 1946 году, через год после смерти самого Сергея Павловича.

Не меньшую антипатию испытывал Сталин и к мужу Анны Сергеевны — Станиславу Родонису — другу, земляку и соратнику Феликса Дзержинского.

Родонис занимал ответственную должность в ЧК. Некоторое время он работал в органах ГПУ Грузии. Честный человек, волевой чекист, смолоду увлечённый идеями коммунизма, в отношениях с Берией вёл себя независимо и даже пренебрежительно. В отличие от спесивого, грубого гордеца Берии Родонис благосклонно относился к грузинским большевикам и в своих действиях придерживался буквы закона.

Где-то и Родонис мог стать преградой на пути самочинных действий Берии, разумеется, в интересах «великого вождя» и собственных. О прошлом «папы большого» и «папы малого» он многое узнал от старых партийно-советских работников, а также сотрудников ГПУ, которые в узком кругу, захмелев от вина, доверительно изливали то, что таили в душе.

Из-за антагонистических отношений, сложившихся между Берией и Родонисом, последнего, по указанию Сталина, перевели на работу в органы одной из отдалённых республик Средней Азии.

Кроме того, если при жизни Надежды Сергеевны её

родственники в семейных конфликтах становились на сторону Иосифа, то старшая сестра и зять сочувственно относились к Надежде, поддерживали её в письмах морально.

Именно к ним в Казахстан хотела бежать от мужа-деспота Надежда Сергеевна после окончания учёбы в Промышленной академии.

С обретением неограниченной власти в стране, начиная с Кремля, Берия востребовал из Казахстана Родониса вместе с женой и по прибытии их в Москву арестовал.

Подвергся аресту и брат Надежды Павел Сергеевич Аллилуев — военспец, состоявший на дипломатической работе, неоднократно пытавшийся пробиться к зятю в Кремль, а затем на Дальнюю дачу вождя, чтобы поговорить, стать на защиту арестованных родственников, в честности и порядочности которых не сомневался.

Но хитрый, осторожный и предусмотрительный Сталин под всякими предлогами отказывался принять шурина.

Не ограничиваясь арестом Павла Сергеевича, Берия загнал в камеры Лубянки многих друзей и сослуживцев Павла Сергеевича.

В конце 1939-го Павел Аллилуев скоропостижно скончался, если верить официальным сообщениям, от сердечного приступа. Убитых горем, живущих уединённо на изолированной даче престарелых отца и мать пощадили как не представляющих опасности.

Возможно, их сумела оградить от карательной десницы внучка Светлана, единственная из окружения отца, которая имела какое-то влияние на него.

Цитирую роман: «Страдая чрезмерной подозрительностью, Иосиф Виссарионович с оттенком недоверия относился почти ко всем людям, даже к родственникам, постоянно ожидая неприятностей. Окажи доверие человеку, а он оступится, ошибётся, скомпрометирует. Вот если бы выполнил задачу, совершил то, что ему поручено, и исчез… С мёртвыми гораздо проще». К многочисленной родне Сталин относился «весьма настороженно, постоянно ожидая каких-либо каверз или подвоха. И вообще они слишком много знали о его обычных человеческих слабостях».

Как видим, искоренение родственников Иосифа Виссарионовича вёл Лаврентий Павлович — планомерно, по старшинству.

Одновременно с репрессионными действиями Берия укреплял свой аппарат, щедро раздавая чины и звания, благоустраивая быт работников НКВД.

Под его руководством возводились добротные жилые дома, открывались закрытые столовые, где по самым низким ценам работники аппарата наркомата и их семьи могли питаться.

Бесплатное обмундирование из тонкошёрстного сукна и шевиота прельщало любителей хорошо пожить на казённый счёт, а тем более в таком учреждении и при такой форме, глядя на которую у простых смертных тряслись поджилки.

И надо сказать, что Берия, в отличие от Сталина, умел ценить старых друзей, не забывал добро, оказанное ему однажды. Своему старому другу и спасителю.

И Мирджафару Багирову выделил апартаменты в целый этаж, и не где-нибудь, а в новеньком шикарном доме столицы — тут не было посторонних глаз и ушей.

Здесь принимал он гостей и предавался разврату в кругу чернобровых, похожих на зарю, юных красавиц, которые состояли на учёте и содержались в «мобилизационной готовности» у

черноусых «витязей в тигровой шкуре», ведающих мелкой агентурой при конспиративных квартирах.

Вам, Николай Алексеевич Лукашов, хорошо известен морально-нравственный облик Лаврентия Берии. Но вы ограничиваетесь только общими фразами либо скудным отображением пошленьких сцен, как, например, встречу его со стахановками.

Даже в присутствии жены Нины он бахвалился, как юная Макоцэ, что по-грузински означает «целуй меня», приглянулась ему и он решил не отказать ей в поцелуе.

В тот же вечер стахановку встретили у проходной завода крепкие молодчики, доставили в конспиративный дом встреч, велели помыться в ванной и препроводили в роскошные апартаменты.

А надо сказать, потайными хоромами, предназначенными исключительно для встреч с приглянувшимися девицами, Берия

обзавёлся сразу по переезде в Первопрестольную. Как правило, это были изолированные секции в домах или отдельные дачи в Подмосковье, обслуживались исключительно родственниками, подобными «железной» Асе, либо по-собачьи преданными земляками, которых Берия постепенно переселил в Москву и устроил на службу в своём ведомстве.

Опричники из личной гвардии Берии, как на подбор стройные, подтянутые, в мастерски подогнанной форме, в субботние и воскресные вечера важно фланировали или медленно прокатывались на правительственных машинах по главной улице столицы. Бывали в других людных местах, приглядываясь к смазливым девчонкам, заманивали их в машины и увозили в потайные гаремы. Там и кидали их на усладу похотливому патрону.

У моей близкой приятельницы полулатышки-полурусской сестра училась в Московском университете. Красавица-блондинка, высокая, стройная, она обращала на себя внимание всех.

Во время выпускного бала, посвящённого окончанию университета, вокруг неё стали увиваться молодчики с чёрными усами, шикарно одетые. Буквально по пятам ходили, поднося угощения, предлагая шампанское, брызги которого вместе с пробками взлетали до потолка.

Очаровательная выпускница увлеклась одним из черноусых красавцев — он великолепно танцевал танго и фокстрот, очень модные в те времена. Короче говоря, доверилась человеку в форме, казавшемуся ей не рядовым.

Ближе к полуночи вежливые, обходительные рыцари пригласили её в гости. Она согласилась.

Привезли её в дом, стоящий в густом лесу, недалеко от шоссейной дороги. Ввели в роскошно обставленную комнату, убранную коврами, бархатными портьерами, с широкой софой и множеством пёстрых шёлковых подушек. Посреди комнаты — стол, над ним свисает огромного размера люстра, сияя гранями хрустальных подвесок. Взгляд радовали разной формы бутылки, рюмки, фужеры. Гостей ждали блюда с холодной закуской, фрукты, дорогие конфеты, печенье.

Подруге предложили выпить. Выслушав длинные тосты, пригубив вина, она отставила бокал в сторону, заподозрив неладное в поведении захмелевших орлов — они позволяли себе бестактность говорить громко, со смехом и на чужом языке.

Черноусый красавец, проявлявший к ней особое внимание, настоятельно просил её выпить до дна хотя бы один бокал. Но гостья была неуступчива.

Наконец молодые люди покинули зал. Черноусый красавец, указав на софу, предложил ей отдохнуть и вышел вслед за ними.

Таинственная тишина пугала. Вдруг стена зашевелилась, бархатный занавес распахнулся и перед ней предстал голый мужчина. Коротышка с кривыми ногами, отвислым брюхом, лысый. Уставил на неё сквозь стёкла пенсне бесцветные выпуклые, как у окуня, глаза.

Девушка встала. Изловчившись, он схватил её и крепко зажал в объятиях, попытался свалить в постель.

Но она оказалась не из пугливых, а из спортсменок, торжественно марширующих по Красной площади во время парадов мимо трибуны мавзолея с вождями революции. Вырвалась из его цепких рук и отшвырнула в сторону. Но человек в пенсне снова ринулся на неё.

Отчаянная схватка длилась несколько минут, вдруг незнакомец сник, грузное тело его обмякло, она с силой толкнула его ещё раз и кинулась к двери, за которой скрылись молодцы.

В конце тёмного коридора виднелась ещё одна дверь. Она оказалась незапертой, и ночная гостья выпорхнула во двор, огляделась — вокруг ни души.

Пугающая тишина заставила её на миг остановиться. В каменной ограде заметила калитку, оказавшуюся незапертой. Вырвавшись на свободу, бросилась в сторону дороги. На горизонте алела кромка рассвета.

Девушка мчалась по дороге, сама не зная куда. На её счастье, темноту ночи разрезал свет фар, послышался шум мотора. Подняв руки, остановила машину. Шофёр полуторки высунулся из кабины, спросил:

— Чего тебе?

— Умоляю, довезите до города!

— До какого?

— До Москвы!

— Так это в другом направлении.

Но, догадавшись, что произошло что-то неладное, открыл дверцу кабины и бросил коротко:

— Влезай!

Она долго не могла отдышаться, боялась поднять глаза. И не заметила, как машина въехала на окраину города. Шофёр, пожилой сдержанный человек, не проявлял любопытства, только сочувственно спросил:

— Куда везти-то?

Она назвала улицу, номер дома и стала объяснять, какой путь короче. И когда подкатили к подъезду, воскликнула:

— Остановите! Не уезжайте, мне надо вас отблагодарить.

Уже берясь за ручку кабины, повторила:

— Умоляю вас, не уезжайте!

— Какая благодарность? Бог с тобой, дочка. Мне ведь по пути. А тебя, думаю, заждались родители, иди к ним. Небось все глаза высмотрели. Только в другой раз с выбором кавалера будь разборчивей, — улыбнулся и дал газу.

Мать и вправду ждала дочь, всю ночь не сомкнула глаз, беспокойно всматривалась в предрассветную тьму. Когда дочь рассказала о случившемся, встревоженная женщина заметалась по комнате, бросилась к шифоньеру, стала запихивать бельё в рюкзак, в дорожные сумки. Взволнованно повторяла:

— Бежать, бежать, дочка, отсюда надо. И немедленно! Пока эти гады не пришли в себя.

Чувство страха не покидало мать с той ночи тридцать пятого года, когда чекисты увели отца, латышского стрелка. Тогда она рванула с малолетней дочуркой из Ленинграда в Москву к брату. Теперь спешила на Рижский вокзал. На хуторе под Лиепаей доживала свой век престарелая сестра.

Всё, о чём она поведала, схоже с тем, о чём рассказывал вам, Николай Алексеевич, сам Лаврентий. Конечно же, он умолчал, а вы могли и не знать о существовании сотен содержанок Берии в разных городах, которым всемогущий Лаврентий, имея открытый счёт в банке, платил пособия. Среди них были истинные пенсионерки-красавицы, мужья которых, заброшенные за кордон, «случайно» погибали. И, к сожалению, это не выдумка.

После ареста Берии следственные органы установили и официально объявили о множественных связях подсудимого с представительницами прекрасного пола. И даже не одинокими или вдовствующими, а уважаемыми жёнами высокопоставленных мужей-рогоносцев. Но это так, мелочь сексуальных наркомов-извращенцев, шедших в авангарде отряда строителей коммунизма на заре народовластия с призывными лозунгами: «Долой стыд!», а не только на параде под красными знамёнами мимо мавзолея.

Спецпоезд международного класса

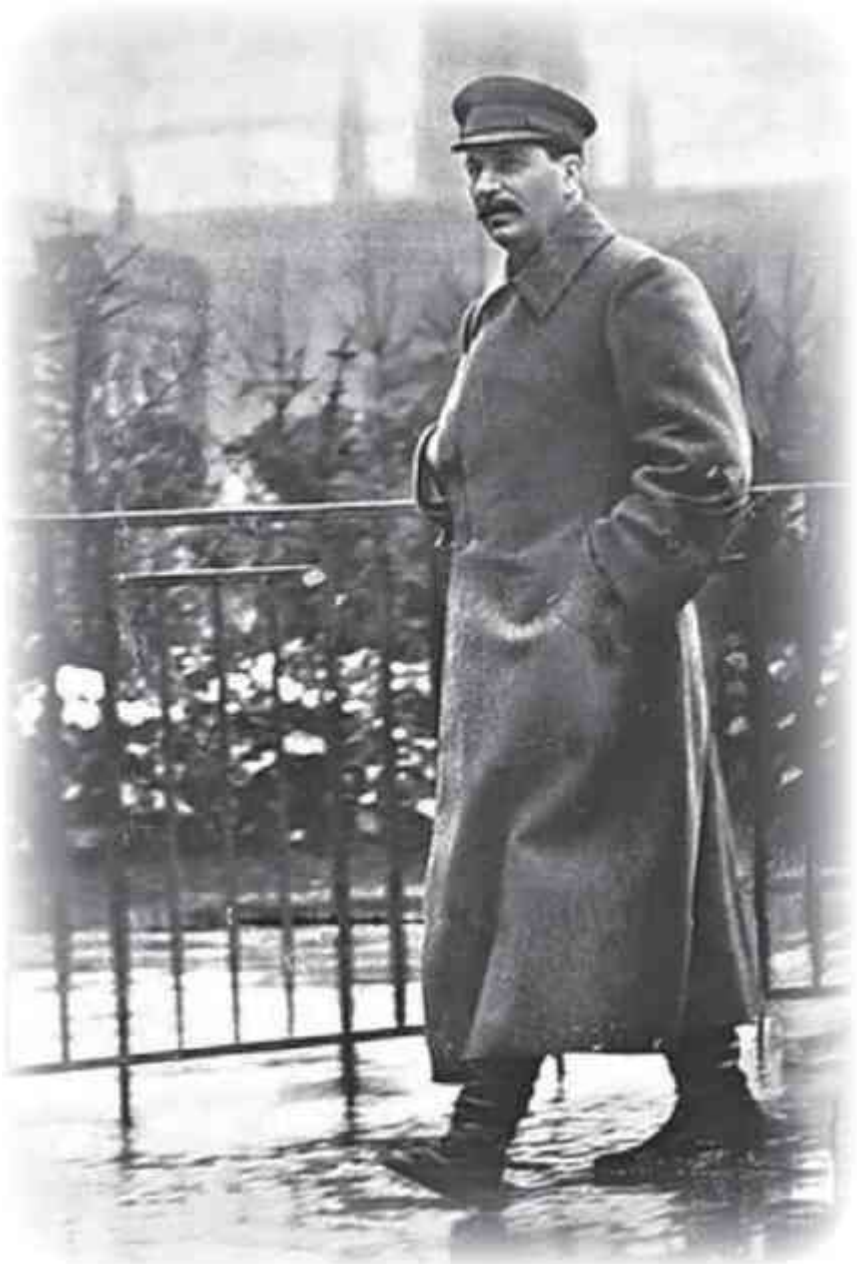
Бесстыдство — тяжкий порок. Человек безнравственный, как и зверь, лишённый стаи, страшен тем, что способен на всё. Вы, Николай Алексеевич, прямо подчёркиваете, с какой плебейской лестью обращался Берия к своему господину: «великий и мудрый», «дорогой», — всяко убеждая — на словах и на деле — в преданности и готовности служить верой и правдой.

Обратитесь к книгам талантливого политического и государственного деятеля Абдурахмана Авторханова, в прошлом коммуниста, выходца из Чечни, эмигрировавшего за границу. Оказывается, что после расстрела Берии в его архиве нашли планы перестройки Советского государства — начиная с южных гор и кончая северными морями.

Отстранив от руководства в центре и на местах партию коммунистов, он хотел всё подчинить себе. Вот тогда уж точно узнали бы народы Советского Союза, а многострадальный русский народ в особенности, что это был за человек.

Об «аскетической скромности» вождя вами, господин Лукашов, сказано много. Но, зная больше других, вы, Николай Алексеевич, подчёркиваете не просто барские, а царские замашки в поведении, требованиях и максимальном использовании жизненных возможностей дорвавшегося до власти вчерашнего люмпена.

С умилением описываете спецпоезд международного класса, предназначенный исключительно для генерального секретаря: «Вагоны с мягким, бесшумным ходом. Над ступеньками подножек — аркообразная крыша. Медные, как на кораблях, поручни, на полах ковры. Большой салон для совещаний, кабинет, спальня с туалетной комнатой, в которой можно принять горячую ванну».



Да, живя в таком поезде, генсек на любой станции в любом городе мог сразу подключиться к железнодорожному телеграфу, телефонной и электросети. А в это время народ, обезумевший от любви к вождю, мечется по стране в теплушках товарняков, на открытых платформах и крышах пассажирских вагонов, ища спасения от голода и смерти.

Уж очень скоро забыл Сталин, заболевший после

Октябрьского переворота вождизмом, что сам когда-то исколесил страну на крышах поездов.

Его биографы — при жизни и после смерти «хозяина», — и вы в том числе, лишний раз подчёркивают аскетическую скромность вождя, ссылаются на его залатанный тулуп и подшитые валенки. Можно подумать, что он носил эти ставшие бесценной музейной редкостью вещи всю жизнь и изорвал их ДО дыр.

«Знаменитые шуба и валенки», сослужившие Сталину добрую службу на самом деле не лишены исторического прошлого.

Их вручил уголовнику Иосифу Джугашвили вместе с пятьюдесятью рублями дружок Георгий Каландарошвили, успевший перед отправкой Кобы в Енисейск провернуть крупное банковское дело. Если бы не эта шуба и валенки, ссылаемый на каторгу в заснеженный край Джугашвили, в ватной стёганке и опорках, мог околеть по пути этапирования.

Выручали они его и при побегах, и при новых арестах, ссылках, и, как видим, не расставался он с ними и тогда, когда дорвался до высшей государственной власти. Разумеется, не от великой привязанности, а подражая первому вождю и учителю — Владимиру Ленину, ходившему в скромных штиблетах, изношенном костюме и старом пальто. Они долго украшали Музей революции.

Почти все друзья-приятели Иосифа Джугашвили, за исключением авантюристов Берии и Багирова, к тридцать седьмому году были насильственно умерщвлены. А тут вдруг объявился в одном из северных лагерей Георгий Каландарошвили.

Сидел за политику, хотя всю жизнь к ней отношения не имел и иметь не хотел. Сидел и, конечно же, вспоминал дружка Кобу, которого неразборчивая судьба так щедро осыпала славой и дарами, украшающими райские чертоги земных владык.

И решил старик Каландарошвили напомнить о себе другу, которому в тяжкую минуту протянул руку помощи, а заодно и о его долге.

Черкнул письмо и через сына, приехавшего проведать томящегося в ссылке отца, велел, приложив старание, доставить в Москву и опустить в почтовый ящик правительственного здания, что на Старой площади.

Письмо дошло до Сталина и ввергло его в состояние шока уже от одной мысли, что где-то в лагерной пыли затерялся человек, напомнивший ему о должке и который, бахвалясь среди шушеры, мог рассказать о шухерах беспутного Кобы.

Не дождался земляк ответа. В один из зимних дней, во время обеда в столовой Каландарошвили потребовали на выход. По

пути начальник лагеря спросил:

— Ты писал Сталину?

— Ну, писал…

— Сейчас получишь ответ.

Когда через четверть часа в бараке появился посыльный и вместе с вещами старика-зэка свернул и унёс казённую постель, арестанты поняли, что Георгию конец. Так не раз расплачивался с должниками вождь восставшего пролетариата, он был лишён чувства благодарности, присущего даже собакам.

В дни похорон и позже среди тех, кто ещё пребывал в состоянии скорби по вождю, порождённой гипнотическим бредом, находились скулящие о незаменимой утрате гения, отказывавшего себе во всём ради любимого народа.

В доказательство с горячностью утверждали, вот, мол, каков Сталин бессребреник — когда клали в гроб, в доме не нашлось приличной обуви, только стоптанные сафьяновые сапоги. А может, увели под пгумок, и такое случается.

Но вы-то, Николай Алексеевич, знали, видели, какие шикарные хромовые сапоги и блестящие шевровые штиблеты тачали лучшие мастера сапожных дел по индивидуальным колодкам, чтобы не стеснить недоразвитой стопы, за что босоногого Сосо в духовном училище звали меченым.

Как и знали о том, что шинели вождю шили на беличьем меху, а френчи и кители из импортного шевиота и бостона.

Существовало закрытое ателье, куда модельеров, закройщиков и швей отбирали для работы. В секретном отделе после знакомства сотрудников НКВД с их биографиями у них брали подписку о неразглашении тайны.

Надо сказать, что вождь не доставлял радости мастерам личным посещением для снятия мерок и примерок. С его неуклюжих физических форм однажды сняли мерки и по ним изготовили манекены, по которым и шились отлично подогнанные костюмы и военные мундиры.

В тяжкие годы экономического кризиса, длившегося в стране десятилетия, трудовой народ довольствовался кирзовыми сапогами, парусиновыми туфлями на резиновой подошве, синими бязевыми блузами, красными косынками, дешёвым ситцем, украшенным серпами и молотами, стёгаными ватниками и пальтишками из серого грубого солдатского сукна.

Зато для индивидуального пошива одежды членам правительства ежегодно снаряжались специальные команды за закупками: в Великобританию — за тонкими суконными изделиями, в Австрию — за батистом и сатином из высококачественного хлопчатника, в страны Ближнего и Среднего Востока — за шелками и прочими тонкоткаными холстами, украшающими жизненный быт правящей элиты.

Жена Рузвельта, отлично разбиравшаяся в вопросах изящества и утончённости, в своих воспоминаниях особо отмечала, что Сталин всегда представал пред её мужем в красивом, безукоризненно сшитом мундире.

Вождь-«аскет», прибрав власть в стране к своим рукам, пользовался открытым счётом в Государственном банке. Крупные суммы денег хранились пачками в ящиках письменного стола его домашнего кабинета.

Когда из Германии прибыл на похороны брат застреленной жены Сталина Павел Сергеевич Аллилуев, Иосиф Виссарионович, с видом глубоко скорбящего мужа, повёл шурина в свой кабинет и, выдвигая один за другим ящики письменного стола, набитые крупными купюрами, в негодовании повторял:

— Вот, смотри, что ей ещё надо было? Она могла купить себе всё, что хотела.

Не в этом ли заключается личное счастье и высшая форма семейного благополучия в меркантильном понятии люмпен-

пролетариев?

О каком строгом, скромном образе жизни вождя пишете вы, тайный его советник, в своём романе-исповеди? Вы сами, как и он, пользовались роскошными подмосковными дачами — имениями бывших русских промышленников, дворян.

Уже успели построить и новые — в Зубалове, Ближнюю и Дальнюю в Кунцеве, Семёновскую, Липки. И не в голой степи, а в тенистых рощах, на берегах прудов и рек с пышными лужайками, игровыми площадками, цветочными клумбами, ягодниками, зарослями кустарников, с птицефермами, где разводили фазанов, тетеревов, глухарей, куропаток, которых любил ловить в охотничьи сети генсек, чтобы, как в детстве, поджарить на костре.

О царских дворцах, которыми пользовались Сталин, его близкие и члены политбюро в Крыму, Сочи, Гаграх, Пицунде, Сухуми, многие из которых при пол ном штате обслуги и действующих подсобных хозяйствах пустовали годами, я уже писала. В одном из таких дворцов в Новом Сочи мне самой посчастливилось побывать.

Старинное кирпичное здание в два этажа с пристройкой.

Служанка показала мне все четыре спальни — две на первом, две на втором этаже, по секрету сообщила:

— Это личные спальни Сталина.

— Зачем же ему четыре? Разве одной недоставало?

Служанка руками замахала:

— Что вы! Иосиф Виссарионович за ночь успевал подремать по очереди во всех четырёх.

На первом этаже в просторной, обращённой окнами к морю комнате, обставленной тяжёлой дубовой, обшитой кожей мебелью и резным письменным столом, был устроен кабинет.

Из него, открыв небольшую дверь, по ступенькам можно было сразу, не выходя во двор, попасть в крытый бассейн с морской водой, которая в нужных случаях подогревалась.

Гостиная, столовая с камином, другие помещения были отделаны дубовыми плитами коричневого цвета. Потолок столовой украшен глубокими деревянными квадратными гнёздами, из которых свисали точёные деревянные шары, размером с арбуз. Казалось, если такой шар упадёт на голову — пролома черепа не избежать. Непонятно было, как мог предусмотрительный до мелочей, крайне осторожный генсек допустить такое изобретение над своей гениальной головой.

Что касается деревянной обшивки стен, потолка, лично мне, как врачу, это понятно. Видимо, среди личных врачей Сталина были медики, хорошо разбирающиеся в биоклиматологии, они знали о благотворном влиянии природных факторов на больных, в особенности страдающих нервно-психическими расстройствами. Дерево — лучший изолятор, предохраняющий всё живое от воздействия атмосферного электричества при электромагнитных возмущениях в окружающей нас среде.

Для приёма гостей в часы отдыха со второго этажа вела дверь

в большую столовую с буфетом, за стёклами которого красовались роскошные кузнецовские сервизы с набором разных блюд, супников и прочего. Фраже, конечно же, было не мельхиоровое, а из чистого серебра с изящной чеканкой.

Графины, бокалы, фужеры, изящные рюмки из белого и цветного хрусталя сияли на полках всеми цветами радуги. Всем этим с царским величием пользовался генсек.

Рассказывали, что, сидя за столом, уставленным яствами и сосудами с дорогими напитками, захмелевший вождь мог перед гостями продемонстрировать своё хамское отношение к царским сервизам. Поднять уголок белоснежной скатерти, на которую пролилась подлива, и пренебрежительно накинуть на свою тарелку. Это означало — убрать всё!

Зорко следящие за каждым движением вождя официанты хватали супники, соусники, графины и, взяв скатерть за четыре конца, уносили с глаз долой.

И тут же, словно «по щучьему веленью», на столе появлялось всё чистое, свежее, на новых блюдах, тарелках, в супницах.

Это на черноморском побережье. Дома, в Кремле, рабочий день Сталина длился четыре-пять часов, под строгим оком наблюдающих врачей. А вы, Николай Алексеевич, позволяете себе и в этом случае сказать неправду.

Многим известны ночные бдения генсека. Все годы своего правления сам не спал и другим не давал — всему столичному руководству и на периферии. До утра не гасли окна в Наркомате внутренних дел. Во всех ведомствах было установлено круглосуточное дежурство, в поздний час могли вызвать по телефону любого сотрудника.

А Сталин в это время предавался блуду. Его ужины с ближайшими соратниками затягивались с семи вечера до четырёх-пяти часов утра. Бодрствующий вождь потягивал из бокала нежнейшую хванчкару или киндзмараули, изготовленные из особых сортов винограда, выращиваемого в Кахетии, до беспамятства спаивал приглашённых вином, водкой, коньяком, зная: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. А соратники не только развязывали языки, но и превращались в скоморохов, плясали и кривлялись до изнеможения.

Лишь под утро всё затихало, и «робкою толпою стоящие у трона» вместе с вождём отправлялись ко сну, изволив почивать до полудня, после чего приступали к нелёгкой государственной работе.

«Отец народов», равнодушный к судьбам тысяч обездоленных детей, прозябающих в приютах, детских домах, интернатах, был чрезвычайно заботлив к своим чадам.

Кохаемые с пелёнок, его дети росли в барских условиях, в окружении нянек и гувернёров советского розлива.

Отпрыскам отводили отдельные хоромы в кремлёвских дворцах, дачи в Подмосковье и, конечно же, со всей обслугой и персональной охраной. При дачах для них сооружались плавательные бассейны, спортивные и игровые площадки. Молодцы-затейники придумывали для них увеселительные игры и развлечения.

С наступлением лета детей везли на юг к морю укреплять здоровье. И, конечно же, со всей челядью и охраной.

Когда чада подросли, заботливый папаша учёл перемену пристрастий и в связи с этим возможные денежные расходы. По его команде для сына Василия и дочери Светланы открыли специальные счета в Госбанке. Спрашивается, за какие заслуги? На какие нужды и за чей счёт?

Старшего сына Якова Сталин не жаловал. Относился к нему, с раннего детства хлебнувшему из чаши сиротства, с явным презрением.

Плохо воспитанный сам, Сталин совершенно не уделял внимания воспитанию своих детей или хотя бы тёплому отеческому общению с ними. Я не говорю уже о ласке либо, напротив, пресечении недозволенного.

Более того, школьнику Василию разрешалось садиться за стол вместе со взрослыми, пить вино, которое вообще не убиралось со стола. Так с ранних лет сын и пристрастился к хмельному. С трудом, при помощи репетиторов окончил среднюю школу.

Хилый, неприметный внешне, но стремившийся на каждом шагу обратить на себя внимание, Василий, решив обрести крылья, поступил в лётное училище.

Очень подтягивает, меняет молодых людей военная служба. Но и в Качинске, известном строгими порядками и хорошими инструкторскими кадрами, Василий дисциплиной и прилежанием не отличался. Зато в стакан заглядывал, приобщая к алкоголю однокашников. И если бы не Тимур Фрунзе, признанный лидер группы курсантов, не видать бы Василию неба. Он проявил твёрдость, решительно осадил зарвавшегося курсанта.

«Для начальства — счастливейшая находка, спасение от неприятностей: в случае необходимости командиры всегда действовали через Тимура», — цитирую книгу. И далее: «Держать

в руках такую группу избалованных юношей, имевших прямой выход в самые верха, в храм власти, о котором командиры-инструкторы имели только приблизительное представление, — держать в руках такую группу было очень трудно или даже вообще невозможно, если бы не Тимур Фрунзе (выросший со своей сестрой в семье Ворошилова)».

Напомню читателю, что тогда, в сороковом году, в третьей эскадрилье обучение проходили Владимир Ярославский, Алексей и Степан Микояны, Василий Сталин.

После училища Василия Сталина направили на учёбу в Военно-воздушную академию на командный факультет. Папаша-вождь с умилением взирал на отпрыска. А он, поддерживаемый офицерами-подхалимами, гигантскими шагами поднимался по ступенькам воинских званий.

К началу войны стал капитаном. Не прошло и года, в сорок втором, Василий Сталин уже ходил в погонах полковника, ему доверили командование истребительным авиаполком.

«А Тимур сражался на фронте. 19 января 1942 года лётчик-истребитель Фрунзе в районе Старой Руссы, прикрывая наземные войска, вступил в неравный бой с группой вражеских самолётов. И погиб смертью героя… Как это часто бывает, не уберегли самого смелого, самого чистого, самого нужного. Он способен был на многое. В память о погибшем друге-лётчике [будущий генерал-майор авиации] Владимир Ярославский изменил своё имя, стал Фрунзе Емельяновичем Ярославским… Фрунзе продолжал воевать».

Не все командиры побаивались своевольного сына вождя. Многие открыто выражали недовольство распущенностью, пьянством офицера, позволяющего себе рукоприкладство по отношению к подчинённым.

В полку его берегли, не всегда направляли в районы боевых действий. А ордена и медали сыпали как из рога изобилия.

В победном сорок пятом Василий Сталин командует авиакорпусом, а в сорок шестом ему присваивают звание генерал-майора и назначают командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Но вскоре сама судьба приземлила «орла в вороньих перьях». После совершения воздушного хулиганства в пьяном состоянии Василий был отстранён от полётов, а после смерти отца лишён всех чинов и высокой должности.

Приезжая на отдых и лечение в Кисловодск, этот загубленный родным отцом молодой человек, живя в генеральском люксе, устраивал попойки с грузинскими поклонниками вождя.

Начальник военного санатория не знал, куда упрятать Василия от жаждущих встречи южан с дарами щедрого края. На помощь приходили охранники и сторожа, увозили бесчувственного Василия Иосифовича к себе домой на окраину

города, укладывали на койку, подстелив клеёнку. Но как только гость пробуждался, подносили чарочку выдержанного коньяка — армянского или грузинского.

А ведь в парне от природы было заложено много хорошего. Любил друзей, умел стать на защиту родных и близких, кому-то помочь, поделиться деньгами, да вот стал рабом «зелёного змия» и погиб прежде времени.

Выдавая себя за скромного, строгого, высоконравственного мыслителя, вождь народа с жадностью хищника заботился прежде всего о своём чреве, спешил насытиться всеми земными благами. Так живут безбожники, чуждые милосердия, добродетели и прочих нравственных совершенств.

Ценил его ум, но… расстрелял

В романе Владимира Успенского «Тайный советник вождя» главный герой Николай Алексеевич Лукашов, как военспец, с некоторой объективностью пытается определить роль Михаила Николаевича Тухачевского в Гражданской войне, давая оценку его полководческому таланту Сын дворянина и крестьянки из Смоленской губернии, Тухачевский германскую войну 1914 года встретил подпоручиком царской армии, попал в плен, но бежал.

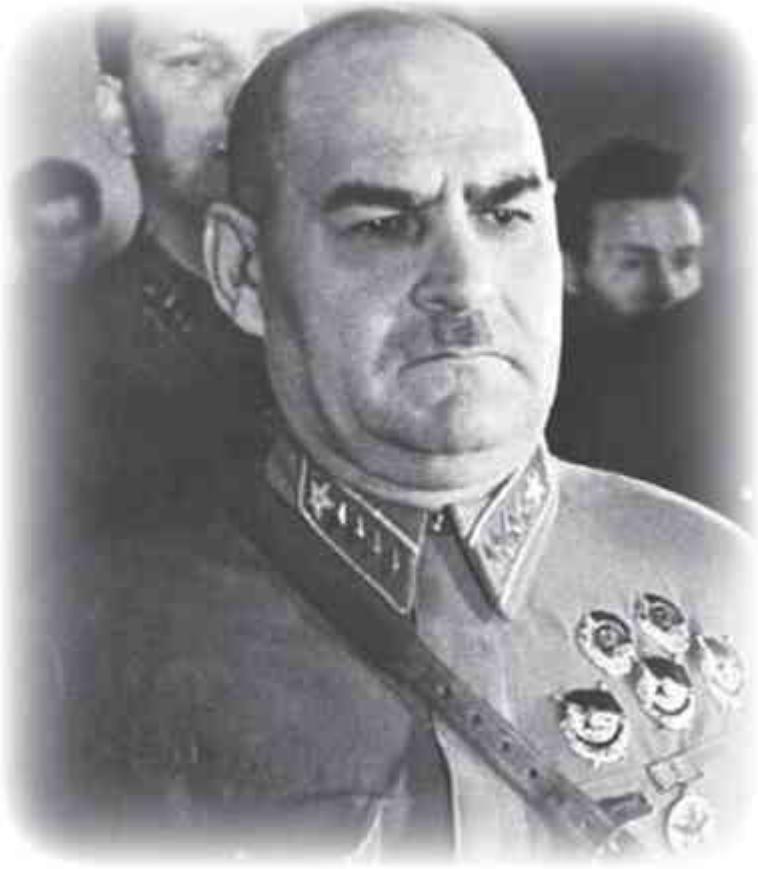
В апреле 1918-го вступил в РКП (б), трудился в военном отделе ВЦИКа, а в двадцать пять лет стал командовать армией.

Успешные его действия на всех направлениях не раз отмечались в приказах главнокомандования. Что касается периода послевоенной жизни Михаила Николаевича, здесь автор, в интересах и в угоду вождю, кое-что пытается смазать.

Как известно, после окончания Гражданской войны Тухачевский отдаёт все силы формированию и укреплению Красной армии — командует войсками ряда военных округов, занимает должность заместителя, а после и начальника штаба

РККА, с последующим назначением первым заместителем наркома обороны СССР.

Строки из книги «Тайный советник вождя»: «Самым молодым, самым энергичным и перспективным среди маршалов был Михаил Николаевич Тухачевский. Оригинальное мышление, умение быстро анализировать обстановку, принимать верные решения и настойчиво добиваться их осуществления — вот что отличало этого воспитанного, вежливого человека. А ещё — очень быстро улавливал, схватывал всё новое, что появлялось в военной науке, в военной технике. Это он вместе с Кировым добивался создания у нас первой антидесантной бригады. Ведая вопросами вооружения, Михаил Николаевич много сил отдал развитию бронетанковых войск, авиации, радиосвязи. Особенно заботился о противотанковой артиллерии, которая и создалась-то у нас благодаря его стараниям. А ведь к этому он — практик — был с изрядным опытом (фронтами командовал), и важнейшие теоретические проблемы разрабатывал, особенно по использованию новых родов войск».



А вот что писал бездарный малограмотный маршал Кулик, драпавший с поля боя в начале войны в сорок первом: «Разоблачённый враг Тухачевский насаждал в нашей армии чужие нравы, развивал артиллерию противотанковую. Какие-то пукалки: ни грохота, ни воронки, ни стрельбы на дальние расстояния. Ослабить хотел нас Тухачевский-то…»

Кулик и «наворотил» столько, что едва разобрались потом. Почти полностью прекратил выпуск противотанковых орудий, заменяя их привычными полевыми орудиями. Расформировал многие противотанковые артиллерийские части.

Вот и вели мы сражение с бронированными армадами гитлеровцев, почти не имея противотанковой артиллерии. Её пришлось срочно, с огромными трудностями воссоздавать в ходе войны.

В ходе чистки армия и флот лишились примерно 43 тысяч командиров, арестованных или уволенных со службы по политическим мотивам.

А ведь Тухачевский предупреждал и старался донести до

Сталина, что старые методы развёртывания войск и приграничные сражения, которых придерживались нарком обороны Ворошилов и кавалерист Будённый, сегодня не годятся. Он утверждал, что современное техническое оснащение и средства поражения, которыми обладают силы наших противников, дадут возможность врагу при внезапном ударе по нашим рубежам быстро продвинуться на всю глубину расположения наших войск.

Если вы, Николай Алексеевич, военспец с образованием, полученным в Академии Генерального штаба, то почему, как советник вождя, не поддержали маршала Тухачевского, не дали должной оценки его начинаниям, в особенности в деле усиления авиации, танков, дальнобойной артиллерии, умножения автоматического оружия?

А ведь Тухачевского поддержали Якир и Уборевич и уже вместе убеждали в том генералитет Красной армии. Но вы промолчали и когда Ворошилов и Будённый во всех тяжких обвиняли Тухачевского, Якира и Уборевича, которые, мол, с вредительской целью настаивают на создании крупных танковых соединений, за счёт сокращения численности расходов на лошадей.

Много ли ума надо иметь, чтобы оценить доводы обеих сторон? Но вы, пренебрегая элементарной скромностью, продолжали хвастаться, что «у Сталина не было такого надёжного, абсолютно доверенного советника, такого специалиста, каким был я в военных делах».

Замечу, хвастуны не внушают доверия.

К тяжёлой участи Михаила Тухачевского, наряду со Сталиным, причастен и Гитлер. Австриец Адольф Шикльгрубер в конце 1916-го добровольно поступил на службу в пехотный полк Баварской дивизии, дислоцированный на востоке Франции, где и подхватил сифилис от проституток, отиравшихся в местах расположения войск. По болезни из армии его уволили. Потому и не имел детей, а не из-за ранения в мошонку. Вы же знаете, что фюрер до конца дней своих наслаждался с красавицей Евой Браун.

Бездельник Джугашвили с юных лет привык шастать по духанам в поисках съестного и недопитого спиртного. Адольф Шикльгрубер также был завсегдатаем пивных. И не только пристрастился к пиву, но и прислушивался к спорам и беседам немецких политиков. А примкнув к членам партии фашистов, сумел прийти к власти.

Адольф такой же недоучка, обитатель ночлежек, как и Джугашвили, но только, в отличие от него, воровством и разбоем

не занимался.

Интересуясь биографией Гитлера, Сталин заметил, что между ним и бывшим ефрейтором Гитлером много общего.

В этом отношении ваш патрон, Николай Алексеевич, абсолютно прав. Оба сомнительного происхождения, смолоду склонные к безделью, лени и бродяжничеству, но пронырливые авантюристы, не лишённые воли лидерствующих, убеждённые макиавеллисты, не имевшие элементарного понятия о чести, совести, справедливости, сторонники абсолютизма в правлении.

Оба, дорвавшись до власти, за неё держались цепкими руками, по локоть в крови, шагали до конца дней в окровавленных сапогах.

Но в отличие от узурпатора Сталина, властвовавшего в стране независимо и самодержавно, Гитлер, в силу капиталистического общественного строя, с выраженной политикой милитаризма, был зависим, а следовательно,

ограничен в какой-то степени и в правах.

Но в том, что оба они явились в XX веке наказанием Божьим для многих народов мира, сомнений нет.

Фашизм — наиболее реакционное из шовинистических течений — утвердился впервые в Италии в 1922 году, затем лёг в основу расистского учения Гитлера, злодея XX века.

Коммунизм — общественно-экономическая формация, берущая начало от первобытно-общинного строя, — нашедший своё воплощение в общине первых христиан, затем взятый на вооружение философами марксизма, тоже был утверждён в 1922 году в России, но начиная со своей первой стадии, социализма, искажён Сталиным до жесточайших форм порабощения народов, насилия и геноцида.

Сионизм — общественное течение евреев-наций, возник из разноплемённых народов, объединённых единой верой. Возник сионизм, вероятно, в Сионе — столице древнего Иудейского царства. А в Базеле (Швейцария) в конце XIX века сионизм сложился в единую партию мыслителей вечно гонимого народа, называемого «безродным». Цель — поиск места обитания для создания государства.

Идеи сионизма лишены фанатизма расистов, но, тем не менее, могут представлять угрозу со стороны мировой сионистской организации, возглавляемой магнатами еврейской буржуазии, не столько жаждущих жизни на Земле обетованной, сколько заботящихся о приумножении своих капиталов с достижением мирового господства.

Сионистские организации действуют более чем в шестидесяти странах. Ведущая Всемирная сионистская организация имеет свои штаб-квартиры в Израиле, где сионизм является государственной доктриной, и в США.

Сионисты в нашей стране появились в двадцатых годах и представляют одну из сект пятидесятников. Проповедуют скорый «конец света» и блаженство тем, кто встретит его на горе (холме) Сион.

Но вернёмся к Тухачевскому. Вы, Николай Алексеевич, пытаетесь уверить читателя в том, что Сталин относился к Тухачевскому уважительно. «Ценил его ум, практическую хватку, стремление к новому». Но вот Ворошилов, Будённый, Щаденко были его ярыми противниками и ядовито злословили в его адрес: «прожектёр», «чистоплюй», «на скрипочке играет», «с иностранцами знается», «нет ему полной веры».

Эти слова действовали на Сталина не сразу, постепенно, как ржавчина разъедает железо. Но вы забыли, Николай Алексеевич, о том, что взаимоотношения Сталина и Тухачевского были

испорчены ещё в начале двадцатых годов на Юго-Западном и Западном фронтах.

В майский вечер 1937-го вам позвонил Сталин и велел срочно явиться к нему. Когда вы пришли, Сталин достал из сейфа папку и протянул вам.

— За эти бумаги Ежов заплатил три миллиона рублей. Посмотрите, стоят ли они такой суммы? — сказал Сталин и вышел.

Вы открыли папку, в ней было «страниц 15,20 бумаг, с обозначениями абвера, германской разведки: «Конфиденциально», «Совершенно секретно».

Вы начали читать и глазам своим не поверили. Это было письмо Тухачевского к единомышленникам-военачальникам о необходимости избавить страну от гражданских руководителей и взять государственную власть в свои руки.

Подпись хорошо знакомая — Тухачевский.

Остальные документы были на немецком языке.

На одном из донесений абвера резолюция Адольфа Гитлера с приказанием — организовать слежку за генералами вермахта, которые по долгу службы встречались с Тухачевским и могли быть связаны с ним.

Вы спросили Сталина:

— Как попало к нам это досье?

Сталин ответил:

— Документы были выкрадены во время пожара в здании абвера. Их пересняли. Фотокопии оказались у главы чехословацкого правительства господина Бенеша, он и передал их нам.

Вы сказали, что это — фальсификация!

— Но кому и зачем нужна такая фальсификация? — возразил Сталин.

Вы ответили, во что трудно поверить:

— Нашим противникам, которые намереваются воевать с нами. Этим досье они ставят под удар наших крупнейших военачальников.

Сталин согласился, но добавил:

— Позавчера и вчера следователь Радзивиловский допрашивал бывшего начальника управления штаба РККА Медведева, и тот сообщил о существовании заговора военных и назвал фамилии руководителей: Тухачевский, Якир, Пуша, Примаков.

Оказывается, Медведев, четыре года тому назад уволенный из армии, знал об этом ещё в 1931 году.

Известный биограф Троцкого Исаак Дойчер в своей книге

«Пророк в изгнании» писал: «Согласно различным антисталинским источникам, Тухачевский, встревоженный террором, разрушающим обороноспособность страны и подрывающим моральный дух нации, готовил переворот с целью свержения Сталина и власти ГПУ, но не входил при этом в контакты ни с Троцким, ни тем более с Гитлером или какой-либо иной державой».

Но ведь вам, Николай Алексеевич, известно, что в 1931 году нашу обороноспособность никто не разрушал. Её начал рушить Сталин, в основном после ареста Тухачевского. Не олицетворял же собой Троцкий, размахивавший в тылах войск пистолетом, военную мощь молодой Советской республики.

Но дело даже не в Троцком. В тридцатом году в Академии имени Фрунзе состоялась дискуссия по истории Гражданской войны и неудаче под Варшавой. Невзирая на достоверные факты, ставшие причиной неудач, Тухачевскому, как командующему Западным фронтом, были приписаны причины поражения.

Возмущённый Михаил Николаевич написал письмо Сталину, как участнику тех событий и виновнику неудач в действиях Юго-Западного и Западного фронтов. Ответа не последовало.

А чуть позже, по указанию Сталина, были арестованы ведущие профессора-военспецы академии: Свечин, Снесарев, Верховский. Разве не так?

Было сфабриковано новое дело — «Антисоветская троцкистская военная организация в Красной армии».

10 июня 1937 года состоялось предварительное заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, вынесшего определение об утверждении обвинительного заключения, составленного небезызвестным Вышинским, о предании суду М. Н. Тухачевского, В. М. Примакова, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Коржа, Б.М. Фельдмана и В. К. Путны — за измену родине, шпионаж и террор.

В состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР вошли: председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрих, замнаркома обороны Алкенис, командующий Дальневосточной армией Блюхер, командующий Московским военным округом Будённый, начальник Генштаба РККА Шапошников, командующий Белорусским военным округом Белов, командующий Ленинградским военным округом Дыбенко, командующий Северо-Кавказским военным округом Каширин.

Инициатором создания Специального военного суда из маршалов и командармов был Сталин — это точно! И не случайно все они были участниками Военного совета при наркоме обороны и выступили на заседании совета с резкой

критикой в адрес Тухачевского и остальных, в присутствии Сталина. Кроме того, этим составом Сталин создавал авторитетность суда с убеждением справедливости приговора.

Но самое страшное коварство и подлость верховного правителя таились в том, что его послушные опричники требовали и выбивали у подследственных мучительными пытками показания на военачальников, входящих в состав военного суда.

Так, например, следователь Леплевский, вызвав на допрос Примакова, вручил ему список от имени Ежова и предложил дать компромат на командармов Дыбенко, Шапошникова, Каширина и Гамарника.

Г.М. Леплевский до начала суда ещё раз указал следователям, чтобы они «убедили» подследственных подтвердить свои «показания» на суде.

Вы, Николай Алексеевич, поверхностно описав дело военных заговорщиков, шпионов и диверсантов, почему-то обошли молчанием один важный факт. Не может быть, чтобы он не был известен вам. Я имею в виду документ, подброшенный Гитлером — этим вторым политическим злодеем, потрясшим XX век.

В истории гражданских, религиозных и военных правлений известны случаи анонимных доносов, клеветы, фабрикации обвинений с одной целью — опорочить, выставить в неблаговидном свете, а то и прямо противопоставить власти своих противников, в особенности превосходящих умом и преуспевающих в делах.

Это особенно опасно для целого народа, если подобными подлыми деяниями не пренебрегает глава государства.

Бредовыми мечтами завоевать мир не гнушались ни Гитлер, ни Сталин.

Фюрер понимал, что начинать надо с похода на Восток и в первую очередь сокрушить могущественное государство — Советский Союз.

Глава фашистской партии, испытавший на себе и своём правительстве в 1916 году силу и талант русского народа, отнесённого германскими националистами к низшей расе, сознавал, что не только голыми руками, но и самой совершенной военной техникой СССР не возьмёшь. Как знал и о том, что генералитет Красной армии составляют умудрённые знаниями, закалённые в боях, высококвалифицированные специалисты, согласно сведениям разведки, не отстающие от него в деле возрождения разрушенных, усиления старых и создания новейших военных структур.

Гитлер понимал, как важно лишить вооружённые силы

страны мозгового центра. Знал, с кого начать.

В 1935 году руководитель германской службы безопасности Гейдрих явился к начальнику фашистской разведки Канарису и сказал, что хочет иметь в своём распоряжении одного или двух специалистов-графологов, которые смогли бы подделать подпись Маршала Советского Союза Тухачевского. При этом объяснил, что это необходимо ему для проведения секретной операции, доверенной ему самим фюрером.

Графолога подобрали. Переписка Тухачевского, который не раз посещал Берлин и переписывался с некоторыми представителями германских вооружённых сил, была представлена специалисту.

Около двух лет понадобилось ему для того, чтобы не только с микроскопической точностью скопировать подпись Тухачевского, но и безукоризненно отобразить почерк с характерным стилем русского маршала.

Ну а что касается выдумок, вымыслов, клеветы, для этого большого ума не требовалось — придумай, напиши, подскажи, проштампуй весомыми знаками — «абвер», «совершенно секретно», «конфиденциально» — и пойдёт, тем более с подлинной резолюцией Гитлера.

Так и было сделано.

В середине тридцать седьмого Тухачевский получил приказ о назначении командующим Приволжским военным округом.

Это понижение в должности обеспокоило Михаила Николаевича и его близких, давно почувствовавших, что с ним и вокруг него творится неладное. Но он старался держать себя, не чувствуя за собой вины.

В Куйбышев Тухачевский выехал с женой Ниной Евгеньевной. Вскоре состоялось совещание политработников Приволжского военного округа, на котором, естественно, присутствовал командующий М.Н. Тухачевский. Были на том совещании и вездесущие тайные агенты НКВД из числа политработников. Так вот, один из них с наглостью и самоуверенностью, свойственной всем продажным людям, без всякого к тому повода обратился к сидящему в президиуме Тухачевскому с вопросом:

— Скажите, а за что вас сняли с должности заместителя наркома обороны?

Тухачевский промолчал. По рядам пронёсся ропот.

С этого совещания Тухачевский домой не вернулся.

Обеспокоенная жена ждала его долго. Поздно ночью к ней явился взволнованный Дыбенко и сообщил об аресте Михаила Николаевича.

Нина Евгеньевна поспешила в Москву. Но здесь её постигла та же участь. Арестовали мать маршала, братьев Николая и Александра, сестёр.

Всех членов семьи Тухачевского, за исключением сестёр и дочери, расстреляли. Малолетнюю дочь поместили в детский дом, а по достижении совершеннолетия судили и сослали на край света.

После объявления в печати об аресте маршала Тухачевского были взяты под стражу командующие военными округами Уборевич и Якир.

Затем заместитель командующего военным округом Примаков, начальник Военной академии Корк, начальник военного управления кадров Фельдман, командиры корпусов Эйдеман и Путна.

Я.Б. Гамарник, отстранённый от поста начальника Политуправления Красной армии, застрелился, поняв

неизбежность ареста сразу после того, как взяли Уборевича. Все остальные, перечисленные выше, после сфабрикованных дел признавшие обвинения в состоянии умопомрачения после применённых чудовищных пыток, закрытым судебным заседанием были приговорены к высшей мере с немедленным приведением приговора в исполнение.

Сталин, сидя в своём кабинете у аппарата, постоянно слушая, следил за ходом судебного процесса и, видимо, испытывал удовольствие как тиран, избавляющийся от очередных «врагов».

Касаясь этого вопроса, не хотелось обойти молчанием письмо Якира, написанное в камере предварительного заключения и адресованное Сталину. Известный командарм заверял «любимого отца народов» в своей верности коммунистической партии и лично ему — гениальному вождю и учителю и т. д. и т. п. Но обезумевший окончательно от головокружительных успехов в делах государственных и в то же время одолеваемый психозом шпиономании, страхом заговоров и подозрительности генсек расценил послание по-своему и начертал на нём: «Хитрит! Нас вокруг пальца не обведёшь, подлец и проститутка!» Климент Ворошилов счёл необходимым добавить: «Совершенно точное определение!» Рядом приложил свою подпись Молотов. Ну а Каганович уподобился сортирным хулиганам, начертал: «Предателю, сволочи и бл…ди одна кара — смерть!»

Как же вы, Николай Алексеевич, зная всё это и скопировав эти опусы для воспоминаний о жизни вождя и его подлого окружения, продолжали служить Али-бабе и его сорока разбойникам?

Видимо, властолюбие тоже болезнь, подобная наркомании. И отираться возле властвующего тирана не должна была позволить вам гордость русского дворянина и совесть гражданина.

«От сталинизма мы не лечим»

Казалось бы, с первых дней установления советской власти в России должны были стихнуть все споры и разногласия различных партий, стремившихся к свержению монархии и установлению народовластия. Но, к великому сожалению, оказалось, что и в условиях народовластия с демократией и свободами, при отсутствии классов эксплуататоров и эксплуатируемых возникает и обостряется классовая борьба.

Наверное, правильнее было бы назвать эту борьбу не классовой, а борьбой коммунистов за власть. Ну, скажем, того же Троцкого, Каменева, Зиновьева и других — к какому классу их отнести? Это же их все годы вместе с Бухариным, Рыковым и другими обвиняли в попытках свержения руководства партии во главе с Лениным, Сталиным, Свердловым.

Их же обвиняли в убийствах Менжинского, Куйбышева, Кирова, Максима Горького.

Почему-то до самой смерти Сталина эта классовая борьба не прекращалась. Она охватила всю страну, подмяв под себя и грешных, и праведных. Волны репрессий захлёстывали всю страну, а вождь торжествовал.

Даже подумать страшно, что творилось в стране, с одной стороны, ликующей под солнцем и в свете фонарей, с другой — стонущей в полумраке застенков, властвующих в ночи карательных органов.

Вы, Николай Алексеевич, сами не раз были свидетелем и, не скупясь на краски, описываете садистов НКВД, их изуверские пытки, с которых вы, будучи не в силах смотреть, спешили уйти.

Да, кровавые палачи изощрялись, вооружившись всем арсеналом, собранным из «инквизиторских архивов» Средневековья.

Но соответственно цивилизованному XX веку они совершенствовались. Скажем, например, удар мешком, наполненным песком, по груди или животу, последовательно, сотрясал так, что не только внутренности, но мозги разлетались.

Ну а «конвейер» или «стойка», рассчитанные на измор?

Ещё хуже камеры с воздействием высоких или, напротив, низких температур. Тут если не признаешься, можно либо свариться в собственном поту, либо превратиться в ледышку.

Пускание под ногти иголок или сдавливание половых органов, ущемление пальцев рук дверью — примитив старины, такой же, как мат и побои костоломов до потери сознания с последующим окатыванием холодной водой.

Сам Сталин, не вылезавший из тюрем и ссылок, на себе не испытал всего этого, будучи под следствием бессчётное число раз как уголовник и политзаключённый. Но знал хорошо, чем и как можно сломить волю не только таких хилых, как он сам, но и богатырей, упрямых, непокорных, сильных духом.

Знали и те бездарные, невежественные его ставленники, которые, как зайцы перед удавом, ползли к нему на животе.

Не зря ведь Лазарь Каганович — один из ярых сторонников репрессий, который с бездушностью заносчивого надсмотрщика мог шлёпать по мордам подчинённых, потеряв власть при Хрущёве, — слёзно умолял Никиту Сергеевича, робко напоминая: «Мы же знаем друг друга много лет, прошу не допустить, чтобы со мной расправились так, как расправлялись с людьми при Сталине».

И Генриха Ягоду (Гершеля Иегуду) вы, Николай Алексеевич, характеризуете как скользкого типа: «Женат на внучке Свердлова, с двадцатого года в органах ВЧК. С 1934-го возглавляет ОГПУ».

Это он, оказывается, внедрил систему доносов, насадил во всех учреждениях, организациях, предприятиях и в руководстве в центре и на местах секретных сотрудников, следящих за каждым, начиная с начальников и кончая дворником.

Это Ягода умножил количество тюрем, лагерей и усеял

массовыми захоронениями расстрелянных, ни в чём не повинных людей, лесные трущобы и степные просторы страны. Не по собственной воле, конечно.

И вдруг сам оказался в камере предварительного заключения как враг народа, бывший сексот царской охранки, польский шпион, агент гестапо, убийца Кирова, отравитель Максима Горького и Куйбышева.

Вы, Николай Алексеевич, говоря об этом, недоумевали, лгал Ягода или говорил правду. «А если лгал, возводил на себя напраслину, то зачем, от кого отводил подозрение?» — вопрошаете вы.

Ясно, что из Ягоды все эти признания выбили так же, как он выбивал когда-то из других «врагов народа». А подозрение он отводил от Сталина, чью волю беспрекословно выполнял, в надежде, что генсек помилует, учтя его старание и преданность. Но увы!

Подобным образом вели себя и многие другие фанатичные чекисты, кагэбисты, партийные работники, попавшие в тюремные застенки, готовые терпеть муки и умереть, если потребует партия.

Наша тоталитарная система постоянно порождала и порождает общественные мнения, либо возносящие всех подряд, либо чохом охаивающие всех стоявших и стоящих у власти.

Так, например, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина нынешние историки превратили в безвольного старикашку-склеротика. А ведь он был единственным государственным деятелем того времени, который смело поднимал голос против произвола властей, необоснованных арестов, сомнительных смертных приговоров, исчезновения арестованных в годы деятельности Ягоды, Ежова, Берии.

Когда арестовали Тухачевского, Якира, Уборевича, Правдина, Шотмана, Енукидзе, «всесоюзный староста» с резким протестом обратился к Сталину, но вождь не отреагировал.

Когда в 1938-м арестовали Блюхера, Рудзутака, Крыленко, Михаил Иванович немедленно потребовал у генсека аудиенции.

Сталин уважил его, принял, разговор состоялся, но после встречи с вождём старик был настолько потрясён, что слёг.

А Сталин, когда ему сообщили о болезни Михаила Ивановича, с ухмылкой сказал: «Калинин всегда был либералом!»

Оправившись от тяжёлого стресса, Калинин не унялся. Он продолжал с прежней смелостью вмешиваться в дела органов НКВД, осаждая то Гаглидзе, то Кабулова, то самого Берию, требуя ответов на заявления, жалобы и просьбы членов семей и родственников арестованных органами НКВД.

Возмущённые настойчивыми требованиями неугомонного старика, на которого трудно было подобрать компромат, да и Сталин не видел в Калинине соперника, Кабулов, Гаглидзе и Берия, договорившись со Сталиным, арестовали жену Калинина, чем и угомонили единственного «возмутителя спокойствия».

Судя по вашим характеристикам членов советского правительства во главе со Сталиным, создаётся впечатление, что страной в течение многих лет правила разнузданная банда убийц, наёмников, пьяниц и проходимцев. И что каждый из них по личным соображениям мог схватить неугодного и уничтожить его, невзирая на заслуги и положение.

Например, взять того же командарма 1-й коммунистической дивизии Николая Акимовича Худякова, много раз спасавшего крайне тяжёлое положение, складывавшееся на Царицынском фронте, которым, как было сказано ранее, командовал Климент Ворошилов с членом Военного совета фронта Иосифом Сталиным.

Сокращённо цитирую: «Худяков, закончив Александровское военное училище, воевал на Юго-Западном фронте в Галиции. Светлого ума человек и отчаянной храбрости офицер. Награждён тремя крестами Георгия, орденами Георгия Победоносца, Святого Станислава с мечом и бантом, именным Георгиевским оружием. В начале 1917 года этот смелый офицер выступил открыто против напрасного кровопролития, бессмысленной войны. По распоряжению Керенского был разжалован и заключён в Каменец-Подольскую крепость. Генерал Корнилов настаивал на его казни. Революция помешала исполнению приговора. Бывший штабс-капитан перешёл на сторону революции».

В 1918 году вступил в партию большевиков. Воевал на Волге, затем командовал 3-й Украинской социалистической Красной армией. (Ворошилов в то время был членом украинского правительства.) Худяков громит формирования атамана Григорьева, ведёт бои за Одессу.

Восемь раз ранен. Награждён орденом Красного Знамени, дважды — Почётным революционным оружием. И при этом Худяков, который нёс все тяготы боевой жизни, оставался при Ворошилове скромным военным специалистом, хотя всеми победами под Царицыном и на Украине Ворошилов был обязан полководческому таланту Худякова.

После окончания Гражданской войны Ворошилов, возглавив Наркомат обороны, старался держать Худякова подальше от центра.

Со временем его отозвали из армии и отправили на хозяйственную работу на Северный Сахалин, где он возглавил

разведку дальневосточных нефтяных залежей.

Несмотря на то что Худяков в Москве не бывал и нигде не напоминал о себе, Ворошилов думал о нём и побаивался, что он напишет правду о былых сражениях под Царицыном, на Украине и развеет легенды и мифы о воспеваемых на все голоса героях Гражданской войны — Ворошилове и Будённом.

Худяков, уже в годы после чистки рядов Красной армии, был тоже арестован и расстрелян. Причём эта смерть, согласно вашему утверждению, Николай Алексеевич, лежит на совести Ворошилова.

Вы это подчёркиваете, говоря, что нельзя всю ответственность за массовые репрессии сваливать на одного Сталина, и в завершение вопрошаете: «Кто, например, заставлял члена политбюро В.М. Молотова написать резолюцию о расстреле жён «врагов народа» Кассиора и Постышева?»

Также вы обвиняете Ворошилова и Будённого в том, что они не только убирали неугодных, но и выдвигали на должности комдивов, комкоров бездарных, полуграмотных людей из числа знакомых подхалимов, служивших в 1-й Конной.

Рисуя многосложный образ разноликого вождя, вы, Николай Алексеевич, приводите довольно удачный анекдот, характеризуя его как типаж. Цитирую: «Приходит человек к психиатру: «Что со мной, доктор? Думаю одно, говорю другое, делаю третье». «Извините, — отвечает доктор, — но от сталинизма мы не лечим».

К великому сожалению, эта болезнь оказалась весьма заразительной, как СПИД, только, в отличие от чумы XX века, не смертельной, к сожалению.

Разве не наводит на грустные размышления громкая фраза, брошенная вождём с трибуны: «Сын за отца не отвечает», подхваченная заболевшими сталинизмом и разнесённая по стране?

Но ведь вскоре после этого «отец народов» издаёт изуверский закон, согласно которому даже малолетние дети с матерями и ближайшими родственниками несут ответственность за совершившего военно-политическое преступление.

Этих людей, в зависимости от степени родства, либо расстреливали, либо ссылали. У матерей отнимали даже грудных детей, водворяя в приюты.

Но что не просто жестоко, а чудовищно безумно — с достижением двенадцатилетнего возраста их судили и отправляли в лагеря для спецконтингента.

В Отечественную войну, когда осложнилась обстановка в стране, а фашисты штурмовали Сталинград, Верховный

главнокомандующий, трясшийся от страха днём и ночью, не позабыл о «врагах народа», томящихся в тюрьмах.

По его распоряжению тысячи заключённых расстреливались из пулемётов.

Вы же сами, господин Лукашов, пишете, что, когда речь заходила о врагах народа, об обострении классовой борьбы, «Сталин становился страшным, вроде бы лишался рассудка».

Сам Сталин признавался, что «самое большое удовольствие в жизни доставляет внимательно следить за врагом, всё тщательно подготовить, без жалости отомстить, а затем спокойно пойти спать». Это ли не явные признаки садистского гнева параноика?

Под стать ему и Берия, которого вы называете «мастером всяческих подлостей, специалистом по растлению душ человеческих».

С детьми расстрелянных отцов и матерей, вернувшихся после отбытия сроков в ссылках, он поступал, как вы говорите, «по-бериевски» — взяв всех на учёт, приставил к ним сексотов, которые устраивали «молодёжные вечеринки», вели вольные разговоры и вылавливали несмышлёнышей, доверительно делившихся с предателями. Их вновь хватали, приписывали 58-ю статью и снова передавали ГУЛАГу.

Но тех, кто роптал на власть, обвиняли в готовившихся «покушениях» на Сталина и его свиту, приговаривали к высшей мере — расстрелу.

Непонятна, Николай Алексеевич, и ваша подчеркнутая двойственность оценки личности Сталина.

Приведу ряд цитат: «Конечно, Иосиф Виссарионович был менее образован, менее умён и гибок, чем Ленин. Но он, во всяком случае, не был заурядным. Это, видимо, не только по сравнению с Лениным, но и его окружением», которых вы характеризуете так: «Я знал много, очень много людей, занимавших высокие посты. Чем они меня поражали? — своей обычностью, заурядностью, даже ограниченностью».

Это был фон Сталина. Если бы члены правительства, политбюро ЦИКа были людьми одарёнными, мыслящими,

образованными рядом с ним и внешне, и по содержанию и культуре, наш вождь выглядел бы ничтожеством. Это Сталин хорошо понимал. Вы же, Николай Алексеевич, отмечаете, что сам Сталин в общем-то дилетант, но, оказывается, «Иосиф Виссарионович терпеть не мог дилетантов. Если Сталин видел, что специалист не может дать чёткие и ясные ответы, — горе тому верхогляду. Не знаешь, не можешь — катись ко всем чертям! На Колыму пустую породу снимать с золотых жил!» Ни больше ни меньше! Вот как дозволено было вождю сорить людскими жизнями.

Зная лучше других о быте, режиме дня вождя, строго расписанного врачами, и о праздных повседневных застольях, времяпровождении на дачах вместе с вами, вы с непонятной целью стараетесь убедить легковерного читателя в том, что Сталин был великолепный труженик, работал на износ. Работал и днём и ночью.

Тут и из вашего сознания пробиваются истины: «Однажды в полдень, то есть время, когда он пробуждался после ночных бдений и обильных излияний за столом», Сталин пригласил вас к себе, и вы увидели «бледное, испитое лицо, словно неподвижная маска».

Вот только надо было добавить: с остекленевшими глазами под отёкшими веками, какие наблюдаются у пропойц после сна.

Ну а для человека, знакомого с психиатрией, вполне достаточно и такое описание: «Иногда он погружался в полузабытьё, полусонное состояние. Неподвижный, с потускневшими глазами».

Вы же прекрасно знали — то были моменты погружения в состояние болезненного ступора, и беспочвенно философствуете, что в такие минуты «его внутренние силы сосредотачивались на осмыслении чего-то важного». При таком состоянии душевнобольные вообще не могут мыслить.

Сталин был не только тираном — сторонником железной диктатуры, опирающимся на силу, но и создателем фашистского государства. Доминирующей идеей его болезненной психики была мировая революция наряду с индустриализацией страны и созданием мощных вооружённых сил. Внешне же со свойственной ему многоликостью призывал к дружбе народов и миру.

Если эти суждения необоснованны, тогда ответьте, уважаемый советник вождя, для чего создавались во всех странах мира коммунистические партии с огромной сетью тайной агентуры, на содержание которых наше правительство тратило колоссальную сумму денег? И это при беспросветном каторжном труде и нищете основной массы собственного народа!

Одновременно с этим затрачивались большие средства для создания и умножения военного потенциала под видом оборонительных мер от угрозы вражеского окружения.

Зная об этом, не сидели сложа руки и те из наших противников, которые были расположены рядом — за «железным занавесом». Так было положено начало противостоянию.

В июле 1938-го в Приморском крае у озера Хасан, на границе с Кореей, японцы попытались отторгнуть часть нашей территории. Но в результате двухнедельных боёв наши границы были восстановлены.

Не увенчалась успехом и вторая попытка японцев — захватить восточную часть Монголии у берегов Халхин-Гола. Советско-монгольские войска разгромили захватчиков за короткое время.

Но по мелкомасштабности и непродолжительности этих схваток трудно было судить противным сторонам о военной мощи той и другой стороны.

В июле тридцать шестого, когда в Испании вспыхнул мятеж, поднятый генералом Франко, с помощью гитлеровской Германии, с целью захвата власти, испанские коммунисты возглавили борьбу народа за свободу и независимость.

Сталин, в свою очередь, счёл необходимым оказать помощь

живой силой и техникой испанским республиканцам.

Но среди восставшего народа оказались предатели от правых социалистов, анархистов, троцкистов, и потому к власти пришёл генерал профашистской ориентации — Франко, союзник Гитлера.

В конце ноября 1939-го реакционные силы Финляндии, поощряемые, как и в описанных выше случаях, «правящими кругами США, Англии и Франции, спровоцировали советско-финскую войну». Вот только советская военная история умалчивала, какую именно из сторон спровоцировали эти вечные провокаторы.

На самом же деле спровоцировали войну с белофиннами советские военные деятели во главе со Сталиным, Ворошиловым и Будённым.

Считаю благородством с вашей стороны, Николай Алексеевич, признание, что в том числе и вы, как военный советник, были «поджигателем» советско-финской войны, поскольку считали границу с финнами на Карельском перешейке несправедливой и опасной.

Несправедливой вы считали потому, что эта граница была навязана большевикам, захватившим власть в то время, когда молодая Страна Советов испытывала большие трудности, стараясь спасти революцию от врагов, наседавших со всех сторон.

Как известно, граница эта проходила очень близко от «колыбели революции», которую финны могли обстрелять из крупнокалиберных орудий, то есть один бросок от границы до Ленинграда.

Сталин предложил финнам отдать нам часть территории Карельского перешейка. Но финны отказали.

Сталину оставалось одно: отодвинуть границу штыками.

Генералитет советских Вооружённых сил считал Финляндию ничтожной бывшей провинцией России, территориально равной Архангельской области.

На военном совете, который собрал Сталин, было решено «закидать Финляндию танками». После совещания

был подготовлен оперативный план с учётом дислокации войск противника с его укреплённым районом. Определили число наших войск с техническим оснащением, способных мощным сокрушительным ударом завершить кампанию.

В успехе Сталин не сомневался. Он был уверен в способностях преданных ему полководцев.

Однако развернувшиеся военные действия при отчаянном сопротивлении вооружённых сил Финляндии, с безуспешными операциями советских войск, не только погасили оптимизм самоуверенного вождя, но и ввергли его в замешательство.

Войска нашего Ленинградского фронта в несколько раз превосходили численность пятнадцати финских дивизий. И, конечно, финны не выдержали бы внезапного удара русских, но преградой на пути наших сил оказалась линия Маннергейма — целая система первоклассных оборонительных рубежей.

Маннергейм — бывший офицер царской службы России, отличный военспец, подобный тем, которые, перейдя на сторону революции, обеспечили большевикам победу в Гражданской войне и в благодарность за это были уничтожены Сталиным и его невежественными в военной науке партизанскими командирами, — к счастью, оказался в Финляндии.

В те предвоенные годы, после 40 тысяч репрессированных и расстрелянных только за один 1937 год, сменился высший командный и начальствующий состав Красной армии. Теперь выдвиженцы из конармии Ворошилова, готовясь к мировой революции, делали ставку на кавалерию и «царицу полей» — пехоту, вооружённую штыковой винтовкой образца 1891 года.

А тут перед нашей пехотой оказалась крепко укреплённая приграничная полоса сплошных минных полей и колючей проволоки в тридцать-сорок рядов вместо обычных трёх-четырёх, составлявших линию обороны.

За этой полосой следовали доты со стенами толщиной в полтора метра, состоящие из бетона и железа. Основу бетона составлял цемент марки «600», который выдерживал удар любых снарядов. Сверх дотов была трёхметровая насыпь камней. В таком доте могло укрыться и вести огонь до десяти пулемётчиков и три-четыре артиллериста с орудиями.

Для хранения боеприпасов, продовольствия и воды были сооружены особые подземелья, соединённые ходами сообщений. Доты и дзоты были построены так, что каждый мог защищать подступы не только к себе, но и двум соседним, расположенным справа и слева, с соответствующим расположением основных точек.

Кроме того, в местах труднодоступных, за укреплённой линией, советскую пехоту встречали целые подразделения белофинских лыжников в белых маскировочных накидках, вооружённых пистолетами-пулемётами, которые, укрывшись в кронах деревьев, прицельным огнём с близкого расстояния косили красноармейцев, сами почти не имея потерь.

В ту суровую зиму морозы достигали более сорока градусов. Наши бойцы, в особенности раненые, гибли и теряли боеспособность ещё от холода, обморожений.

Несмотря на колоссальные потери в живой силе, советское командование в надежде, что линия Маннергейма будет прорвана, враг покажет спину, а им достанется громкая слава победителей, гнало, как скот на бойню, тысячи наспех обученных новобранцев, к тому же плохо обмундированных, на минные поля, на сорок рядов колючей проволоки, навстречу шквальному огню врага.

Каждый метр продвижения стоил десятков солдат. На подступах к дотам и дзотам образовывались валы закоченевших трупов.

Тогда командование фронта разработало план обхода линии севернее Карельского перешейка. Но там путь нашим бойцам преграждали дремучие, непроходимые леса с сугробами, в которых красноармейцы увязали по грудь, а финские снайперы тут же их расстреливали.

Две наши дивизии, посланные в обход, на этом пути были уничтожены.

О продвижении какой-либо техники и речи быть не могло. Тогда было решено вновь идти в лоб, наплевав на бесчисленные потери, тем более что Сталин лихорадочно ждал победы и торопил командование.

Как вы пишете, Николай Алексеевич, за месяц тяжёлых боёв Ленинградский фронт преодолел только предполье, только

приблизился к основным укреплениям линии Маннергейма, а штурмовать уже не было сил.

Побыв несколько дней на фронте, вы, Николай Алексеевич, убедились, что положение наше катастрофично — мы не достигли успеха.

Скомплектованные, согласно решению Ворошилова и Щаденко, воинские части из отдельных рот и батальонов приграничных частей и военных округов, брошенные на помощь терпящим поражение силам Ленинградского фронта, оказались небоеспособными.

Командиры не знали, какие силы слева, какие справа и кто поможет им в трудную минуту.

Тогда-то и встретились вы со Сталиным. Доложили ему о положении дел, высказались о необходимости коренных изменений для улучшения положения на фронте.

— Каких изменений? — спросил вас Сталин, наполняя бокал мускатом. (Сидели вы в его домашнем кабинете.)

— Немедленно прекратить наступление. Надежды на успех нет, если даже удвоим число войск.

— Неужели обстановка так уж безнадёжна? Чего недостаёт? Артиллерии? Авиации? Мы можем дать и то и другое.

Вы ответили:

— Артиллерия застревает в сугробах и отрывается от пехоты. А которая на передовой — используется плохо. Взаимодействие не налажено. Пушкари сами по себе, пехотинцы тоже, с авиацией у них практически никакой связи. Радиосвязь нигде не налажена.

Сталин с наивностью первоклассника спрашивал:

— Почему застревают в сугробах? Объясните мне, Николай Алексеевич. Мы дали туда много автомашин, тракторов из народного хозяйства.

— Стоят эти машины и трактора. Без горючего. В заносах. Нет для них обогревательных пунктов, ремонтных мастерских.

И главное, что вы подчёркивали, — это то, что большинство командиров полков и дивизий по уровню своих знаний военного дела не отличались от подчинённых, добавив, что для исправления положения, пока не поздно, надо освободить из тюрем и лагерей бывших военачальников, которые ещё живы.

Короче говоря, со второго захода, с большими потерями живой силы, боеприпасов и техники, линия Маннергейма была прорвана, правительство Финляндии пошло на уступки и заключило мир.

В той короткой «зимней войне» Советский Союз потерял 70 тысяч убитыми и вдвое больше обмороженными и ранеными.

На этом последнем хотелось бы остановиться. Допустим, что Сталин был и остался полным профаном в военной науке. Но вы-то, Николай Алексеевич, имели познания уровня Академии Генерального штаба, обогащённые практикой участия в германской и Гражданской войнах. К тому же в течение ряда лет были не просто советником вождя, как военспец, но и ближайшим его другом. Судя по тому, как вы могли, глядя на «бледное, испитое лицо» вождя с одутловатыми щеками и опухшими глазами, продиктовать:

— Прошу подойти к зеркалу.

Сталин послушно подходит. Вы укоризненно произносите:

— На кого вы похожи?

Сталин отвечает:

— На ночное страшилище! На вурдалака!

А вы безапелляционно заявляете:

— Ответы оставьте при себе, Иосиф Виссарионович. Вам нужен немедленный отдых. По праву старого друга беру командование на себя. Всё в сторону! Едем за город.

Правда, не очень верится в то, что кто-то мог позволить себе подобный тон в разговоре с вождём. Но, видимо, в состоянии болезненной депрессии он мог терять свою дьявольскую волю.

Однако дело не в этом. Вы, Николай Алексеевич, как военспец, конечно, глубоко разбирались в вопросах стратегии оперативного искусства, тактики. Наверное, в деле организации и подготовки к войне необходимо учитывать не только сумму социально-политических и моральных факторов своей страны и своего народа, но и географическую специфику страны противника, а также и сезон года, наиболее удобный, эффективный для активных действий живой силы и техники. И прекрасно знали, что Финляндия расположена в северной части

Европы, где зимы снежные, а морозы лютые.

И даже не будь укреплённой первоклассной системы оборонительных сооружений, всё равно потери от обморожений наряду с потерями от огня противника были бы большие.

Так как же вы, военный советник, не воспротивились Сталину и позволили начать войну с наступлением зимы? В какие времена, в какой стране самый посредственный воевода решился бы идти при сорокаградусном морозе войной на врага?

Вы же были инициатором, как сами признались, «пожирателем» этой войны.

Вас больше заботили те километры, которые позволили отодвинуть границу от Ленинграда, кстати сказать, не сыгравшие никакой роли при нападении на нашу страну фашистской Германии.

А вот более двухсот тысяч убитых, искалеченных, раненых и обмороженных молодых солдат, чьих-то сыновей, отцов, братьев, вам не было жаль, когда вместе со Сталиным, Ворошиловым и другими военачальниками вы гнали их на верную смерть — не священной оборонительной, а захватнической войны?

Игроки! Вам легко было сидеть в тепле, сытости, уюте царских хором и демонстрировать свою мощь за спинами гонимых на бойню мальчишек.

Как Гитлер обошёл Сталина

Прежде чем перейти к событиям, происходившим в нашей стране накануне Великой Отечественной войны, сделаю краткий обзор происшедшего в странах Европы по воле Гитлера.

Как известно, лидер германской фашистской партии Адольф Гитлер с первого дня захвата власти в стране начал лихорадочно готовиться к большой войне.

Соблюдая внешне условия мирного договора, заключённого 3 марта 1918 года в Брест-Литовске между Советским Союзом и Германией, фюрер скрытно приступил к формированию разных родов войск, уделяя основное внимание техническому перевооружению, подготовке военных специалистов и разведывательных служб. Был дан импульс бурному росту военной промышленности.

Всё это делалось скрытно, так чтобы недоступно было ни слуху, ни глазу постороннего. Военные объекты возводились в подземельях лесных чащоб либо в недоступных обозрению, отдалённых от городов местностях. Продукция там же и складировалась.

Параллельно шла идеологическая обработка населения, пропагандировалась исключительность арийцев, самим Богом

предназначенных господствовать над низшими расами.

Однако сам фюрер не унаследовал никаких внешних признаков, свойственных благородным арийцам, кроме гусиной походки и нордического характера.

В середине тридцатых Гитлер почувствовал, что страна достаточно окрепла, а численность вооружённых сил многократно превысила стотысячную, утверждённую Версальским договором армию, и отказался соблюдать ограничения. Открыто комплектовал новые вооружённые силы на основе объявленной всеобщей воинской повинности.

Поразительно, но США, Великобритания, Франция, Италия, Япония, Бельгия, подписавшие в июле 1919 года в Версале мирный договор, никак не отреагировали на то, что Гитлер приступил к активным действиям.

В начале 1936-го вместе с союзной Италией сверг республиканский строй в Испании и утвердил власть генерала Франко.

В конце того же тридцать шестого Германия вступила в военно-политический союз с Японией, создав ось Берлин — Рим — Токио. Не замедлила вступить в союз с Германией и Венгрия.

Началом открытой агрессии явился захват Греции. В марте 1938-го немецкие войска вторглись в Австрию, а затем продиктовали свою волю Чехословакии. 1 сентября 1939-го Гитлер спровоцировал войну с Польшей.

Встревоженные наглыми, разбойничьими действиями Гитлера Англия и Франция 3 сентября 1939 года объявили войну Германии. Но действия этих великих держав против агрессора были настолько инертными, что Гитлер, побряцав под их носом оружием, оккупировал Данию, Норвегию, Люксембург, Бельгию, Голландию, а затем после непродолжительных схваток захватил Францию.

В марте сорок первого к Германии присоединяется и Югославия.

Теперь, дорогой герой романа господин Лукашов, давайте вернёмся в родную страну.

С окончанием Первой мировой войны, согласно Рижскому мирному договору, была определена новая польско-советская граница и часть украинских и белорусских земель отошла к Польше.

Но вот что удивительно: политики сталинских времён этот договор считали несправедливым.

Отношения с Польшей обострились с утверждением в Союзе безраздельной власти Сталина. Политики и историки утверждали, что в Польше пан Пилсудский ещё в 1922 году установил фашистскую диктатуру, названную почему-то «санацией», а после его смерти — в 1935-м — Рыдз-Смигл заключил антисоветский пакт с Гитлером. Заметьте — в 1935-м!

Вот и выходит, что ещё до утверждения в Германии фашистской диктатуры в Польше уже воцарился фашизм.

Тогда непонятно, зачем Гитлеру надо было провоцировать войну со своим давним союзником, тем более что уже действовал антисоветский пакт и возникла возможность использовать в войне с Советским Союзом профашистски настроенных поляков.

Но как бы там ни было, на Польшу Гитлер пошёл «огнём и мечом», как говорят сами поляки. Устоять перед его всё сокрушающей силой, прошедшей парадным маршем по Европе, вооружённые силы Польши не могли.

Замешательство возникло и в нашей правящей верхушке.

Сталин не мог допустить, чтобы фашисты оказались рядом с Минском, откуда прямой путь на Москву. А главное, генсек считал, что представилась «редчайшая возможность вернуть России Западную Белоруссию и Западную Украину».

Но прошедший горнило Гражданской войны, верховодящий Советской страной не оголил оружия, проявил выдержку, не вступая в конфликт с захватчиком, перешёл границу лишь после того, как участь Польши была уже решена.

В середине сентября войска Украинского и Белорусского фронтов, не встретив сопротивления со стороны гитлеровцев, продвинулись на Запад. И что же? Дабы избежать столкновения, дипломаты — наши и германские — определили разграничительную линию, пролегавшую примерно там, где проходила линия Керзона, условно установленная в 1919 году.

Керзон — английский министр иностранных дел — провёл эту линию через Гродно — Яловку — Немиров — Брест-Литовск — Драгунск — Устимуг и до самых Карпат. Значит, был тайный сговор между генсеком компартии Сталиным и лидером партии фашистов Гитлером, согласно которому Советскому Союзу была выделена доля восточных территорий?!

И после этого вы, Николай Алексеевич, лицемерно утверждаете, что той осенью тридцать девятого Сталин «политически уже выиграл только что начавшуюся мировую войну», только не уточнив, какой постыдной ценой.

За несколько суток до перехода нашими войсками границы вы, Николай Алексеевич, по поручению Сталина выехали в район Минска с удостоверением представителя Генерального штаба Красной армии и с первыми же частями на броневике въехали в Брестскую крепость.

В ней оказались представители вермахта, которые должны были передать крепость советскому командованию.

Вы присутствовали при встрече комбрига Кривошеи-на с командиром танкового корпуса Гейнцем Гудерианом, который до уничтожения Сталиным видных полководцев и военных специалистов нашей армии практиковался у нас и после этого стал ведущим теоретиком и создателем германских бронетанковых сил.

Гудериан оценил и перенял у Тухачевского доктрину создания и массированного использования бронетанковых войск, которые только что блестяще испытал на практике, пробив оборонительные укрепления Польши и пройдя от её западной до восточной границы.

А в это время сменивший маршала Тухачевского генерал-выдвиженец Кулик из 1-й Конной армии продолжал уверять Сталина и своих бывших однополчан — Ворошилова и Будённого, говоря: «На кой хрен реактивные снаряды, в них наш боец не разбирается. Самое надёжное — полевые орудия на конной тяге да боеприпасов побольше».

Но как показала Вторая мировая война, снаряды немецких танков пробивали броню нашего нового БТ-7, а снаряды наших танков отскакивали от немецкой брони, как горох от стены.

И вообще после ареста Тухачевского, других маршалов, комдивов, комкоров военные деятели, сменившие блистательные

кадры в 1939-1940-х годах, будучи невежественными в вопросах военной науки, старались искоренить всё новое, разработанное и предложенное военспецами — «врагами народа», внедряя то, чем пользовались кавалерия и пехота ещё времён «Очакова и покоренья Крыма».

Вы сами, Николай Алексеевич, пишете о том, что был прекращён по настоянию маршала Кулика выпуск 76-миллиметровых орудий, которые оказались лучшими в мире в течение всего периода Великой Отечественной войны.

Зато был налажен выпуск 107-миллиметровой пушки, известной и оценённой Ворошиловым и Будённым в годы Гражданской войны.

Был подвергнут критике и ограничен в производстве пистолет-пулемёт Дегтярёва, который оказался незаменимым в ближнем бою в период Великой Отечественной.

Маршал Кулик добивался ещё снятия с вооружения противотанковых ружей.

Вам, Николай Алексеевич, с помощью генерала Власика с трудом удалось кое-что из нового вооружения армии отстоять и наладить его производство до начала Великой войны.

Но всего, что было произведено, оказалось крайне недостаточно.

Не всё было учтено и вами, советником вождя, в делах военных в масштабах государства, зная и видя, что враг подходит вплотную к нашим границам.

Вы извините меня за то, что, будучи человеком малосведущим в сложных вопросах военного искусства, быть может, неуклюже и где-то ошибочно отражаю собственное мнение, но я пользуюсь моральным правом, продиктованным совестью.

Мне кажется, Николай Алексеевич, вы, посланный страдающим шпиономанией Сталиным в Брестскую крепость на встречу сторон под видом представителя Генерального штаба, исполнили свою роль чисто механически, как информатор, не больше. Но вы-то являлись хоть и тайным, но главным лицом, разведывающим, дознающим, которому генсек поручал самые ответственные задания, донесениям которого верил, а советам следовал.

Мне думается, что вы, как человек, гражданин и патриот, исполняющий такую важную роль, не должны были ограничиваться рамками порученного.

Скажем, побывав в районе старой государственной границы, обозревая новую, любезно и небескорыстно дарованную Гитлером Сталину, вы обязаны были обратить внимание вождя на

состояние старых оборонительных сооружений и необходимость возведения новых, тем более после недавней войны с белофиннами.

Я имею в виду злополучную линию Маннергейма, которую с трудом прорвали ценой больших жертв наши войска.

Почему же вы не предложили Сталину немедленно приступить к возведению такой же оборонительной стены на новой границе? Разве территориальная отдалённость без преграждений обеспечивает надёжность границы?

А ведь время ещё было — целых полтора года. За это время можно не только протянуть широкие полосы минных полей и колючей проволоки, в которых захлебнулись бы хоть на какое-то время танки Гудериана, запуталась бы мотопехота врага, но и возвести железобетонные доты, дзоты, другие противотанковые преграды.

И далее, наверное, должны были обратить внимание и на связь, памятуя, что без устойчивой связи невозможно достичь оперативного руководства боевыми действиями всех родов войск.

Вы-то должны были знать, что с ростом военной техники возрастает манёвренность всех родов войск, а это, в свою очередь, требует усиления мобильности средств связи, позволяющей бесперебойно руководить при быстрых и длительных движениях с частыми переменами пунктов управления.

Быть может, это мелочи, не относящиеся к компетенции военного советника вождя, но считаю своим долгом заметить, что гитлеровское командование, в первую очередь, перед нападением на нашу страну обратило внимание на связь, по крайней мере в приграничных районах Белорусского военного округа.

С помощью заброшенных диверсантов в ночь перед нападением были оборваны все виды связи, и без того, можно сказать, никуда не годные.

Телефонная и телеграфная связь в приграничных районах была в неудовлетворительном состоянии — плохая трассировка линий, ветхие провода, подвешенные на деревянных стойках, установленных на крышах зданий. Телеграфная связь осуществлялась с помощью аппаратов «Юза» и «Морзе».

И ещё на что необходимо было обратить внимание, так это на магистральные линии связи, ведущие к нашим границам, которые шли через Варшаву на центр, находившийся в руках гитлеровских захватчиков.

Немцы же всё это учли и сразу после захвата Польши приступили к возведению мощных оборонительных преград и линий связи.

А что касается самого главного, прочно связавшего вашу судьбу с судьбой Сталина, того, что он раз и навсегда уверовал в глубину ваших военных познаний, в полезность ваших советов, проникся уважением не только к вашим способностям, — так он переоценивал их.

В одном прав — благодаря вам «на всю жизнь усвоил одно из правил военного искусства: как важно сосредоточить на решающем участке силы и средства, нанести по противнику неожиданный, массированный удар».

Конечно, это имеет значение при наступательных действиях, а при обороне?

Об этом вы, как военспец и советник, должны были подумать в конце тридцатых — начале сороковых годов, учтя после встречи в Бресте высокую манёвренность сил вермахта, и создать, как было сказано, мощную линию обороны вдоль всей границы. Ведь наши укрепрайоны ударные силы противника обошли, охватив их клещами осадных частей вторых эшелонов, так, кажется, было?

Ваша роль как советника главы государства, мне кажется, от начала и до конца была политической игрой, но вы же человек русский, и не сторонний наблюдатель, представляющий безграмотных рабочих и крестьян, как вы изволили выразиться.

И не просто русский, а дворянин, квалифицированный и грамотный офицер царской службы, который, пусть даже прекрасно устроившись при верховном правителе и пользуясь

всеми благами кремлёвского коммунистического рая, всё же не должен был забывать, что Советский Союз — ваша родина, а советский народ — родной народ, многострадальный, стонущий от гнёта тирании, чему вы сами были свидетелем.

И необходимо было эту землю и этот народ если не оградить полностью, то хотя бы посодействовать ограничению грядущих потрясений путём воздействия на того самодура, который всё же нет-нет да и прислушивался, следовал вашим советам.

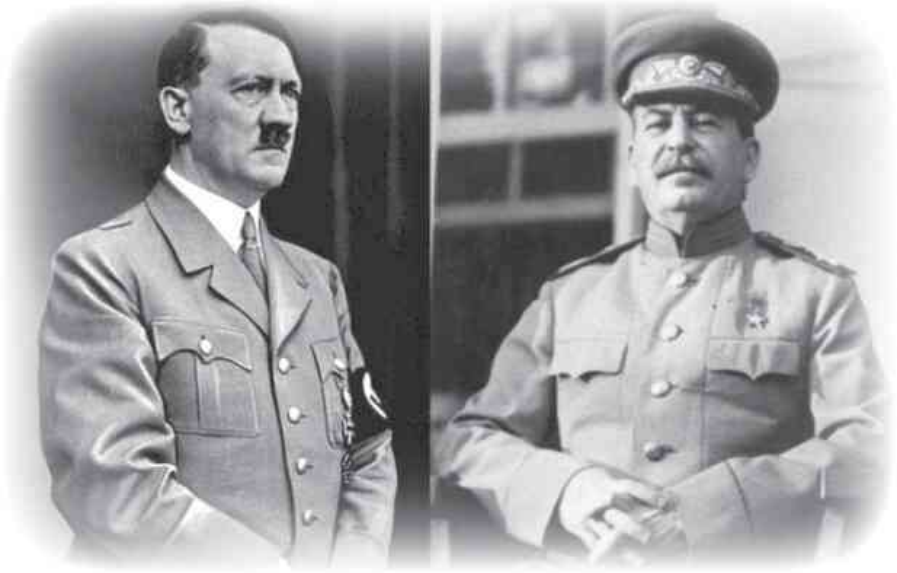
Сталин разглядывал своих жертв сквозь прищур глаз

Москва знала, что Германия готовится к войне, но не только потому, что СССР для Гитлера — главное препятствие на пути к мировому господству Если фюрер, скажем так, был профаном, то в правящих кругах Германии понимали, что мирового господства никто в мире ещё не достигал и никогда не достигнет. А вот германским монополистам прежде всего нужны были наши богатые недра, «чёрное золото» Кавказа, Персидского залива и Аравийского полуострова, не считая территорий вообще и людских ресурсов в частности.

Сталин, конечно, не мог смириться с потерей власти и приходом Гитлера — самого ярого противника коммунизма. Он боялся его как огня и судил о нём по себе.

Уж кто-кто, а вы, Николай Алексеевич, прекрасно знали, что задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз официальная разведка и главы посольств дружественных государств не раз предупреждали о нападении и даже называли сроки.

Зачем же пытаетесь свалить вину просчётов Сталина, так сказать, с больной головы на здоровую? Сталин, мол, ни при чём, а виноват Генеральный штаб — мозг армии. И опять лицемерие! Зная, что Советским Союзом правил только один мозг — мозг Сталина. Разве Генеральный штаб нашей армии заключал секретные договоры и тайные сделки с Гитлером?



Если говорить прямо, то любимый вами вождь в тот сложный период военно-политического кризиса больше верил Гитлеру, нежели данным разведки.

Не Гитлер ли обманул Сталина, уверив, что он перебрасывает немецкие дивизии с запада в Польшу, чтобы дезориентировать, сбить с толку англичан и американцев перед тем, как совершить бросок через Ла-Манш в Англию, фактически готовясь к нападению на нашу страну?

Командование вермахта во главе с рейхсканцлером, по опыту войны 1914 года, знало, что Россия не Чехословакия и не Польша — по ней парадным маршем не пройдёшь. И потому тщательно отрабатывало предстоящие военные операции и готовилось к молниеносной войне. Иначе бы он не стал заключать с нами мирные и торговые договоры и выкачивать из нашей страны самым подлым, грабительским путём всё необходимое для окончательного укрепления военной мощи вермахта и накопления промышленных и продовольственных ресурсов в расчёте не на один год.

В августе тридцать девятого, сразу после подписания Акта о ненападении между Советским Союзом и Германией, было заключено и торговое соглашение. И с первых дней принятия этого документа до первого дня нападения фашистов на нашу страну в Германию днём и ночью по сухопутным магистралям и водными путями летели эшелоны с зерном, живым скотом, рудой, нефтью, каменным углем. А взамен посылались «винтики-болтики» для ремонта нашего броненосца, который заржавел от долгого стояния на запасном пути.

А вы, Николай Алексеевич, уверяете, что «договор дал нам в ту пору определённые выгоды».

Позвольте спросить: какие?

Оттянул на год и десять месяцев время нападения на нашу страну? Ведь вы вместе с вождём и генералитетом нашей армии за этот период почти ничего не сделали для укрепления обороноспособности страны, мобилизации сил и ресурсов для защиты, уверив себя и народ в искренности и дружелюбии Гитлера.

В те далёкие годы моей молодости я особо не интересовалась политикой, да и теперь плохо в ней разбираюсь, но газеты читала, радио слушала и благодаря хорошей памяти запомнила славословия в адрес Гитлера как социалиста и автора уникального сочинения «Моя борьба».

Торжественные встречи министра иностранных дел фашистской Германии Риббентропа со Сталиным и Молотовым украшали страницы советских газет и журналов.

Видимо, ничего не стоило акулам гитлеровской дипломатии провести на мякине таких «воробышков», как Сталин и Молотов.

А ведь Молотов, в сравнении с остальными избранниками Сталина, членами правительства, был интеллигентом, имел среднее образование.

Но если гениальный вождь, живя более полувека среди русских, так и не научился толком говорить по-русски, то косноязычность Молотова потрясает!

А он ведь выступал в роли уполномоченного правительством во встречах и переговорах с представителями иностранных государств, к тому же не владея ни одним иностранным языком.

Маршал И.С. Конев вспоминает: «А когда на фронт (в октябре 1941-го) приехал с комиссией Молотов, который, вообще говоря, человек крайне неумный, и те, кто о нём жалеет, просто плохо знают его, — вот тогда при участии Молотова попытались свалить всю вину на военных, объявить их ответственными за создавшееся положение».

Вячеслав Михайлович Скрябин — политический преступник, в царское время сменил фамилию на Молотов.

Уроженец слободы Кукарка Вятской губернии, появился на свет в семье приказчика, окончил в Казани реальное училище. Шестилетний срок обучения в таких учебных заведениях вполне соответствовал нашему среднему образованию.

В юношеские годы увлёкся революционным движением, естественно, был преследуем режимом. Со временем стал профессиональным революционером-марксистом.

В 1906-м там же, в Казани, вступил в большевистскую партию.

В 1909-м за революционную деятельность арестован и сослан в Вологодскую губернию.

Спустя два года переехал в Петроград и стал трудиться в редакции большевистской газеты «Звезда», затем в «Правде», вёл переписку с Лениным.

В начале Первой мировой войны был направлен в Москву, где занялся воссозданием разогнанной властями партийной организации города.

Вновь арестован и сослан в Иркутскую губернию.

Во время Февральской революции Молотов возглавил бюро ЦК, после Октябрьского переворота стал членом исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, ну и, конечно же, учеником Ленина, соратником Сталина.

И так — до ведущего деятеля Советского государства.

Об интеллекте всякого человека прежде всего мы судим по речи, которая отражает мышление.

Интеллект и культура не определяется высокопарностью, насыщенностью речи неологизмами и иностранными словечками, засоряющими русский язык «консенсусами», «кононсенсами» и дурацкой вязью болтовни типа — «паралогизм бартерных ассоциаций и апокалиптическая стагфляция»… и т. д. Не обязателен «высокий» или «посредственный» литературный язык.

Человек, в том числе и дипломат, должен говорить просто, доходчиво, не засоряя речь жаргоном и шелухой искусственных и условных выражений.

Так что, Николай Алексеевич, дипломат должен пользоваться языком не только для сокрытия своих мыслей.

Не знаю, как вас, привыкшего к базарно-тюремному жаргону вождя, но лично меня в буквальном смысле коробило от речей Молотова, произносимых не по писанным помощниками текстам, а в разговоре.

Писатель Феликс Чуев, бравший интервью у Вячеслава Михайловича, речь дипломата сталинской эпохи отразил в одной из своих журнальных статей. Разговор между писателем и Молотовым шёл о встречах Вячеслава Михайловича с Гитлером и Риббентропом во время его поездки в Германию в 1939 году.

О Гитлере Молотов говорит так: «Он был очень умён, но ограничен и туп в силу самовлюблённости и нелепости своей изначальной идеи. Однако со мной он не психовал». «После

беседы обедали, он говорит (разумеется, Гитлер): «Идёт война, я сейчас кофе не пью потому, что мой народ не пьёт кофе. Мясо не ем, только вегетарианскую пищу, не курю, не пью, со мной кролик сидит, идеальный мужчина — травкой питается». Я, разумеется, ни от чего не отказывался. Гитлеровское начальство тоже ело и пило. Надо сказать, они не производили впечатления сумасшедших».

И продолжает далее: «Когда пили кофе, шёл салонный разговор, как и полагается дипломатам. Риббентроп, бывший виноторговец, говорил о марках вин, расспрашивал о «Массандре». Гитлер играл и пытался произвести впечатление на меня».

На замечание Чуева: «Но Рузвельт более мягко вас принимал?» — Молотов отвечает: «Да, более ловкий товарищ. Выпивал с нами, конечно. Он очень шампанское любил. Сталин кормил его правильно».

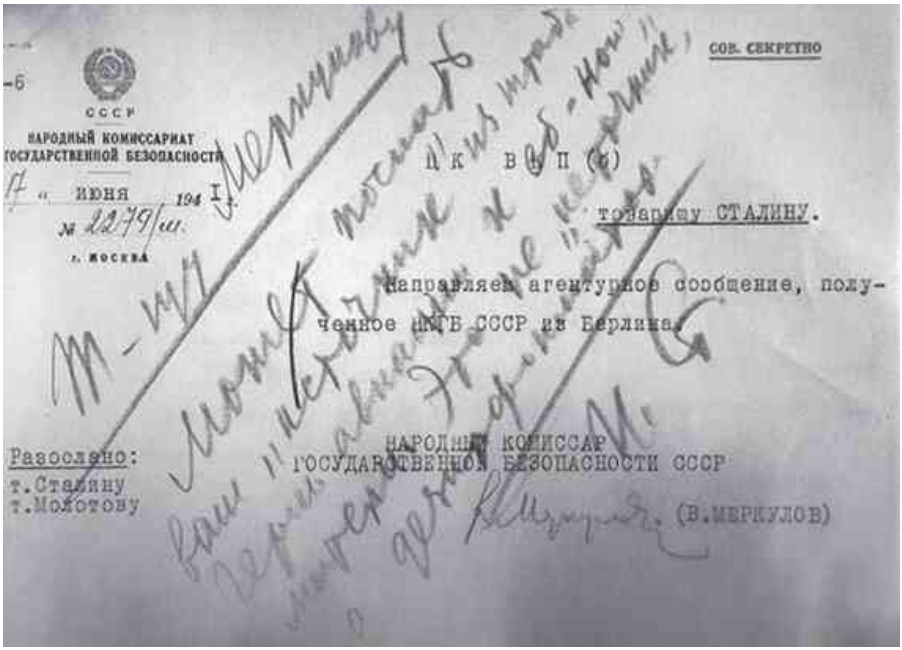
Что можно сказать о таком дипломате, судя по его речи? Видно, не зря государи многих стран, готовя престолонаследников, наряду со многими науками управления народом обучали их иностранным языкам и обязательно риторике.

Кроме того, будущих глав государств и вождей обучали умению коротко излагать свои мысли, спокойно, не проявляя темперамента. На этот счёт даже в одной из сур Корана сказано: «Нет ничего отвратительнее крика осла».

Но это не главное. Главная беда в том, что в этой азартной политической игре обер-шулер Германии перехитрил нашего вождя.

По своей психологии, морально-этическим качествам в общем-то они оба стоили друг друга. Разница лишь в том, что Гитлер, в отличие от Сталина, был решительнее, наглее, более дерзок. Совершая преступления, не прятался за спины соучастников, вербовал людей грамотных, способных и не пренебрегал их советами.

Не веривший никому, пренебрегавший мнениями раболепствующих перед ним членов политбюро, Сталин вдруг уверовал в искренность Гитлера, в его силу, по принципу «молодец среди овец, а возле молодца сам овца».



СОВ. СЕКРЕТНО

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«4» июня 1941 г.
№ 1279/мг.
г. МОСКВА

ЦК ВКП(б)

товарищу СТАЛИНУ.

Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

(В.МЕРКУЛОВ)

Разослано:
т.Сталину
т.Молотову

Иосиф был польщён, когда 21 декабря 1939 года, в день своего шестидесятилетия, получил телеграмму от бесноватого фюрера, которую расценил как выражение искренней дружбы.

Гитлер телеграфировал: «Господину Иосифу Сталину. Ко дню Вашего шестидесятилетия прошу Вас принять мои самые сердечные поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания. Желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза. А. Гитлер».

Воистину, нет предела коварству и подлости! Когда осенью сорокового года Молотова пригласили в Германию, фюрер вновь затеял шулерскую игру с «Иваном». Предложил министру иностранных дел Советского Союза войти в состав оси Берлин-Рим-Токио с тем, чтобы советский народ принял участие в планируемом разгроме Великобритании, после чего приступили бы к дележу колониальных богатств Англии. При этом России предлагалась Индия.

Конечно же, это был очередной ход конём.

Попытка Молотова уйти от этого разговора была понятна. Собственно, Гитлер и не рассчитывал на открытый союз с Россией. Ему нужно было лишний раз убедить Сталина в том, что главная цель вермахта — разгром Англии, и таким образом окончательно усыпить бдительность самовластного генсека.

Что ж, желаемое было достигнуто.

Сырьё, необходимое для военной промышленности,

продовольствие для запасов армейских складов непрерывно перекачивалось из нашей страны в Германию. В то же время незаметно, постепенно к нашим границам перебрасывали десятки мотомеханизированных дивизий с самоходной артиллерией и миномётами, сотни танковых частей и военно-воздушные силы.

Информация о готовящемся нападении немцев на Советский Союз продолжала поступать из разных стран, в том числе и из авторитетных кругов самой Германии. В некоторых донесениях указывался день и даже час нападения. Но гениальный прорицатель самодовольно ухмылялся, потягивая трубку.

Он не только не реагировал сам на донесения о фактах нарушений границ и воздушных пространств со стороны немцев, но и строго приказывал командованию войск приграничных районов не идти на провокацию.

Только 21 июня 1941 года командованию Генштаба удалось расшевелить генсека.

В семь часов вечера Сталин собрал на совещание узкий круг членов политбюро, руководство Наркомата обороны и генералитета.

Ближе к полуночи, то есть за пять часов до нападения фашистов на нашу страну, была принята директива № 1-«О приведении Вооружённых Сил Советского Союза к полной боевой готовности». Причём с незаметным скрытым занятием рубежей.

В постановлении политбюро под грифом «строго секретно» обозначались организуемые фронты, численность армий, места их дислокаций, расположение штабов, военных советов и назначаемые командующие. После этого первого военно-оперативного совещания последовал ужин с обильным возлиянием спиртного, как было заведено у генсека.

Ближе к четырём часам утра Сталин отправился ко сну в своём дачном кабинете. Не успел задремать, как услышал лёгкий стук в дверь.

Вздрогнув, поднялся с дивана и с чувством тревоги и раздражения подошёл к двери. Обычно его не только в такое время, но и до полудня никто не смел поднимать.

На его вопрос: «Кто?» — отозвался начальник личной охраны.

Сталин отомкнул и, распахнув дверь, стал у порога.

— Извините, товарищ Сталин, генерал армии Жуков просит вас к телефону по неотложному делу.

Генсек поднял трубку и произнёс:

— Слушаю.

— Докладывает начальник Генштаба Жуков. Началась война. В 3 часа 30 минут немецкие военно-воздушные силы нарушили наше воздушное пространство и стали бомбить Киев, Минск,

Севастополь, Вильнюс и другие города.

Жуков умолк.

Сталин тоже молчал, оглушённый услышанным. В трубке слышалось его прерывистое дыхание.

— Вы меня слышите, товарищ Сталин? — заволновался Жуков.

Конечно же, генсек слышал, но, растерянный и скованный чувством охватившего его животного страха, не знал, что ответить, и бросил трубку на рычаг аппарата.

В воспоминаниях Н.С. Хрущёва панический страх, охвативший Сталина, описан следующим образом: «Вернувшись в Кремль, где в его рабочем кабинете толпились ближайшие соратники, Сталин в состоянии крайнего возбуждения и злобы, с удивительной способностью сваливать собственную вину на других, с бранью накинулся на членов политбюро: «Бросили завоевания Октября! Теперь расхлёбывайте сами. Я отказываюсь от правления!» и т. д. и т. п. Выпалив таким образом весь заряд неуёмного гнева, он выбежал из кабинета, сел в машину, уехал и заперся на Ближней даче. В течение нескольких дней Берия, Молотов, Ворошилов успокаивали его, убеждали в том, что ещё не всё потеряно, что он должен вернуться к деятельности, что только он, любимый народом вождь, способен, как никто другой, воздействовать на народ, поддержать его моральный дух, поднять

на защиту Отечества. Они уверяли, что его ждут люди, что он должен выступить с призывной речью и взять командование на себя. Вождь поверил в себя и снова воспрянул духом. Переложив секиру в усохшую кисть левой руки, в правую взял жезл».

О предвоенном периоде, начале и ходе Великой Отечественной войны написано участниками, очевидцами, командующими много замечательных произведений — писателями Иваном Стаднюком, Константином Симоновым, Виктором Некрасовым, Виктором Астафьевым, Владимиром Карповым, маршалами Георгием Жуковым, Иваном Коневым, Семёном Тимошенко, адмиралом Николаем Кузнецовым.

Хотя и раздавались голоса, мол, хватит о войне, тема этой тяжелейшей из войн в условиях сложнейшего из веков никогда не будет исчерпана и предана забвению, особенно теми, кто

участвовал и кто не участвовал, но болел войной в тылах, делая всё возможное, а порой и казавшееся невозможным.

Маршал Иван Конев, отвечая на вопросы Константина Симонова о начальном периоде войны, сказал:

«Не подлежит сомнению, что если бы тридцать седьмого — тридцать восьмого годов не было, и не только в армии, но и в партии, стране, то мы к сорок первому году несравненно были бы сильней, чем мы были. В том числе и в военном отношении. Во-первых, были бы сильнее, потому что у нас было бы ещё несколько сот тысяч передовых, преданных коммунизму людей, которых ни за что ни про что погубили в те годы. Эти люди находились бы на командных постах в стране и армии, на разных командных постах — от самых высоких до самых маленьких. И вот все они без всяких оснований были уничтожены. И мы начали, если говорить о руководящих кадрах во всех сферах, войну с тридцатью или сорока процентами тех кадров, которые могли бы иметь, не будь тридцать седьмого — тридцать восьмого годов. Тут не надо персонифицировать: такой-то воевал бы так-то, такой-то — так-то. Не в этом дело. Дело в том, что воевали бы и все они, те, которые выбыли. И не только воевали — в армии и партизанских отрядах, но и хозяйствовали, работали в тылу, вообще занимались бы важным делом вместо того, чтобы пилить дрова, рубить лес, если только не были поставлены к стенке.

И, наконец, атмосфера. Представим себе войну сорок первого года с иной атмосферой, с тем, что не было тридцать седьмого — тридцать восьмого годов, не было запуганности, не было недоверия, не было шпиономании. Если бы всего этого не было, очевидно, страна ни в коем случае не оказалась бы такой неготовой к войне, какой она оказалась. Это исключено. Только обстановкой чудовищного террора и его отрыжкой, растянувшейся на ряд лет, можно объяснить нелепые предвоенные распоряжения…»

«Вместо того чтобы в преддверии войны собрать армию в кулак, — продолжает вспоминать Иван Степанович, — и думать о действительной опасности, об опасности, надвигавшейся на границах, о приведении войск к предельно боевой готовности, думали о том, кто ещё может оказаться изменником, кто ещё может оказаться на подозрении, кого ещё надо изъять до того, как немцы нападут на нас, если нападут. Вот о чём заботился в это время Сталин».

В то же время существует факт непреложный, что те люди, которые остались, выросли в ходе войны и оказались у руководства армией, именно они и выиграли войну, находясь на тех постах, которые они постепенно заняли.

Вы, Николай Алексеевич, как главное действующее лицо романа, почему-то скомкали этот раздел — важный в жизни и деятельности вождя.

А ведь как военспец и советник могли бы сказать потомкам многое из того, что было сделано Сталиным в этот период, что не дойдёт до последующих поколений.

Хотя бы потому, что большинство документов, отражающих нелепые приказы и действия Верховного, под всякими грифами были тщательно отобраны и уничтожены ещё при его жизни.

Скажите, Николай Алексеевич, вы лично были уверены в виновности славного сына России, участника боёв в Испании,

Героя Советского Союза, талантливого и опытного командарма 2-го ранга, командующего Западным Особым военным округом (Белорусским) Д.Г. Павлова?

Разве не знали вы о том, что в первых числах июля сорок первого года, то есть через десять дней после начала войны, заместитель председателя Совнаркома небезызвестный наушник вождя Лев Мехлис, прибыв в штаб Западного фронта, объявил командующему, что по решению ЦК и приказу Сталина он арестован за измену Родине и предательство.

Павлов был увезён в Москву а через две недели во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке расстрелян одним из палачей Берии.

Одновременно с командующим Западным фронтом были схвачены его командиры: начальник штаба В.Е. Климовских, начальник связи А.А. Григорьев, командующий артиллерией фронта Н.А. Клич, командующий 4-й армией А.А. Коробов. И тоже, будучи ни в чём не повинны, приговорены к высшей мере — расстрелу. А всё из-за ошибок и проявления упрямства вождя.

Сталин задумался. Но лишь тогда, когда до его сознания дошло, что путём расстрелов командующих и поднятия морального духа солдат, имевших одну винтовку на двоих, кидавшихся под танки со связками гранат или с фляжками и бутылками, наполненными бензином, поджигая себя вместе с танками, врага не остановишь.

Вспомнил о многих из тех сотен тысяч обвинённых в измене Родине в предвоенные годы, в том числе и отличившихся в боях в Испании, русских героях, большинство из которых по возвращении на родину были заподозрены в шпионаже в пользу буржуазных стран.

Их обвинили в измене родине, кого-то расстреляли, кого-то сослали в концлагеря, уже советские.

И тогда уцелевшие от пуль и голодной смерти бывшие командиры Красной армии — Рокоссовский, Батов, Горбатов и другие — согласно приказу Сталина были освобождены.

Измождённых от непосильного физического труда, голода и холода, едва державшихся на ногах от истощения, их сначала подкормили, а затем, вернув чины и сорванные боевые награды, представили пред светлые очи вождя.

А он, разглядывая своих жертв сквозь прищур рысиных глаз, с улыбкой лицемера изрёк: «Вот видишь, дорогой товарищ, справедливость восторжествовала. Теперь надо думать и всё делать для спасения Родины», — подразумевая под этим спасение себя и своей неограниченной имперской власти.

И люди эти пошли и повели в бой полки, дивизии, армии. И

не ради любви и беззаветной преданности вождю, а ради спасения Родины и народа от грядущей тирании гитлеризма.

Теперь давайте, Николай Алексеевич, поговорим о том, о чём вы недоговорили, завершая свою исповедь. О бытие и деяниях вождя в годы Великой Отечественной войны.

Да, Гитлеру не следовало ввязываться в войну с Советским Союзом, не закончив сражение с Англией. Это была его первая стратегическая ошибка.

Вторая — что оттянул время нападения на нашу страну. Если Гитлер начал бы войну с Россией не в конце июня, а в начале апреля, битву за Москву вооружённые силы Германии могли завершить где-то в сентябре, до наступления непривычных для немцев российских холодов. Но, видимо, на то была воля Божья.

Итак, воскресный день 22 июня 1941 года, 3 часа 30 минут ночи… Согласно приказу рейхсфюрера фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Напала по-воровски, разбойнически: с воздуха, с моря, с суши, с приграничной линии в три тысячи километров.

Напала на укреплённые районы границы, военные городки, погружённые в безмятежный, крепкий предутренний сон, на аэродромы с запертыми ангарами, где стояли самолёты с пустыми бензобаками, на другие военные объекты, сконцентрированные в приграничных районах.

Сто шестьдесят укомплектованных танковых и

мотомеханизированных дивизий с эшелонизированными, погружёнными на колёса тылами, которые сокрушительной лавиной железа и огня стремительно обрушивались на наши разрозненные, растерянные, неуправляемые, застигнутые врасплох войсковые части.

Командование вооружённых сил Германии учло то, что было недооценено вами как военным советником вождя и бывшими командирами партизанских отрядов времён Гражданской войны, составившими генералитет Рабоче-крестьянской Красной армии в предвоенные годы.

Ещё с вечера 21 июня, за несколько часов до начала агрессии, во все приграничные районы немцами были заброшены специальные группы связистов на мотоциклах, одетых в форменные одежды советских пограничников, работников НКВД и милиции, снабжённых соответствующими удостоверениями личности, владеющих русским языком.

Эти диверсионные группы, разъезжая на мотоциклах вдоль линий связи, обрывали провода, идущие от места расположения военных объектов, штабов различных родов войск к штабам командования военных округов.

С наглостью налётчиков они врывались на узлы связи приграничных городов и посёлков, чтобы убедиться в обрыве телеграфной и телефонной связи.

Таким образом, командование фронта оказалось в неведении творящегося в приграничных районах. Оно было лишено возможности оперативного руководства оборонительными действиями подчинённых войск.

Скажите, Николай Алексеевич, кто же был, в конце концов, виноват в сложившейся обстановке — генералитет, слепо выполнявший нелепые приказы вождя до последнего мирного дня, или командующие военными округами, которых вынудили исполнять распоряжения центра с уверениями «не поддаваться провокационным слухам»? «Сохраняйте мирную обстановку. Войны не будет».

Вот так были застигнуты врасплох вооружённые силы нашей страны, за исключением командования Военно-морской флотилии во главе с адмиралом Николаем Герасимовичем Кузнецовым.

События же на наших фронтах развёртывались с катастрофической быстротой.

На второй день войны был взят Брест.

Что мы могли в первый и второй день противопоставить девятистам пикирующим бомбардировщикам и двумстам истребителям, которые открывали путь колоннам бесчисленных

танков и следовавшей за ними мотопехоте врага?

Тем не менее храбрости красноармейцев, их упорному сопротивлению с яростным шествием навстречу неминуемой смерти отдавали должное даже наши противники.

Но успех сопутствовал захватчикам.

На четвёртый день боёв в руках немцев оказались Ровно, Вильно, Слоним и Брест-Литовск.

На пятый день пал Минск.

Враг продолжал успешно продвигаться в глубь нашей страны. 5 июля в районе Рогачёва немцы форсировали Днепр.

«Насколько я помню, Сталин был очень потрясён случившимся — началом войны, — продолжает вспоминать маршал Конев. — Он категорически не допускал этой

возможности. Размеры потрясения были связаны и с масштабом ответственности, а также с тем, что Сталину, привыкшему к полному повиновению, к абсолютной власти, к отсутствию сопротивления своей воле, вдруг пришлось в первые же дни войны столкнуться с силой, которая в тот момент оказалась сильнее его. Ему была противопоставлена сила, с которой он в тот момент не мог совладать. Это было потрясение огромное, насколько я знаю, он несколько дней находился в состоянии близком к прострации.

Думаю, что с этим связано и то, что не он, а Молотов выступил по радио и говорил о начале войны, хотя естественно было ждать только выступления именно Сталина. И только 3 июля Сталин заговорил, и заговорил так, как он никогда не говорил до тех пор, заговорил словами: «Братья и сёстры…» В этой речи я лично чувствовал присутствие глубокого человеческого потрясения человека, произносившего её».

Фашисты не отказывались и от идеологической борьбы. Их листовки с осуждением сталинского режима, обещаниями гитлеровского рая и призывами к капитуляции привлекали некоторых деморализованных, измученных в безуспешных сражениях, не видящих просвета солдат, в особенности из числа тех, кто испытал на себе или на родных и близких удары репрессивного «маховика».

Но это «маховое колесо» не ослабило своего движения в годы военных испытаний. В ответ на применение врагом идеологического оружия последовал грозный приказ Верховного, предусматривающий смертную казнь за чтение и хранение вражеских листовок.

Как вам известно, Николай Алексеевич, к началу октября 1941-го сложнейшая обстановка складывалась под Москвой. Танковые части Гейнца Гудериана ворвались в Юхнов — это по шоссе двести километров от Москвы.

Столица оказалась под угрозой.

Ежедневные бомбёжки и разные слухи порождали в людях панику, усиливающуюся при виде спешной эвакуации семей правительства, работников НКВД, другой руководящей элиты.

В то же время простых смертных гоняли на подмосковный трудовой фронт рыть траншеи и окопы.

Правительство издало новый указ, предусматривающий расстрел по отношению к лицам, сеющим панику.

Однако паническое настроение охватывало и самого вождя. Он был готов бежать.

В Рогожско-Симоновском тупике Горьковской железной дороги Лазарь Каганович, народный комиссар путей сообщения,

позаботился о спецпоезде Верховного главнокомандующего. Сталин несколько раз наведывался в Рогожский тупик, прохаживался в раздумье по вагонам и снова возвращался в свой бункер, не решаясь покинуть столицу, боясь, что без него сдадут Москву немцам.

Мрачные мысли рождались в голове вождя в те суровые дни. Подавленным было настроение и у его приближённых, которые тоже решались вместе с ним идти на крайности.

Так, например, Молотов пригласил к Сталину посла Болгарии Стотенова. Генсек попросил его найти способ связаться с правительством Германии и сообщить о том, что министр иностранных дел Советского Союза выражает согласие на новый Брест во имя мира. При этом советская сторона готова отдать Германии Прибалтику, половину Белоруссии и половину Украины.

Стотенов отказался, добавив: «Не путайте меня в это дело».

Когда с болгарским послом ничего не вышло, Сталин в доверительном разговоре с Берией сказал ему: «Лаврентий, попытайся по своим каналам прозондировать почву для заключения нового Брестского мира с Германией».

Как вы считаете, Николай Алексеевич, здравомыслящий человек решится на такой шаг, зная, что противник не простой захватчик, а в первую очередь антикоммунист, один из главных лютых врагов советского строя?

Тем более что вооружённые силы Германии уже стучались в ворота Москвы, захватив часть страны, но, видимо, разменявший седьмой десяток своих лет вождь считал, что для сохранения власти, как и для достижения цели, с точки зрения макиавеллизма все средства хороши.

Сложная обстановка в то время складывалась не только под Москвой, но и под Ленинградом, оказавшимся в кольце блокады. Финляндия, объявившая войну Советскому Союзу, не проявляла активных действий, не поддерживала заметно даже действовавшую рядом дивизию СС.

Командование немецких войск, удерживающее Ленинградское направление и недовольное главнокомандующим финской армией — маршалом Карлом Густавом Маннергеймом, иронично замечало, что, к сожалению, Маннергейм не дорос до уровня простого русского командира.

Но кто мог знать, о чём думал бывший офицер царской службы, одарённый стратег, возведший известную линию Маннергейма, — о судьбе России или Германии.

Отношение Сталина к Жукову — герою схваток у озера Хасан и на Халхин-Голе, возглавлявшему Генштаб, было сухо-

официальным. Этот волевой, бескомпромиссный командарм был единственным в своем роде, кто мог говорить с ним на равных, а если нужно, то и возразить. Конечно, если бы не война, Сталин постарался бы держать Жукова подальше от себя.

Уже в конце июля сорок первого года начальник Генерального штаба, озабоченный критической обстановкой, сложившейся на Центральном фронте, разработал план мероприятий с целью укрепления Центрального фронта и решил

ознакомить с ним Верховного.

Позвонив Сталину, сказал, что просит принять по срочному делу.

Сталин назначил час.

Жуков явился. В приёмной Поскрёбышев сухо сказал: «Садись.

Приказано подождать Мехлиса».

Мехлис, кивнув Жукову на ходу, вошёл в кабинет Сталина без доклада. Через несколько минут пригласили Георгия Константиновича. Сталин, указав на стул, сказал:

— Ну, докладывай, что там у тебя.

Жуков начал излагать свои доводы, характеризуя положение наших войск на Центральном фронте и противника, успешно развивающего наступление.

И тут спесивый Мехлис, призванный решать судьбу страны, перебивая говорящего командарма, сквозь зубы заскрежетал:

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска?

Жуков, не обращая внимания, продолжал убеждать Верховного в необходимости срочного укрепления Центрального фронта за счёт передачи ему трёх армий, сняв по одной с Юго-Западного, Западного фронтов и резерва Ставки.

Сталин недовольным тоном спрашивает:

— Вы что же, считаете возможным ослабить направление на Москву?

— Нет, не считаю. Дней через двенадцать мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую.

И тут вновь возник Мехлис:

— А Дальний Восток отдать японцам. Так, что ли?

Вот так могли обращаться с начальником Генерального штаба партийные лидеры.

А вот когда сложилось критическое положение на Ленинградском фронте, где сам нарком обороны Ворошилов с командармом Куликом чуть было не сдали город на Неве фашистам, Сталин не нашёл никого, кроме Жукова, чтобы послать на выручку командованию фронта.

Жуков сумел выправить положение, немцы ослабили натиск, но противник продолжал вести огонь по Северной столице из дальнобойных орудий и бомбить с воздуха.

Наша авиационная разведка засекла передвижение танковых и мотомеханизированных колонн фашистов из-под Ленинграда на юг. Видимо, гитлеровское командование перебрасывало их на главное Московское направление.

Верховный главнокомандующий метался, не зная, что предпринять — бежать из столицы или остаться до конца и уйти последним, как положено капитану тонущего корабля. Но, как говорится, утопающий хватается за соломинку. И эту соломинку, превратившуюся в спасительное бревно, он увидел в Жукове.

5 октября из Ставки позвонили в штаб Ленинградского фронта по прямому проводу и попросили к телефону Жукова, который услышал знакомый акцент Сталина:

— Жюков, здравия желаю! У меня к тебе один вопрос: не можешь ли сесть на самолёт и прилететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова. Ставка хотела бы с тобой посоветоваться о принятии необходимых мер.

Жукова на аэродроме встречал начальник личной охраны Сталина. Он и сообщил, что товарищ Сталин слёг, примет его на квартире.

Когда Жуков вошёл в домашний кабинет вождя, Сталин приветствовал гостя кивком. Указав на карту, висящую на стене, вдруг заволновался:

— Посмотри, какая тяжёлая сложилась обстановка. Я не могу добиться от Западного фронта исчерпывающего доклада об истинном положении дел. Не зная, где и в какой группировке наступает противник, в каком состоянии находятся наши войска, не можем принять нужного решения. Отправляйтесь в штаб Западного фронта, разберитесь в положении дел и доложите мне. Я буду ждать звонка в любое время.

Итак, Николай Алексеевич, обстановка в Ставке сложилась аналогичная той, которая с первых часов внезапного нападения гитлеровских сил на нашу страну была в штабе командующего войсками Белорусского фронта — командарма Павлова, когда он так же, как Верховный, отрезанный от своих войсковых частей из-за отсутствия связи, не мог управлять их действиями.

Но ведь обстановку того грозного часа нельзя сравнивать с подмосковной, тем более когда прошло более двух месяцев с начала войны, а время позволяло предпринять необходимые меры для поддержания непрерывной связи со штабами фронтов и армий.

А вот оказавшись в положении Павлова, Сталин не задумался, не испытал угрызения совести за тех, ни за что расстрелянных в первые дни войны генералов и офицеров? Для того чтобы совеститься, надо иметь совесть, а для раскаяния — душу.

Прибыв в штаб Западного фронта, Жуков выявил, что к началу наступления противника в направлении Москвы врагам

прегражда́ли путь три наших фронта: Западный, которым командовал генерал-полковник И.С. Конев, Резервный — во главе с маршалом С.М. Будённым и Брянский — командующий генерал-лейтенант А.И. Ерёменко.

Немецко-фашистские силы превосходили в численности и оснащении техникой в несколько раз.

Наступление германских войск на Москву началось в последний день сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта. 2 октября противник нанёс мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Оборона наших войск в нескольких местах была прорвана. Немцы стремительно продвинулись вперед, охватив с юга и севера части войск обоих фронтов.

Не встречая серьёзного сопротивления, танки Гудериана двинулись к Орлу, на подступах к которому у нас не оказалось сил для отражения удара.

3 октября немцы взяли Орёл. Расчленённые войска Брянского фронта с большими потерями отходили на восток. Угроза нависла над Тулой. Некоторые части Западного и Резервного фонтов попали в окружение.

Жуков позвонил Верховному:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно и направлять на Можайскую линию обороны.

Доложив Сталину об обстановке, Жуков выехал в сторону Малоярославца — на поиски штаба армии Будённого.

В покинутом жителями городе, у одного из уцелевших зданий увидел машины. От заспанного шофёра узнал, что это бывший райисполком и что Будённый там. Войдя в одну из комнат, Жуков увидел склонившегося над картой Семёна Михайловича. От него узнал, что Юхнов уже в руках немцев.

Объезжая наши позиции, встречаясь с командирами частей, Жуков принимал разные решения и меры для отражения натиска вражеских сил.

Ожесточённые пятидневные бои за Малоярославец позволили нашим войскам выиграть время, собраться с силами и организовать мощную оборону на подступах к Москве.

В районе Калуги, куда выехал Жуков, его разыскал офицер связи и вручил телефонограмму Генштаба, в которой Верховный приказывал ему прибыть 10 октября в штаб Западного фронта.

В штабе Жукову сразу передали трубку телефона, звонил Сталин.

— Ставка назначает вас командующим Западным фронтом. Конев останется вашим заместителем. Не возражаете?

— Не возражаю, — ответил Жуков, — но мне думается, что Коневу следует поручить руководство группой войск на Калининском направлении. Оно слишком удалено, и там нужно иметь вспомогательное управление фронта.

— Не возражаю, — сказал Сталин и добавил: — В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта и части, находящиеся на Можайской линии. Скорее берите всё в свои руки и действуйте!

Переброска войск из резерва Ставки и с соседних фронтов на Можайскую оборонительную линию по приказу Жукова была начата 7 октября. Одиннадцать стрелковых дивизий, шестнадцать танковых бригад, более сорока артиллерийских полков и ряд других частей составили оборону на этом участке. Помимо того, на главных направлениях, ведущих к Москве, была усилена оборона.

С 13 октября начались ожесточённые бои на всех линиях. В самой Москве было введено осадное положение. Воздушные налёты на Москву и бомбёжка с каждым днём усиливались.

Против вражеской авиации в воздушные бои вступали крупные соединения наших истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, которые находились в личном подчинении Верховного.

В самой Москве из жителей были сформированы двенадцать дивизий народного ополчения, среди которых — разведчики, лыжники, позже действовавшие в партизанских отрядах.

Казалось бы, Верховному радоваться надо достижениям и успехам Жукова и таких, как он, полководцев. Почивать бы в бункере на лаврах чужих побед, так нет, оклемался, рукава засучил, тон изменил и начал диктовать. Обращаясь, например, к Жукову, спрашивает:

— Как ведёт себя противник?

Жуков объясняет. Сталин:

— А где вы ожидаете главный удар?

— В районе Волоколамска.

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить по столице.

Жуков спрашивает:

— Какими же силами нанесём контрудары? Западный фронт

свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

Сталин:

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и корпус Доватора. В районе Серпухова — кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

Жуков:

— Этого делать нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдёт в наступление своими ударными группировками.

Сталин:

— Ваш фронт имеет шесть армий, разве этого мало?

Жуков:

— Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась, с изгибами она достигла в настоящее время более шестисот километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

Сталин:

— Вопрос о контрударах считайте решённым. План сообщите сегодня вечером. — Верховный в раздражении бросил трубку.

Через четверть часа к Жукову зашёл взволнованный член Военного совета Западного фронта Н.А. Булганин и с порога начал:

— Ну и была мне сейчас головомойка!

— Какая? — спросил Жуков.

— Сталин сказал: «Вы там с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдём!» Он приказал мне, чтобы я сейчас же шёл к тебе и вдвоём организовали контрудары. Причём немедленно!

Вот так, уважаемый Николай Алексеевич, хорошо, если вождь обоим красным генералам надерёт уши, как мальчишкам, а если войдёт в раж!

Но дело в том, что эти контрудары, где главным образом против танков действовала конница, не дали положительных результатов, которых ждал Сталин. Однако шума было много, как всегда после самых нелепых, но «гениальных» указаний и решений вождя.

Заветная мечта бесноватого фюрера, не жалевшего сил, торопившего свои войска скорее взять Москву, не сбылась. Парад на Красной площади в сорок первом состоялся, хотя и не в честь победы настоящей, а в честь грядущих побед наших вооружённых сил и народа.

Прямо с Красной площади уходили на битву вооружённые регулярные части и добровольцы Москвы. Гудериан и другие генералы и маршалы вермахта, командовавшие боевыми силами Германии под Москвой, причиной поражения считали вместе с ошибками Гитлера суровые российские морозы. Вот только недоучли выносливость и железную волю русских и нерусских солдат, и прежде не раз прославлявших своё Отечество блестящими победами.

Солдаты — сыны простого народа, кто может по достоинству оценить ваши подвиги? И сколько вас, безымянных героев, полегло по вине безумцев, со страстью шулеров карточной игры ставивших на кон ваши юные, непорочные жизни?

Часто задумываясь о судьбах солдат, я невольно вспоминаю и о сынах малых северных народов, вложивших большой вклад в дело победы, но почему-то недооценённых нашими военными историками. Быть может, потому, что они, скромные, исполнительные, безответные, растворялись в общей массе и безропотно принимали смерть.

И не только я. Помню, как уже после войны муж моей приятельницы, подполковник, прошедший фронт, рассказывал о том, как в сорок первом году по приказу Наркомата обороны он, тогда ещё старший лейтенант, вместе с работником военкомата отправился в Тюмень.

Надо было организовать мобилизацию молодёжи в Западной Сибири.

Из Тюмени выехали в Ханты-Мансийский национальный

округ, населённый в основном народом, ранее называемым остяками, хотя жили здесь и русские и представители других национальностей Севера.

Посёлки рыбаков и охотников большей частью тянулись по берегам Иртыша и Оби. Объединённые в рыболовецкие коллективные хозяйства, люди занимались рыболовством, а по осени мужчины уходили в тайгу, охотились на пушного зверя.

Были здесь и хозяйства оленеводов-кочевников, ведущих полуоседлый образ жизни, и лесхозы, занимавшиеся заготовкой древесины.

Народ в целом трудолюбивый, честный, доверчивый, доброжелательный — настоящие дети природы, которых тогда ещё не коснулся порок цивилизации.

В Ханты-Мансийске предупредили, что местное население сохраняет обычаи и нравы предков, держится патриархальных устоев. Все вопросы местные власти решают не изданием приказов и распоряжений, а с помощью старейшин. Они, в свою очередь, созывают соплеменников на сход и принародно выносят решения, которые все обязаны исполнять беспрекословно.

Рассказывая о тех далёких временах, подполковник с душевностью и теплотой вспоминал, как хантыйские мудрецы, скупые на слова, проявляя уважение к гостям, кивали:

— Конечно, мы поможем русским в беде изгнать чужеземных разбойников. Пошлём настоящих воинов, выносливых, умеющих владеть оружием.

Старики поочёредно называли имена и фамилии будущих бойцов, не обходили и своих сыновей — охотников, лесорубов, но молодых, не имеющих жён и детей, кормильцев семей исключали. Тут же составлялись списки добровольцев, назначались место сбора и день явки.

В означенный срок один за другим прибывали новобранцы — с огромными кожаными мешками за спиной. Как выяснилось, в них оказались меховые куртки, унты, брюки, шапки-ушанки, варежки. К ним добавилось и новенькое обмундирование.

Мобилизованных разбили по подразделениям, назначили старшин и командиров отделений. На военную подготовку отвели три месяца.

Со стрелковой подготовкой дело обстояло легко — все они снайперы, их сразу зачислили в ворошиловские стрелки. Врождённые охотники, северяне с детских лет обучались попадать белке и кунице в глаз, чтобы не испортить шкурку. Вот только с трёхлинейной винтовкой дело не пошло. Но благодаря любопытству, старанию и кропотливому изучению всё наладилось.

Немало внимания пришлось уделить строевой подготовке, тут на помощь пришли военспецы, присланные окружным военкоматом.

На дворе — жаркий август, новобранцев устроили в лагере прямо на берегу реки, рядом с лесом, чему большинство несказанно обрадовалось.

Однажды старший лейтенант, проходивший по берегу реки, увидел женщин, собиравших малину в лукошки. Не успел и полсотни шагов сделать, как услышал крики, обернувшись, обомлел: к зарослям малинника шёл огромный бурый медведь и с самоуверенностью законного хозяина тайги стал объедать с кустов зрелые ягоды.

К лейтенанту уже спешил старшина — коренастый, широкоплечий, крепкий хантыец и, кивнув на противоположный берег, сказал:

— Разрешите сбегать туда.

Лейтенант разрешил.

Старшина, сбросив с себя одежду, кинулся в воду. Плыл быстро, высоко держа голову. Изо рта торчало что-то большое, тёмное. Подошёл майор, спросил:

— Кто разрешил?

Лейтенант смутился:

— Я.

— Вы подумали об ответственности?

Лейтенант, стоя навытяжку перед майором, виновато выдавил:

— Извините! Разрешите его догнать?

Майор, не ответив, резко повернулся в сторону берега.

Там, выбравшись из воды, старшина вынул изо рта рукавицу, на ходу натянул её на левую руку, а в правую взял огромный нож и, пригибаясь, подкрался к малиннику.

Медведь, увидев человека, поднялся на дыбы, грозно рыча двинулся ему навстречу. Из палаток на берег высыпали новобранцы.

Глядя на поединок человека и зверя, лейтенант окаменел.

Старшина стремительным рывком сунул в пасть медведя руку и, пригнув голову, всадил нож в самое сердце таёжного великана.

Медведь какое-то мгновение стоял неподвижно. Кляп в глотке парализовал его волю, а неожиданный удар в сердце заставил застыть на месте. Старшина с силой толкнул медведя, и тот грузно рухнул в малинник. Сделав несколько судорожных движений лапами, испустил дух.

Только теперь, придя в себя, лейтенант облегчённо вздохнул и устало, словно после непомерного физического напряжения,

направился в сторону палатки комсостава.

Старшина похвалы от командира не дождался, лейтенант молча прошёл мимо.

В ту ночь от пережитого потрясения плохо спал, а ведь со смертью встречался не раз, особенно в боях при отступлении от Минска. На переправе через Днепр был контужен и ранен в плечо. Из полевого госпиталя попал в Подмосковье на долечивание. Но такое потрясение, как с медведем, испытал впервые, быть может, довлело чувство личной ответственности.

Осенью вернулись в бараки рыболовецкого колхоза. На летучке начпрод вдруг заявил, что мяса на складе нет, в городе тоже. Тут поднялся его помощник и сказал, что мясо могут добыть новобранцы.

С разрешения майора, исполнявшего обязанности полкового командира, в тайгу снарядили десять охотников.

Вместе с лейтенантом с утра выехали на полуторке. Шофёр с бойцом остались там, где кончилась дорога. Команда по тропе ушла в глубь тайги.

Первозданный покой, таинственный хруст сушняка под сапогом, полумрак и медленное молчаливое шествие заставляли прислушиваться к каждому звуку. Охотники шли, приглядываясь к каждой сломанной ветке, разглядывали следы на рыхлой земле.

Один из новобранцев сказал лейтенанту, что в этих местах водятся лоси.

Тропа привела на возвышенность, группа как по команде остановилась.

— Ветерок дует с той стороны. — Хантыец указал вперёд. — Это хорошо, зверь не учует нас.

Другой охотник достал из кармана свиристелку, приложил к губам и стал издавать звуки, схожие с нежным отрывистым мычанием лосихи.

— Что это значит? — спросил лейтенант.

— Так лосиха зазывает самца.

Ждать пришлось недолго. Послышался топот, он становился всё отчётливей и громче.

— Сюда спешит. — Охотник предупредил, чтобы не шевелились: — Зверь чуткий, осторожность не помешает.

Вскинув ружьё, боец пристально смотрит в ту сторону, откуда доносится топот. Охотники приготовились, стали ждать. Держа пистолет наготове, туда же глядит и лейтенант.

Когда одновременно грянуло несколько выстрелов, он даже не понял, что произошло, — сохатого-то не было. И только когда раздался треск и что-то тяжёлое рухнуло на землю, он вместе со всеми помчался в чащу леса.

Шагах в тридцати на согнутых передних ногах, опираясь боком о ствол огромной сосны, лежал лось — коронован широкими ветвистыми рогами, из его раскрытых тёмных глаз, уже затянутых туманной пеленой, текли слёзы.

Раненому животному перехватили горло и дружно разделали тушу. Потом мясо сложили в мешки и, взвалив груз на спины, понесли к ожидавшей машине.

Приближался день отъезда. Всё в дорогу подготовлено. С наступлением холода повалил снег, казалось, жизнь замерла, стала заедать тоска — по шуму городов, по стуку колёс вагонов, по женщинам и детям, по кино и русской песне под гармошку.

Накануне ударил крепкий мороз. В то утро до рассвета затопили баню, построенную по-чёрному, тепло подали и в бараки, в которых предстояло скоротать последнюю ночь.

День выдался хлопотный: стрижка, бритьё, смена белья, проверка зимнего обмундирования, начиная с овчинных полушубков, валенок, кирзовых сапог и до заготовки дорожных сухих пайков.

Темнело рано. Необстрелянная рать, называемая теперь красноармейцами, непривычная к вечерним развлечениям, рано отошла ко сну. Да и что можно сделать при тусклом свете керосиновых фонарей?

Командиры-москвичи обратили внимание на отличную ориентацию новобранцев во тьме — ночью они видели как днём. У людей, живущих в таёжной глуши, хорошо развито ночное зрение. В человеческом глазу, как и в глазах животных и птиц, живущих ночной жизнью, заложены такие механизмы, которые подвергаются развитию, приспосабливаясь к условиям среды обитания. В войну начальники войсковых разведок, составляя группы, первыми обратили особое внимание на этот фактор. И отбирали бойцов родом из сёл и деревень, ибо городские, привычные к яркому электрическому свету, совершенно не ориентировались в условиях маскировки.

Лейтенант после того, как обошёл бараки и проверил караулы на постах, со спокойной душой отправился спать. Утомившись за день, он быстро уснул.

Проснулся оттого, что в окно светила необычно яркая луна, вьюга утихла, тучи рассеялись… Он протянул руку и на краю стола нащупал карманный фонарик. Засветив, глянул на часы, которые, ложась спать, не снимал с руки. Стрелки показывали час пополуночи.

Словно заворожённый светом этой редкой гостьи в суровом краю, лейтенант поднялся, подошёл к окну, постоял в раздумье, глядя на свежие снежные сугробы, решил пройтись. Всунул ноги в

валенки, набросил дублёнку, шапку-ушанку и вышел.

Проходя по двору, проверил внутренние и наружные посты, постоял в одиночестве, заглянул в караульное помещение и там с дежурным устроил перекур.

Потом, пройдя мимо часового, решил заглянуть в барак.

Окинув взглядом двухъярусные нары, обомлел. Постели были пусты. Не веря глазам своим и лунному свету, вынул из кармана дублёнки фонарик и, скользя лучом по лежакам, шёл, едва передвигая отяжелевшие ноги. Нигде ни одного человека!

На постелях, неряшливо разбросанных, лежало аккуратно сложенное обмундирование. У последней кровати парами стояли валенки.

Лейтенант, не в силах идти, присел на краешек постели, опустил голову, прикрыл глаза. Сбежали, сбежали все до одного! И когда — в последнюю ночь! Проявив честность, оставили ему казённое обмундирование и винтовки.

Но это же ЧП! Грозит военным трибуналом.

А как он им верил! Они не умели лгать. Мужественные, крепкие духом и телом… Неужели им непонятно, на что решились? Эх, святая простота!

Мысли с быстротою молнии проносились в голове. Лейтенант не знал, что делать. Затем решительно поднялся — идти к командиру и обо всём доложить.

Увидев часового с винтовкой, заорал что есть мочи:

— Что стоишь как истукан!

— Караулю, товарищ лейтенант, — спокойно ответил часовой.

Лейтенанта его ответ взорвал ещё больше.

— Что значит караулишь?

— Людей, товарищ командир.

Лейтенанту хотелось взять часового за грудки и, отняв винтовку, дать пинка. К счастью, от поднятого им шума зашевелились сугробы, небольшие, круглые, которых было немало вокруг, на них лейтенант, идя к бараку, не обратил внимания.

Из-под снега стали подниматься и собираться вокруг него люди — неуклюжие, в одежде из оленьего меха. Сдвинув лисью шапку, старшина — тот самый, что победил в схватке медведя, — сказал виновато:

— Командир, это я разрешил нашей роте уйти под снег. Там, — старшина кивнул на барак, — спать нельзя. Долго терпели, мокрые стали, голыми лежали. Жара была сильная, дышать трудно. Холод лучше…

Когда отлегло от сердца, махнув рукой, лейтенант медленно

пошёл к себе.

На другой день стрелковый полк в полном составе отправился туда, где полыхала война. Полк передали Дальневосточной дивизии, оборонявшей подступы к Москве.

— Погибли, считай, все, — сокрушался подполковник, поседевший прежде времени. — А какие были славные ребята! Богатыри все — и снайперы, и лыжники, и разведчики, просто бойцы. Так что и малые народы Севера внесли весомый вклад в копилку Победы! Душой привязался к ним. До сих пор помню, как отбирали их на стойбищах, в глухих таёжных селениях.

Война не кончается, когда армии расходятся по домам

Москву отстояли. Это была первая грандиозная победа русской армии. Неожиданная для германских фашистов, она рассеяла миф о непобедимости вермахта, деморализовала не только немецких солдат, но и офицеров.

А вспомните первые дни войны, когда фашистские полчища победным маршем прошли по землям Украины, Белоруссии. Уверенность командования вермахта в неотвратимой краткосрочной победе была настолько велика, что самоуверенные стратеги Гитлера сократили срок разгрома Советского государства до четырёх недель.

Заправилы политических игр США, азартно потирая руки, наблюдавшие за «дуэлью» между Гитлером и Сталиным, этот срок вообще сократили до десяти дней.

Но неумолимое время текло, означенные сроки прошли, и, к великому удивлению многотысячных орд, фанатичных потомков тевтонских дикарей, их сокрушающая сила натолкнулась на первую мощную преграду — Смоленск и вынуждена была остановить своё кровавое шествие.

Но тем не менее бесноватый рейхсфюрер ещё не терял уверенности в мощи своих вооружённых сил и, тоже не жалея солдат — сынов простого народа, — гнал на бойню как скот, — и всё во имя собственной славы и господства над порабощёнными народами.

И не просто гнал, но и торопливо подгонял, открыто выражая своё эгоистическое желание годовщину Октября — 7 ноября 1941 года — отметить парадом на Красной площади.

Однако оглушительное поражение на подступах к Москве не породило в его дьявольской душе сомнений в бесперспективности военной авантюры.

Отчаянный игрок, Гитлер расценил этот ход как тактический, а гибель сотен тысяч своих солдат как потерю пешек на шахматном поле. Ведь в его руках была огромная сила и бескрайние земли Белоруссии, Украины, Центральной России, не считая Прибалтики. А впереди Волга со Сталинградом, Ростов, Крым, Ставрополье, Кубань… Надо ограничиться до весны оборонительными действиями, чтобы с наступлением тепла, собрав в кулак все силы, нанести по России сокрушительный удар.

Активные наступательные действия немецко-фашистских сил

начались весной сорок второго года. Они достаточно хорошо, хотя и с некоторой тенденциозностью и конъюнктурой, описаны непосредственными и косвенными участниками. Это была очередная после московской трагедия с испытанием для нашего народа, народа простого, в отчаянии терявшего веру в нашу победу.

К августу сорок второго в руках врага были донские, ставропольские, кубанские земли, Северный Кавказ, Крым. Лишь героический Сталинград, этот крупный стратегический узел, решивший судьбу страны, положивший начало коренному перелому в ходе Второй мировой войны, держался.

Немцы бросили на Сталинград крупные силы, чтобы, перерезав Волгу, повернуть вновь свои силы на север, обойти Москву с востока, отрезать столицу от волжского и уральского тылов и взять её.

Каждодневные сообщения Совинформбюро, бесконечные похоронки, бесчисленные эшелоны раненых, беженцев, голод, вспышки эпидемий инфекционных заболеваний, непосильный труд в городах и сёлах, ковавших победу до потери сознания от бессилия, порождали неверие в просвет и сеяли панику.

Откровенно говоря, панический страх порой охватывал и мою, мечущуюся среди военных тягот тыла душу.

Сознание безысходности, неизбежности породила случайно попавшая под руку статья в старом, времён Первой мировой войны, журнале «Заря» за 1915 год.

Просвещавшие советскую молодёжь в те предвоенные годы историки утверждали, что фашизм, как наиболее реакционное из шовинистических течений, утвердился в Италии в 1922 году.

Затем, с приходом к власти в Германии Гитлера в 1933 году, стал основой идеологического учения и практических целей немецкого неофашиста Адольфа Шикльгрубера (Гитлера), пришвартовавшегося к политической партии, как это свойственно большинству склонных к паразитическому образу жизни. Но как убеждает статья в журнале «Заря» «Пленный германский профессор», автор которой ограничился обозначением инициалов «Р.С.-ч», Гитлер был безбожным расистом.

Кроме того, судя по описанию образа, поведению и наглым высказываниям приват-доцента какого-то берлинского университета, невольно следует вывод, что фашизм в Германии утвердился раньше, чем в Италии, и существовал как оппозиционная сила при самодержавии императора Вильгельма. И также, как прокоммунистическая российская социал-демократическая рабочая партия, созданная в марте 1898 года в условиях монархического строя России.

Пленный немецкий учёный в своих ответах русскому журналисту пренебрежительно подчёркивал: «Я не признаю никакой догматической религии, я признаю только один высший разум — Спинозу».

Когда журналист дал понять, что он не просто знает выдающегося голландского философа Бенедикта Спинозу, одного из крупных теоретиков метафизического материализма, отвергавшего Бога как творца мира, но и изучал его труды, приват-доцент был немало удивлён тем, что за пределами

Германии он встретил «варвара», способного мыслить так же, как он — немецкий учёный.

Сменив надменно-вызывающий тон, приват-доцент начал пространно отвечать на вопросы журналиста и даже решился на откровения.

Характеризуя кайзера, он говорил: «Император Вильгельм — прекрасный экземпляр человека, но никуда не годный монарх, колосс на глиняных ногах, Навуходоносор». Кронпринца немецкий учёный называл «сосунком прокислого молока» и добавлял: «Его у нас терпеть не могут».

Слушая, как пленный немец критикует государственный строй Германии, монархию и знать, «сидящую в помещичьих усадьбах, набивающую свои карманы и полощущую глотки вином», можно было подумать, что это философ-марксист, настоящий революционер, заботящийся о судьбе пролетариев мира.

Разглагольствуя далее, немецкий философ замечает, что «мир ещё слишком полон рабов, чтобы могло совершиться что-нибудь великое. Даже Германия заражена рабством мысли». Он считает, что необходимо выбросить эту ветошь, а начало войны с Россией — преждевременно. «Да, — говорит он, — через 10–12 лет вы увидели бы, на что способен немец, свободный от предрассудков и абсолютного чувства человечества. Торжество Германии должно быть неотвратимо».

Журналист, удивлённо глядя на интеллигента в очках, облачённого в армейскую форму немцев, недоумённо спрашивает:

— Вы так уверены в своей победе?

— Конечно! — восклицает пленный профессор. — Я уверен в победе. Но мы говорим о разных победах. Я, пожалуй, готов допустить, что в военной победе Германии можно усомниться, может, Германия будет раздавлена, но мы поднимемся к ещё большей мощи. Все вы, славяне, латины, англичане, все вы, представляющие в мире разнузданную некультурность, потеряете в борьбе все ваши силы и не в состоянии будете противиться в дальнейшем организованным влияниям, потому что война не кончится, когда армии разойдутся по домам! После этой войны начнётся другая война, ещё более беспощадная, которую мы будем вести с вами после заключения мира. Рано или поздно вы попадёте к нам в руки. Не так скоро, но это случится. Это неизбежно. У вас кровь ударяет в голову, и вы тогда теряете самообладание и лезете драться, как бешеные. А когда вы успокоитесь, вы все впадёте в вялую леность, в детскую беспечность, вот тут-то мы вас и подстережём!

Слушая эти речи пленного немецкого профессора, наверное, русский журналист, мой соотечественник, пришёл к выводу, что перед ним сидит либо сумасшедший, либо великодержавный шовинист, либо расист-фанатик, одолеваемый бредовыми идеями, которого следовало бы подлечить у психиатра.

Меня всё это сбывшееся через 26 лет пророчество махрового фашиста потрясло.

Перечитывая эту статью, я думала, что ждёт нас, представителей «диких туземных племён» Кавказа, если учёный профессор-немец ещё тогда, в 1915 году, будучи в положении пленника, с такой дикой ненавистью и презрением говорил о славянах, латинах и англичанах, до цивилизации и культуры которых нам ещё далеко. И у меня, как у большинства простых смертных, далёких от политики и интересов вождей, глядя на происходящее, болела душа за всю страну, за наших многострадальных людей. И эта боль, смешанная со страхом, усиливалась от сознания того, что враг стучится уже у ворот нашей маленькой горной страны, чтобы, распахнув их, ринуться в Закавказье, а оттуда к странам Ближнего и Среднего Востока — за их богатствами.

Почему-то мне казалось, что в нашей военной историографии битве за Кавказ не придавалось особого значения. Где-то недавно мелькнуло известие, что вермахт готовился к битве за Кавказ задолго до сорок первого года.

Я о том, как разведывательные органы фашистов под видом спортсменов и туристов засылали в наши горы своих агентов, как те «альпинисты», «горнолыжники», «скалолазы» изучали и заносили на топографические карты не только гужевые, пешеходные дороги с крутыми перевалами, ведущими к черноморскому побережью и долинам Грузии, но и заброшенные козьи тропы.

Теперь мы знаем, что для действий в горах Кавказа формировались специально обученные и натренированные войсковые части.

Несмотря на первое поражение под Смоленском, катастрофу под Москвой, безуспешные попытки смять сопротивление защитников Сталинграда, Гитлер не терял надежды на успех.

Хотя он и раздробил силы, что привело к неудачам, но всё-таки Белоруссия, Украина, Дон, Кубань, Крым, Ставрополье, весь Северный Кавказ к осени сорок второго были под флагом с фашистской свастикой.

Заветной мечтой фюрера были и оставались нефтеносный Восточный Кавказ и Закавказье, где, заправив технику горючим, можно сделать бросок к странам Ближнего и Среднего Востока. И

оттуда грозить не только Великобритании, но и всему миру.

Учитывая важность и сложность этого направления, к лету сорок второго вермахт создаёт в регионе начала этого пути группу армий «А». Командование этой группой Гитлер возложил на своего бывшего учителя — фельдмаршала фон Листа.

В эту группу входило пять армий.

В 1-ю танковую, предназначенную для действий на Кавказе, которой командовал интеллигентный генерал фон Клейст, входило одиннадцать дивизий. Из них три отборные танковые.

В специальный горнострелковый корпус входили две альпийские и две легкопехотные дивизии, предназначенные для действий в горах.

Специальные части были подготовлены для проведения операций на Каспийском море, с созданием военно-морской базы в столице Дагестана Махачкале, разумеется, после захвата Терского рубежа и оккупации Грозного.

В ходе действий все эти силы должны были подкрепляться крупными дивизиями, такими как «Великая Германия», «Бранденбург», такими полками, как «Адольф Гитлер», не говоря о специальных тыловых армейских подразделениях и специальных командах, предназначенных для работы на нефтяных промыслах, в рудниках, а также для идеологической обработки кавказских племён и народов.

С этой целью в ходе подготовки сил для захвата Кавказа и Закавказья Верховным командованием вермахта и абвером были привлечены некоторые представители зарубежных белоэмигрантских кругов, в особенности из бывших руководителей мусаватистских, дашнакских контрреволюционных партий, а также грузинских националистов.

Так, например, экспертом-советником при абвере по вопросу Грузии был А. Нукурадзе, строивший планы создания Кавказского федерального государства во главе с Грузией.

К работе в фашистской разведке был привлечён бывший глава мусаватистов Мехмед-Эминбей. Бывший генерал царской службы, командовавший Дикой дивизией, князь Султан-Гирей Клыч был в составе созданного фашистами так называемого Комитета независимости Кавказа.

К действиям при наступлении на Кавказ были привлечены и бывшие главари частей Белой армии, воевавшие на Дону, Кубани, Ставрополье во время Гражданской войны, генералы П. Краснов, А. Шкуро, С. Краснов, Т. Доманов.

В этой связи хочу остановиться на трагической судьбе любимого мною грузинского писателя и поэта Г. Робакидзе.

В грузинской литературе двадцатых-тридцатых годов Робакидзе — самая значительная фигура. Ираклий Абашидзе говорил о нём: «Человек единого стиля, он воспринимался как цельное явление: писал так, как ходил, одевался так, как писал, сидел так, как разговаривал. Он отличался от всех, в нём было что-то непривычное, что-то от неведомой культуры. Человек огромной эрудиции и таланта, убеждающий словом, знанием новейшей европейской философии и литературы. Робакидзе для Грузии то же, что для России Соловьёв, Бердяев, Андрей Белый».

В связи с болезнью жены он получил от кремлёвских властителей разрешение о поездке в Германию. Отправился в Берлин на время — как Шаляпин или Марк Шагал. Решение остаться там пришло позже, когда понял, что в случае возвращения на родину ему несдобровать.

Прошло некоторое время, и в Грузии развязали травлю Робакидзе, ополчились на него, поносили и ругали как изменника, иностранного агента.

Но в тот военный год, когда немцы докатились до юга и подступили к Грузии у Дарьяльского ущелья, в Тбилиси распространился слух, будто Г. Робакидзе востребован Гитлером и Розенбергом, стал их советником по завоёванным странам Востока.

Вот как рассказывает об этом Абашидзе в своей «Исповеди сына века»:

«Появление подобного слуха связано, надо думать, с тем, что в тридцатых годах Робакидзе написал на немецком языке книгу «Адольф Гитлер глазами чужеземного поэта». Об этом в Грузии многие знали, но никто никогда не держал в руках эту книгу (я смог её прочесть лишь после войны). Во всей Европе тридцатые годы были годами восславления диктатур и диктаторов (и в этом у нас и у нашей страны никто не отнимет первенства). Помимо этого факта был и другой, о котором тоже вспомнили, — в своё время Г. Робакидзе и Розенберг вместе учились в Тартуском университете и до того, мол, сдружились, что теперь в Германии друг без друга за стол не садятся. Ко всему этому добавились и другие слухи.

В 1942 году немцы, подступив к Северному Кавказу, перебросили к Баксану грузинский легион, состоявший из пленных. Легионом командовал немецкий полковник и грузин — генерал Маглакелидзе, а солдаты были набраны из концлагерей. По словам солдат, в Германии ими якобы распоряжался Г. Робакидзе, он отправил их сюда. Всё это я хорошо знал, в те дни был в действующей Северо-Кавказской армии, в грузинской дивизии, где и написал «Капитана Бухаидзе».

Что было правдой во всём этом, выяснилось позже, после войны, когда генерал Маглакелидзе оказался в Тбилиси. Понятно, что я прежде всего расспросил его о Г. Робакидзе. В письме же самого Робакидзе, посланном мне в 1962 году, есть строки: «До меня дошли слухи, что в Грузии я считаюсь «гитлеровцем». Это ложь и бред! Правда состоит только в одном: с середины июня 1941 года до конца войны я находился под надзором гестапо. Разве это имело бы место, будь я гитлеровцем?! Распространившиеся у вас слухи обо мне — ложь и бред, и ничего больше!»

А вот фрагмент из его статьи «Сокровенное», которая обращена к грузинским писателям:

«Идёт война. Меня попросили выступать по радио. Я увернулся, отказался под разными предлогами. Немцы подступили к Кавказу. Некая брюссельская газета, выходившая на немецком языке, обратилась ко мне с просьбой написать несколько статей о Кавказе. Я согласился, и вот что они

получили: «Грузия и крестоносцы», «Иванэ Орбелиани», «Потомки Прометея», «Святые горы», «Имам Шамиль» (последняя потом была опубликована в одном арабском журнале), — видите, как я «оправдал» их чаяния. Я уклонился от политического акцента, на который они рассчитывали. Предложили мне повидать пленных грузин, я согласился. Повидал их до тысячи человек в разных концлагерях. Говорил с ними только о Грузии (именно о том, что затронул в очерке «Неведомая Грузия»).

Многие из этих пленных, надеюсь, уже вернулись домой — и смогут подтвердить: никакого ожидаемого немцами политического акцента в беседе с ними я не делал. Я прочёл им стихотворение «Письмо грузинской матери», которое прилагаю к этому посланию. Согласитесь, во время войны его можно было напечатать и у вас, в советской Грузии, под псевдонимом, разумеется. Однажды, это было в Бранденбурге, я прочёл пленным стихи Важа Пшавелы: «Тамар», «Кинжал» и мои стихи «Важаури» и «Закон земли». Я редко переживал такое — зал отозвался вулканическим взрывом чувств. Другой раз, когда я читал «Письмо матери», одному из пленных стало плохо, он рыдал, товарищи увели его из зала. Описывать эти встречи я был не в силах — брался за перо и бросал его, не мог удержать слёзы. Вот и сейчас, вспоминая, плачу, плачу».

Из той же статьи: «В Советском Союзе думают, что я на «другом» берегу Это не так. Я стою на «третьем» берегу — есть у реки и третий берег. Тот, кто не стоит на третьем берегу, тому не дано быть ни мыслителем, ни деятелем искусства».

И ещё из этой же статьи: «Книга о Гитлере? Книга эта построена по «пифагорейской» схеме. Короче, в ней я полностью, изнутри разрушаю национал-социалистическое мировоззрение».

Вероятно, читатель заметил, что Г. Робакидзе всё же внутренне терзается существованием этой книги точно так же, как многие из нас, находившиеся на «этом берегу», терзались кое-чем тогдашним, совершённым в тот период.

Но вернусь к ситуации сорок второго года.

Главные боевые силы немцев, ворвавшись в пределы Северного Кавказа, разделились соответственно назначениям на две группировки и двинулись в разных направлениях.

Первая направилась по горным дорогам в стороны перевалов — Марухского, Клухорского, Санчарского. Это были прошедшие специальную подготовку альпийские и пехотные горнострелковые дивизии, перед которыми стояла задача — перемахнуть через поднебесные хребты и выйти к Черноморскому побережью Кавказа и к долинам солнечной Грузии.

Сил, способных противостоять «летающим» лыжникам, охотникам-скалолазам, командам, прокладывающим канатные дороги, обмундированным, оснащённым соответственно условиям, вооружённым автоматами, миномётами и лёгкими горными орудиями, у нас не было.

Наспех собранные, плохо обученные, вооружённые чем попало, в летнем обмундировании в заснеженных и обледенелых горах, наши регулярные войска и партизанские отряды удерживали рубежи необыкновенным мужеством и героизмом. Они гибли в горах целыми батальонами не только от пуль, но также от голода, холода, но не отступали.

Вторая основная часть мотомеханизированных сил 1-й танковой армии фон Клейста, оккупировав города-курорты Кавказских Минеральных Вод, двинулась по прямому пути Нальчик-Орджоникидзе.

Обороняла эти рубежи 37-я армия генерала П. Козлова. Ослабленная в неравных боях, не имея резерва, ни одного танка, не снабжаемая продовольствием и боеприпасами, разрозненными частями, прижимаясь к горам и в то же время оказывая отчаянное сопротивление, она отходила после захвата оккупантами Кабардино-Балкарии в сторону Осетии.

По мере сил и возможностей бойцов нашей отступающей армии поддерживало местное население.

В то же время в сторону Моздока и Грозного по предгорным равнинам отходили потрёпанные в жестоких сражениях армии и корпуса с Дона, Кубани, Ставрополья.

Перед началом каждого рывка вперёд немцы расчищали пути массированными налётами авиации, после которых начиналось

движение танков, бронетранспортёров и мотопехоты.

Создавшееся катастрофическое положение наших войск на означенных рубежах некоторые военспецы, скрывая истинные причины, пытались объяснить тем, что всё внимание командования группы наших войск в этом направлении было сосредоточено на усиленной подготовке обороны рубежей Малгобек-Моздок.

А тем временем в начале ноября сорок второго вражеские части при поддержке целой сотни танков, прорвав оборону на границе Северной Осетии, устремились к пригороду Орджоникидзе, стремясь пробиться в сторону Военно-Грузинской дороги.

Однако на подступах к столице Северной Осетии после ожесточённых боёв, понеся большие потери, враг вынужден был остановиться. Остановились немцы и у Малгобекских высот.

В те же дни начала ноября сорок второго войска 9-й армии генерала К. Коротеева, введя в бой танковые соединения в районе Гизеля, разгромили отборные танковые и горнострелковые части вражеской армии.

С поражением крупных группировок фашистских сил инициатива на Кавказском фронте перешла в руки командования советских войск. Немцы вынуждены были перейти к обороне на всём протяжении фронта.

Однако и здесь нельзя обойти молчанием один, на мой взгляд, важный фактор, явившийся причиной ослабления сил врага, — это полное отсутствие горюче-смазочных материалов. Заглохли моторы вражеской авиации, танков, другой техники мотомеханизированных частей.

Не удалось фашистам осуществить заветную мечту фюрера — прорваться к нефтеносному Грозному, зарядить моторы лучшим в мире бензином и сделать очередной четырёхсоткилометровый бросок по Дербентскому проходу к Баку — откуда рукой подать до Ирана и Турции.

Почти два месяца держались немцы, отбивая атаки советских частей незначительной силы, поскольку в течение этого времени шла подготовка к генеральному наступлению. Ждали немцы подвоза с Севера горючего, но не дождались.

Фельдмаршал Манштейн, захватив Крым, ринулся было в сторону Майкопа, но обнаружил цистерны пустыми, а нефтяные скважины засыпанными.

Не оправдал надежды Гитлера и фон Клейст, удостоенный звания фельдмаршала, сменивший командующего группой армий «А» фон Листа.

Видимо, самим Богом была предрешена судьба кровавого фашизма. Начало января 1943-го стало началом конца гитлеризма.

В объединённые силы Закавказского фронта входили пополненные и вновь сформированные части 44-й армии генерал-майора Хоменко (кстати сказать, случайно захваченного в плен позднее, во время боёв на Украине, и героически, после мучительных пыток, принявшего смерть, не сказав ни слова), 58-й армии генерал-лейтенанта Тельника, других армий.

В помощь этим силам, подготавливаемым к контрнаступлению с иранской и турецкой границ, были переброшены отдельные азербайджанские, армянские, грузинские дивизии.

Так, например, состав 44-й армии Северной группы войск был пополнен семью стрелковыми дивизиями, состоявшими из разноплемённых народов Кавказа и Закавказья. Своих отважных джигитов, вооружив и усадив на лучших скакунов, посылали в

формирующиеся отдельные дивизионы и эскадроны защищать отечество кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, ногайцы, абазины.

В многонациональном Дагестане тоже формировались добровольческие кавалерийские эскадроны, одним из которых командовал седоусый герой Гражданской войны даргинец Кара-Караев.

Рождённых в сёдлах кавказцев — черкесках и бурках, с лихо заломленными папахами на голове — невозможно было отличить от облачённых в ту же форму кубанских конников кавалерийского корпуса генерала Н. Кириченко или донцов-кавалеристов 5-го гвардейского корпуса генерала А. Селиванова.

В те суровые дни испытаний никто и думать не мог, к какому роду-племени, к какой народности или нации относится боец.

Закавказье и Кавказ защищали представители всех наций и национальностей Советского Союза. И одержали победу над фашизмом!

Говоря об общенародном вкладе в дело Победы, нельзя не отдать должное американцам, которые в трагические дни оказали нашей стране неоценимую помощь техникой, вооружением, продовольствием.

Жила я недалеко от полотна железной дороги, слышала по ночам гул бесконечно шедших поездов, днём видела эшелоны и

открытые платформы, гружённые «студебеккерами», танками, зачехлёнными тяжёлыми орудиями. И всё это вместе с продовольствием и одеждой, пожертвованной американцами, двигалось на север со стороны Баку — от иранской границы.

Перепадало и дагестанцам кое-что из одежды, но особенно нам, жившим впроголодь, были кстати и канадская мука, и яичный порошок, и консервированный бекон. Не знаю, как другие, но я этого великого милосердия далёких американцев не могу забыть до сих пор.

Зато наш «отец родной» забыл об этом сразу же после того, как его отважные сыны и дочери на фронтах и в тылу, ценой рек пролитой крови и пота, не только отстояли независимость Родины, но и помогли ему самому удержать скипетр самодержца.

А монополистам союзной Америки, у которых он брал в долг миллиарды, когда те намекнули, что долг платежом красен, генералиссимус, показав шиш, ответил, что он расплатился жизнями своих солдат, спасших мир, в том числе и Америку, от угрозы фашистской чумы.

Ещё задолго до дня Победы, когда инициатива на всех фронтах перешла в руки русских, бункерный герой, казалось бы, радоваться должен.

Радовались ведь простые люди, когда упорная героическая Сталинградская битва окончилась позорным поражением врага.

Радовался наш народ, когда отборные альпийские горнострелковые дивизии с поэтическими названиями «Эдельвейс», «Белая лилия» в паническом страхе бежали с гор Кавказа, боясь быть отрезанными от своих.

Когда 1-я танковая армия и подкрепляющие её войсковые части, носящие громкие имена фюрера и его империи, боясь окружения, спешно покидали предгорья Северного Кавказа, радоваться бы Верховному главнокомандующему!

Но нет, не было места светлому в мрачной душе Сталина.

Новый вал репрессий обрушил он на головы многострадальных народов, переживших страх и лишения фашистского режима.

Тем, кто этого не испытал, трудно себе представить, и, как ни печально, сегодня они находят решение тирана мудрым.

Мало того, они уверены, что чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, не говоря уже о немцах Поволжья, — враги советской власти. Враги все без исключения: и грудные дети, и немощные старики, и те, кто лежит на смертном одре.

Никакой пощады! Шестнадцать килограммов багажа в зубы на каждый баш (голову) — и под конвоем в пульманы! Подальше от исконных земель предков, от их могил, от домов с горящими

очагами — в дождь, в стужу, под блеяние овец, мычание коров и жуткий вой встревоженных собак.

Власть не щадила ни отцов, ни сынов, ни братьев, ни мужей, сражавшихся на фронтах, искалеченных, выписанных из госпиталей, спешивших к родным очагам, с тревогой и со слезами на глазах взиравших на чужие семьи, насильно вселившиеся в их дома.

С ещё одним ранением — в самую душу! — нанесённым исполнителями решений грозного владыки, изувеченные фронтовики в потрёпанной солдатской одёжке, с пустыми рюкзаками, опираясь на костыли, голодные спешили на поиск родных и близких в бесконечные просторы Средней Азии.

А действительно ли, что трусами, предателями, изменниками стали не только старые революционеры, большевики, красные партизаны, но и целые областные комитеты партий? Всё это ложь!

Однако в семье не без урода. Предатели и изменники были среди всех народов, ротами, батальонами переходили их сыновья на сторону врага.

Генерал Власов увёл целую армию. И не потому, что не любил родину, свой народ, а потому, что, ненавидя, мстил узурпировавшему власть тирану — за все злодеяния, за бесчисленные жертвы его неукротимой бешеной злобы.

Но массовому гипнозу поддавались не все.

Знатоки национального вопроса, «триумвират закавказских разбойников» — Сталин-Берия-Багиров — решили расширить пределы Грузии до равнин Ставрополья. А Дагестан с нефтеносным Грозным присоединить к Азербайджану, Крым подкинуть Украине — тоже ведь поднимала голос за

«самостийность», хотя за это поплатилась лучшими сынами, ни в чём не повинными. И всё для устрашения притихших крамольников.

И зачем тогда осуждать за пангрузинские идеи белоэмигранта Никурадзе, бывшего советника одного из руководителей абвера Розенберга, который планировал создать на территории завоеванного Кавказа федеральное государство во главе с Грузией?

Или почему князя Багратиона Мухранского, «к тому же женатого на итальянке», приглашённого в Берлин для переговоров по вопросу престолонаследия в Грузии, позволительно называть «весьма тёмной личностью»? А разве Сталин как личность светлее князя?

Вспоминаю выступление Виктора Астафьева в Пятигорске, где проходил выездной пленум Союза писателей:

— Великая Отечественная война не была обусловлена какой-то исторической неизбежностью.

Это была схватка двух страшных авантюристов, Гитлера и Сталина, которые настроили свои народы соответствующим образом… Ведь человечество, напуганное Первой мировой войной, и не собиралось воевать.

Я думаю, что все наши беды — это последствия войны. Товарищ Сталин и его подручные бросили нас в этот котёл…

Конечно, Сталин — это никакой не полководец! Это ничтожнейший человек. Если бы немцы не напали на нас, то через год-полтора мы бы напали на них и, кстати говоря, тоже получили бы в рыло… Мы сразу ввязались в холодную войну и света не видели.

Никакие успехи на фронтах, даже светлый, священный День Победы, не погасили угрюмость и демоническую жажду творить зло в душе Сталина. Жестоким был его спрос с узников фашистских лагерей смерти. Пока шло переселение военнопленных из гитлеровского ада в ад сталинский, последний, поплевав на сухие ладони, снова засучив рукава, взял в правую руку булаву. На очереди были дела безродных космополитов и врачей-отравителей.

«Революцию в белых перчатках не делают — только террором»

Прежде чем взяться за освещение еврейского вопроса, которому вы, Николай Алексеевич, в своём романе-исповеди посвятили множество страниц антисемитской направленности, считаю необходимым коснуться судеб четырёх ведущих адмиралов Военно-морского флота, до которых жрецы, преуспевавшие в жертвоприношениях кровавому молоху, не успели добраться до войны.

В разделе, относящемся к описанию первого дня нападения фашистской Германии на Советский Союз, много сказано, что единственным из всех родов наших войск не оказался застигнутым врасплох Военно-морской флот, возглавляемый адмиралом Н.Т. Кузнецовым.

Несмотря на то что вражеские силы стремились нанести по нашим морским базам и флотам мощные бомбовые удары в Кронштадте, Севастополе, Измаиле, Полярном и других приморских регионах и морях, в первый день войны не был потерян ни один корабль.

Почему?

Во-первых, потому, что в генералитете и правительстве, к счастью, не было ни одного человека, элементарно разбиравшегося в вопросах военно-морского дела, чтобы из бункера Ставки давать команду морякам.

Во-вторых, предоставленный сам себе в оперативных вопросах адмирал Кузнецов, будучи наркомом МВФ, внимательно следил за событиями, происходящими на аренах начавшейся Второй мировой войны, и, учтя надвигающуюся угрозу, направил все усилия на повышение мобильности флотов и боевую подготовку личного состава.

Он не внял неоднократным официальным заверениям вождя о том, что войны не будет, и с готовностью номер один во всеоружии встретил врага.

В течение всего периода военного лихолетья наш флот был на высоте.

Неоценим вклад и наших моряков в дело Победы над фашистской Германией. О них не все сказы сказаны, не все песни сложены. И только те, кто решился идти на абордаж или схватку с морской пехотой, знают, какая сокрушающая сила, какой испепеляющий гнев вырывался из-под их полосатых тельняшек. А законы чести морские офицеры теряли только вместе с жизнью.

Адмирал Кузнецов, обвиняя Сталина за репрессии в отношении ни в чём не повинных военных и политических деятелей, в том числе и к себе, не отрицая такой причинный фактор, как душевная болезнь, считал, что феномен вождя объяснят историки. Куда же ещё, разве недостаточны объяснения учёных-психиатров?

Да ведь и сам адмирал Кузнецов, подвергнутый вначале суду чести, а затем суду военного трибунала, вместе с адмиралами Галлером, Алафузовым, Степановым, честно отвоевавшими от начала до конца войны, понимал, что председатель военной коллегии Ульрих всего лишь слепое орудие в руках генералиссимуса и его приспешников.

Несмотря на отсутствие фактов в предъявленных обвинениях, Сталин вынесет им всем приговор — свой собственный.

Но самым ужасным в ходе разбирательства дел было несоблюдение элементарных норм культуры, когда обвинитель Н.М. Кулаков не просто называл подсудимых врагами народа, но и позволял себе, как спившийся завсегдатай базарного духана, обзывать адмиралов непристойными словами — точнее, крыл матом.

Этот громкий процесс, затеянный министром обороны в 1948 году Н.А. Булганиным, с ведома Сталина, был прелюдией к очередным громким репрессионным делам в отношении безродных космополитов, врачей-отравителей и деятелей Еврейского антифашистского комитета.

Сказать, что вы, Николай Алексеевич, великодержавный шовинист, признающий национальную исключительность русского народа, нельзя.

Напротив, читая вашу исповедь, убеждаешься, что судьбы Отечества и соотечественников вас не интересовали вовсе. А вот антисемит вы убеждённый, без разбора ненавидящий всё еврейство. И в этом вопросе вы являлись единомышленником великого вождя.

Чтобы не быть голословной, позволю себе привести краткие выдержки из описанного вами, свидетельствующие о деяниях иудеев в России в разгар Октябрьского переворота, Гражданской войны и становления народовластия.

Начнём с Льва Давидовича Троцкого (Лейбы Бронштейна), имя которого накануне Октябрьской революции, в дни вооружённого восстания со штурмом Зимнего и в годы Гражданской войны звучало на одном уровне с именем Ленина.

Заслуги бывшего меньшевика, примкнувшего в середине семнадцатого года к большевикам, — председателя Реввоенсовета, наркома обороны были высоко оценены Лениным как заслуги выдающегося вождя современного ЦК.

Но притязания Троцкого на лидерство в партии, явившиеся причиной интриг, раздоров и взаимной неприязни Троцкого и Сталина, серьёзно обеспокоили больного Ильича.

В нетерпимых отношениях хитрого, коварного, действующего тихой сапой, немногословного, сдержанного Сталина и взрывного, резкого, дерзкого, крикливого и высокомерного Троцкого Ленин увидел серьёзную угрозу для партии и в своём «политическом завещании» предупредил соратников.

О Троцком много сказано в наших и зарубежных политических, исторических, публицистических и мемуарных произведениях. Этот тип относится к волевым, эмоциональным,

наделённым от природы даром лидерства людям.

Самовлюблённые, завистливые недоучки, пророчествующие бродяги, чурающиеся общественно полезного труда, увлечённые бредовыми идеями философов-фантастов, многие из них способны увлечь и повести за собой деклассированных, обделённых и легковерные массы трудяг, скрывая за внешней добродетелью свои амбициозно-корыстные цели властолюбцев.

Охарактеризую Троцкого как человека не с позиций его ярых противников, а человека далёкого от политики, который один раз слышал зажигательную речь Троцкого, был потрясён и запомнил на всю жизнь. Это из воспоминаний князя А.Л. Ратиева — потомка русской ветви грузинского рода Ратишвили, эмигрировавшего в 1921 году в Болгарию, а затем во Францию.

В декабре 1918-го, оказавшись в Курске, двадцатилетний Ратиев с товарищем случайно попал на городское партийное собрание большевиков по случаю приезда в Курск председателя Реввоенсовета Льва Троцкого. Вершитель судеб страны — в центре полукольца президиума. Когда в помещении воцарилась тишина, Троцкий выступил на шаг вперёд. «Наглухо застегнутая тужурка-китель, бриджи, добротные сапоги. Характерная бородка. Блеск стёкол пенсне».

Вначале он коротко охарактеризовал сложное положение в стране. Говорил о необходимости создания регулярной Красной армии с привлечением в её ряды старых кадровых офицеров, действия которых будут неусыпно контролировать партийцы. А далее последовали горячие призывы к террору. Привожу отрывки из его выступления.

«Революцию, товарищи, в белых перчатках делать нельзя. Запомните, товарищи, — только террором! Террором последовательным и беспощадным. Уступчивость, мягкотелость история нам никогда не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожить десятки тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь физического уничтожения всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти».

Предупредить, подорвать возможность противодействия — в этом и заключается задача террора!

И далее оратор продолжает: «Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения, — это то, что, уничтожая массово и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов — учёных,

инженеров, докторов. К счастью, товарищи, таких специалистов за границей избыток. Найти их легко. Если будем им хорошо платить, они охотно приедут работать к нам. Контролировать их нам будет, конечно, значительно легче, чем наших. Здесь они не будут связаны со своим классом и с его судьбой. Будучи изолированными политически, они поневоле будут нейтральны. Патриотизм, любовь к родине, к своему народу, к окружающим, к далёким и близким, к живущим именно в этот момент, к жаждущим счастья малого, незаметного, самопожертвование, героизм — какую ценность представляют собой все эти слова-пустышки перед подобной программой, которая уже осуществляется и бескомпромиссно проводится в жизнь».

Можно себе представить, с каким чувством покинул это сборище юный князь после приговора, вынесенного русской знати, интеллигенции, в том числе и ему, не просто инородцем, а извергом, шагавшим по кровавому пути в «добротных сапогах» к вершинам власти в России.

Ленина, видимо, устраивала способность Троцкого поджечь толпу своим ораторским даром и его грозная лексика:

«Расстрелять!»,

«Разрушить до основания»,

«Залить кровью и свинцом»,

«Дотла сжечь»,

«Беспощадно уничтожить»,

тем более что делать это легче и безответственнее чужими руками.

Троцкий проговорился как-то: «Чтобы выиграть Гражданскую войну, мы ограбили Россию». При нём страну грабили ради сомнительных перспектив «земшарной Республики Советов». Для

этой цели создали Коминтерн. Но её руководители перековываться не хотели — они воевали. Против Сталина, против его планов, всякий раз оказываясь во главе всяческих оппозиций и уклонов.

«Коминтерновская мафия» перетягивала на свою сторону военных спецов европейских государств, агитируя за мировую революцию. Но вот борьбы за чистоту идеалов у них не было. Банда бездельников и трепачей ожесточённо боролась за свои немалые привилегии, за право распоряжаться миллионами на раздувание мнимого «всемирного пожара», красоваться в президиумах, пустословить с трибун.

Говорят, в тридцать седьмом году Сталин сказал на заседании политбюро: «Кто они, эти люди из Коминтерна? Ничего больше, как наймиты, живущие за наш счёт. И через девяносто лет они не смогут сделать нигде ни одной революции».

И тогда все они в поисках вождя сплотились вокруг Троцкого, хотя многие его в глубине души ненавидели. Но лучше такое знамя, чем никакого…

Сталин приступил к демонтажу чудовищного монстра.

Так кто же такой Троцкий как гражданин?

На этот вопрос можно ответить одним словом — отщепенец.

Свидетельство тому следующий факт. В первые годы становления советской власти, когда Троцкий с благословения вождя революции лютовал, чиня расправы над представителями религиозных культов, аристократии, учёными, миролюбивыми, не чуждыми здравомыслию и благоразумию, учёные евреи петроградской общины, с тревогой взирая на зарвавшегося соплеменника, собрали совет, на котором решили направить к Троцкому делегацию, чтобы наставить его на путь истинный, свернув с пути насилия и крови.

Старые, почтенные еврейские мудрецы пытались на горьких примерах убедить Лейбу, что из-за его политиканства в интересах каких-то классов внутри государства, где обитают его соплеменники, прежде всего страдает и будет страдать «Богом избранный народ», то есть евреи.

Троцкий, с горделивым пренебрежением выслушав посланцев, сухо заявил: «Вы обратились не по адресу, частный еврейский вопрос меня совершенно не интересует. Я не еврей, а интернационалист».

Вот вам образец космополита, которого в конце концов по указанию интернационального вождя Сталина ударом ледоруба сразит насмерть другой интернациональный проходимец.

Троцкий как политик — неустойчивый и беспринципный авантюрист. В 1905–1907 годах — оппортунист, вёл политику свёртывания революции, отрицая ленинскую идею гегемонии пролетариата, возможность и необходимость союза рабочих и крестьян. А при узурпировавшем власть Сталине, который начал претворять в жизнь «ленинский план строительства социализма», Троцкий противопоставляет ему свой план превращения СССР в аграрный придаток международного империализма.

Да, Россия, занимающая одну шестую часть суши, была страной аграрной, хранящей в своих недрах огромные богатства, и, может, на самом деле не следовало превращать её в страну индустриальную с возведением гигантских промышленных предприятий, поворотом рек, проведением каналов с ирригационными системами, созданием искусственных морей, в итоге превративших пастбища и плодородные земли в солончаки и болота, а экологическую обстановку во многих регионах в опасную для жизни.

А самое главное — матушка-Россия, кормившая не только себя, но и вывозившая ежегодно миллионы пудов зерна за границу, сегодня, доведённая до нищеты строителями коммунизма, не пошла бы с шапкой по кругу к проклятым капиталистам.

Вы правы, Николай Алексеевич, говоря, что два совершенно разных сильных характера — Сталин и Троцкий ужиться не могли, кто-то должен был взять верх.

Сталин оказался победителем, потому что он нашёл опору в лице более надёжных, преданных соратников, которых возвысил, приблизил к государственной власти и противопоставил Троцкому.

Особая роль в этом отношении выпала Ворошилову и Будённому.

В руках же Троцкого хоть и была большая часть вооружённых сил страны в течение определённого отрезка времени, но это была меняющаяся, нестабильная сила с текучестью бойцов и командиров.

Кроме того, для высшего армейского командования он, как человек сугубо гражданский, авторитета не представлял.

В то же время в годы Гражданской войны и интервенции, будучи председателем Реввоенсовета и наркомом обороны, он прилагал все усилия для укрепления республики, зная, что в случае поражения потеряет власть, а терять её не хотел. И на вооружённых силах мечтал укрепить свою власть.

Для этого Троцкий строил планы сокращения численности армий, с целью изгнания из них своих противников, неугодных ему людей, становившихся на сторону генсека, чтобы после этого поставить у руководства полками и дивизиями своих людей и стать во главе военной власти.

Таким образом, борьба за вооружённые силы между Троцким и Сталиным была вначале частью общеполитической борьбы.

Камнем преткновения стала 1-я Конная армия. Его действия в отношении её доходили до абсурда. Троцкий настаивал отправить 1-ю Конную через Афганистан в Индию, чтобы «произвести там революцию», конечно же рассчитывая на полную гибель в далёком, чужом краю, где изнурённых долгим путём русских конников встретили бы крупные силы англичан и формирования местных феодалов, которые превратили бы в кровавое месиво незваных гостей.

Вы, Николай Алексеевич, пишете о том, что даже представители вашего поколения, видевшие и слышавшие Троцкого, далеко не всегда понимали, за что он сражается, почему столь рьяно нападает на ленинскую, а потом на сталинскую линию партии.

Тем, кто интересуется внешней, чисто политической стороной событий, вы рекомендуете познакомиться с трудом Сталина «Троцкизм или ленинизм», то есть с речью, которую вождь произнёс в ноябре 1924 года, суть которой в следующем: «В данный момент, после победы Октября, в настоящих условиях НЭПа, наиболее опасным нужно считать троцкизм, ибо он старается привить неверие в силы нашей революции, неверие в дело союза рабочих и крестьян, неверие в дело превращения России нэпманской в Россию социалистическую».

Судя по тому, что произошло и происходит сегодня в нашей стране, выходит, что Троцкий и на сей раз был прав.

Говоря о Троцком как о гражданине и политическом деятеле, нельзя обойти молчанием его родословную вообще и биографию в частности, в которые вы, Николай Алексеевич, пытаетесь внести

ясность, но неудачно.

Изложу вкратце: дед и отец Троцкого — крупные арендаторы земель на юге страны, где именно, не уточнили. Значит, были эксплуататорами, пользовавшимися наёмным трудом. «Все их ближайшие родственники — типичные представители еврейской буржуазии: торговцы, ростовщики, спекулянты. Они поддерживали постоянную связь с руководителями мирового сионизма».

Не мешало бы привести конкретные факты: кто, когда, с кем?

Далее, вы пишете, что до революции отец Троцкого успел сколотить почти миллионное состояние, а потом благодаря покровительству сына сохранил значительную часть своего богатства. В каком виде?

«В самое трудное для страны голодное время сынок устроил своего папу на тёплое место, верховодить хлебными делами в Москву».

Так поступали и поступают не только евреи. Что касается самого Лейбы, то нигде не сказано, где он родился, в каком реальном училище учился и какая нужда при таких богатых родителях заставила его с семнадцати лет зарабатывать на хлеб, одновременно занимаясь революционной деятельностью.

В общем, всё туманно, как у всех преступников.

В девятнадцать лет Лейбу арестовали и сослали в Сибирь. За что? Из ссылки бежал за границу, вернулся в 1905-м и вновь был арестован, сослан и снова бежал за рубеж, где вначале во Франции, затем в Испании и в Америке вёл праздную жизнь, невесть чем занимался.

Знакомясь с биографиями русских революционеров — политических и всяких преступников, не раз осуждённых и сосланных на каторгу, — диву даёшься, думая о деятельности царской жандармерии, полицейского сыска и условиях жизни политкаторжан, позволяющих преступникам не только скрываться внутри страны, сменив удостоверения личности, но и свободно разъезжать по заграницам и вновь возвращаться в Россию, когда заблагорассудится.

Итак, политкаторжанин Лев Бронштейн, которому было позволено жить в ссылке с семьёй, оставив жену с двумя дочерьми, бежал за границу, сменив фамилию на Троцкий, видимо, очень понравившуюся ему, когда он в Одесской тюрьме сблизился с надзирателем, фамилия которого была Троцкий.

Вам, Николай Алексеевич, это показалось странным — ничего странного. Вы же сами пишете о том, что Лев Давидович был великий мастер изворачиваться, скрывать свои цели, врать, не говоря о прочем, на что был способен этот далеко не ординарный

тип. И подтверждаете своё мнение словами партийца М.С. Ольшанского, что Троцкий «врёт ради процесса вранья, соврёт и забудет или открестится от своих слов, вывернется как-нибудь. До чего же много общего с Иудушкой Головлёвым. Отсюда и точное, несмываемое клеймо — Иуда Троцкий».

А ведь это, Николай Алексеевич, болезнь, которая встречается у некоторых людей, вроде бы и нормальных и даже способных, но где-то психически ущербных. Такие люди врут на каждом шагу, без нужды, а главное — верят в свою ложь, на что я ранее обращала ваше внимание. К тому же, как вы свидетельствуете, Лев Давидович был эпилептиком.

За границей Троцкий женился повторно на дочери богатого торговца.

Казалось бы, живи припеваючи, так нет, дьявольскую душу бередит нечистая сила, высокое мнение о самом себе, тщеславие, честолюбие разжигают азарт политикана, и он вновь в гуще вандалов и варваров, посягающих на государственный строй России, на её древнюю культуру, духовный мир и всё, чем была сильна и горда наша страна.

Человек честный, правдивый должен быть справедлив даже по отношению к своим врагам и объективным в оценке своих близких и друзей. Вы же, Николай Алексеевич, устроившись не просто выгодно, но и роскошно в личной жизни и в роли тайного военного советника вождя, невесть зачем, как-то по-обывательски продолжаете сопоставлять и расценивать его действия.

Так, например, вы пишете: «Лев Давидович почти двадцать лет провёл в чужеземных странах. Что он знал о народах России, об их боли, нуждах, интересах? А ничего. Плевать ему было на русских, украинцев, татар и азербайджанцев, и на киргизов, чувашей, армян, всех других. Политический гастролёр. Намечалась удача — спешил в Россию, захватить пост повыше. А в опасное время отсиживался в отдалении, отдыхал на тучных капиталистических нивах, жирок накапливал. Ещё и Ленина поучать и направлять пытался».

А далее следует: «А вот русскому Калинину и грузину Сталину некуда было бежать, никто не ждал их за границей с распростёртыми объятиями. И не стремились они дезертировать с поля боя, мужественно несли тяжкий крест неравной борьбы с царизмом».

Начнём с цитат. Во-первых, для того, чтобы дезертировать с поля боя, в прямом смысле слова, надо участвовать в бою. Скажите, где, когда, в каком бою участвовал и мужественно сражался Сталин?

А если в переносном смысле, то чаще и больше его, пожалуй,

никто не ретировался после разбойничьих актов, совершаемых против режима.

И при чём тут национальный ценз, если социальное положение вместе с общей культурой не позволяли малограмотному питерскому чернорабочему и тифлисскому шарлатану «накапливать жирок на тучных капиталистических нивах».

Кстати сказать, в этом деле русский Владимир Ульянов не отставал от еврея Троцкого, хотя дотошные современные биографы вождя революции, производя «раскопки» генеалогических корней Ульяновых, обнаружили даже в «поверхностных слоях отложения», состоящих из этнической смеси, еврейскую кровь от доктора Бланка — деда Ленина по материнской линии. Видимо, учуяв это, потомки сионских мудрецов при каждом бегстве Ленина из России за границу встречали его с распростёртыми объятиями.

Не скажу, что я питаю особые чувства к еврейской нации. Моё отношение к ним такое же, как к белым, жёлтым, чёрным расам, всем национальностям и народностям.

Среди евреев, как и среди всяких людей, есть порочные, умственно неполноценные, фанатичные националисты,

шовинисты, фашисты и прочие мерзопакостные «исты». Но есть и замечательные, человечные и очень талантливые люди.

И не хуже и те простые еврейские работяги — кустари и ремесленники, которым ровным счётом наплевать на всякую политику и политиканов. Они живут мирно, не выпячиваясь вперёд, считаясь с условиями жизни того народа, среди которого живут и хотят жить, трудясь, довольствуясь тем, что имеют, и радуясь благополучию семьи.

И не считают они себя «богоизбранным народом», как и не стремятся в рай Земли обетованной до тех пор, пока им и их детям не пригрозили оружием только за то, что называются они евреями.

И в моей голове, неспособной всё осмыслить, никак не укладывается — как можно ненавидеть людей по национальному признаку, поднять руку на ребёнка потому, что он еврей, негр, азиат, русский?

Непонятна мне и ваша психология, Николай Алексеевич, — психология русского образованного человека. Вы хоть и с некоторой иронией относитесь к грузинам, но всё-таки миритесь со всеми национальностями и народностями России, а вот евреев не терпите.

Вы пишете, что евреи отвыкли создавать, производить такие первичные ценности, как зерно, мясо, уголь, железо. Им нужна нация, обосновавшись в которой они могут торговать, развлекать, советовать, руководить. И, конечно, ещё — ювелиры, маклеры, музыканты, часовщики, сапожники, портные, то есть «народ такой, что пенок не снимешь».

Но ведь такие специалисты тоже нужны народу. Живя в условиях Советского Союза, они работали в госучреждениях, на предприятиях, производствах. А что ещё делать в городе?

И разве представители других национальностей не занимались этими ремёслами, в том числе и русские?

Или среди простых евреев не было таких, которые откликались на призывы партии, комсомола и шли на тяжёлые индустриальные стройки?

Поймите меня правильно, Николай Алексеевич, я не против преимущественного положения аборигенов на своей земле и не за то, чтобы пришлые шли в «чужие монастыри со своими уставами», но стричь весь народ под одну гребёнку нельзя.

Демон, которого вы порой пытаетесь представить ангелом только потому, что этот хитрец в собственных интересах пригрел вас под своим крылышком, тоже ведь не без корысти примазывался к русскому народу. Он, в буквальном смысле, подчинил их своей воле, захватив власть в государстве, и тоже

осмеливался судить евреев, на плечах которых вскарабкался на трон.

И этот интернационалист, лучший в мире знаток национального вопроса, коммунист, претендующий на звание вождя мирового пролетариата, был ярым антисемитом, знакомым с заповедями сионистов, одну из которых напомнил вам: «Нееврейское имущество — свободное имущество».

А сам-то вождь со своими единомышленниками и соратниками, чьё имущество объявил свободным, подгрёб самое ценное под себя и пользовался им неограниченно, как хотел сам, и позволял пользоваться своим близким и преданному окружению без счёта, с расточительностью грабителей, не только отвыкших, но отроду не приученных создавать, производить не только для общества, но даже для себя «первичные ценности, необходимые для жизни».

В своих беседах наедине со Сталиным вы, Николай Алексеевич, касаясь ограбления русского народа и страны в целом, говорили: «Во всех уездах и городах реквизировали, изымали драгоценности, вплоть до серебряных ложек.

И не секрет для вас, что занимались этим главным образом люди, близкие к Троцкому, его посланцы, умевшие заботиться не только о государственной казне».

Речь идёт о периоде Гражданской войны, когда близкими людьми к Троцкому были Сталин и Ленин, с ведома которых всё делалось, — это во-первых, а во-вторых, беседу со Сталиным вы вели после войны и смерти Ленина, когда пришёл к власти Сталин и продолжал, как утверждали вы, благословлять центральное правительство на грабежи, а также беззакония и произвол в русских губерниях.

— Не слишком ли громкое слово «грабёж»? — сказал Сталин, прищуриваясь.

— Другого слова не подобрать, — ответили вы.

Конечно, это было смело с вашей стороны, но вы не учли, что грабитель, пришедший к власти в такой могучей стране, начал приобщаться внешне к культуре, становиться важным, степенным и пользоваться лексикой соответствующих кругов. И вам следовало не называть вещи своими именами, а говорить об экспроприации экспроприированного из церквей, музеев, государственных и царских хранилищ, которое копилось в стране в течение многих столетий.

И ещё, коль вы говорили вождю: «Богата, очень богата была наша земля! Повсюду дворянские имения, дворцы, прославленные церкви, зажиточные купцы, справные мужицкие дворы, масса заводов и фабрик! Нет им числа!» — так на кой чёрт всё это было

разрушать до основания и на костях загубленных, на страданиях и муках закабалённых строить новый мир для разбойных люмпенов и пролетариев, ударными темпами превратившихся в господ и правителей, похлеще тех эксплуататоров, которые придерживались рамок законности монархического строя!

И между прочим, эта новорождённая из тупого и бездельного хамья знать в центре, республиках, краях и областях вовсе не состояла из пронырливых «ловчащих и стяжающих» евреев.

О протоколах сионских мудрецов в последние годы в нашей стране говорилось немало.

Были публикации Нормана Кона, который «Диалог в аду» француза Мориса Жюли считал идентичным «Протоколам».

Предполагалось, что «Протоколы» есть подделка полковника царской охранки — антисемита Рачковского.

Вам же, Николай Алексеевич, удалось добыть документ, который Лев Давидович привёз с собой из Испании и содержанием которого постоянно руководствовался в повседневной практике. Цитирую полностью.

«Дорогие братья в Моисеевом законе. Мы получили ваше письмо, в котором вы извещаете нас о муках и горе, которые вы переносите и которые нас заставляют так же страдать, как и вас. Мнение великих сатрапов и раввинов таково: относительно того, что король Испании заставляет вас сделаться крестьянами, сделайтесь таковыми, ибо вы не можете иначе поступить. Относительно того, что вы говорите, что вас заставляют покинуть ваше имущество, сделайте ваших сыновей купцами, чтобы у них [испанцев] мало-помалу *отнять их имущество*. Относительно того, что вы говорите, что у вас отнимают вашу жизнь, сделайте ваших сыновей врачами, аптекарями, *и вы отнимете у них жизнь*. Относительно того, что вы говорите, что они разрушают ваши синагоги, сделайте ваших детей священниками, теологами, *и вы разрушите их церкви.* Относительно того, что они причиняют вам другие мучения, старайтесь, чтобы ваши сыновья были адвокатами, прокурорами, нотариусами и советниками, постоянно занимались государственными делами для того, чтобы, унижая их, *вы захватили эту страну, и вы сумеете отомстить за себя.* И не нарушайте совета, который мы вам даём, чтобы вы путём опыта увидели, как вы из презираемых станете такими, с которыми считаются» *(Сберби Х.М.* Всеобщий сборник испанских выражений. Т. 10. Мадрид, 1878).

Мудрецы, обитавшие в древней столице Иудеи — Сионе, расположенной на одноимённой горе близ Иерусалима, подобных наставлений давать не могли.

При императоре Траяне, покорившем Вавилон, Месопотамию,

Армению и другие страны, в его тылу поднялось второе мощное восстание евреев Иудеи.

Одновременно возмутились евреи, жившие в Египте, на острове Кипре, в Кирине, государстве парфян.

Во время этих событий Траян умер.

Его преемник Элий Гадриан стянул в Палестину войска со всей империи и подавил мятеж (135 г.). Сион, Иерусалим и около тысячи еврейских поселений были разрушены, а евреи частью истреблены, остальные разогнаны.

Под страхом смерти им было запрещено ступать на землю Палестины.

С той поры у евреев не было больше родины, следовательно, и протоколов не могло быть.

Сионизм возник в конце XIX века среди буржуазии европейских стран. В Базеле (Швейцария) впервые была создана Всемирная сионистская организация, провозглашавшая переселение евреев в Палестину и в Сион, то есть на Землю обетованную.

А что касается «Протоколов сионских мудрецов» и «Письма константинопольских евреев к испанским», эти бредовые наставления сумасшедших фанатиков могли зародиться в мозгу шизофреников-сионистов либо таких же безумцев-антисемитов.

Допустим, что Сталин, как вы пишете, «хорошо знал идеологию и устремление руководителей мирового сионизма, таких как Герцель и иже с ним. Эти руководители мечтали о том, чтобы образовать постоянную богатую страну — базу для еврейства, рассеянного по всему свету».

Если душевнобольной вождь-властолюбец в каждом сильном,

мужественном, несгибаемом человеке, ведущем себя независимо, видел соперника, претендующего на свою неограниченную власть, в том числе и сионистов, стремящихся к господству в России, то вы, Николай Алексеевич, как могли поверить в это? Ведь бескрайняя Россия не клочок палестинской земли, а многомиллионный русский народ, не сборище чужестранцев, переселённых императором Гадрианом на опустошённую землю иудеев.

Допустим, что Троцкий со своими сторонниками подготовил «потрясающий по цинизму» проект декрета «О самой угнетённой нации», требуя для евреев каких-то особых льгот — за то, что они были унижены и преследуемы при царизме.

О каких льготах могла идти речь в условиях советского строя, при равноправии и свободе? И как могли распоясаться сионисты на Правобережной Украине, ближе к польской границе, чувствуя поддержку из-за кордона, если они и в Польше подвергались таким же гонениям и были изгнаны?

Другое дело требование евреев создать свою автономию — от Одессы до Гомеля или в Крыму, чему противился Сталин, но всё же был создан Биробиджан.

Вы, Николай Алексеевич, считаете, что с русскими главами государства Троцкому сражаться было бы легче, а со Сталиным сложнее потому, что он грузин и великодержавный шовинизм ему не пришьёшь. И ярлык националиста не навесишь. Он не Грузией руководит.

Вот только доводы ваши неубедительны: антисемитизм тоже есть один из видов национализма. А в том, что Сталин был ярым антисемитом, сомнений быть не может.

Да вы и сами невольно подтверждаете это.

«Головная боль» Сталина — евреи

Меня всегда волновал вопрос: почему Русским государством правит нерусский человек? Неужели среди русского народа после Октябрьского переворота никого, кроме рабов, покорствующих Сталину, не осталось?

В начале XIX века сионизм приобрёл более выраженную националистическую окраску. К лидерам сионизма присоединились представители правящих кругов империалистических держав, разумеется, еврейской национальности. Они в первую очередь стали поднимать вопрос о создании еврейского государства.

Отдельные представители английской буржуазии подняли вопрос об активной колонизации Уганды, а лидеры английских сионистов предложили переселить туда своих соплеменников с целью создания еврейской автономной колонии — Земли обетованной.

Сионисты проамериканской ориентации начали действовать в интересах магнатов США, немецкие и французские — в пользу своих правительств.

Выходит, всем этим ведущим странам мешали евреи.

Наконец, в 1905 году на VII конгрессе сионистов было решено остановиться на Палестине. Это решение было признано рациональным не только с точки зрения символической и религиозной значимости, но и в расчете на «чёрное золото» близлежащих раздробленных эмиратов, составлявших когда-то могущественный Багдадский халифат.

Политические деятели России из правящих кругов и антисемиты сопредельных стран, обеспокоенные растущим могуществом Англии, Америки и активизацией деятельности идеологов сионизма, стали утверждать, что все их действия направляются на превращение России в колонию как богатейший сырьевой источник.

И опять задумываешься, читая и слушая официальные сообщения прессы на этот счёт, в том числе и югославского журналиста-международника Драгоша Калаича, который на основе документальных данных освещает факты финансовой помощи американских банкиров, в частности сиониста Якоба Шиффа, марксистам-террористам и членам интернационалистической организации, засылаемым в Россию и мобилизуемым с целью свержения царского строя в России вместе

с православием.

Якоб Шифф уличается в тесной связи и продолжительном финансировании марксистских организаций и лидеров большевистской партии Ленина и Троцкого. Задумываешься потому, что подготовка к революции в России продолжалась длительное время.

Для разъездов по странам Запада, годами нигде не работая, причём не испытывая нужды с наёмной прислугой, надо было иметь деньги.

Откуда они брались?

А какие огромные средства нужны были для поездок и проведения за границей съездов и партийных конференций!

Где брались средства на оборудование типографий, выпуск множества газет с перевозкой и пересылкой в партийные организации регионов?

И, наконец, на какие средства приобреталось оружие для осуществления переворота в России?

Ведь пролетарии всех стран, во имя которых десятилетиями боролись большевики, ничего, кроме вшей, не имели.

Трудно даже придумать, вернее, не имея оснований, говорить, что в октябре семнадцатого Лев Троцкий через посредника получил из банка Марбурга 400 тысяч крон на нужды большевистского переворота.

А Якоб Шифф с 1918-го по 1922-й годы вложил в дело становления и утверждения власти Советов 20 миллионов долларов.

Этот долг Лениным и Троцким был возвращён банкиру Шиффу вместе с процентами, составившими шестьсот миллионов долларов — за счёт разграбленных церквей, соборов, монастырей, состояний дворянства, помещиков, купцов.

Не пощадили накопленных веками бесценных уникальных коллекций драгоценностей, составлявших шедевры русского искусства.

Но ещё до того финансовый король Америки Шифф — глава ростовщического интернационала — заставил президента США В. Тафта денонсировать коммерческий договор Америки с Россией, с целью устранения России с денежного рынка.

Всё это, конечно же, проводилось в глубокой тайне, скрытно от народа, под всякими условными обозначениями и псевдонимами.

Драгош Калаич считает обычай скрывать под вымышленными именами и фамилиями свои подлинные наречения примечательной чертой преступных наклонностей большевистских революционеров. Я бы сказала, не только

революционеров. Под вымышленными именами и фамилиями во все времена скрывались от правосудия самые отъявленные профессионалы преступного мира — такие как Иосиф Джугашвили.

А что касается вечно гонимых, преследуемых и истребляемых антисемитами евреев, то многие из них, весьма приличные люди, честные труженики, вынуждены бывали во имя собственного спасения и спасения детей своих менять фамилии, соответственно именам и фамилиям народов, среди которых проживали. Чаще всего это делалось путём смешанных браков.

Национальная нетерпимость во многих странах, за исключением мусульманских народов до XX века, особенно, даже можно сказать исключительно, проявлялась по отношению к евреям, наблюдалась она и в России, со стороны так называемых союзов — Михаила-архангела, Союза русского народа и черносотенцев.

Погромная деятельность их развернулась особенно в годы столыпинской реакции.

Именно в этот период русская интеллигенция и большевики во главе с Лениным выступили на защиту еврейского народа.

Казалось бы, российские сионисты должны были помнить активную деятельность в этом направлении русских большевиков. Но нет. Когда в мае 1918 года в Москве состоялась подпольная конференция российских сионистов для обсуждения вопросов политики, экономики и положения русской революции, сионисты ясно определили свою позицию «за создание в России коалиционного правительства без большевиков».

Есть у политиканов всех мастей беспринципность, склонность к интригам, изменчивость, пронырливость и прежде всего выгодное устройство своих личных дел, наплевав на Отечество и свой народ.

Возьмём, например, лидера немецкого сионизма доктора Нонсиса, того самого, который верой и правдой служил императору Вильгельму II.

При германском министерстве иностранных дел этот доктор сумел найти общий язык и с нацистами Гитлера и стал помогать им разрабатывать планы уничтожения неимущих и пожилых немецких евреев.

Какого прозвища достоин такой тип?

Цель Нонсиса понятна — выжить, предав, пустив в расход наиболее слабых, никчёмных соплеменников в угоду расистам.

А Троцкий-интернационалист, вкусивший сладость славы и неограниченной власти, опять-таки в первую очередь заботился о себе и неожиданно потерпел поражение в жестокой схватке с

таким же авантюристом и властолюбцем — со Сталиным.

Последний, ещё не надеясь на свои силы, решил расстаться с соперником по-рыцарски, обмениваясь рукопожатиями. А если говорить прямо, Троцкого Сталин побаивался. Не его лично, а ту силу, которая стояла за ним, сионистов, — так вы толкуете, Николай Алексеевич. Цитирую:

«Чтобы остановить натиск сионистов, нам приходится вести гибкую политику, от обещаний до самых крутых мер», — так в беседе с вами говорит Сталин.

Вы тоже считали, что «спровоцировать конфликт могли те же украинские сионисты (разумеется, конфликт с поляками) и особенно Троцкий». И вы, Николай Алексеевич, при каждой возможности напоминали об этом Иосифу Сталину.

— Да, двум медведям не ужиться в одной берлоге, — соглашался с вами вождь.

— На медведей вы оба не похожи, — заметили вы.

— Хотите сказать, что мы смахиваем на шакалов, которые никак не могут разделить кость? — спросил Сталин.

Да, умел образно, а главное — соответственно выражать иногда свои мысли великий вождь, и тот изложенный вкратце разговор между вами и Сталиным состоялся накануне его последней встречи с Троцким.

Лев Давидович был привезён из Алма-Аты, куда его сослали после исключения из состава членов политбюро.

К его великому удивлению, привезли его в Кремль на квартиру Сталина.

Вы встретили его вместе с хозяином, который в меру был гостеприимен и учтив, однако не называл гостя ни по имени, ни товарищем.

Как вы заметили, от того Троцкого, который произносил с трибун горячие, зажигательные речи, ничего не осталось. Он сознавал, что находится в ловушке, о чём свидетельствовали «нахохлившийся вид», помятость, припухшие веки, вислый банан носа меж бледных щёк и глаза, скрытые стёклами пенсне. Конечно, Троцкий нервничал.

Сталин пригласил гостя с человеком, сопровождавшим его, к столу. Иосиф Виссарионович наполнил бокалы «Мускатом» и предложил тост за «обоюдополезное взаимопонимание».

Троцкий пригубил. Сталин приступил к разговору:

— Наша партия и наше государство страдают от бесконечных споров. Едва завершается одна дискуссия, как вы навязываете следующую. Опять начинается разброд, мы топчемся на месте, вместо того чтобы идти вперёд.

Троцкий:

— Какое ваше предложение? Перемирие? Спокойная жизнь?

На какой платформе?

Сталин:

— Вы мешаете партии достичь поставленных целей.

Троцкий:

— Конечная цель — ничто, движение — всё, за каждым перевалом новый перевал, за каждым движением новое движение.

Сталин поморщился:

— Эти слова мы слышали много раз.

После подобных дипломатических обменов фразами Сталин заявляет:

— Терпение наше истощилось.

— Это угроза? — спрашивает Троцкий.

Сталин:

— Это предупреждение, самое последнее предупреждение. Уезжайте к своим. Вам есть куда ехать, вас примут с распростёртыми объятиями, а мы не будем чинить препятствий. Поймите раз и навсегда: идеи сионизма у нас не пройдут.

Троцкий:

— Но не пройдут и идеи грузинского господства.

Сталин:

— Такой идеи просто не существует. Мы интернационалисты, в самом широком смысле, и в этом наше великое превосходство.

Поди разбери этих двух интернационалистов — еврея и грузина, которые претендуют на верховную власть, чтобы решать судьбы русского народа.

Короче говоря, изгнал Сталин из страны своего противника, о чём позднее весьма сожалел, ибо пришлось ему потратить много времени, сил и средств, чтобы заставить навсегда замолчать Троцкого, поносившего его на всех политических перекрёстках зарубежья.

Да, более десяти лет охотились за ним, как за редким чудовищем, сталинско-бериевские ищейки. Любовница тайного агента НКВД, работавшего за границей, испанка Каридод, не пощадила собственного сына Рамона дель Рио Меркадера, вовлекла его в заговор, недаром, конечно.

Меркадеру удалось проникнуть в дом-крепость Троцкого и представиться его поклонником-марксистом. И в один из роковых дней для Льва Давидовича Меркадер ударом ледоруба по темени покончил с ним.

Отсидев положенный срок в мексиканской тюрьме, Меркадер прибыл в Советский Союз. За такие услуги Сталин умел благодарить: убийце Троцкого присвоили звание Героя Советского Союза.

Вы, Николай Алексеевич, можете обвинить меня в тенденциозности, привередливости, но не забывайте: спрос с вас большой, соответствующий вашему большому положению как советника главы государства.

То, что можно простить простому мемуаристу,

непростительно вам.

Вы обвиняете Троцкого в том, что он стремился «объединить нас с мировым пролетариатом, ослабить нашу армию, открыть границы, пустить к нам предпринимателей…». Но разве главным лозунгом большевиков не был «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»?

И как вы смотрите на то, что на исходе XX века правительство России претворяет в жизнь нашей страны всё то, к чему стремился Троцкий?

Вы абсолютно правы, Николай Алексеевич, говоря, что Иосиф Виссарионович был политическим игроком крупного масштаба, только надо добавить: похлеще Троцкого, потому что с раннего детства до сорока лет прошёл «медные трубы и чёртовы зубы», начиная с разложившейся мути общественного дна до поднятых брожением пенок политичной массы.

Он умело использовал кого угодно, где угодно, в том числе и вас, причём в сугубо личных интересах, делая вид, что творит во имя коммунистического блага.

Да, есть у игроков пределы коварства, которые не принято нарушать.

Гитлера вы не считаете игроком, вы называете его подонком, ходы и поступки которого были непредсказуемы. А разве ходы бесчестных игроков бывают предсказуемыми?

Фюрера вы называете плохим игроком потому, что он проиграл войну. Но если Гитлер — авантюрист, то вы, как образованный военспец, должны иметь понятие о войнах справедливых и несправедливых, захватнических и оборонительных — священных.

Армейская сила, мощь вооружений, техника, обеспечивающая высокую манёвренность, и всё прочее может сыграть определённую роль, а вот сила возмущения с жаждой мщения порождает неукротимый боевой дух у тех, кто защищает своё Отечество, свой народ, свой очаг.

И чем изощрённее злодеяния захватчиков, тем беспощаднее месть обороняющихся.

Моральный фактор у мыслящей части сил агрессора иной. Его солдат может осознать эту несправедливость, внутренне сочувствовать жертвам агрессии, понять, во имя чьих интересов он должен жертвовать собой.

Всё это может породить инертность, безразличие, а в конечном итоге привести к поражению.

Так что вожди-игроки — не главное в таких делах.

Сталин был не просто вождём народа, генсеком, но и руководителем нашей агентурной разведки за рубежом. Он

использовал, но не доверял тем агентам, у кого не было в Союзе близких родственников, тем, кто, не будучи связан с родиной, мог переметнуться на сторону врага при явной выгоде.

Однако в период Великой Отечественной войны Сталин широко пользовался агентами-иностранцами, в особенности евреями-антифашистами. На них можно было надеяться, и они оказывали большие услуги Сталину.

Вы сами, Николай Алексеевич, вспоминаете польского еврея, родившегося в старой России, настоящую еврейскую фамилию которого вы запамятовали. Этот сталинский агент, достаточно законспирированный, имел связи, как вы пишете, в правительственных кругах нескольких стран. А в Союзе он был связан с Ильёй Эренбургом, который был посредником между Сталиным и тем ловким агентом. После войны этот польский еврей оказался в Израиле, вероятно, с ведома Сталина, который в отношении Израиля начал строить определённые планы, но к этому я вернусь позже.

С Ильёй Эренбургом Сталин считался не как с талантливым писателем. Вы говорите, что его литературные способности Сталин расценивал довольно скромно.

В то время как ближайшие друзья Ильи Григорьевича в предвоенные годы были арестованы и погибли в лагерях — Бабель, Кольцов, Мейерхольд… А вот Эренбург был депутатом Верховного Совета, имел возможность свободно разъезжать по близким и дальним странам зарубежья, возвращался в Союз, встречался со Сталиным и за два романа «Падение Парижа» и «Буря» был удостоен звания лауреата Сталинской премии.

Хитёр был вождь. Сорвав замыслы сионистов по созданию в России Земли обетованной, Сталин вовсе не намеревался проводить политику преследования евреев по национальному признаку, как поступал Гитлер, пишете вы, Николай Алексеевич, то есть он считался с могуществом всемирной «сионистской империи».

Империи такой не было, иначе зачем было искать место для Земли обетованной, а Всемирная сионистская организация была, и на эту организацию решил сделать ставку ваш политический игрок «крупнейшего масштаба» — через Эренбурга, связи которого с сионистами были многообразны и обширны, перед началом и в течение всего периода Отечественной войны.

Также вы, Николай Алексеевич, уверяете, что «то, о чём правительство не могло говорить во всеуслышание, Сталин или кто-то другой (быть может, вы) по его поручению доводили до сведения Эренбурга. Можно было не сомневаться, что поднятая проблема или просьба в ближайшее время будет обсуждена в

высших сионистских кругах», так, кажется?

Задумываясь и над этим фактом, прихожу к выводу, что одной из крупных ошибок Гитлера было массовое, вернее, поголовное, зверское уничтожение евреев не только в своей стране, но и во всех оккупированных странах.

Этот факт, порождая сочувствие к невинным детям, старикам, тысячами расстрелянным на виду у тех же русских на оккупированных землях, порождал гнев и желание мстить извергам всяким путём.

Надо полагать, что немалую помощь и услуги оказал Сталину и Еврейский антифашистский комитет, созданный в феврале 1942 года в Москве в целях мобилизации советского и мирового общественного мнения против злодеяний фашизма.

В своей исповеди в ходе повествования вы, Николай Алексеевич, еврейскому вопросу уделяете много внимания, разумеется, отражая отношение к евреям Сталина и своё, конечно.

В ходе подготовки революции в России, ещё до 1905 года, в период переворота и Гражданской войны многие из людей, занимавших ключевые позиции, были евреями, причём с изменёнными именами и фамилиями. Как известно:

Троцкий — Лейба Давидович Бронштейн;
Свердлов — Янкель Мовшович Ешдо;
Каменев — Лев Борисович Розенфельд;
Зиновьев — Гершель Аронович Апфельбаум;
Ярославский — Моисей Израилевич Губельман;
Ягода — Генрих Гришевич Иегуда;
Володарский — Моисей Маркович Гольдштейн;
Загорский — Вольф Михелевич Лубоцкий;
Урицкий — Моисей Соломонович;
Литвинов — Вацлав Финкильштейн;
Лазовский — Соломон Дризо;
Землячка — Розалия Соломоновна Залкинд;
Румянцев — Шнайдер;
Кандидов — Шпицберг;
Захаров — Эдльштейн.

Были, конечно, среди молодых и такие, которые не считали нужным или не имели оснований скрываться под псевдонимами, как, например, секретарь ЦК комсомола Ефим Цейтлин и сменивший его Аскар Ривкин.

Среди исполнителей убийства царя Николая вместе с семейством ведущую роль также играли люди еврейской национальности, как, например, Пётр Войков — Пинхус Лазаревич Вайнер; Голощёкин — Исаак Шоя; Юровский — Янкель

Хаймович; Белобородов — Янкель Вайсберг.

Жёны Молотова, Куйбышева, Кирова, Ворошилова, Андреева, Рыкова, Бухарина, Томского, муж дочери Сталина Светланы, жена сына Сталина Якова, жена Поскрёбышева и некоторых других тоже были евреями.

И что характерно, многих жён-евреек русских политических деятелей Сталин репрессировал. Причём даже таких, как Молотов, Калинин, Поскрёбышев, и они продолжали безропотно повиноваться лютующему идолу. И лишь только один Климент Ворошилов, когда в его квартиру вошли энкавэдэшники и предъявили ордер на арест его жены, выхватил наган и, угрожая им, обложив матом посланцев Берии, выгнал всех вон.

Взять самого наркома обороны Сталин не посмел. Слишком громкой, хоть и незаслуженной славой было овеяно и воспето его имя. Помните, Николай Алексеевич, слова песни, звучавшие в колоннах всех парадов:

Будённый — наш братишка,
С вами весь народ.
Приказ: голов не вешать
И глядеть вперёд!
Ведь с нами Ворошилов —
Первый красный офицер.
Сумеем кровь пролить
За СССР!

Не тронул его вождь, проявлявший свой характер возле робких, покоряющихся его жестокой воле, даже тогда, когда он на одном из банкетов, хлебнув лишку, в присутствии членов политбюро, по привычке, желая свалить собственную вину на Ворошилова, с ехидной улыбкой попрекнул Климента Ефремовича в том, что один он повинен в провале финской кампании 1939 года.

Ворошилов, вскочив с места, смело глянув в лицо вождя, схватил со стола огромное блюдо с жарким, грохнул об стол и презрительно процедил сквозь зубы:

— Это вы, вы во всём виноваты!

Вы уничтожили лучших полководцев нашей армии во главе с генералитетом!

Присутствующие, конечно же, замерли, опустив глаза. Застыл и генсек.

Такого за всё время своего владычества не слышал он ни от кого.

Подобного не позволял себе при крайнем возмущении его

хамским поведением даже Ленин. Но Ленин был интеллигент.

Многие из присутствовавших, знавших, как выпер Климент из дома опричников грозного «папы малого» (Берии), не сомневались в том, что в этот момент Ворошилов вынес сам себе смертный приговор, но самодержавный палач не посмел поднять секиру на Климента Ефремовича. Он знал, что взбешённый русский мужик, за спиной которого стоит толпа, дёшево не отдаст свою жизнь.

Не стал рисковать и не смел больше открыто унижать достоинство героя Царицынской битвы.

Но где-то в узком кругу позволял себе с насмешкой заметить полководческую бездарность Ворошилова и близких к нему — Будённого, маршала Кулика, других.

О тех инцидентах Ворошилова со Сталиным никто из свидетелей до конца жизни Сталина говорить не смел.

Но с тех пор отношение Сталина к Ворошилову заметно изменилось.

Это замечали многие, а нарком Военно-морского флота Н.Г. Кузнецов даже задумывался, не зная, чем объяснить, а вернее, объясняя тем, что «младотурки», окружившие Сталина, просто оттесняют от вождя старых соратников.

Да и как было не задуматься опытному флотоводцу, не раз бывавшему в кабинете Сталина и постоянно видевшему сидящих там: справа — Молотова, слева — Ворошилова.

Однажды Сталин при беседе с Кузнецовым при его ссылке на Ворошилова сказал: «Да что он понимает во флотских делах? Ему лишь бы корабли давали самый полный ход — так, чтобы песок летел из-под винтов».

И это говорил глава государства, который позволил невежественному человеку полтора десятка лет руководить армией страны!

Но вернусь к еврейскому вопросу, к статистическим данным, приводимым вами же, Николай Алексеевич, и свидетельствующим о засилье иудеев в руководящих сферах республики.

В Совнаркоме русских — 2, Ленин и Чичерин, армян — 1, грузин — 1, евреев — 18 человек. Это в первый год советской власти!

В 1936 году в том же Совнаркоме евреев — 97 человек, остальных — 18 человек.

В ЦК ВКП(б) евреев — 61 человек, неевреев — 17 человек, с неустановленной национальностью — 7 человек (безродные).

В военном комиссариате при Троцком евреев — 34, латышей — 1, русских нет.

В Наркомате финансов из 30 человек штата — 26 евреев.

В Госплане евреев — 12 человек, неевреев — 3 человека.

В печати — все 12 газет и журналов возглавляли евреи.

В Наркомате юстиции — 18 евреев.

В Наркомате внутренних дел, карательных органах — все евреи.

Николай Алексеевич, но ведь были же Феликс Эдмундович Дзержинский и другие нееврейской национальности в органах ЧК, причём люди, увлечённые благими идеями социализма.

В 1936 году при Гершеле Ягоде в НКВД в составе высшего руководства было четырнадцать евреев и лишь шесть представителей другой национальности.

Далее вы приводите пофамильный список, говоря «вот они все сионисты». Вы делаете это вроде бы ради справедливости, сочувствуя пострадавшим в годы репрессий, не говоря о том, что они были сталинские, чтобы потомки репрессированных знали имена палачей.

А командующего легионом палачей почему не называете?

Ведь вы тоже, как друг и ближайший советник вождя с 1922 года — со дня, когда Сталин стал генсеком, — были в тесной связи с ним и, в частности, занимались еврейским вопросом не меньше, чем военными, в особенности в Отечественную войну, которую обошли молчанием.

Значит, за миллионы расстрелянных и сгноённых в ГУЛАГе в первую очередь ответствен Сталин, затем вы и подобные вам приспособленцы из его окружения, а уж в последнюю очередь механически исполнявшие люди.

Кто назначал Ягоду, Ежова, Берию главами ОГПУ и Наркомата внутренних дел? Кто утверждал замов, помов и завов в центре и руководстве региональными структурами НКВД?

Вы приводите фамилии тех, кто работал при Ягоде, — Л.Г. Миронова, начальника хозотдела, М.И. Гая, начальника особого отдела, А.А. Слуцкого, начальника заграничного отдела, А.И. Шанина, начальника транспортного отдела, И.Л. Иоффе, начальника антирелигиозного отдела, Буля, начальника уголовно-следственного отдела, Н.И. Могилевского, начальника Управления внутренней безопасности.

А почему обходите молчанием то, что все они во главе с Ягодой, а вслед за ним и Ежовым, со сменившими означенных в этом списке людей, понесли заслуженную кару? Всех их и многих других в республиках, краях и областях расстреляли или превратили в пыль в ГУЛАГе.

И почему вы не подчеркнули национальную принадлежность тех, кто занял эти посты при Берии и тоже понёс суровую кару —

за прегрешения одолеваемого неотвязными бреднями великого вождя?

И кто позволил усеять землю российскую гигантскими могильниками тысяч расстрелянных без суда и следствия?

По чьему указанию были вырыты для политкаторжан ямы и воздвигнуты зловонные бараки ГУЛАГа, где заживо сгнили не только политические, военные, научные и другие деятели, но и их матери, жёны, дети, даже не достигшие совершеннолетия?

Вы, Николай Алексеевич, были не просто в курсе этих преступных дел, проводимых вашим благодетелем, но и достаточно осведомлены, коли так подробно излагаете.

Копирую с ваших страниц:

«В Главном управлении лагерей и ссыльных пунктах работали: начальник управления Берман Я.М., его зам Фирин С. Я. Начальник по Украине Кацнельсон С. П., начальник лагерей Карелии Коган С. А.

Начальник лагерей Северной области — Финкельштейн.

Соловецких островов — Серпуховский,

Казахстана — Полин,

Западной Сибири — Шабо,

Верхнеуральска — Мезенец,

Ленинградской области — Заковский,

Азово-Черноморской области — Фридберг,

Саратовской области — Пиляр,

Сталинградской области — Райский,

Горьковской области — Абрампольский,

Северного Кавказа — Файвилович,

Башкирии — Зелигман,

Восточно-Сибирской области — Троицкий,

Дальневосточного района — Дерибас,

Среднеазиатского района — Круковский,

Украины — Белицкий,

Белоруссии — Леплевский (в его ведении находилось урочище Куропаты)».

Вы, Николай Алексеевич, даёте неполный список, говоря, что в целом около 95 процентов начальников спецлагерей были лица еврейского происхождения и что эти должности приносили огромные доходы взятками с родственников заключённых — за улучшение режима, начисление зачётов, досрочное освобождение…

Вы, Николай Алексеевич, живя изолированно в царских апартаментах Кремля и роскошных подмосковных дворцах, далеки были от житейских дел и быта родственников и близких осуждённых по статье 58-й. Какие взятки, составлявшие огромные

доходы начальников лагерей, могли давать члены семей и родственники репрессированных, если все они оказались в тюрьмах или ссылках с шестнадцатью килограммами багажа? Заброшены в Сибирь, пустынные края Казахстана, республики Средней Азии.

Ведь семьи в буквальном смысле слова выбросили из квартир, а имущество продали с молотка, и кому — своим.

Кроме того, вы даёте перечень людей еврейской национальности, проникших во все сферы управления, и называете их прямо — сионистами. Но ведь, как уже было замечено мной, почти все «всемогущие сионисты» были расстреляны.

Да, да — расстреляны, а не отправлены в ГУЛАГ!

С вашей стороны честнее было бы дать хотя бы общую или приблизительную цифру евреев, в том числе и женщин, начиная с «Кремлёвского дела», невесть за что схваченных и осуждённых на разные сроки. И только потому, что вождь, страдающий манией подозрительности, видел в каждом окружающем, особенно старом партийце, соперника на трон либо террориста, готовящего на него покушение.

И самое страшное в вожде, повторяю, — это неверие никому, отсутствие элементарного чувства благодарности, в особенности тем, кто ему делал добро.

В этом он усматривал расчёт, определённую цель — усыпление бдительности.

Таких он использовал, а потом убирал.

Взять тот же Еврейский антифашистский комитет, созданный в первый год Великой Отечественной войны, который оказал немалую услугу на идеологическом фронте в формировании мирового общественного мнения против злодеяний фашистов.

Когда члены этого комитета вместе с общественностью отыграли свою роль, вождь, зная, что некоторые из них бывали за границей, и помня деяния, учинённые против него своим ярым врагом Троцким, на всякий случай намекнул Берии о необходимости уничтожения этого «очага сионизма», в действиях которого видел не услугу ему, а заботу о собственной шкуре.

И тогда в октябре 1946-го из Министерства госбезопасности СССР в ЦИК и Совмин поступило донесение «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета».

Отделом внешней политики ЦК была создана комиссия для проверки деятельности ЕАК. Вывод: «Деятельность комитета вышла за пределы его компетенции, приобрела несвойственные ему функции и потому является политически вредной».

Копия этого «вывода» Сусловым была направлена Сталину, который приказал ликвидировать ЕАК.

Но события этим не закончились. Было возбуждено уголовное дело. Предлогом послужили показания, сфальсифицированные, выбитые путём жестоких пыток из старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР И.И. Гольдштейна и сотрудника Института мировой литературы АН СССР Гринберга, якобы связанных с руководством ЕАК.

После этого из следственного отдела Министерства госбезопасности Союза в ЦК и Совмин поступило второе секретное донесение, в котором руководство ЕАК обвинялось в антисоветской националистической деятельности, проявившейся после поездки в Америку С.М. Михоэлса и И.С. Фефера, где они якобы вошли в контакт с лицами, связанными с американской разведкой.

Г.М. Маленков, который имел партийное поручение по судебному разбирательству, счёл необходимым приложить к делу письмо, составленное в 1944 году, после выселения крымских татар, — Лозовским, Михоэлсом, Эпштейном, Фефером с предложением о создании в Крыму Еврейской социалистической республики. Криминал, наверное, основательный для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, С. А. Лозовский — заведующий кафедрой партшколы при ЦК КПСС — председатель ЕАК, И. С. Шефер — поэт, секретарь ЕАК, И. С. Юзефович — младший научный сотрудник Института истории АН СССР, Б. А. Шимелиович — главный врач больницы Боткина, Л.М. Квитко — поэт, П.Д. Маркиш — поэт, секретарь ревизионной комиссии Союза писателей, Д. Р. Бергельсон — поэт, Д.Н. Гофштейн — поэт, В.Л. Зускин — художественный руководитель Московского еврейского

театра, Я. Я. Тальми — журналист, переводчик Совинформбюро, И. О. Ватенберг — старший редактор художественной литературы на иностранных языках, Э. И. Леумда — редактор международного отдела Совинформбюро, Ветенберг-Островская — переводчик ЕАК, Л. С. Штерн — директор Института физиологии АН СССР, С.Д. Бергман — замминистра Госконтроля РСФСР и плюс ещё 110 человек советских и партийных работников, учёных, писателей, поэтов, журналистов, специалистов государственных и промышленных учреждений в связи с делом ЕАК в течение 1948–1952 годов были арестованы.

Затем последовало «Дело врачей-отравителей», нашумевшее на весь мир.

Виднейших учёных-медиков, таких как Вовен, Коган, обслуживающих кремлёвских господ, арестовали.

Тысячи не врачей, а советско-партийных работников, руководителей крупных промышленных предприятий, научных учреждений, в том числе и участников Отечественной войны, причём не из третьих и вторых фронтовых эшелонов и армейских тылов, а искалеченных на передовой, изгоняли с мест службы.

Вспоминая всё это и задумываясь над описанным вами, Николай Алексеевич, диву даюсь, как это могли евреи — хитрые, пронырливые, умеющие ловчить, обводить вокруг пальца любого простачка — допустить, чтобы их, не местечковых, а именитых деятелей, сотнями сволакивали одним ударом бича и превращали в мартышек.

И кто? Уничтожал моральный уродец из бывших тифлисских базарных «кинтошек».

Где были при этом лидеры международного сионизма, которых единственно побаивался Сталин?

Вам, Николай Алексеевич, конечно же, известно, что инициаторами создания Государства Израиль были Сталин, Каганович и Молотов, последний — как министр иностранных дел.

Главы тогдашних правительств Америки, Германии, некоторых других стран были против этой затеи.

Наши правители в лице грузина, еврея и русского свои намерения оправдывали железной логикой, изложенной Молотовым: «Мы — сторонники интернациональной свободы, почему мы должны быть против, когда, собственно говоря, отказать — значит повести какую-то враждебную политику в национальном вопросе».

Причём инициаторы, благодетельные интернационалисты, предлагали два варианта — либо создать арабо-израильское объединение, поскольку живут те и другие вместе, а если не

договорятся, то создать отдельное израильское государство.

Спрашивается, если представители арабского народа и палестинские евреи с некоторых пор снова стали жить вместе — так зачем создавать то, что существует?

Но, видимо, за этими «лыком шитыми» дипломатическими потугами была одна цель — создать отдельное Государство Израиль с целью избавления от евреев, которые в течение всего периода властвования заботили Сталина.

Генералиссимус, ни разу не нюхавший на фронте пороха, после победы над Гитлером глава сверхдержавы, второй после США, считал позволительным для себя решать судьбы народов всего мира.

Вот только у нашего министра иностранных дел, при всём его «таланте дипломата», просочился намёк на то, что «в противном случае Советскому Союзу пришлось бы начать войну с Англией и с Америкой». Поскольку «евреи давно борются за создание своего государства под сионистским флагом, и мы, конечно, были против, но, если народу отказать в этом, значит, мы на них давим».

Выходит, что существовал-таки заговор, в осуществление которого втянули наше правительство? Может быть, когда-нибудь какой-нибудь другой тайный советник вождя оставит мемуары и внесёт ясность в этот тёмный вопрос.

Но как бы там ни было, в 1947 году на Генеральной Ассамблее Организации Объединённых Наций было вынесено решение о создании в Палестине двух независимых друг от друга государств — арабского и еврейского.

Первопоселенцами, составившими первое правительство Государства Израиль, были люди Сталина, Кагановича и Берии, как, например, Бен-Гурион, Моше Даян, Эшкол, генсек компартии Израиля Самуил Микунис и ещё плюс к ним двенадцать Героев Советского Союза, разумеется, еврейской национальности. И это вам, Николай Алексеевич, хорошо известно.

Как и то, что Сталину и лидерам великих держав нужно было иметь «своих людей» на берегах тёплых морей, Суэцкого канала, Тигра и Евфрата, на развалинах великого Арабского халифата и Персидского залива.

Ведь сразу после разгрома Германии в душе генералиссимуса забурлили агрессивные страсти. Его тяжёлый, как свинец, взгляд был обращён в турецкую сторону.

Командование Черноморской флотилии получило негласный приказ: двинуть армаду кораблей на Стамбул, но с этим актом запоздали. Англо-американские корабли успели заякорить бухты Мраморного моря, проливов Босфор и Дарданеллы, откуда

союзники приветственно махали нам флажками.

Пройдя сорок километров по турецкой земле, наши сухопутные войска вынуждены были убраться восвояси.

Неудача постигла заговорщиков во главе с генсеком и во вновь народившемся на чужой земле Государстве Израиль. Все их ставленники, за исключением секретаря компартии С. Микуниса, изменили своим хозяевам и переметнулись на сторону англо-американцев, увидев в них более могущественных, а главное — надёжных хозяев.

Переполох в Кремле случился ужасный и вскоре перехлестнул за древние стены — волной страшного гнева и мести еврейскому народу за неблагодарность, измену и предательство.

Но надо было и это чем-то объяснить.

Так возникло громкое «Дело врачей-отравителей».

Начали хватать видных учёных-медиков, начиная с тех, кто обслуживал Кремль, правительство, кончая руководителями рангом ниже — в республиках, краях и областях.

Вместе с врачами изгоняли со службы партийных работников, специалистов, которые, зная, что в центре начались массовые аресты, с тревогой ждали своего часа.

Естественно, сионисты Америки и Англии, а с ними и общественность этих стран поднялись на защиту советских евреев. Но Сталин в своей слепой мести был неустрашим.

В ответ на требование лидеров международного сионизма поднять «железный занавес» и дать возможность советским евреям выехать из Союза и поселиться на земле предков он через Берию предложил министру иностранных дел Израиля, одесситке Голде Меир, требовавшей разрешения выезда евреев, составить списки желающих с указанием имени, отчества и фамилии, возраста, образования, занимаемого положения.

Эта работа Голдой была проделана основательно, с опросом и согласием желающих покинуть Страну Советов. В списки попали не какие-нибудь местечковые, а московские, ленинградские или одесские евреи, люди образованные, составляющие мозг страны.

Когда имена желающих отбыть в первой партии 1300 человек были представлены в НКВД, а затем переданы Сталину, последний, пробежав глазами по фамилиям, швырнул список Берии и коротко бросил: «Всех за решётку!»

Ситуация в стране накалялась. Отношения Сталина с Молотовым и Ворошиловым стали натянутыми. А с Кагановичем вообще вышел конфликт.

В мятежной душе грозного вождя взыграл дух антисемита. Он считал, что в провале еврейского дела в Израиле большей частью

виновен Лазарь Моисеевич, который к тому же осмелился в дерзком тоне говорить с ним, упрекая и обвиняя в беззаконии, самочинстве и издевательстве над еврейским народом.

Конопатое, испещрённое оспой лицо вождя побагровело. Жёлтые, кошачьи глаза заискрились гневом, узкий лоб стянули глубокие морщины. Вобрав голову в плечи, словно хищник, изготовившийся к прыжку, сначала изрёк площадную брань, а потом заорал:

— Жидовская морда! Я выведу тебя из состава бюро и превращу сначала в мартышку, а затем, сняв с тебя шкуру, сошью себе унты!

— Что? Сосо вонючий! Да плевать я хотел на тебя и твоё бюро! Я тебе не Лейба и не Бухарин! На, бери!

Каганович выхватил из нагрудного кармана удостоверение члена политбюро, изорвал его в клочья и, швырнув на стол, вышёл из кабинета вождя.

Сталин побелел, качнулся и, пятясь назад, опустился в кресло. Лицо его перекосило, руки повисли как плети. Постышев и личный телохранитель уложили хозяина Кремля на диван, вызвали врача.

Диагноз — тяжёлый гипертонический криз с признаками пареза левой половины лица и левой руки. Режим строго постельный с неотлучным дежурством медперсонала.

Сталин был гипертоником, кровяное давление в течение нескольких дней держалось на высоком уровне. Лекарства, предлагаемые ему, не пил, боясь отравления.

Со дня той бескровной дуэли с Кагановичем он уже не мог оправиться, часто впадал в ступор, который сменялся сильным возбуждением. Он нервно старался спрятать в карманы трясущиеся руки.

От лечения наотрез отказался, сам без контроля врача пил лекарства, разжижающие сгустившуюся кровь, — они хранились в его домашнем сейфе. Вождь забыл о том, что принимать лекарства нужно под пристальным оком медиков, постоянно проводить анализ крови, говоря простым языком, чтобы сгустившаяся кровь чрезмерно не разжижалась и не привела к кровоизлиянию внутренних органов, что, собственно, и произошло.

5 марта 1953 года страна и мир избавились от тирана, который усеял нашу землю костями по меньшей мере пятидесяти миллионов соотечественников.

Кардиналы коммунистического папы

По сей день вы, Николай Алексеевич, и подобные вам сталинцы трубите и не стыдитесь того, что вам при Сталине жилось не просто хорошо, а комфортно, — это и есть эгоисты высшей марки, чуждые сопереживанию, состраданию, заботящиеся о собственном чреве и благополучии, наплевав на судьбы своего народа.

Не верится, что в их расчётливой душе и холодном сердце сегодня в это критическое время пробудилось милосердие по отношению к тем, кто оказался за чертой бедности.

У этой черты, и более грозной, русский народ оказывался не раз. Но обуреваемые ностальгией по сталинщине почему-то раньше не поднимали свои голоса в защиту невинных жертв, бесконечных насилий, расправ и убийств, совершаемых тираном.

Неубедителен и аргумент, что Сталин принял в управление Россию с сохой, а превратил её в индустриальную державу с атомной бомбой. Кстати сказать, Россия и без социалистических преобразований, задолго до революции считалась могучей державой, перед которой трепетали многие страны Европы. А от сохи к трактору она шла и пришла бы рано или поздно, без насилий, минуя путь, указанный Марксом, как пришли за более короткий срок не только страны Европы, но и самые отсталые страны Ближнего Востока.

Тому пример — арабский эмират Катар.

Эта небольшая страна, расположенная на западном полупустынном побережье Персидского залива, даже не числилась на карте Европы до начала XX века.

В описаниях же Арабского Востока в XVI веке встречались лишь упоминания о полуострове Катар, служившем транзитным пунктом для завоевателей, устремившихся к богатствам восточных стран.

В те времена на этой пустынной земле стали появляться арабы, перешедшие к оседлой жизни. Они занимались рыболовством, добычей жемчуга. Но обитали здесь и кочевые племена бедуинов, разводившие мелкий и крупный рогатый скот, а также верблюдов — основной транспорт песчаных пустынь.

Позднее, с появлением промысла и развитием нефтяной промышленности, небольшое поселение превратилось в город Доха — столицу эмирата, расположенную в сорока минутах полёта от Эль-Кувейта.

С открытием богатых месторождений нефти эмират Катар превратился в монополию американских, английских и французских промышленников.

Современная столица княжества Доха (Вида) — это огромный город с высотными домами, разделёнными широкими проспектами, по сторонам которых теснятся наряду с жилыми зданиями государственные учреждения, банки, учебные заведения и городские районы, отдалённые от индустриальной части, где белеют величественные мечети с высокими минаретами, устремлёнными в синь безоблачного неба.

Город, выросший на песке, утопает в зелени садов и парков. Среди деревьев, окаймляющих обочины дорог и пространные площади, струятся журчащие воды фонтанов. А на берегах залива высятся огромные здания морских вокзалов, у причалов которых пришвартованы гигантские пассажирские и грузовые корабли, меж которых хлопотливо снуют моторные лодки, шхуны и простые рыбацкие парусники.

В Катаре насчитывается более двухсот начальных и средних учебных заведений. Большое внимание здесь уделяется подготовке национальных кадров в высших местных и зарубежных учебных заведениях.

Не ограничиваясь ростом нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, правительство страны уделяет особое внимание развитию скотоводства, рыболовства, земледелия, используя каждый клочок плодородной земли оазисов.

Учёные Катара постоянно следят за экологической обстановкой в стране, заботясь об охране окружающей среды.

Таким образом, за каких-нибудь три десятка лет промышленность, экономика и культура этого маленького государства достигли уровня передовых европейских стран.

Достаточно сказать, что в этой стране, где почти нет пресной воды, теперь на душу населения в сутки предусмотрено 150 литров опреснённой воды. А у нас, даже на Северном Кавказе, где из-под ледников и заснеженных вершин гор сбегают бурлящие потоки, образуя множество рек, где из земли бьют фонтаны минеральных и пресных вод, до сих пор не могут решить проблему водоснабжения не только населения, но и промышленных и лечебных учреждений.

Что касается социальной стороны жителей эмирата, то и здесь немало преобразований, направленных на благо народа.

Уже одно то, что образование и медицинская помощь осуществляются бесплатно, говорит о многом.

Также государственным служащим и рабочим, достигшим

преклонного возраста или потерявшим трудоспособность, назначаются пенсии.

Правительство Катара не ограничивается княжеской формой управления, а стремится привлечь коренное население к общественно-политической деятельности. Причём старается укрепить традиционные исламские и местные национальные устои арабов, ограждая население от тлетворного влияния худших сторон европейской цивилизации, словно зараза проникающих в страну с наплывом иностранцев, придерживающихся простоты нравов.

Конечно, все эти величайшие преобразования в жизни катарцев произошли в связи с развитием нефтяной промышленности. В конце сороковых здесь были обнаружены крупные месторождения «чёрного золота», в связи с чем была начата коммерческая разработка и заложены основы нефтеперерабатывающей промышленности.

Но ведь и в нашей стране ещё задолго до революции существовали богатые месторождения нефти, развитая нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность, которая начала развиваться ещё с 1806 года.

За годы советской власти добыча нефти выросла в несколько раз и была начата эксплуатация новых районов месторождения.

А можем ли мы сказать, что Азербайджан за последние сто лет, занимая благодатные земли, лесистые горы с плодоносящими деревьями, зелёные степные просторы, по которым катят свои пенные воды реки и древний Каспий щедро одаривает лучшими видами морских обитателей, может сравниться по своему социально-экономическому развитию с Катаром?

А ведь Азербайджан стоит не на песке, на его полях возделываются лучшие сорта пшеницы, ячменя, риса, бобовых, не говоря о плантациях хлопка, виноградниках и садах, где зреют в условиях субтропиков экзотические фрукты.

Азербайджан — страна древнейшей культуры, прославившаяся своими учёными, зодчими, ювелирами, мастерами-ремесленниками, хлеборобами, садоводами, рыболовами.

Этим лишний раз я хочу подчеркнуть, что Сталин со своим бездарным окружением пришёл на всё готовенькое, начал разрушать до основания всё созданное в течение столетий людьми одарёнными, мыслящими. И всё для того, чтобы воздвигнуть бездумно новые гиганты индустрии, порой и без надобности, в ущерб окружающей среде, ради показухи.

Катарские скотоводы и пастухи теперь кочуют со своими

стадами по пастбищам на собственных автомашинах, а чтобы не скучать, пользуются радио, телевизорами, магнитофонами. Скажите, азербайджанский чабан может себе позволить такое?

Естественно, возникает вопрос: кто правит Катаром? Оказывается, не большевик, не коммунист, а почтенный шейх Халифа бин Хамад аль Тани.

Как известно, шейхи в арабских странах относятся к высшему духовному сословию, люди учёные, а не из пастушьего племени.

Шейх Халифа «бин» — означает сын Хамада, происходит из старейшего рода катарцев. Его предки ещё в XVIII веке занимались добычей и торговлей жемчугом.

Катарский жемчуг по качеству и радужной игре красок считается лучшим в мире. Но добыча его тяжела и опасна.

Человек этой профессии должен быть сильным, волевым, отличным пловцом и ныряльщиком, умеющим продержаться на морском дне столько времени, сколько необходимо для поиска раковин. И всё-таки многие из этих ловцов жемчуга не доживают до старости, и потому жемчужное ожерелье называют «ожерельем слёз». Значит, путь этот к обогащению — честный.

Шейх Халифа — высокообразованный правитель. Укреплению его авторитета среди подвластного народа, помимо всестороннего повышения уровня экономики, культуры, способствовали принятые им меры по установлению государственного контроля над природными богатствами страны и в особенности его решение об отчислении части доходов из эмирской казны в казну государственную, расходуемую на нужды и процветание народа.

Шейх не ограждается от народа, доступен деловым людям, приветлив и прост в обращении, гостеприимен.

Не окружает себя легионом телохранителей потому, что не боится своего народа и не устраивает сборищ бездельников и болтунов, круг его советников узок — состоит из представителей высшего мусульманского духовенства, учёных и старейшин всех округов эмирата.

А сталинский геноцид начался со дня его восхождения на партийный пост — в 1918 году.

Для Сталина не существовали ни государственные, ни общественные, ни религиозные законы, а значит, и законы чести и совести.

Принуждаемый с детских лет к насильственному их соблюдению, он испытывал чувство высшего удовлетворения при насильственном подчинении своей дьявольской воле окружающих.

Устраивал громкие процессы, вначале открытые, а затем закрытые. И всё разнообразие групповых и массовых обвинений тысяч и миллионов людей сводилось к одному — стремлению обвиняемых к захвату власти в стране, покушению на жизнь его величества генсека и его приближённых.

Фальшивые процессы тщательно готовились, сценарии разыгрывались, ведущие герои соответственно ролям обрабатывались.

Сочинитель, он же режиссёр, не выходя из кабинета, млел от удовольствия, следил за ходом драматических представлений.

Перечислю самые громкие, нашумевшие спектакли:

Союз марксистов-ленинцев (группа Рютина);

Московская контрреволюционная организация — группа рабочей оппозиции;

Ленинградская контрреволюционная зиновьевская группа Сафарова, Залуцкого и других;

Московский центр;

антисоветский объединённый троцкистско-зиновьевский центр;

параллельный антисоветский троцкистский центр;

антисоветский правотроцкистский блок;

антипартийная контрреволюционная группа правых — Слепкова и других (Бухаринская школа);

антисоветская троцкистская военная организация в Красной армии — «Ленинградское дело»;

Еврейский антифашистский комитет.

Если инквизиция, составлявшая сыскные и судебные органы католической церкви в XIII веке, была создана с целью истребления еретиков, подозреваемых в ереси лиц, составляющих оппозицию католическому вероучению, то нечто аналогичное было создано Сталиным при органах ОГПУ и НКВД в условиях советской власти.

«Кардиналы коммунистического папы» точно так же, как папы Иннокентия III — вдохновителя крестоносцев и вершителя судеб европейских монархов, чинили беспощадный суд, только не над истинными противниками, а над единоверцами, посмевшими возразить Сталину

В остальном всё делалось так же, как в застенках католических храмов.

Если вначале, когда отрепетированные громкие процессы проводились в открытом суде и обвиняемым выносились смертные приговоры под громкие аплодисменты и одобрительные овации толпы, жадной на зрелища, пробуждающие острые ощущения, то позднее Верховный жрец решил проводить

судилища в тайне, осведомляя легковерных подвластных лишь о результатах процессов.

Схваченного по доносу либо по подозрению уведомляли, что его подозревают в шпионаже, вредительстве, измене родине, троцкизме либо ещё в чём-то подобном, соответствующем занимаемой должности, не называя имени обвинителя.

Следствие проводилось без привлечения свидетелей и защиты. В случаях отрицания вины жертву произвола избивали тут же либо отправляли в камеры пыток, оснащённые новейшими орудиями, где мучительными способами физических воздействий ломали волю мужественных людей, доводя до умопомрачения.

Чтобы избавиться от кошмара, жертва готова была возвести на себя и других любые обвинения.

И, наконец, суд троек или «особого присутствия».

Опять-таки без привлечения сторон — обвинителя, защиты и свидетелей.

Обвиняемый должен был говорить правду, и только правду о своей «преступной политической деятельности», о родных, близких, друзьях, сослуживцах и даже детях — в зависимости от того, какой оборот необходимо придать делу.

И это в цивилизованном XX веке! И не где-нибудь в захолустных глубинках Азии и Африки, а в первой в мире стране социализма, пришедшей революционным путём на смену «загнивающему капитализму» и «разложившейся монархии».

Помните, Николай Алексеевич, как вы, будучи участником каких-то проверок, бывали на Лубянке и в полуобморочном состоянии от ужаса увиденного уходили оттуда? Но чем вы помогли тем несчастным, которые умоляли вас помочь, сообщить Сталину о своей невиновности?

Хотя бы тому же Н.М. Хлебникову, у которого были изувечены пальцы во время пыток, или бывшему комкору М.Ф. Букштыновичу, совершенно белому, как полотно, — то ли от потери крови, то ли от «нервного перенапряжения».

Вы продолжали участвовать в проверках: нужно было поднять душевные силы несчастных, чтобы, признаваясь, терпели, не возводили на себя напраслины, не подписывали фальсифицированные показания, и что, мол, слова ваши были адресованы не только страдальцам, но и косвенно их мучителям.

И это вы считаете помощью? Да ведь после ваших добрых советов мучители ещё больше ожесточались, зная, от кого это исходит и кому это нужно.

Далее вы пишете, что не разбираетесь в юриспруденции, но убеждены, что «законы гораздо чаще защищают власть, нежели справедливость. И чем власть сильнее, деспотичнее, тем заметнее

перетягивает на свою сторону чашу весов правосудия».

Это, конечно, верно и в особенности проявилось при сталинском абсолютизме, когда вся власть безраздельно была сосредоточена в его кулаке, вооружённом кастетом, и законом были его слова, а советская Конституция — фикцией.

Вы могли плохо знать юриспруденцию, историю Древнего мира, Средних веков, но, как всякий образованный человек дореволюционного периода, должны были знать историю государства Российского хотя бы в объёме общеобразовательной школы и сравнить великого строителя первой фазы коммунизма с императором Александром II в отношении утверждения и соблюдения правовых норм, регулируемых властью.

Александр II тоже был самодержцем, наречённым народом царём-освободителем. И со дня восшествия на престол первым долгом приступил к отмене крепостного права.

Следующим волеизъявлением императора была судебная реформа. В одном из своих манифестов государь известил о своём требовании — утвердить нравственные нормы судопроизводства с гласностью, участием сторон и присутствием обывателей, дабы водворить в Отечестве суд скорый, правый, милостивый.

Зря вы, Николай Алексеевич, пытаетесь неуклюже валить вину с больной головы Сталина на пустые головы его опричников, опутавших страну с его ведома и диктата густой сетью сыска советской жандармерии, адских следствий, целенаправленных судилищ с безапелляционными приговорами, приводимыми в исполнение сразу после суда, если 58-я статья соответствовала высшей мере.

Он, и только один он был инициатором, провокатором, направляющим исполнителей и выносящим приговоры.

Остальные, скованные страхом, а потому не в меру старательные, были механическими, образно говоря, роботами могущественного злого духа.

Ни один из вышеперечисленных процессов не был начат без его прямого указания, ни одна участь обвиняемых не была решена без его непосредственного вмешательства, ни один приговор не был вынесен судом.

Приговаривал Сталин!

И лишь после этого печатался окончательный текст обвинительного заключения за подписями членов «специального» военного присутствия Верховного суда СССР.

Поскольку вы, Николай Алексеевич, особое внимание в своей книге уделили «Делу военных», в частности делу Маршала Советского Союза Тухачевского, а вместе с ним командармам Якиру, Корку, Эйдеману, остановлюсь на заключительной части

этого процесса.

Судьба подсудимых была решена до оформления приговора. Документы свидетельствуют, что бывший секретарь суда И.М. Зырянов в 1962 году сообщил, что «о ходе судебного процесса В.В. Ульрих информировал Сталина 11 июня 1937 года в присутствии Молотова, Кагановича и Ежова». Сталин приказал: по отношению ко всем подсудимым применить высшую меру — расстрел.

Более того, в день суда Сталин направил во все края, республики и области директиву: «В связи с проходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, 12 июня 1937 года».

В 23 часа 35 минут 11 июня 1937 года председательствующим В.В. Ульрихом действительно был оглашён приговор о расстреле всех восьми представителей высшего командования Красной армии — героев Гражданской войны, боровшихся за власть Советов, которая теперь их и убила.

Карательные меры по отношению к тысячам священнослужителей, мелких промышленников, землевладельцев, лавочников, домовладельцев Сталин применял со дня своего прихода к власти. Затем последовали циркуляры репрессионного характера, охватывающие массы народа.

Как известно, с января 1935-го по июнь 1941 года подверглись аресту 19 миллионов 840 тысяч ни в чём не повинных людей разной национальности — государственных деятелей, учёных, изобретателей, военнослужащих, инженеров, врачей и простых тружеников. Из них 7 миллионов были расстреляны.

В апреле 1935-го последовал циркуляр за подписью Сталина «Об очистке 2 2-километровой приграничной полосы Ленинградской области от кулацких и антисоветских элементов». В течение 24 часов под рёв детей, плач матерей и стоны стариков были изгнаны с мест обитания сотни тысяч финнов, поляков, латышей, литовцев, эстонцев.

В тридцать седьмом с земель предков в пустынные степи Средней Азии переселены тысячи китайцев и корейцев.

После заключения пакта о ненападении с Германией Сталин без всякого повода обрушил свой дьявольский гнев на 15 тысяч польских офицеров, оказавшихся в регионах, отошедших к Союзу после дележа «польского пирога» между Германией и СССР.

По приказу Сталина всех офицеров тайно расстреляли люди Берии под Смоленском — в Катыни. А когда массовые захоронения были обнаружены, бесстыжий вождь, с наглостью закоренелого преступника, свалил содеянное на немцев, вернее, фашистских молодчиков такого же, как сам, дьявола — Гитлера.

В 1941–1942 годах один за другим последовали правительственные постановления о выселении в Казахстан более трёхсот тысяч немцев Поволжья, за ними немцев Ленинграда и всей области с берегов Ладожского озера.

В этот список попали не только «социально опасные» лица немецкой национальности, но и финской — они осваивали Омскую область, Красноярский и Алтайский края.

В начале войны немецкое командование вывезло в Германию из оккупированной зоны семьдесят тысяч ингерманландских финнов. Сразу после Победы большинство из насильственно вывезенных народов стало возвращаться на свои прежние места проживания. Но их встречали войска НКВД, которые хватали возвращенцев и без суда и следствия погружали в товарняки и отправляли туда, куда Макар телят не гонял.

Говорить о «лесных братьях» прибалтов или бунтарей Западной Украины не приходится, если шестьдесят тысяч «жертв Ялты», то есть переданных Сталину союзниками после Ялтинской конференции жертв фашистских концентрационных лагерей, вождь одним росчерком пера отправил в распоряжение ГУЛАГа сроком на 25 лет.

Немногие выжившие в советских концентрационных лагерях с грустью вспоминали Освенцим, Дахау, Маобит, Бухенвальд, где всё же не было людоедства.

Непостижимым уму казалось и то, что в самый разгар решающих битв с гитлеровскими захватчиками кровавый палач обрушил свой звериный гнев на целые народности Кавказа.

В зимнюю стужу в горские республики были введены войска НКВД. По приказу Берии они окружали города и аулы Чечено-Ингушетии, Карачая и Балкарии, степные сёла Калмыкии. По-разбойничьи, по-бандитски сгоняли мужчин и подростков в клубы и под дулами автоматов гнали к железнодорожным станциям — там их ждали товарные вагоны.

Детей, немощных стариков, лежащих в больницах, женщин в роддомах оцепляли отдельно, дав на сборы 24 часа, разрешая взять с собой не более одного пуда пожитков.

Грузили в те же пульманы, и несчастные жертвы сталинского произвола, охваченные страхом, не знали, куда их увозят. А на землях предков остались дымящиеся очаги, мычащие коровы, блеющие овцы, голодные собаки.

Только тот, кто умеет сочувствовать, сострадать, может понять, что значит набитый до отказа ледяной вагон, где нельзя оправиться, и мочевые пузыри лопаются. Кормящие матери, оцепенев от безутешного горя, прижимали к груди мёртвых младенцев. А эшелон мчал и мчал их в безвестность.

Нелегко было видеть карачаевцам, как по горным дорогам в их аулы въезжают с песнями, выставив вперёд портреты Сталина и Берии, жители приграничных грузинских селений. Они и стали хозяевами их жилья и имущества.

На захват чужого добра устремились не подлинные труженики, у которых своего барахла достаточно, а паразитирующие бездельники, лодыри, пьяницы, готовые поживиться за чужой счёт. А ведь у большинства депортированных на фронтах сражались отцы, мужья, братья, сыновья. Многие из них сложили головы, защищая Советскую Родину.

И кто может представить себе состояние тех чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар, крымских татар, калмыков, которые, излечив тяжёлые раны в госпиталях, опираясь на костыли, спешили к родным очагам. А у родного порога их встречали с холодным безразличием чужие люди.

Но то был второй удар судьбы, а потом, в официальных учреждениях с них срывали погоны, ордена и медали, а взамен

выдавали бронь на поезда, следовавшие в том же направлении, куда увезли их отцов и матерей.

Такая же участь ждала и народы Дагестана. Как только чеченцев и ингушей изгнали с родных мест, войсковые части с танками взяли курс на Махачкалу. Войска, род которых трудно определить, появились сначала в Буйнакске, и никто на них не обращал внимания — в годы войны Дагестан, как и Чечня, Ингушетия, был концентрацией армий и войсковых тылов. Люди узнали о назначении тех войск случайно, когда они уже собрались уходить.

На постое у моих родственников жил молодой майор — суровый, замкнутый, молчаливый — отказывался от любых услуг и внимания приветливых хозяев, даже когда те предлагали поесть чего-нибудь домашнего или попить вместе чайку. Постоялец был неприступен, угрюм, и это угнетало хозяев.

И вдруг в один из дней он вбежал в дом, кинулся к престарелому хозяину, затем к старушке-хозяйке, обнимал и целовал, кружась от радости: «Всё! Всё! Слава богу! Завтра снимаемся, и выселять вас не будем!»

Старики с недоумением смотрели на постояльца, ничего не понимали, думая, что он сошёл с ума. Наконец майор успокоился, схватил со стола кусок кукурузной лепёшки и, жуя, стал объяснять:

— Понимаете, нас прислали сюда вас выселять.

— За что? Куда? — недоумевали дагестанцы.

— А за то и туда, куда выселили чеченцев, — объяснил майор и добавил: — Очень прошу, никому ни слова о том, что я сказал.

Старики долго не решались рассказать нам, самым близким им людям.

От злой воли «отца народов» спас дагестанцев секретарь обкома партии Азиз Мамедович Алиев, истинный гуманист, учёный-медик, профессор-педиатр, добрейшей души и высокой культуры человек. Он пользовался большим авторитетом в Азербайджане, его знали и в Тегеране, куда его направили в числе тех, кто в начале войны предъявлял ультиматум иранскому шаху.

Короче говоря, Азиз Мамедович, азербайджанец по национальности, пришёлся по душе дагестанцам, как и они ему. Вопрос о депортации нашего народа после чеченцев, видимо, волновал его. Конечно, знал он, что экзекуция исходит от Сталина и второго после него человека в правительстве — Берии, другом которого являлся секретарь ЦК компартии Азербайджана Мирджафар Багиров.

На него и начал воздействовать Алиев, уговаривая защитить народы Дагестана.

После его настойчивых просьб Багиров, в свою очередь, стал убеждать Берию о нецелесообразности оголять суровые горы

древнего Дагестана, куда трудно будет кого-нибудь загнать.

В конце концов Багиров свёл в Москве с Берией симпатичного, располагающего к себе Алиева, и договорённость была достигнута — дагестанцев не тронули.

Истинная причина этих акций, не свойственных даже варварам, стала известна позже.

Оказывается, «папа большой» и «папа малый» решили перекроить Кавказ на свой лад. Земли, принадлежащие карачаевцам, с Тебердой, Домбаем, Архызом и другими райскими уголками, присоединить к Грузии, а прикаспийский Дагестан с нефтеносным Грозным передать Азербайджану.

Так просто и жестоко не осмеливался резать по живому ни один, даже самый суровый монарх России.

Только в Казахстан за сорок третий и сорок четвёртый годы было выслано с Северного Кавказа около миллиона человек: из Грузии — 28 376, из Крыма — 4376, из Калмыкии — 2330. В ссылке только за один 1944 год умерли 32 502 человека, за 1945-й — 32 111 человек.

Причины высокой смертности — голод, заболевания тифом, климатические и бытовые условия, сказавшиеся в основном на стариках и детях. И ещё — издевательское отношение к несчастным местных коммунистов-начальников, которые позволяли себе не только говорить: «Вас следовало бы всех истребить, а не переселять с места на место», но и устраивать самосуды. Так без суда и следствия они расправились над истощённым от голода пареньком, унёсшим за пазухой пять или семь картошек с колхозного поля. А то устраивали погромы спецпереселенцам, в чём-то заподозренных. И кто — пьяницы и хапуги, это они осуществляли надзор над массами изгнанников, лишённых всяких прав. Надо полагать, что драматические события, происходившие и происходящие сегодня в Закавказье, республиках Средней Азии и других регионах страны, есть последствие чудовищных злодеяний тирана, сотворённых им в тридцатых и сороковых годах над многими нашими народами. Слишком мало прошло времени, чтобы о них забыли и они были прощены идолу и его фанатичным последышам. Ещё не скоро сотрутся злодеяния в памяти тех, кто выжил и передал детям и внукам своим — из уст в уста! — всё, что выпало на их долю.

И надо понимать чувство презрения в глазах тех, бывших отверженных, когда сегодня на экранах телевизоров им показывают возмущённые толпы сталинистов с лоснящимися от сытости и багровыми от злости физиономиями, держащих над головой портреты Сталина и требующих вновь установить на площадях памятники идолу-уродцу. Бесплодны потуги, всему в

жизни есть начало и неизбежен конец.

Миром должен править разум

Автору романа-исповеди «Тайный советник вождя» Владимиру Успенскому случай помог встретиться с Николаем Алексеевичем Лукашовым, в течение трёх десятков лет игравшим сложную роль тайного советника и друга Сталина.

Имя, отчество и фамилия этого таинственного человека вымышленные. Загадочным он решил остаться до конца, хотя где-то скупо, но с гордостью подчёркивает своё дворянское происхождение и то, что является потомком целого поколения военных чинов царской службы, отличавшихся героизмом и отвагой в служении царю и Отечеству.

Быть может, подполковник царской службы в период Гражданской войны, попав в плен на Царицынском фронте, чем-то услужил члену Реввоенсовета фронта Сталину, а затем, оказавшись в железной клетке сталинского «зверинца», поддавшись дьявольской воле вождя-дрессировщика, смирился с участью, считая, что безопаснее жить в сытой неволе.

Вот только непонятно, почему, когда грешная душа вождя предстала перед Богом, тайный советник не раскрылся, а продолжал действовать инкогнито? Придерживался строгой конспирации и действовал осторожно даже после того, как Хрущёв развенчал культ личности Сталина и Берия понёс заслуженное наказание.

Можно представить, каким неподавляемым страхом была скована душа Лукашова, если он был вынужден обращаться по телефону к писателю Владимиру Успенскому, назначить ему свидание для переговоров на «нейтральной полосе» в сумерках загородных рощ.

А всё для того, чтобы передать два чемодана, наполненные тетрадями, отдельными листами с записями, различными документами и фотографиями, заложенными в папки.

И происходила встреча в середине семидесятых, когда можно было, уже не боясь вездесущих сталинских ищеек, доставить чемоданы на такси в дом писателя или поручить сделать это дочери.

Но как бы там ни было, а многолетние труды тайного советника вождя не пропали даром.

Безусловно, Владимиру Дмитриевичу — писателю даровитому, прошедшему Отечественную войну, — пришлось приложить немало усилий, чтобы из бессистемных набросков, случайных записей, отдельных фраз, воспоминаний, справок и прочего создать стержень и вокруг него объединить бессвязные, сумбурные плоды творчества Лукашова.

И наверное, Успенский поступил правильно, ведя повествование от лица самого Лукашова — участника и очевидца личной жизни генсека.

Николай Кузьмин в своём отзыве на роман о вожде пишет, что к нему неоднократно обращались с вопросом, а существовал ли в действительности такой человек — разумеется, Лукашов. На что Кузьмин отвечал контр-вопросом: «Так ли это важно?» На мой взгляд, очень важно, ибо спрос с тайного советника вождя, много лет прожившего рядом неотлучно со Сталиным, один, а с писателя В. Успенского, который, быть может, и в глаза не видел генсека, — другой.

И можно опять-таки не согласиться с Кузьминым, который

пишет: «Но если даже Лукашова не было, если он придуман писателем, давайте признаем, что выдумка великолепна, что этот приём даёт литератору возможность избежать фальши».

Приходится удивляться такому заключению цензора. Как же можно позволять автору исторического, а тем более биографического произведения, касающегося личности деятеля государственного масштаба, заниматься выдумкой, включать вымысел в произведение такого характера?

И ничего великолепного не может быть в высосанном из пальца сочинителя при наличии документальных данных. Именно этот приём приводил и приводит к фальши пишущих исторические и биографические произведения, при чтении которых слегка поташнивает тех, кто не ограничивался заучиванием перлов «Истории ВКП(б)».

Весьма характерным для таинственного автора исповеди является и тот факт, что он в ходе всего повествования ведёт двойную игру, изображая вождя то в ярко-белых, то в густо-чёрных тонах.

И, пожалуй, ни один из биографов Сталина не сумел раскрыть в столь образной форме его мрачный внутренний мир, враждебную порочность души с периодическими расстройствами психики и припадками, граничащими с безумием.

Кажется, этого не заметил Н. Кузьмин. Иначе не стал бы он сегодня выступать в роли сталинского адвоката, хотя где-то вынужден признаться в том, что «все мы стали свидетелями своеобразного маятника в оценке Сталина и его места в нашей и мировой истории — от гения всех времён и народов до преступника, люто ненавидящего инакомыслящих». Это в наши дни, а в дни его царствования многие из его поклонников денно и нощно трубили по всей стране о божественной святости «отца народов», но не все поддавались внушению.

Что же касается всего мира и мировой истории, мне думается, что здравомыслящим иностранцам, знавшим, что творится в нашей стране, Сталину, как и Гитлеру, определили соответствующее место в истории.

Кузьмин, говоря о том, что не собирается защищать Сталина, и призывая читателей к спокойному, объективному размышлению, сам с непонятной горячностью возносит тирана до небес, говоря о его «ошеломляющих успехах, которые вызывали восхищение всей планеты».

Может быть, жалкой кучки из населяющих одну шестую часть земного шара? А индейцам, папуасам, тасманийцам на кой чёрт он нужен? И не только они, но и многие другие народы мира о Сталине понятия не имеют.

Кузьмин неубедительно пытается уверить доверчивого читателя ещё и в том, что Сталин-де боролся не с «невинными овечками», а с чудовищным разливом троцкизма как с первым приступом сионизма, «стремившегося к захвату Республики Советов».

Только не добавил защитник вождя — «республики, захваченной сталинистами».

И что, мол, те опытные троцкисты с ног до головы были обрызганы кровью, о чём свидетельствуют трагедии Ипатьевского подвала в Екатеринбурге, алапаевской шахты, расказачивание и прочие преступные деяния.

Также утверждает, что в 1919 году не по воле Сталина, а по воле Троцкого погибли сотни тысяч людей.

Трудно поверить! Не мог самолично всё это творить Троцкий. А где же был Ленин? Ведь именно в двадцатых годах вся власть в

Стране Советов была сосредоточена в руках Владимира Ильича. Все остальные, в том числе и Сталин, руки которого по локоть обагрены кровью, были лишь исполнителями воли вождя.

А что касается красного комиссара, члена Реввоенсовета некоторых фронтов Иосифа Сталина, то он, находясь в непосредственном подчинении наркома Красной армии и Военморфлота — Троцкого, прислужничал последнему.

И позднее, в партийно-политических дискуссиях при Ленине поддерживал Троцкого.

Так зачем закрывать на это глаза? Призывая к объективности, надо прежде всего быть объективным самому.

Обвиняя прессу в шараханье из стороны в сторону, якобы ведущем к разжиганию внутренней вражды, Кузьмин так же, как и тайный советник вождя Лукашов, необдуманно или преднамеренно обостряет межнациональные отношения русских с евреями.

Я уже заявляла, что не все евреи сионисты, так же как не все немцы — фашисты. Антисемитизм тоже есть форма расового шовинизма, свойственная тупым фанатикам.

Что касается сионистов, тешащих себя бреднями о мировом господстве, пусть с ними выясняют отношения коммунистические, националистические деятели других различных партий, рождённых в России перестройкой. Сегодня в нашей стране стало модным, повторяю, копаться в биографиях видных политических, общественных и научных деятелей в поисках присутствия в их крови опасных генетических наследий иудеев.

Так вот, до этих последних страниц своей полемики с тайным советником я воздерживалась, не желая касаться дошедшей до меня ещё в юные годы версии о том, что участковый жандарм, от которого забеременела мать Сталина Кето, был грузин, исповедующий иудаизм, то есть грузинский еврей.

Об этом у нас в Буйнакске, бывшей столице Дагестана, открыто говорили многие националистически настроенные старики, бывавшие в Грузии, называя Сталина, как и Троцкого, жидом — при обсуждении в узком кругу политических новостей, в особенности касающихся схваток и «скрещивания шпаг» Сталина и Троцкого в борьбе за власть.

Когда же Сталиным был издан указ, предусматривающий определённый срок тюремного заключения за оскорбление гражданского достоинства евреев словом «жид», слово это исчезло из употребления в разговорной речи советских людей, хотя в соседней Польше слово «жид» в паспорте обозначает национальную принадлежность польских евреев и вовсе не

считается оскорбительным.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что в своём послесловии к роману Владимира Успенского «Тайный советник вождя» Николай Кузьмин явно выражает свою благосклонность и сыновние чувства к «отцу народов». Он пишет: «Исторические заслуги, засвидетельствованные такими мировыми деятелями, как Рузвельт и Черчилль, — премьер-министр, например, произнёс слова, которые следовало бы начертать эпитафией на могиле нашего последнего генералиссимуса».

Хотелось бы спросить: а знаете ли вы имена генералиссимусов России? Отождествление Сталина, и в руке не державшего винтовки, не имеющего понятия о военной науке, с великим русским полководцем, генералиссимусом Александром Васильевичем Суворовым, с ближайшим сподвижником Петра I Александром Даниловичем Меншиковым со стороны окружения вождя величайшее легкомыслие. Воинские звания испокон веку присваивались истинным героям — за боевые заслуги, но не правителям, даже если они брали на себя общее руководство военными действиями в роли Верховных главнокомандующих.

А в том, что «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», ничего необычного для XX столетия и хорошего для русского народа не было и нет.

Америка заимела атомную бомбу раньше, чем Советский Союз. Японцы, жители Хиросимы и Нагасаки, испытавшие на себе адские муки воздействия атомных бомб, до сих пор шлют проклятия тем, кто её изобрёл, и тем, кто её применил, так же как и бесчисленные жертвы катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Напомню ещё раз, что русский мужик, пользуясь несчастной сохой, кормил досыта всю Россию и ещё подкармливал европейские страны, вывозя зерно за границу.

В искренности слов Черчилля могут усомниться те, кто знает, что именно этот хитрец и тонкий дипломат в период Первой мировой войны нацеливал гарпуны своих морских охотников на ту же русскую соху. Похвала же дипломатов зачастую бывает рассчитана на глупцов, как ловушка.

Кузьмин очень озабочен «затаптыванием в грязь» прежнего кумира. Наверное, тот, кто это делает, считает, что именно там ему и место. Зло всегда порождает ответное зло.

За тридцать лет царствования в России Сталин непрерывно втаптывал в грязь миллионы лучших людей, если не считать нескольких десятков сионистских прихвостней Троцкого. К гражданскому озлоблению, к разжиганию внутренней вражды Сталин приступил с первого дня проникновения в правящие круги Советского государства.

Это он с пристрастием маньяка беспрестанно твердил об обострении классовой борьбы и обострил так, что эта борьба у нас сегодня перешла в вооружённое межнациональное противостояние.

Так что Сталин не есть порождение системы. Эту систему породил он сам.

Сегодня, когда наша страна развалена и загнана в тупик, очень трудно молодым, не привыкшим к лишениям.

Трудно и сталинской элите, привыкшей есть при любимом вожде чёрную икру ложками.

А тем, кто всю жизнь честно вкалывал, довольствуясь жалкой зарплатой, пережил голод после Империалистической, Гражданской, в тридцатых годах, в Отечественную войну и после неё, к трудностям не привыкать. Они рады крыше над головой, куску хлеба и талонному пайку.

Такие не объединяются в партии, не становятся в ряды противоборствующих сторон, не разжигают и не накаляют националистические страсти, ибо привыкли жить и защищать своё Отечество бок о бок со всеми народностями и национальностями своей страны.

Но не ворошить прошлое они не могут, ибо сама природа вопиет ветрами, водой и осыпями, вскрывая тайные массовые захоронения жертв сталинских репрессий, разбросанные по всей стране.

Ветераны войны и труда, прошедшие свой тернистый путь, не запятнав совесть, хорошо знают тех оборотней и перевертышей, бросавшихся с распростёртыми объятиями навстречу каждому очередному пришедшему к власти генсеку, а теперь клеймящих их позором на всех перекрёстках и с высоких трибун. А ведь ни один из тех генсеков не был хуже Сталина.

Зря пытаются они запугать обретших голос, что если, мол, вы «выстрелите в прошлое из пистолета, то прошлое выстрелит в вас из пушки». Сами же они не ждут выстрелов пушек из прошлого, понимая, что прошлое — это прах — пройденный этап, а потому, будучи вооружены, умело используют весь свой арсенал средств против безоружного народа.

Только не думают они о том, что прошлое, превращая в прах всё живое, сохраняет для грядущих поколений память, отражённую в писаниях, воспоминаниях, сказаниях и песнях. А неподкупный суд сотворят и справедливый приговор вынесут потомки.

Поискам совершенного общественного строя, начиная с древнейших времён, посвящали себя религиозные деятели, философы, передовые мыслители всех народов мира.

Это и первобытный, родовой и общинный строй, и первохристианские коммуны, и неустойчивые древние демократические государства Востока.

К наиболее известным относились древнегреческие учёные, такие как софисты Протагор, Гиппий и другие, хотя и отличавшиеся по своим взглядам.

Одни являлись идеалистами, признававшими первичным, исходным идею — дух.

Другие, материалисты, первичным считали материю.

Были и третьи, которые колебались между идеалистами и материалистами.

Большинство из них по профессии являлись учителями, обучавшими детей привилегированной прослойки населения философии и риторике, ораторскому искусству. Таковым был малоазиец Анаксагор, учивший тому, что миром должен править разум.

Последователем его учения являлся афинянин Сократ, а позднее голландский учёный Спиноза, философские взгляды которого разделяли немецкие расисты, именовавшие себя национал-социалистами (фашисты), возносившие над всеми народами мира арийскую расу.

Софисты же по своим политическим взглядам были сторонниками рабовладельческой демократии, идеи которых, судя по действиям, практически осуществляли Троцкий и Сталин с первого дня установления «народовластия» в России.

В.И. Ленин если и не благословлял своих соратников на подвиги, свойственные феодалам, то, во всяком случае, закрывал глаза, оправдывая «красный террор» в ответ на «белый» и считая закономерным экспроприацию экспроприированного. Говоря простыми словами — грабёж награбленного, превративший пролетарских экспроприаторов в новый класс паразитирующей советской знати.

С удивительным легкомыслием образованный человек Владимир Ильич уверовал в гегемонию и существенность диктатуры пролетариата, считая, что всякая кухарка должна учиться управлять государством.

Вероятно, об управленческих способностях женщин из низов Ленин судил по той бойкой, пронырливой, болтливой кухарке-

француженке, которая во времена его эмиграции сумела соблазнить его, человека неравнодушного к слабому полу, и оставила о себе роковую память на всю жизнь.

Сократ же, выросший среди демократического устройства Афин, на этот счёт был противоположного мнения. Великий греческий мудрец считал, что во главе народа должны стоять мастера управления, обученные делу правления государством, так же как обучаются всякому искусству.

Ученик Сократа Платон тоже был противником демократии. В своём сочинении «О государстве» Платон говорил: «Равноправие не годится. В государстве каждому необходимо указать своё место, разумеется, согласно умственным и физическим способностям».

Платон делил людей именно по этим качествам: на философов, воинов и рабочих. К рабочим он относил всех, занимающихся физическим трудом, — крестьян, ремесленников, всякого рода кустарей и разнорабочих, то есть тружеников, которые обеспечивали жизнь и благополучие привилегированных. В самом корне слова «рабочий» скрыто понятие социальное или классовое — «раб».

К рабам относилась масса, уровень мышления которой был низок, а потому их удел — физический труд, именно подневольный, поскольку они склонны к лени и безделью.

Критически оценивая качества человека, те философы не учитывали эпоху, общественный строй, порождающий умственный застой, наблюдавшийся у рабов, с детства приученных к подневольному труду.

Когда на смену рабовладельческому строю явилась новая общественная формация, нёсшая просвещение народу и прогресс развивающимся странам, среди рабочих и крестьян, обученных грамоте и совершенствованию своего труда и ремёсел, стали появляться люди, критически мыслящие и даже талантливые.

Наряду с ними в условиях возникших демократических начал, при развивающемся капитализме, рядом с трудовой прослойкой стали появляться люмпены-трутни, которых отвращала трудовая деятельность, а для умственной не хватало ума.

Они-то, мечущиеся между эксплуатируемыми и эксплуататорами, начали порождать недовольство и смуту среди трудящихся.

Их провокаторские и подрывные способности недооценивали правительства и буржуазия развивающихся стран, в том числе и российские.

Сегодня, глядя на разваливающуюся русскую державу

(1992. — *Ред.*), доведённую до обнищания и бессилия, невольно задумываешься над пророческими словами бывшего железного канцлера Германии Отто Бисмарка, который, одбряя жестокое подавление Французской революции в конце XVIII века во главе с якобинцами Маратом и Робеспьером, говорил: «Революция недопустима. Она несёт беды не только монархии, но и трудящемуся народу. На революцию вдохновляют гении, совершают её фанатики, а к власти приходят авантюристы, прожектёры, проходимцы».

Гений — в древнеримской мифологии дух, покровитель человека. Позже гений считался олицетворением добра. В наше время гений — человек, обладающий высшей творческой способностью — талантом.

Хотелось бы спросить сталинистов: какому из этих определений соответствовал наш великий вождь?

Читая, перечитывая и полемизируя в ходе чтения романа-исповеди, я невольно задумывалась, почему вы, Николай Алексеевич, поставив последнюю точку в биографии главы государства, не дали ему оценку как военному деятелю?

После смерти генералиссимуса на страницах нашей печати появилась масса противоречивых суждений о его роли в деле победы над фашистской Германией. В этом отношении вы, как никто другой из окружения вождя, пользовавшийся особым доверием, с мнением и советами которого он считался и вводил в курс самых секретных государственных дел, могли бы внести больше ясности, чем в описание выдумок, касающихся молодости Иосифа Джугашвили.

Писать и приводить в порядок ворох своих заметок и воспоминаний вы, наверное, начали после смерти Сталина, в особенности когда был развенчан Хрущёвым культ его личности. К тем годам уже должен был ослабнуть ваш животный страх перед всевидящими очами и всеслышащими ушами разогнанных Хрущёвым сталинско-бериевских опричников.

Предвоенные годы особенно были насыщены разнообразными событиями, происходящими в нашей стране и за рубежом. Они в какой-то мере и форме оглашались органами нашей массовой информации, хотя многое и утаивалось от народа.

В этом нет ничего предосудительного, ибо в государстве, окружённом мнимыми и истинными врагами, не всё должно выноситься на суд общественности.

Но когда окончилась война, некоторые участники, в особенности неучастники, начали отражать в своих мемуарах были и небылицы о вожде и тех событиях.

Ваши описания, как непосредственного свидетеля всего

происходившего в те дни, могли, повторяю, представлять определённую ценность, не уступающую ценности мемуаров Хрущёва.

Если, например, пакт о ненападении, подписанный 23 августа 1939 года в Москве министрами иностранных дел Германии фон Риббентропом и Советского Союза Вячеславом Молотовым, порождал положительные эмоции, то имевший место секретный протокол, приложенный к нему, о котором стало известно после смерти Сталина, приводит к грустным размышлениям. Ведь этот протокол отражал общность интересов главы фашистской партии Гитлера и генсека коммунистической партии Советского Союза Сталина относительно разгрома, захвата и раздела Польши.

Ведь вы, Николай Алексеевич, наверное, знали, а может, и советовали при этом сговоре Сталину запросить при дележе Польши Люблинское воеводство. Если Англия и Франция разобьют Германию, то ваш вождь выступит как благодетель польского народа, сохранивший часть его государственности, свалив всю ответственность на немцев.

Вероятно, также вам, Николай Алексеевич, было ведомо и то, что, выполняя обязательства, вытекающие из секретного договора, Сталин одновременно с Гитлером отдавал приказ о введении советских войск в пределы Польши, с лицемерной мотивировкой, что мы-де вводим вооружённые силы в Польшу с целью защиты проживающих там украинцев и белорусов.

Защищаем от кого?

Как известно, 17 сентября 1939 года Красная армия вторглась на территорию Польши с востока, положив начало своему участию во Второй мировой войне. При этом оба бесноватых вождя в последовавшем коммюнике заверяли, что действия их войск не преследуют целей, идущих вразрез интересам Советского Союза и Германии.

А Сталин прямо заявил германскому командованию, что он против сохранения всякой государственности в Польше.

Не потому ли, прибрав к рукам часть польской территории, Сталин на правах оккупанта и победителя приказал очистить оказавшуюся на советской территории часть Войска польского — от командующего и начальствующего состава численностью более полутора тысяч?

Все эти кадровые польские офицеры, как мною было упомянуто выше, были вывезены под Смоленск и без суда и следствия неведомо за что расстреляны в Катыньском лесу.

Наряду с новым договором между Германией и Советским Союзом «О дружбе и ненападении» последовал новый конфиденциальный протокол, скрепляющий германо-советское

сотрудничество.

Ободрённый им, Сталин, с согласия Гитлера, в июне 1940 года прибрал к рукам Латвию, Литву и Эстонию и, конечно же, не замедлил начать жесточайшие репрессии по отношению к прибалтам — только за то, что кто-то чем-то владел, исповедовал свою религию, выражая недовольство в адрес бесчинствующих новоявленных диктаторов.

И началось всё то, что было сотворено в тридцатых годах в России, — расправы, аресты, ссылки в Сибирь целыми семьями с реквизицией имущества, порождая всеми этими мерами антисоветизм и антикоммунизм даже у эксплуатируемых бывшими буржуями и помещиками пролетариев, из сознания которых до настоящих дней не удалось вытравить ненависть к русским.

Но немцы ничего не позволили творить Сталину и его приспешникам за так — бесплатно.

Ещё до захвата Польши и посула части её территории Советскому Союзу Гитлер договорился со Сталиным о том, что советские радиостанции будут передавать ежедневно метеорологические сводки Генеральному штабу германских военно-воздушных сил. Сначала в виде непрерывных сигналов для немецкой авиации, бомбившей Польшу, а после её захвата с той же целью — для облегчения налётов и бомбёжек городов, гаваней и военных объектов Великой Британии.

Более того, по распоряжению Сталина для создания немецкой военно-морской базы, обеспечивающей стоянку и ремонт военных судов, подводных лодок и прочего водного транспорта, была отведена укромная гавань недалеко от Мурманска. Отсюда начиналась операция немцев по захвату Норвегии.

Одновременно с этим советский ледокол старательно прокладывал арктический путь немецкому рейдеру в Тихий океан, где фашистские пираты успешно отправляли ко дну суда с продовольствием и боеприпасами, следовавшие к Британским островам.

Этими и многими другими действиями Сталин пытался убедить соратников и генералитет армии в том, что он стремится поддерживать «мирную инициативу», рассчитывая не только на сотрудничество, но и на союз с национал-социалистической Германией. К числу истинных же опасных агрессоров он относил Англию и Францию, поскольку эти государства являлись капиталистическими.

Интересно было бы услышать из ваших уст, Николай Алексеевич, как военного советника Сталина, думал ли он, нападая на Финляндию, что обретёт в лице ближайшего соседа

непримиримого врага? Может быть, лучше было бы хорошо укрепить имеющуюся границу, чем отодвигать её за счёт территории потенциальных противников.

А главное — война с Финляндией обнажила перед всем миром и, в частности, перед мировым агрессором — фашизмом слабость наших вооружённых сил.

То же самое можно сказать в отношении Польши, Латвии, Литвы, Эстонии. Можно ли грубый захват с беззаконием, чинимым над невинным народом, считать оправданным в целях каких-то территориальных выгод и проведения оборонительных мероприятий? Ведь благодаря этим необдуманным действиям «корифея всех наук» была окончательно разрушена наша и без того служившая ненадёжной преградой старая граница, позволившая вместе с новой силам вермахта пройти парадным шагом по землям Украины и Белоруссии в июне 1941 года.

Непонятным остаётся и отношение Сталина с первых дней его прихода к власти к Версальскому договору. Он открыто выступал за ликвидацию этого договора. Именно на этой почве возникло тесное сотрудничество Красной армии с рейхсвером. Гитлер, в свою очередь, придя к власти, сразу не стал признавать условия Версальского договора.

Вы, Николай Алексеевич, наверное, смогли бы уточнить, чем объяснить благосклонное до лести отношение вождя-гордеца к социал-националистам Германии. Не находил ли он нечто общее у социализма фашистов и социализма коммунистов? Не казалось ли вам, Николай Алексеевич, что Гитлер в своей проституированной политической игре ловко дурил Сталина вместе с бездарными, раболепствующими перед генсеком членами политбюро, которые не смели возразить ему ни в чём?

Не потому ли обер-бандит германского фашизма без каких-либо усилий превратил Советский Союз в главного поставщика продовольствия и стратегического сырья для своей страны? Цель известна: реализация планов, основанных на бредовых идеях мирового господства, аналогичных коммунистическим.

Итак, за полтора года после подписания торговокредитного соглашения Германия сумела вывезти из Советского Союза, народ которого и без того испытывал нужду в товарах и продовольствии, более полутора миллионов тонн пшеницы, тысячные поголовья крупного и мелкого скота, более 100 тысяч тонн хлопка-сырца, 11 тысяч тонн льна, 865 тысяч тонн нефти, 140 тысяч тонн марганцевой руды, 14 тысяч тонн меди, миллион кубометров лесоматериалов, тысячи тонн никеля, платины, фосфатов и прочего.

Всё это было отдано в обмен на станки, военную технику

(вероятно, устаревшую), которые разнесённая и разрушенная войной Германия, не обладавшая такими сырьевыми богатствами, как Советский Союз, смогла произвести у себя за каких-то двадцать лет, чего не сумела сделать коммунистическая Россия за тот же период.

Наш гениальный вождь не сомневался в том, что всё на свете покупается и продаётся, если невозможно взять силой. В лице Гитлера он видел своего брата, такого же, как и он сам. И потому старался всяко угождать ему, не отказывая ни в чём и даже способствуя поставкам сырья со стороны.

Так через советскую территорию был проложен транзитный путь из Ближнего Востока и других стран для вывоза стратегического сырья: олова, каучука, вольфрама, необходимых для растущей бешеными темпами военной экономики, готовящейся к мировой войне Германии.

Зато наша страна, возглавляемая единовластием генсека, страдающего болезненной манией величия, наверное, занимала первое место в мире по возведению посмертных и прижизненных монументальных памятников идеологам коммунизма и вождям революции, тратя на это миллионы трудовых денег народа.

Тысячи художников, поэтов, писателей, певцов и борзописцев денно и нощно ублажали взгляд и слух покоящегося во хмелю, на лаврах райского благополучия вождя, уверовавшего, что опасный соперник куплен.

Но вождь ошибся, не учёл он того, что продажная совесть, как и покупная любовь, зиждется на сухом песке, уносимом ветром. А потому Гитлер, как и Сталин, неразборчивый в средствах для достижения своих целей, убедившись, что Англия, несмотря на все успехи вермахта, не только не собирается капитулировать, но даже не желает начать вести мирные переговоры с Германией, надеясь на помощь Америки, отказался от намеченных планов действий.

Отказался потому, что меньше всего доверял Сталину.

Не сомневался фюрер, что в критический момент вождь коммунистов не задумываясь может пойти на соглашение с Великобританией и Соединёнными Штатами.

А потому бесноватый рейхсканцлер посчитал целесообразным неожиданным, молниеносным, мощным ударом в короткий срок разгромить Советский Союз и поставить Великобританию перед фактом предъявленных ей условий.

Для реализации этих намерений последовал приказ Гитлера генералитету вермахта — срочно приступить к разработке оперативного плана «Барбаросса».

При этом созданная военная коалиция предусматривала

развёртывание военных действий начиная от советско-норвежской границы на севере и кончая у дельты Днестра на юге.

Этого, конечно же, великий вождь не мог не только знать, но даже предполагать. Не мог или не хотел осознать. И это несмотря на то, что агенты госбезопасности, наводнившие почти все страны мира, обеспечивали Сталина обширной и достоверной информацией, касающейся начатой подготовки Германии к нападению на Советский Союз.

«Великий стратег», знакомясь с донесениями, продолжал сомневаться. Он верил Гитлеру. Верил даже тогда, когда за считаные месяцы до начала войны обеспокоенное руководство Наркомата обороны пыталось убедить его, приводя факты открытой переброски всех родов войск вооружённых сил Германии не только на территорию Польши, но прямо к граничащим с нашей страной районам.

А где же в это время были вы, Николай Алексеевич? Что делали как тайный советник вождя? Повторяю, единственный, с мнением которого он считался.

Правда, на последней странице первого тома вы коснулись этого вопроса, подтвердив изложенное выше: «И вот по секретным каналам поступило сообщение от нашего главного европейского агента, на которого возлагались большие надежды. Сталин познакомил меня с донесением. В общем-то агент не открывал ничего нового, он утверждал, что война должна начаться 22 июня». Упрямство тупых объяснимо, а гениального вождя — непонятно. Вы, Николай Алексеевич, пишете, что Сталин расценил и это донесение «как попытку англичан подтолкнуть Советский Союз на войну с Германией». А потому «мудрейший из мудрых» самоуверенно изрёк: «Из таких замыслов ничего не выйдет! Мы дадим через ТАСС сообщение, что ни на какие провокации не поддадимся».

Если вы, Николай Алексеевич, «при этом испытывали жуткое ощущение», думая, что это может оказаться суровой правдой, почему же не постарались убедить, как военспец, полного профана в военном искусстве, стратегии, дипломатии, от которого зависела судьба страны и народа?

Ведь вы знали и как никто другой осветили в своей исповеди выраженные психические отклонения, часто проявляющиеся в поведении Сталина.

И что толку с того, что вы хорошо знали, что «Сталин привык к мысли, что он не ошибается, и думал тогда не о том, как вести большую войну, а как избежать её».

Хорош советник, нечего сказать!

Наверное, и вас он держал три десятка лет рядом потому, что

пели ему осанну, ни в чём не возражая. Жили ведь в царских условиях.

О том, что война на носу, кричали со всех сторон, а вы «с Иосифом Виссарионовичем часто гуляли по лесу, ходили слушать соловьёв в зарослях над речкой Медведкой. Настроение было хорошее, и хотелось верить, что самые трудные годы, самые тяжёлые испытания остались позади».

Это у вас-то? Как вы можете говорить такое? Ведь с 1922 года вы жили в непосредственной близости с узурпатором, захватившим власть в стране, рядом с бывшим махровым преступником, всплывшим с самого грязного социального дна и потому с особой жадностью упивавшимся самыми высшими благами бытия, называемого коммунистическим раем.

Конечно же, Сталин не хотел войны — слишком велик был риск потерять власть. Врагов у него было много не только за «железным занавесом», но и внутри страны и даже среди его близкого окружения, в лице того же Берии.

С одураченным народом, превращённым идеологами коммунизма в фанатиков, Сталину было легче. Пугало окружение — бездарное, льстивое, раболепствующее, властолюбивое, каждый из него считал себя более достойным и не менее способным править государством.

Как бы внешне ни крутил, но внутренне Сталин прекрасно сознавал, кто есть истинный агрессор, угрожающий миру вообще и его державе в частности. Сталин боялся Гитлера.

Скажите, Николай Алексеевич, разве не чувством страха перед Гитлером был порождён наивный до смешного вопрос, заданный Сталиным Гитлеру в своём конфиденциальном послании в начале 1941 года: «Не собираетесь ли вы воевать против СССР, иначе для чего перебрасываете крупные силы в Польшу?»

Как известно, на это обер-бандит немецкого фашизма ответил: «Да, в Польше действительно находятся крупные немецкие силы. Но они введены туда для переформирования и перевооружения с Запада, дабы избежать налётов английской авиации».

При этом Гитлер ручался честью главы государства, что будет строго соблюдать верность заключённому пакту.

Вот ведь тоже блестящий образец дорвавшегося до власти германского пролетария, для которого честь и совесть — нечто свойственное Дон Кихоту и тому же Чудаку — императору Вильгельму II, считавшему необходимым объявить войну России в 1914 году.

И на сей раз не веривший ни родным, ни близким, ни

соратникам наш вождь поверил такому, как сам.

Верил, стараясь всяко ублажать продовольствием и сырьём до последнего часа вероломного нападения.

Верил, пренебрегая донесениями, не только дезориентируя командующих войсками приграничных военных округов, но и запрещая приказами реагировать на провокации со стороны противостоящих сил на протяжении всей границы.

Русские победили. Победили потому, что война была священной, оборонительной, а не захватнической. И чем больше зверствовали фашисты, тем крепче становился боевой дух наших бойцов, поднявшихся на защиту Отечества. А правящие и в таких случаях солдатам бывают безразличны, как и солдаты для правителей, в которых последние видят «пушечное мясо».

Я уже писала, что Сталин располагал обширной информацией зарубежных разведывательных служб. Но поскольку не сомневался в своей гениальности и прозорливости, то пренебрёг ими.

Гитлер же, видимо, верил и не сомневался в достоверности донесений агентов своих разведслужб.

Теперь, много лет спустя после окончания Второй мировой войны, из документов, извлечённых из архивов вермахта, стало известно, что в Генштаб вооружённых сил Германии даже в начале июня 1941-го поступала свежая информация из Союза, как, например, о том, что «проект советского Генерального штаба ответить на сосредоточение немецких войск соответствующим контрсосредоточением сил Красной армии Сталиным отклонён».

Об этом проекте, представляющем собой строжайшую государственную тайну, могли знать нарком обороны, начальник Генштаба, Сталин, Берия и, конечно же, вы, Николай Алексеевич, — советник, от которого Сталин ничего не таил. Если исключить Сталина, Ворошилова и Жукова, то от кого из двух остальных могла просочиться столь значительная информация в Генштаб врага?

Ведь в течение тридцатых годов все без исключения работники посольства, торговых, военных представительств и даже просто побывавшие в Германии по разовым поручениям люди были схвачены, обвинены в шпионаже и расстреляны. Значит, контакт высокопоставленного двурушника должен был быть непосредственный.

Позволю себе ещё одно цитирование. Обращусь к воспоминаниям маршала А.М. Василевского, работавшего в должности начальника Генерального штаба с 15 октября 1941 года: «Вот говорят, что без тридцать седьмого года не было бы поражений сорок первого, а я скажу больше. Без тридцать

седьмого года, возможно, и *не было бы вообще войны в сорок первом году*. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени *разгрома военных кадров*, который у нас произошёл. Да что говорить, когда в тридцать девятом году мне пришлось быть в комиссии во время передачи Ленинградского военного округа от Хозина Мерецкову, был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы».

И далее: «В сорок первом году Сталин хорошо знал, что армия не готова к войне, и всеми правдами и неправдами стремился оттянуть войну. Он пытался это делать и до финской войны, которая в ещё большей степени открыла ему глаза на

нашу неподготовленность к войне. Сначала он пытался договориться с западными державами. К тому времени, когда уже стало ясно, что они всерьёз договариваться с нами не желают, стали прощупывать почву немцы. В результате чего и был заключён тот пакт с Гитлером, при помощи которого он обвёл нас вокруг пальца».

Как известно, концентрацией всех родов войск у наших границ Гитлер начал заниматься с первого дня захвата Польши.

Кому же, как не вам, Николай Алексеевич, следовало объяснить невежественному в военном деле генсеку, что для переброски, переформирования, перевооружения, то есть приведения в готовность номер один, согласно данным наших военспецов, потребовалось бы не менее месяца.

А у нас, благодаря генсеку, для подготовки и отражения нападения не оказалось ни минуты.

А потому ответственность за миллионы первых жертв должен был нести Сталин.

Вот ещё несколько строк из интервью с маршалом Василевским: «Сталин, как я уже сказал, любыми средствами, всеми правдами и неправдами старался оттянуть войну. И хотя мы располагали обширными сведениями о сосредоточении крупных контингентов германских войск в непосредственной близости от наших границ уже начиная с февраля сорок первого года, он отвечал категорическим отказом на все предложения о приведении наших войск где-то, в каких-то пограничных районах в боевую готовность. На всё у него был один и тот же ответ: «Не занимайтесь провокациями» или «Не поддавайтесь на провокацию». Он считал, что немцы могут воспользоваться любыми сведениями о приведении наших войск в боевую готовность для того, чтобы начать войну. А в то, что они могут начать войну без всяких поводов с нашей стороны, при наличии пакта, до самого конца не верил. Больше того, он гневно одёргивал людей, вносивших предложения об обеспечении боевой готовности в приграничных районах, видимо, считая, что и наши военные способны своими действиями спровоцировать войну с немцами».

А вот на этой фразе я хотела бы и закончить цитирование: «У меня лично *вызывает удивление и то, что он объявил себя генералиссимусом и стал носить маршальскую форму*. Тем более это было странно, что к его полувоенному облику давно привык весь мир и этот облик, известный всем, вполне вязался с войной. В звании и форме было что-то мелочное, шедшее откуда-то из молодости, с тех времён, когда он был маленьким по общественному положению человеком — наблюдателем

тифлисской метеостанции. Как-то странно сочетать положение вождя партии со званием генералиссимуса, с желанием носить маршальскую форму с брюками, на которых красные лампасы — одна из самых одиозных примет царского времени. Мне невольно вспоминается снимок тех ранних лет — знаете, тот, с шеей, замотанной кашне, и по контрасту с этим снимком торчащая из-под стола нога в шевровом, хорошо начищенном ботинке и брючина с красным лампасом и штрипкой».

У маршала Георгия Жукова ещё жёстче: «В конце войны в нём как отрицательная черта заметна стала некоторая ревность, стало чаще и яснее чувствоваться, что ему хочется, чтобы все победы и успехи были связаны с ним, и что он ревнует к высоким оценкам тех или иных действий тех или иных командующих. Я, например, остро почувствовал это на параде Победы, когда там меня приветствовали и кричали мне «ура», — ему это не понравилось; я видел, как он стоит и у него ходят желваки».

Я хочу подчеркнуть, что правда о войне, её вершителях, сказанная тогда, когда её не так-то просто было говорить, имеет в глазах читателей дополнительную нравственную ценность.

Таковы и наши маршалы — Жуков, Конев, Василевский, — которых я цитировала.

Стремление в меру своих сил сказать правду о войне всегда владело ими. Далеко не всё можно было сказать по обстоятельствам того времени. Но в их мемуарах об одних и тех

же обстоятельствах и разные взгляды на ход исторических событий, и разная мера мужества в их изображении.

В идеологии того времени были сильны ещё настроения, порождённые предыдущим периодом, когда в обстановке репрессий 1937–1938 годов заикнуться о силе противника или о нашей недостаточной готовности к большой войне значило совершить политическое самоубийство.

И всё-таки, считает Константин Симонов, и я с ним согласна, — мы знаем это по многим перекрещивающимся между собой мемуарам, — находились люди, старавшиеся хоть в какой-то мере довести до сознания Сталина истинное положение вещей и, ежечасно рискуя головой, принять хотя бы частичные меры для того, чтобы не оказаться перед фактом полной внезапности войны.

Быть может, и на вашей совести, Николай Алексеевич, слишком много грехов, коли вы до конца своих дней пожелали остаться безымянным. Видимо, сознавали, что предательство, измена, двурушничество и клевета свойственны слабым духом и бедным умом.

Считаю небезынтересным и следующий факт.

В начале Гражданской войны Лениным было вынесено постановление, согласно которому люди, выдвигаемые на руководящие и ответственные работы в советско-партийные органы, комиссариаты, штабы фронтов и прочие ведомства, должны отбираться по знаниям, деловым качествам и способностям.

Выдвигаемые в центре и на местах обязательно должны, согласно биографическим данным и рекомендации предлагаемых, утверждаться руководством страны и органами, ведающими кадрами.

Сталин, который всю жизнь пренебрегал государственными, общественными и нравственными законами, будучи членом Реввоенсовета Царицынского фронта, ввёл в состав штаба означенного фронта неведомо откуда появившегося пленного офицера царской службы.

За это самочинное действие он, как член Реввоенсовета Царицынского фронта, и был вызван в Москву и получил выговор с предупреждением от Ленина.

Не берусь утверждать, но сдаётся мне, что вы, Николай Алексеевич, есть тот самый человек. Не вы ли были изображены третьим на одном из фотоснимков Сталина с Ворошиловым? Личность его не была установлена (фотография опубликована в каком-то журнале). Не вы ли офицер Сытин? На эту фамилию я

обратила внимание случайно, читая биографический очерк Льва Никулина «Тухачевский», где сказано: «Сталин был отозван с Царицынского фронта *из-за назначения беспартийного пленного специалиста Сытина».*

Если моё предположение ошибочно, считаю своим долгом принести извинение советнику вождя, изображённому на обложке «Роман-газеты» безликим (без головы), рядом с сидящим Сталиным.

Возможно, что у читателя, ознакомившегося с моим диалогом с тайным советником вождя, возникнет вопрос: откуда брались сведения, касающиеся детства, юности и жизни вождя, ставшего главой Советского государства?

Как было отмечено, судьбе было угодно свести меня в юности со старым греком, где-то в 1937–1938 годах бежавшим из Гори.

Вторым моим просветителем был человек, относившийся ко мне как к дочери, — это старый большевик, соратник и близкий друг Серго Орджоникидзе — Саид Габиев.

И, наконец, третьим источником, из которого я почерпнула многое из того, что было сказано, — это моя работа в течение 35 лет в Кисловодском санатории «Десять лет Октября», подведомственном Управлению делами ЦК КПСС, начиная с 1949 года — от Сталина по 1986 год, то есть до Горбачёва.

Специфика работы лечащего врача способствует сближению с больными, тем более с приезжающими на лечение повторно. В особенности они становятся откровенными при перемещениях, понижениях в должности либо вовсе при освобождении от партийной работы.

Кому, как не лечащему врачу, да ещё давно знакомому, живущему в провинции, излить накопившееся на душе?

Несмотря на беспартийность, независимый характер, некоторую резкость и излишнюю прямоту, отношения с больными у меня всегда складывались дружеские, порождённые искренним вниманием и заботой, невзирая на занимаемую должность больного.

И если быть откровенной до конца, я никогда не испытывала и не испытываю сегодня чувства неприязни к основной массе партийных работников, хотя среди них был какой-то процент тех, кого сегодня называют партократами и обвиняют во всех грехах, к которым большинство из них не имело никакого отношения.

А прохвосты всегда были и есть вокруг нас, в гораздо большем количестве, чем в партийном аппарате.

За долгие годы работы в гуще авангардного отряда строителей нового общества я разделяла их на три категории, соответственно периодам со значительными переменами и

историческими событиями.

Первый период: годы торжества сталинщины — рядовые партийные работники суровые, немногословные, замкнутые и подчёркнуто официальные со всеми окружающими. Представители высших инстанций имели нечто сходное с кардиналами иезуитских монастырей, окружённых, вернее, охраняемых бессловесными послушниками.

Ко второй категории можно отнести партийных работников времён от Хрущёва до Горбачёва. В этот период аппарат ЦК и партийные органы разных республик укомплектовывались людьми, прошедшими фронт, начиная от генералов и кончая боевыми офицерами, многие из которых после демобилизации обучались в Высшей партийной школе или Академии общественных наук.

Эта категория партийных работников в своём большинстве была наилучшей по всем человеческим, гражданским и партийным качествам, если так можно выразиться. Возможно, что на их сознание, души и сердца как-то повлияла невиданная по своей жестокости, тяжести и лишениям Отечественная война со зверствами фашистов.

Повторяю, большинство из них были люди простые, приветливые, скромные, отзывчивые и очень внимательные к простым смертным, начиная с сотрудников аппарата ЦК и кончая сотрудниками периферийных партийных организаций.

Конечно, где-то в самых верхах, возможно, были грешники. Но их прегрешения порождала не в меру старательная обслуга — своим раболепием, угодничеством и приторной лестью, сохранившимися со времён Сталина.

О них много было сказано в начале перестройки, говорят и теперь, после развала СССР, потому что деяния стоящего высоко оказываются на виду у всех, а то большее и худшее, творимое простыми смертными, теряется в гуще, копошащейся внизу.

И, наконец, к третьей категории, или разряду партийных работников, относится масса молодых, не пришедших, а прорвавшихся к власти с первых дней начатых Горбачёвым реформ в нашем государстве.

Именно из этих молодых да ранних, бескультурных и хамоватых за короткое время сложился конгломерат партократов.

Большинство из них, невежественные дилетанты, могли позволять себе поучать учёных, требуя при этом от подчинённых специалистов стоять перед ними по стойке «смирно» и, изобразив глупое выражение лица, повторять: «Бу сделано!» Эти последние молодые перевёртыши тоже повинны в распаде мозга страны, приведшем к развалу государства, относившегося к числу

великих держав.

Реформы в стране с утверждением истинных свобод и демократических начал нужно было проводить не революционным, а эволюционным путём, позволяющим количественным накоплениям постепенно перейти в новое качество, говоря языком философов-марксистов. Но это между прочим.

И ещё один уникальный штрих к биографии вождя. Долгие годы ходили слухи, что генералиссимус имел двойника, да не одного, а четверых. Коба боялся покушения! Но кто они были, в каких случаях заменяли вождя — тщательно скрывалось.

Долгие годы все разговоры оставались в области догадок и легенд. И вдруг в Москве узнаю, что реальный двойник живёт в столице, народный артист СССР, мало того — мой земляк, из высокогорного аула Дагестана Кази-Кумух. Но ни родственникам, ни жене Феликс Дадаев ни разу не обмолвился о своей тайной и очень опасной роли.

Молчал, чтобы сохранить себе и им жизнь. О его существовании знали только несколько сотрудников спецслужб.

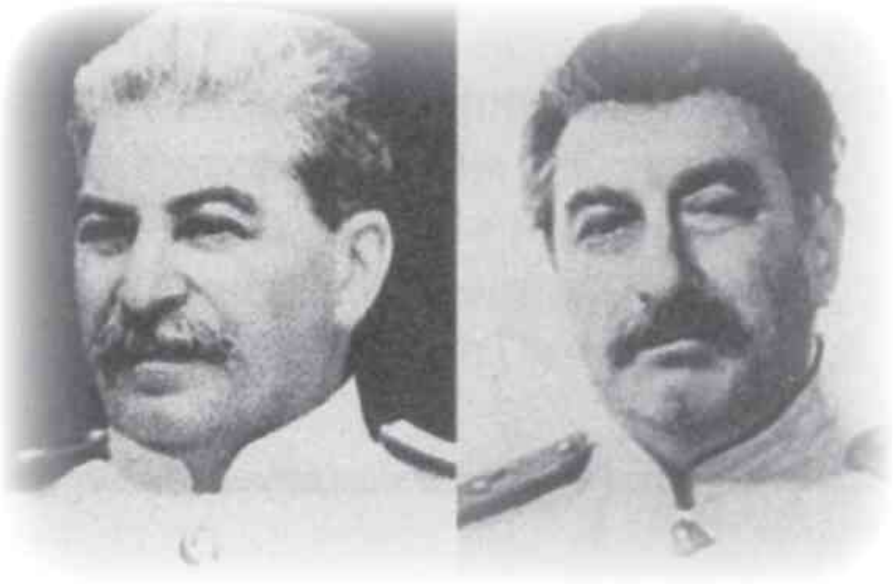
Артист в течение длительного времени снимался в кинохронике как… двойник Сталина. Делалось это, разумеется, с ведома самого Иосифа Виссарионовича.

Готовили Дадаева несколько месяцев, часами крутили киноплёнку, заставляя повторять мимику, копировать движения, запоминать интонации голоса.

Делали фотопробы, искали точное сходство.

Обладая удивительным внешним сходством с вождём, Дадаев читал доклады, подражая его голосу, и добился-таки абсолютного сходства в поведении и имитации голоса. Специально для него одежду не шили, двойник пользовался гардеробом вождя.

Берия лично участвовал в его подготовке и однажды Феликсу Гаджиевичу поручил отыграть «отлёт» главы государства в Тегеран на встречу тройки лидеров. Организовал два рейса — один отвлекающий. Дадаев в образе Сталина в назначенное время сел в автомобиль и вместе с охраной отправился на аэродром. Всё делалось для того, чтобы привлечь внимание иностранной разведки. А настоящий Сталин уже был в Тегеране.



Сразу после войны, стоя вместо Сталина на мавзолее, Дадаев принимал парад физкультурников. А все думали, что на трибуне стоит и приветливо машет рукой настоящий вождь. Тот парад отсняли на киноплёнку, его и в наши дни часто крутят по телевизору.

Под прицелом объективов кино- и фотокамер у двойника ни разу не дрогнул ни один мускул, его не выдал ни один неверный жест, не сдали нервы.

Позже ему стали доверять более сложные задания: читать за вождя доклады и даже общаться с разными делегациями. Риск был огромный, не меньше — страх у всех причастных к этим авантюрам.

«Дрожали все, — вспоминает Феликс Дадаев, — даже на самом высоком уровне чувствовалась непривычная дрожь. Что касается меня, то я был строжайше предупреждён сотрудниками органов госбезопасности, они меня инструктировали, вели личные беседы. Все «режиссёры» нажимали на мой гражданский долг. Главное, говорили они, постараться провести первую пробную встречу с членами правительства. Я должен больше молчать, быть как бы не в настроении. Но если вдруг доведётся что-то сказать, говорить коротко и, конечно, голосом Иосифа Виссарионовича. Кого запомнил? Власика, Хрусталёва, Соловьёва…»

Когда его представили Поскрёбышеву, то удивление и лёгкое замешательство сразу выдали его состояние.

А генерал Власик вообще оторопел, развёл руками и

одобрительно покачал головой. Внимательно осмотрел двойника с ног до головы: от кителя до нависших на голенища брюк, обратил внимание на зубы (Сталин много курил, Дадаев — нет, поэтому ему желтили зубы), провёл ладонью по наклеенным седым вискам, даже всмотрелся в следы от оспы, вкрапленные в щёки.

Как всё прошло? На мой немой вопрос земляк ответил: «Твёрдым шагом я вышел навстречу к уже стоящей у дверей группе членов правительства. Все сразу подтянулись перед привычным, знакомым жестом поднятой руки. Шёл чуть впереди и по взгляду идущего сбоку Молотова понял: всё в порядке, никаких сомнений и подозрений. Парад прошёл успешно!»

Судьбы других двойников неизвестны. Да и выжили ли они в то кошмарное время?

Повторюсь: все эти рискованные спектакли ставили смелые режиссёры из всех страшнейших комитетов и были строжайше засекречены.

В заключение же остаётся просить прощения у тех, кого ненароком я задела в своей полемике с тайным советником вождя.

Классический диалог, как и спор с глазу на глаз, не обходится без проявления эмоций.

Также прошу извинить за неточные и, возможно, ошибочные высказывания, касающиеся политических, исторических, военных и прочих вопросов, учтя, что при недостаточности познаний я старалась быть объективной, а главное — не допускать выдумок и отсебятины.

Тема не исчерпана, кто-то, быть может, напишет лучше, убедительнее, обходя острые углы.

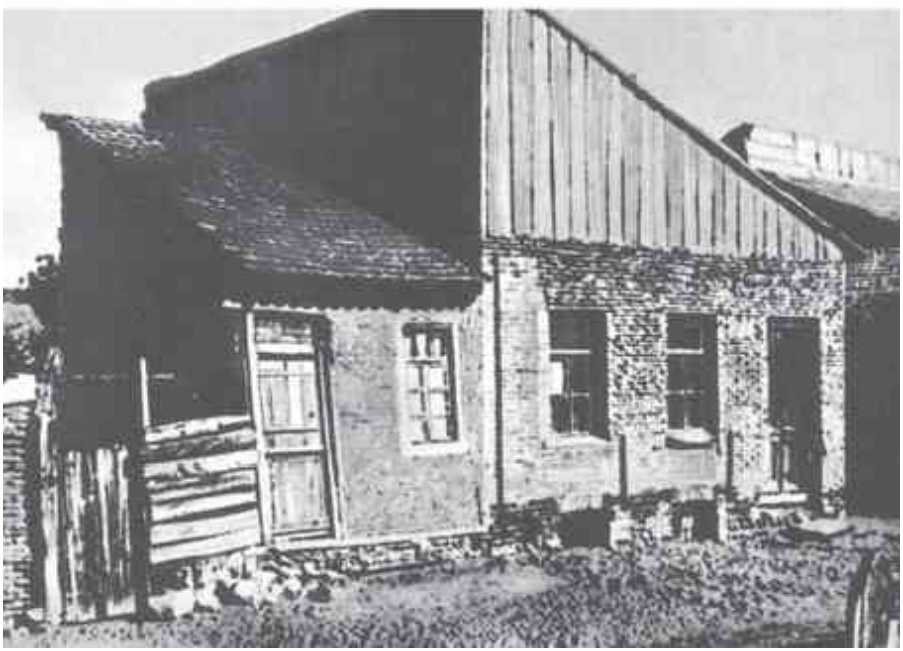
Иллюстрации

Иосиф Сталин.
20-е гг.

Отец – Виссарион Джугаев

Мать И. Сталина –
Екатерина Георгиевна
(в девичестве Геладзе)

Дом в Гори, где родился И. Сталин

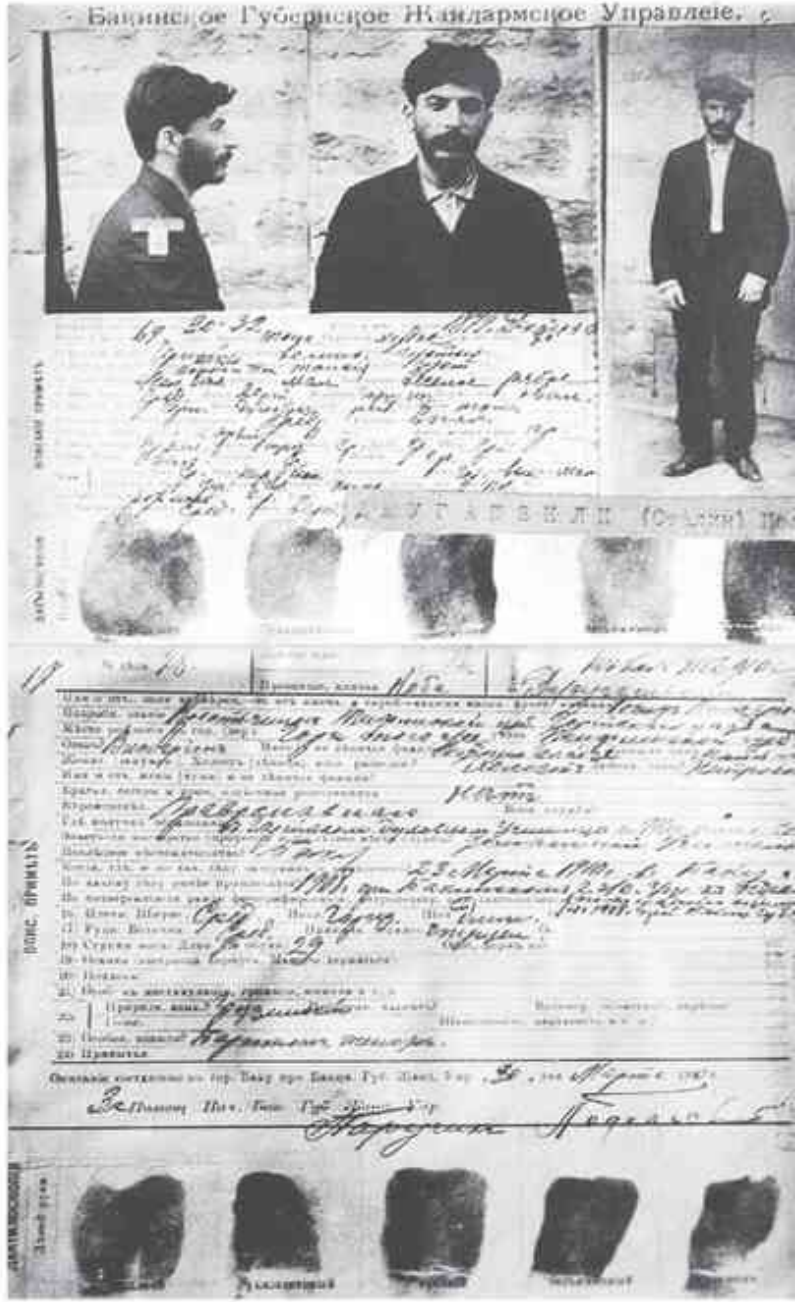


Иосиф Джугашвили – выпускник Горийского духовного училища. 1894 г.

Сосо Джугашвили среди одноклассников (в 1-м ряду сверху 4-й слева)

Иосиф Джугашвили (Коба)
1912 г.

Снимки
из уголовного дела
И. Джугашвили


Бакинское Губернское Жандармское Управление.

С. Камо в кандалах.
Тифлис, 1909 г.

С. Камо

И. Сталин

И. В. Сталин
и К. Е. Ворошилов

С. М. Будённый

5 декабря 1934 г. урну с прахом покойного С.М. Кирова несли главные люди страны: К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, В.М. Молотов, М.И. Калинин

С.М. Киров на Беломоро-Балтийском канале. 1933 г.

Леонид Николаев, убийца Кирова

Мариам
Ибрагимова

Командный состав
Дагестанского
конного полка

Революционер Джавадхан Чанхиев, один из героев повести «Звенел булат»

Махачкала.
Участники революционных движений 1905 – 1917 гг.

Слева – командир роты Иван Соколов.
Справа – Джалал Кормасов

Участники Гражданской войны

Антон Деникин

Гасан Нахибашев

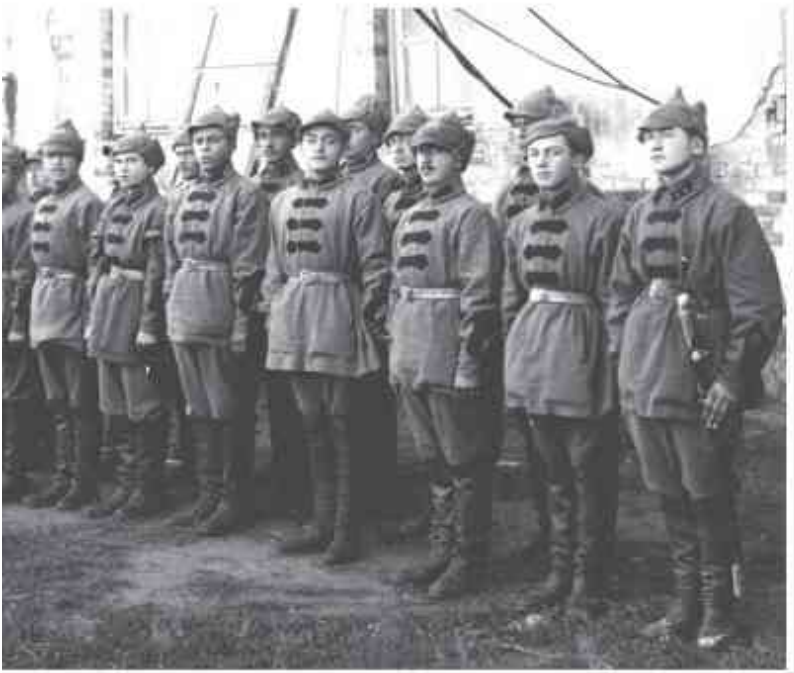
Миразбек Ахундов

Дагестанский полк. Командир В. Ляхов

Алибек Тахо-Годи

Салар Имамалиев

Ганали Габиев



Курди Закуев

Умар Алиев

Порт-Петровск. Встреча бойцов Красной армии 30 марта 1920 г.

Дж. Омаров,
расстрелян в январе 1921 г.

Абдулкадыр Кибичев,
кадровый офицер Действующей армии; с осени 1917 г. –
командующий 63-м пехотным Углицким полком; за боевые
отличия награждён Георгиевскими крестами III и IV степеней,
мечами и бантом к ордену Св. Станислава

На огневом складе

Махачкала.
Памятник борцам
за власть Советов

Мариам
Ибрагимова

Участники революции 1905 г.

Дух воинского братства отличал офицеров Дикой дивизии

Шангули Сулейманов – полный георгиевский кавалер, всадник Дагестанского конного полка

Абу Муслим Атаев – командир партизанского отряда, влившегося в Дагестанский конный полк. В начале 20-х – народный комиссар внутренних дел

Кайтмас Алиханов – полковник, полный георгиевский кавалер. Аварец, род которого, присягнув однажды в верности престолу, до конца сражался за Россию

Дагестанцы воевали и в далёком Харбине

Штаб имама и шариатского блока:
* Нажмутдин Гоцинский;
** Узун-Хаджи;
*** генерал М. Халилов

Нажмутдин Гоцинский –
последний, пятый имам Дагестана
и Чечни (1920–1921 гг.).
Возглавлял повстанческое движение
народов Дагестана,
после роспуска Горской республики
перешёл в оппозицию

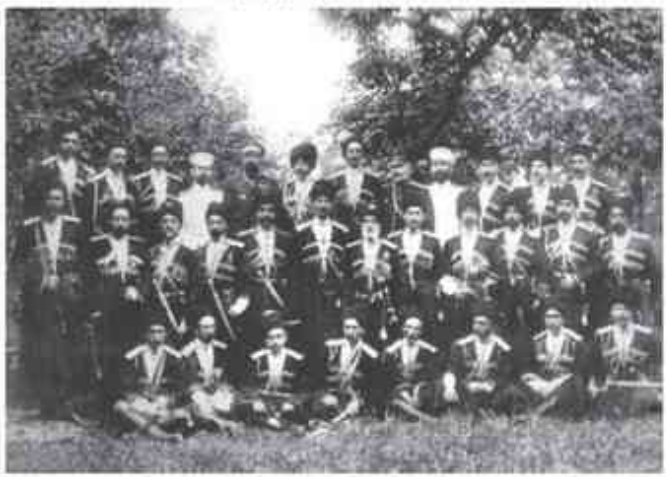
Узун-Хаджи –
глава мусульман
Северного Кавказа

Полковник Магомед
Джафаров –
видный участник
общественно-
политических событий
в Дагестане
в 1917–1921 гг.

Иван Соколов – красный командир

Башир Далгат проводил в жизнь демократические идеи Союза горцев Кавказа

Офицеры Дагестанского конного полка. 1907 г.



Вагон английской миссии в Порт-Петровске

Лазарь Бичерахов

Султан-Гирей Клыч – командир Черкесского конного полка

Али-Кылыч Хасаев – выдающийся борец, обладатель золотого пояса. Одержал победы над сильнейшими борцами Ирана, Турции, Франции. Один из героев романа «Звенел булат»

Памятник в Кизляре

Примечания

1

По данным Минздрава РФ, две трети учащихся школ не полностью здоровы, 20 процентов страдают хроническими заболеваниями. Абсолютно здоровы только 10 процентов школьников.